

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ЭКОНОМИКА

Tomsk State University Journal of Economics

Научный журнал

2022

№ 59

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–29495 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44047 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Экономика»*

А.В. Ложникова (Томск, Россия) –
главный редактор, ответственный секретарь
Р.А. Эльмурзаева (Томск, Россия) –
заместитель главного редактора
Н.В. Додонова (Томск, Россия) –
секретарь редакции
Д.М. Хлопцов (Томск, Россия)
Е.В. Нехода (Томск, Россия)
А.А. Земцов (Томск, Россия)
Н.И. Кичко (Томск, Россия)
И.В. Муравьев (Томск, Россия)
Т.В. Счастная (Томск, Россия)
Е.А. Пчелинцев (Томск, Россия)
М.А. Сорокин (Томск, Россия)
А.Л. Богданов (Томск, Россия)

*Editorial Board
of Tomsk State University
Journal of Economics*

A.V. Lozhnikova (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief, Executive Editor
R.A. Elmurzaeva (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
N.V. Dodonova (Tomsk, Russia) –
Editorial Secretary
D.M. Khloptsov (Tomsk, Russia)
E.V. Nekhoda (Tomsk, Russia)
A.A. Zemtsov (Tomsk, Russia)
N.I. Kichko (Tomsk, Russia)
I.V. Muravyov (Tomsk, Russia)
T.V. Schastnaya (Tomsk, Russia)
E.A. Pchelintsev (Tomsk, Russia)
M.A. Sorokin (Tomsk, Russia)
A.L. Bogdanov (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Экономика»*

М.А. Боровская (Москва, Россия)
В.В. Вольчик (Ростов-на-Дону, Россия)
М.И. Зверьяков (Одесса, Украина)
В.Н. Шимов (Минск, Беларусь)
С.Ф. Серегина (Москва, Россия)
Ф. Хуберт (Берлин, Германия)
Э. Дрансфельд (Дортмунд, Германия)
С.В. Чернявский (Москва, Россия)
И.К. Шевченко (Ростов-на-Дону, Россия)
Роберто Бруни (Кассино, Италия)
С.А. Жиронкин (Томск, Красноярск,
Кемерово, Россия)
И.В. Розмаинский (Санкт-Петербург,
Россия)
С.Г. Кирдина-Чэндлер (Москва, Россия)
В.А. Крюков (Новосибирск, Россия)
С.Н. Левин (Москва, Россия)

*Editorial Council
of Tomsk State University
Journal of Economics*

M.A. Borovskaya (Moscow, Russia)
V.V. Volchik (Rostov-on-Don, Russia)
M.I. Zveryakov (Odessa, Ukraine)
V.N. Shimov (Minsk, Belarus)
S.F. Seregina (Moscow, Russia)
F. Hubert (Berlin, Germany)
E. Dransfeld (Dortmund, Germany)
S.V. Chernyavskiy (Moscow, Russia)
I.K. Shevchenko (Rostov-on-Don, Russia)
R. Bruni (Cassino, Italy)
S.A. Zhironkin (Tomsk, Krasnoyarsk,
Kemerovo, Russia)
I.V. Rozmainsky (Saint Petersburg,
Russia)
S.G. Kirdina-Chandler (Moscow, Russia)
V.A. Kryukov (Novosibirsk, Russia)
S.N. Levin (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Каз М.С., Телегина Н.А., Добрусина М.Е. Памяти Владимира Антоновича Гаги	7
Земцов А.А. Он такой в единственном роде своем (материалы книги: Латышский сын сибирского народа, или Сказания о Владимире Гаге : книга интервью / сост. А.А. Земцов, С.В. Негруль. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. 580 с.)	12

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Моргунов Е.В., Чернявский С.В., Соломщук А.Н., Фатуллаев С.Т. Анализ потенциала человеческого развития и взаимовлияния ожидаемой продолжительности жизни и плотности населения по регионам России	39
Артемова О.В., Савченко А.Н., Меленькина С.А. Благополучие как мера обеспеченности благами населения	58
Сидоркин Д.В. Инфляция и перераспределение богатства	78
Ревтова Е.Г. Генетическая типология кредита как экономического явления	93
Захматов Д.Ю. Система ESG-координат в методологии оценки стоимости активов	109

МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ

Хлопцов Д.М., Бухаткина М.Р. Сравнительный анализ рынка земли макрорегиона Сибирь	127
Бышев В.И., Пантелеева И.А., Усков Д.И. Региональный взгляд на проблемы развития сферы науки и инноваций	137

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Ложникова А.В. Славянская община вне формаций	158
Осокина Н.В., Жернов Е.Е. Западный и восточноазиатский пути развития экономики в концепции Дж. Арриги: перспективы XXI в.	180

ЭКОНОМИКА ТРУДА

Миляева Л.Г. Методический инструментарий количественного анализа сдвигов в профессионально-квалификационной структуре персонала предприятий	198
--	-----

ФИНАНСЫ

Теньковская Л.И. Прогноз валютной пары USD/RUB в краткосрочном периоде	212
Майбуров И.А., Лабунец Ю.Е. Влияние уклонения от уплаты налогов предприятиями лесопромышленного комплекса на развитие их имущественного и технического потенциала	231
Земцов Т.А., Сорокин М.А. Оценка эффективности внутреннего контроля в риск-ориентированных проверках	248
Булавчук А.М., Семенова Д.В. Календарное планирование инвестиционных проектов в условиях ограниченности ресурсов и неопределённости	261
Качалов Р.М., Кудрявцева О.В., Чернявский С.В., Альчикова Л.Т. Оценка влияния «углеродного» риска на российскую финансовую систему	275

МЕНЕДЖМЕНТ

Зонова О.В., Шевелева О.Б. Корпоративная социальная ответственность: сравнительный анализ методических подходов	290
Яшалова Н.Н., Рубан Д.А. Проблемы и перспективы управления развитием лесного туризма в Российской Федерации	304

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Liu Yali. The current development of audit market in China	319
Гречишкина Е.А., Самоховец М.П. Особенности формирования налоговых доходов стран – членов ЕАЭС	329
Саринова А.Ж. Сравнительный анализ реализации различных форм собственности в национальных экономиках России и Казахстана	342

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Облаухова М.В. Угрозы экономической безопасности личности: субъективный взгляд (с послесловием А.А. Земцова)	358
Памяти Дмитрия Анатольевича Катунина	382

CONTENTS

Kaz M.S., Telegina N.A., Dobrusina M.E. In memory of Vladimir A. Gaga	7
Zemtsov A.A. He is one of a kind (materials of the book: Zemtsov, A.A. & Negrul, S.V. (2015) <i>Latyshskiy syn sibirskogo naroda, ili Skazaniya o Vladimire Gage : kniga interv'yu</i> [The Latvian son of the Siberian people, or the Tales of Vladimir Gaga: A book of interviews]. Tomsk: Tomsk State University)	12

ECONOMIC THEORY, METHODOLOGY AND POLICY

Morgunov E.V., Chernyavskiy S.V., Solomshchuk A.N., Fatullaev S.T. Analysis of the potential of human development and the mutual influence of life expectancy and population density by regions of Russia	39
Artemova O.V., Savchenko A.N., Melen'kina S.A. Well-being as a measure of the sufficiency of benefits for the population (A regional aspect)	58
Sidorkin D.V. Inflation and wealth redistribution	78
Revtova E.G. Genetic typology of credit as an economic phenomenon	93
Zakhmatov D.Yu. The ESG coordinate system in the methodology of asset valuation	109

SIBERIA MACRO-REGION

Khloptsov D.M., Bukhatkina M.R. Comparative analysis of the land parcels market of Siberian regions	127
Byyshev V.I., Panteleva I.A., Uskov D.I. Problems of the development of science and innovation. A regional view	137

ECONOMIC HISTORY

Lozhnikova A.V. The Slavic community: Beyond formations	158
Osokina N.V., Zhernov E.E. Western and East Asian paths of economic development in Giovanni Arrighi's conception: Prospects in the 21st century	180

LABOUR ECONOMICS

Milyaeva L.G. Methodological tools for quantitative analysis of shifts in the occupational skill structure of enterprise personnel	198
---	-----

FINANCE

Tenkovskaya L.I. Forecast of the USD/RUB currency pair in the short term	212
Maybuurov I.A., Labunets Iu.E. The impact of tax evasion in tax behavior of forestry complex enterprises on the development of their property and technical potential	231
Zemtsov T.A., Sorokin M.A. Evaluation of the effectiveness of internal control in risk-oriented audits by internal audit units	248
Bulavchuk A.M., Semenova D.V. Resource-constrained project scheduling problem under uncertainty of cash flows	261
Kachalov R.M., Kudryavtseva O.V., Chernyavskiy S.V., Alchikova L.T. Assessment of the influence of carbon risk on the Russian financial system	275

MANAGEMENT

Zonova O.V., Sheveleva O.B. Corporate social responsibility: A comparative analysis of methodological approaches	290
Yashalova N.N., Ruban D.A. Forest tourism development management in the Russian Federation: Problems and prospects	304

WORLD ECONOMY

Liu Yali. The current development of audit market in China	319
Grechishkina E.A., Samokhovets M.P. Features of the formation of tax revenues of the EAEU member states	329
Sarinova A.Zh. Comparative analysis of the implementation of forms of property in Russia and Kazakhstan	342

DISCUSSIONS

Oblaukhova M.V. Threats to the economic security of an individual: A subjective view (with afterword by Anatoly Zemtsov)	358
In memory of Dmitry A. Katunin	382

Памяти Владимира Антоновича Гаги

doi: 10.17223/19988648/59/1

Слово об учителе и друге

Смерть и Время царят на земле,
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Владимир Соловьев

Нет с нами прекрасного человека, друга, учителя, наставника. Нет Владимира Антоновича Гаги. Нет на кафедре, которую он создавал и пестовал многие годы. Нет в библиотеке университета, которую он так любил посещать и работать. Нет его имени в расписании занятий, хотя он их проводил до самого последнего времени. Нет в банке, который он создал и возглавлял многие годы. Ему невозможно дозвониться, хотя всегда, когда бы тебе ни потребовалось, он отвечал на звонок и принимал самое деятельное участие в решении проблем университета, кафедры или твоих личных.

Но есть дело, которому он служил, есть его ученики, его школа, его семья, дети, внуки и правнуки. Есть жизнь, которую он так любил. Прощай дорогой учитель, товарищ, друг, наставник. Ты ушел, но останешься с нами навсегда в наших делах, мыслях, в нашей судьбе...

«Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу», – гласит известное высказывание. Родившись в многодетной крестьянской семье, Владимир Антонович начав с должности инженера-экономиста завода «Сибэлектромотор», стал начальником отдела организации труда и заработной платы этого же предприятия, а затем кандидатом и доктором наук. Но любовь к простым людям, деятельное участие в их судьбе, народное понимание «правды жизни» сохранились в нем на всю жизнь. Неслучайно в трудных ситуациях он любил повторять: «Сей хлеб, паши землю, и ты будешь всегда прав». А его подчиненные в разных организациях, которыми он руководил, всегда говорили так (я слышал это не раз и сам, будучи много лет его сотрудником, готов полностью подтвердить): «Вот человек. Сам живет и дает жить другим».

Владимир Антонович был яркой, творческой, самобытной личностью с огромным человеческим обаянием, прирожденным лидером и прекрасным руководителем. Он как никто имел не только формальное, но и моральное право возглавлять кафедру «Менеджмента», так как каждый день своими повседневными делами и поступками иллюстрировал искусство управления. Нет, даже не искусство, а что-то более высокое. Это невозможно повторить, а можно только этим восхищаться. А он в ответ на восторженные слова скромно замечал: «Я ничего не делаю для успехов коллектива. Вы сами этого всего добились. Я просто вам не мешал».

Я помню его «именное место» в первом ряду столов, слева от входа в профессорский читальный зал Научной библиотеки. Место научной работы и творческого общения. С утра, раньше всех появившись на кафедре, он решал текущие производственные задачи, а затем говорил секретарю: «Я в библиотеку». Эта любовь к знанию, поискам нового, нестандартному взгляду на привычные вещи у него сохранилась на всю жизнь. Став директором Высшей школы бизнеса в трудные для библиотеки годы перестройки он помогал ей в приобретении книг, компьютерной техники. До сих пор в ее фондах хранятся книги со штампом, свидетельствующим об их приобретении Высшей школой бизнеса в дар Научной библиотеке ТГУ.

В начале перестройки, когда рушились все основы прежней жизни, многие были растеряны и смущены, но Владимир Антонович заявил: «Можно бесконечно продолжать жаловаться, что все плохо, а можно действовать». Так под его началом возник кооператив научно-технических нововведений «Надежда» (впоследствии переименованный в «Центр гуманитарных исследований»), а затем, на его основе, Высшая школа бизнеса ТГУ. Среди ее слушателей были руководители целого ряда крупных томских предприятий и органов власти.

Спустя много лет, при встрече они продолжают вспоминать то время и ту роль, которую сыграл Владимир Антонович в их личной судьбе, в понимании новых явлений и процессов, зарождавшихся в это непростое время.

Его жизнь – это служение университету, людям, однажды и навсегда избранной профессии. Оно не может быть вменено никакими регламентами или инструкциями, но всегда неизбежно проистекает из любви человека к тому делу, которым он занимается, той страсти, которая им движет.

*Михаил Семенович Каз,
профессор, доктор экономических наук*

Проработав долгие годы с Владимиром Антоновичем, будучи первым его заместителем, я всегда ощущала его помощь и поддержку. Владимир Антонович был и остается настоящим лидером, который умел и мог сплотить коллектив, зарядить всех нас своей креативностью и энергией. Он был очень сильным человеком, необычайного мужества. Прекрасный лектор, обаятельный собеседник, умеющий находить контакт с любой аудиторией, Владимир Антонович был настоящим пассионарием, посвятившим всю свою жизнь формированию условий для развития экономики страны. Он сформировал эффективно функционирующую кафедру, на которой работали и работают преподаватели, по его инициативе прошедшие подготовку в аспирантурах Ленинграда и Москвы. Владимир Антонович создал ВШБ, аспирантуру и целое научное направление на кафедре, дополнительные формы повышения квалификации специалистов Томской области и в целом Сибири. Примером является созданная при его поддержке Президент-

ская программа. Сотни выпускников, которых он учил, стали знаменитыми и успешными людьми. Гага Владимир Антонович честно служил своему делу, помогал многим людям в решении их проблем. Светлая память о нем останется навсегда!

*Надежда Александровна Телегина,
кандидат экономических наук, доцент*

Слово о В.А. Гаге

Гага Владимир Антонович – известная и сильная личность на экономическом небосклоне города Томска. По характеру Владимир Антонович – умный лидер, способный организовать и повести за собой коллектив.

Он пришел на кафедру организации и планирования промышленных предприятий (ОиППП) экономического факультета ТГУ весной 1971 г., после защиты кандидатской (как тогда говорили СМИ, заводской) диссертации, будучи начальником отдела труда и заработной платы на Томском заводе «Сибэлектромотор». По сути дела, становление и развитие вузовского преподавателя и заведующего кафедрой В.А. Гаги проходило на моих глазах и всех сотрудников кафедры того периода времени. Я с Владимиром Антоновичем начала работать с сентября 1971 г. и до 2019 г. (его отъезд из г. Томска в г. Ригу, Латвия). Поэтому в совместной работе с В.А. Гагой, который с 7 февраля 1973 г. стал заведующим кафедрой ОиППП (с 1994 г. – кафедры системного менеджмента и предпринимательства, с весны 2012 г. – кафедры системного менеджмента и экономики предпринимательства, с 2016 г. – кафедры стратегического менеджмента и маркетинга), хотелось бы выделить несколько важных событий.

Во-первых, приход В.А. Гаги на кафедру ознаменовался активизацией научно-исследовательской работы ее сотрудников, выполнением коллективом хозяйственных работ на промышленных предприятиях г. Томска (ГПЗ-5, ТИЗ и др.), г. Красноярска (ГЭСстрой) и других организациях. Ведущим научным направлением кафедры стали проблемы организации социалистического соревнования. Оно было признано кафедрой экономики и научной организации труда (ЭНОТ) Ленинградского финансово-экономического института им. Н.А. Вознесенского (ЛФЭИ). Это стало очевидным при приеме преподавателей кафедры в очную аспирантуру ЛФЭИ на данную кафедру. Впоследствии Владимир Антонович был прикреплен в докторантуру на кафедру ЭНОТ (научный руководитель профессор Ф.С. Веселков).

Правомерно, что г. Томску было разрешено проведение 27–29 мая 1987 г. Всесоюзной научно-практической конференции «Роль социалистического соревнования в ускорении социально-экономического развития страны». 27 мая 1987 г. на первой полосе областной газеты «Красное знамя» доктором экономических наук В.А. Гагой было дано знаковое интервью.

Во-вторых, в 1985 г. была восстановлена работа специализированного диссертационного совета на экономическом факультете ТГУ и открыта аспирантура по специальности 08.00.07 – научная организация и экономика труда. Это подняло научный авторитет кафедры и явилось основой для формирования томской научной школы по экономике труда. У ее истоков стоят В.А. Гага, М.Е. Добрусина, Б.С. Бурыхин. Я была членом этого диссертационного совета с 1985 по 1991 гг.

В 1987 г. в аспирантуру по экономике труда на нашу кафедру поступила приехавшая из Новосибирска И.Б. Адова. И Владимир Антонович поручил мне научное руководство по ее диссертации. Она успешно защитилась 5 апреля 1990 г. по теме «Социально-экономические аспекты обоснования оценки деятельности рабочих в условиях бригадной организации труда».

В период руководства кафедрой Владимиром Антоновичем «царила» атмосфера четности, гласности, справедливости, уважения и доброжелательности. Владимир Антонович Гага умел слушать и слышать преподавателя и, что особенно важно, разговаривать с ним.

В-третьих, Владимир Антонович поддерживал все начинания и инициативы преподавателей кафедры. Так, в 1997 г. он поддержал мое предложение об открытии образовательного проекта по экономике, организации и управлению медицинских учреждений для медиков, а в 2000 г. – открытие в Высшей школе бизнеса на правах факультета Центра медицинского менеджмента. По приказу ректора я была утверждена директором этого Центра с соответствующими полномочиями.

Завершая свои воспоминания о В.А. Гаге, мне бы хотелось привести слова Владимира Антоновича, которые он написал мне, даря свою работу «Возможности и методы усиления специалистами собственного достоинства»: «Глубокоуважаемой Маргарите Ефимовне! В память о многолетнем сотрудничестве! 29.10.2009».

*Маргарита Ефимовна Добрусина,
кандидат экономических наук, доцент*

doi: 10.17223/19988648/59/2

Он такой в единственном роде своем¹

Анатолий Анатольевич Земцов

Книга сказаний – Сага – уникальна по форме, она состоит из 40 профессионально разработанных и проведенных структурно однородных интервью сотрудников экономического факультета (ЭФ), Высшей школы бизнеса (ВШБ) Томского государственного университета (ТГУ), Томского филиала «Газпромбанка», деловых партнеров нашего Героя. Книга уникальна и по содержанию: она раскрывает учебную, научную, деловую жизнь Владимира Антоновича Гаги, который после тяжелого испытания в молодости смог накопить колоссальный запас знаний (ТГУ) и практического опыта («Сиб-электромотор»), претворить его в эффективно действующие структуры: кафедра организации и планирования производства (системного менеджмента и предпринимательства) – возродитель, Высшая школа бизнеса – организатор и, наконец, Томский филиал «Газпромбанка» – организатор.

Книга предназначена для знающих Героя или слышавших о нем, для изучающих эффективный полиорганизационный менеджмент, для новых героев.

Предисловие

Экономический факультет Томского государственного университета существует уже пятьдесят лет. В семидесятые–восемидесятые годы XX в. закончилась волна творческих командировок в Москву и Ленинград, результатом которой стал довольно большой слой кандидатов наук разных специальностей, в котором был и я, кандидат экономических наук 1980 года «рождения». Стали появляться первые доктора. Постепенно ЭФ становился обычным, нормальным факультетом ТГУ. Но процесс «воспроизводства» научных кадров на разных кафедрах осуществлялся не одинаково, как и управление ими, что всегда интересовало меня (и не только меня, я думаю). В начале–середине девяностых наши эфовские кадры стали осваивать финансовые сферы, устраиваясь в банки (иногда создавая их), аудиторские фирмы, страховые компании, государственные организации. Успехи у всех были разные, и к концу девяностых почти все окончательно вернулись на факультет, кроме команды Владимира Антоновича Гаги, кото-

¹ Эта публикация основана на материалах книги: «Латышский сын сибирского народа, или Сказания о Владимире Гаге». А также на воспоминаниях и рассуждениях автора, который работал на ЭФ с 1969 по 2021 г. (с перерывами). В основном будут воспроизведены фрагменты книги «Предисловие, информация о сказителях», интервью В.А. Гаги и некоторые мои размышления.

рый почти одновременно создал ВШБ и Томский филиал «Газпромбанка». В это же время защитила свою социологическую диссертацию Светлана Негруль, с которой мы достаточно часто обсуждали и ее социалистические методы исследований, и, в частности, содержание и факторы успеха вузовского управления.

Все это, вместе взятое, в какой-то момент времени явилось основной идеи: выявить, рассмотреть причины и сам процесс успеха, спросив об этом В.А. Гагу и его сотрудников, соратников и контрагентов, причем используя в расспросах специально разработанные профессионалом интервью. Эта идея некоторое время обсуждалась авторами и была высказана Герою, который одобрил ее. После этого нами была разработана программа, которая включала составление анкеты, списка интервьюируемых, методике опроса, которую мы назвали «Капитан».

Наши обязанности со Светланой разделились достаточно естественным образом: составив списки (вместе), я договаривался с коллегами (почти все соглашались), потом Светлана проводила встречи и записывала интервью, расшифровывала полученные записи, потом их перепечатывали наши помощницы, затем мы их читали. Все это заняло довольно много времени, а жизнь продолжалась, как всегда, разнообразно и непредсказуемо. На одном из поворотов я почувствовал, что основная идея проекта и ситуация перестали соответствовать друг другу, проект был остановлен.

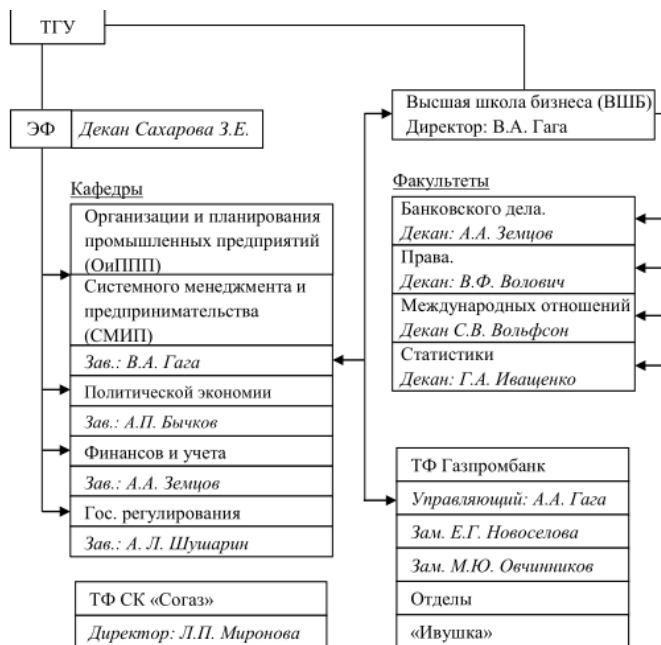
Материалы лежали без движения 10 лет, и летом 2014 г. проект был перезапущен. Многие работают в тех же структурах, многие изменили место работы, место жительства, некоторых уже нет с нами. Текст прошел минимальное редактирование, в основном убраны повторы, длинноты, отнормирована грамматика.

Проект выполнялся нами в инициативном порядке, небольшое вознаграждение получали распечатчики интервью. Книга вышла в своем физическом облике благодаря финансовой поддержке Е.Г. Новоселовой (Газпромбанк) и А.П. Тютешева (Сибирская Аграрная Группа) и работе ИД ТГУ (К.Г. Шилько).

Таким образом, перед вами записи бесед с людьми, которые знали Героя и работали вместе с ним в разных сферах, анализ интервью и их синтез не проводился.

Хочется поблагодарить наш экономический факультет, на котором большинство из участников училось, всех его преподавателей, лаборантов, деканов, заведующих кафедрами, дававших и дающих добротное экономическое образование тем, кто желает его получить, что подтверждается в подавляющей степени успешным переходом выпускников факультета от развитого социализма к специфическому капитализму, а также всех неэкономических участников как из ТГУ, так и из других организаций.

Надеемся, что наша совместная работа позволит читателям познать Героя со многих, очень разных сторон и прожить вместе с участниками захватывающую полифоническую сагу, лучше узнать себя, полюбив нашу прекрасную Сибирь, где все мы оказались во время повествования.

О Владимире Антоновиче Гаге рассказывали...

Гага Владимир Антонович

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой системного менеджмента и предпринимательства (СМиП), ранее ОиППП ЭФ ТГУ; директор Высшей школы бизнеса ТГУ; управляющий Томского филиала «Газпромбанка».

Абрамов Анатолий Петрович

кандидат технических наук, доцент, начальник Государственной налоговой инспекции (ГНИ) по г. Северску.

Акатаев Чингис Маметович

управляющий Томского филиала «Росбанка».

Алексеев Алексей Юрьевич

ТФ «Газпромбанка», начальник отдела.

Бельская Галина Станиславовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры политэкономии ЭФ ТГУ.

Бондаренко Сергей Александрович

управляющий Томского филиала «Внешторгбанка».

Бычков Александр Петрович

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой политэкономии ЭФ ТГУ, председатель диссертационного совета.

Васечко Дмитрий Юрьевич

генеральный директор ЗАО «Сибкабель».

Волович Владимир Федорович

доктор юридических наук, профессор, декан факультета права ВШБ ТГУ, зав. кафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института ТГУ.

Вольфсон Савелий Вольфович

кандидат исторических наук, доцент, декан факультета международных отношений ВШБ ТГУ.

Головчинер Георгий Михайлович

ТФ «Газпромбанка», начальник отдела.

Дерябин Владимир Семенович

доцент кафедры СМиП ЭФ ТГУ.

Добрусина Маргарита Ефимовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры СМиП ЭФ ТГУ.

Евстратов Юрий Иванович

кандидат юридических наук, доцент, ТФ «Газпромбанка», начальник отдела.

Зельвенский Юрий Давыдович

кандидат экономических наук, бизнесмен.

Земцов Анатолий Анатольевич

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой финансов и учета ЭФ ТГУ, декан факультета банковского дела ВШБ ТГУ, директор Томского территориального института профессиональных бухгалтеров (ТИПБ).

Зудилина Людмила Николаевна

заместитель начальника управления Федеральной налоговой службы (ФНС) по Томской области.

Иванилова Татьяна Петровна

ТФ «Газпромбанка», начальник отдела.

Иващенко Галина Алексеевна

кандидат экономических наук, доцент, декан факультета статистики ВШБ.

Ищенко Ирина Анатольевна

управляющий Томского филиала «Сибкакадембанка».

Каз Семен Маркович

доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и учета ЭФ ТГУ.

Миллер Елена Владимировна

кандидат экономических наук, заместитель управляющего ТФ «Газпромбанка».

Миронова Любовь Павловна

старший преподаватель кафедры СМиП, директор Томского филиала СК «Согаз».

Новоселова Елена Георгиевна

кандидат экономических наук, доцент, заместитель управляющего ТФ «Газпромбанка».

Носкова Тамара Ивановна

главный бухгалтер ТФ «Газпромбанка».

Овчинникова Людмила Владимировна

ТФ «Газпромбанка», начальник отдела.

Овчинников Михаил Юрьевич

заместитель управляющего ТФ «Газпромбанка».

Озеров Яков Михайлович

кандидат экономических наук, директор Регионального делового центра.

Резников Леонид Михайлович

директор ТНХК.

Сагайдачная Надежда Константиновна

старший преподаватель кафедры финансов и учета ЭФ ТГУ.

Сахарова Зинаида Егоровна

кандидат экономических наук, доцент, декан ЭФ ТГУ.

Селеннова Наталья Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент, ТФ «Газпромбанка», начальник отдела.

Телегина Надежда Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры СМиП ЭФ ТГУ.

Тюленева Наталия Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и учета ЭФ ТГУ.

Тютешева Наталья Петровна

директор туристического агентства «Тезаурум Трэвел».

Черемисина Светлана Васильевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и учета ЭФ ТГУ.

Штейнбок Михаил Яковлевич

управляющий ТФ «Роспромбанка».

Шушарин Александр Леонидович

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой государственного регулирования национальной экономики ЭФ ТГУ.

Гага Владимир Антонович

И: Владимир Антонович, могли бы Вы рассказать о своей автобиографии, какие периоды жизни Вы считаете наиболее важные для вашего профессионального становления.

В.А.: Я родился в Кемеровской области, поселок Унга. На окрестностях этого места сегодня расположен Кедровский угольный разрез и рядом с тем домом, где я родился, построил дачу Поварич Илья Прохорович. Это декан, сейчас ректор Кемеровского университета. Это я говорю по случайности такой, мы с ними работаем, сотрудничаем, с нашей помощью его супруга докторскую защищала. Затем я закончил семь классов в Кургановской средней школе, недалеко от поселка Унги, там шахта «Южная» была. Поступил в техникум химико-технологический, Кировский район Кемерова, там во время практики случилась авария, и в результате я повредил ногу, ампутировали ее и с тех пор я пользуюсь протезом. Дальше там учиться не было смысла, поскольку это было химическое производство, выпускало специзделия, и сложно было продолжать учебу. Я закончил среднюю школу, поступил в ТГУ. Закончил его с отличием, затем работал на заводе «Сибэлектромотор», в литейном цехе экономистом около года. Там тогда первые системы хозрасчета внедряли, затем меня перевели заместителем начальника отдела труда и заработной платы, я с год проработал, затем перевели начальником ОТиЗ, это уже был 64-й или 65-й год. В 1968 году грянула новая экономическая реформа, или первая экономическая реформа, тогда предприятиям разрешили определенную самостоятельность, предприятия получили ресурсы, их надо было распределять. Мною были разработаны системы оценки персонала, рабочих, связь тринадцатой заработной платы с конечным результатом труда. Системы получили распространение в электротехнической промышленности, на их основе я защитил кандидатскую диссертацию, затем был переведен и работал на кафедре ОиППП, заведовал ею. Тогда надо было подготовить персонал этой кафедры, там работали пожилые люди, были приняты на работу молодые специалисты, они были направлены в аспирантуры столичные, закончили их, стали кандидатами, после кандидатов мы работали по государственным программам, были хоздоговорные темы, они защитили докторские. Встал вопрос об открытии в совете по политэкономии специальности по защите кандидатских и докторских 07 специальности. Поэтому Земцов, Бурыхин у нас уже здесь защищали докторские. Это была одна из самых оснащенных кафедр докторами наук в области конкретной экономики, видимо, в Сибири во всей, нормальная университетская кафедра, где почти половина были доктора экономических наук. Затем началась перестройка, надо было научить новых руководителей, новых менеджеров, это был их запрос, основам новой экономики. Была организована школа менеджеров, там был факультет для высшего управленческого персонала, в принципе руководители крупных предприятий проходили у нас годичную подготовку, они сдали кандидатский минимум в свое время, кто-то из них потом защитил

кандидатские, это Шпетер, генеральный директор Домостроительного комбината, Козловская Оксана Витальевна, Есаулов – это директор Юргинского машзавода. Но для работы на кафедре уже требовались новые знания, мне предложили открыть Томский филиал «Газпромбанка», я этот филиал открыл непосредственно, и вот с того времени работаю на трех должностях, заведу кафедрой, являюсь директором школы бизнеса и управляющим. В общем, все системы сегодня выведены на хороший уровень, и дальше работать надо над их совершенствованием. Ну, школы бизнеса, подобной нашей, в России, видимо, ни в одном университете нет, она масштабная, в ней обучается около 3 тысяч, у нее 8 факультетов, практически все бизнес-специальности присутствуют. Что касается филиала «Газпромбанка», то это тоже один из крупнейших филиалов «Газпромбанка», по разным показателям мы занимаем разные рейтинги, но все они в интервале от первого места до четвертого. По прибыли, например, в прошлом году четвертые были, сегодня, по-моему, нас немножко потеснила Тюмень, мы на пятое отошли, по численности мы первые, по работе с населением, по приему вкладов там мы в числе первых, так до сих пор и работаем.

И: Владимир Антонович, а в вашей семье были когда-нибудь лидеры, начальники какие-нибудь, среди ваших предков?

В.А.: Ну, я не знаю, у меня предки в 1907 году по столыпинской реформе, дед переехал из Латвии, это был обычный крестьянин в Латвии, земли не хватило на всю семью, и старший брат остался там, а два переехали сюда, тогда это было такое течение, когда Прибалтика переселялась в Сибирь, целые поселки организовывались латышские, эстонские, литовские. Вот в Кемеровской области все, кто переехал, организовали поселок Латыши. Но из родственников, по линии матери, по-моему, кто-то работал председателем колхоза, кто-то еще возглавлял какие-то структуры, дед мой был председателем поселкового совета, но всех мужчин в 1937 году забрали и расстреляли, вот так, сказать до уровня какого-то крупного менеджера они не выросли. Один дядя учился в политехническом в Кемерово, но его тоже забрали.

И: А по какой причине родственники из Латвии уехали?

В.А.: Это были условия столыпинской реформы, здесь предлагали земли, предлагали подъемные, предлагали кредиты. Вот дед мой приехал весной, а к осени он уже обустроил усадьбу на те подъемные, которые ему давали, уже был пятистенный дом построен, и скот был, и уже посевы были, т.е. он за один сезон освоил ... участок, это вот на те подъемные, которые получил, т.е. достаточно приличные. Но и вот в поселке Латыши все они имели хутора, и это была такая зажиточная прослойка Сибири.

И: Кем были ваши отец и мать по профессии?

В.А.: Первая их профессия – это крестьяне, как все в России. Затем отец работал на шахте, работал на железной дороге простым рабочим. А мать была домохозяйкой, растила детей. Так принято было, женщины не должны были работать, они должны были воспитывать детей.

И: А кто был ведущим в семье мать или отец?

В.А.: Ведущим в плане обеспечения семьи ресурсами, заработком был отец, а в плане воспитания детей, ведения семейных дел была мать.

И: Отец много времени вам уделял?

В.А.: В те времена послевоенные отношение к детям, оно несколько иное, чем сейчас. Мы вместе всей семьей работали на приусадебном участке, на покосе, летом заботились о том, чтобы на зиму запастись продуктами питания для себя, для скота. Зимой ходили в школу учились. Уделять внимание в те времена – это значит вместе работать, зарабатывая на жизнь, от сегодняшнего поколения мы отличаемся тем, что мы тогда понимали, что стоит трудов ведро картофеля, что стоит трудов буханка хлеба, что стоит трудов крынка молока, все это обеспечивалось трудом, все мы вместе, вся семья работала. Сегодня отец работает, а дочь или сын не знают, насколько тяжело добываются эти ресурсы, они их используют. А тогда, как Вы говорите, много ли уделяли внимания, да все свободное время родители уделяли нам, потому что мы вместе с ними работали, зарабатывая на жизнь. Когда были совсем еще маленькие, летом в колхозе работали, возили копны на волокушах, пацан маленький сидит на лошади, а ссади волокуша, подъезжаешь к небольшой копешке сена, которую нагребли женщины, как правило, перекладывают на волокушу, и ты везешь к большому стогу, там мужчины берут это привезенное сено, забрасывают на стог наверх, таким образом копнится сено. Работали не только с родителями, но и со всем поселком.

И: А братья или сестры у Вас есть?

В.А.: У меня есть брат младший, у меня есть сестра самая младшая, я самый старший.

И: Можно сказать, что младший брат и сестра на Вас ориентировались в детстве?

В.А.: Я не знаю, в те сложные времена такого термина, как ориентировались, может быть, и не было. У родителей были ограниченные возможности в плане содержания ребенка, который учится где-то за пределами поселка, родители уделяли каждому внимание. У нас родители старались дать всем образование детям, в этом и было их внимание. Мы уезжали, как я уехал в Томск, я учился в университете, младшая сестра уехала тоже, она училась в ТИСИ, закончила, а брат учился в химико-механическом техникуме в Кемерово.

И: Кем Вы в детстве хотели, мечтали стать?

В.А.: Ну, тогда все мечтали быть пилотами, летчиками, трактористами, шоферами. Это послевоенные годы, Россия оснащалась техникой, и молодежь, конечно, хотела водить эту технику, самолеты, автомобили, трактора.

И: По какой причине Вы поступили в химико-технологический техникум?

В.А.: Ну, потому что после семи классов куда-то в военное училище на летчика или на какую-нибудь специальность, связанную с транспортом, набора не было, надо было среднюю школу кончать, но была напряженка с бюджетом в семье, поэтому меня отправили учиться в техникум, а летного

техникума не было, просто рядом в Кемерово. Это был индустриальный химический город, там были учебные заведения химического плана. Я съездил, посмотрел химический завод, казалось интересно.

И: А вот в школе какие предметы Вы больше всего любили?

В.А.: В школе для меня любимыми предметами были математика, физика. И я даже занимал призовые места в школе, когда учился, по Кузбассу среди школьников области на олимпиадах по математике, физике. Помню, мне был сделан подарок – радио, в те годы это считался великолепный подарок. Радио – это громкоговоритель, который включался в сеть электрическую. Сегодня об этом никто не знает, сегодня все представляют радиоприемник, это включили радиоприемник, настроились на волну, а тогда радиофицированы были поселки, а вот таких больших радиоприемников было мало и стоили они дорого, где можно было много волн ловить. Но почти в каждую семью была проведена такая радиоточка, и вот мне подарили этот динамик, я помню, гордился, что мне это был подарок.

И: А в школе Вы хорошо учились?

В.А.: Я учился с четверки на пятерку, золотую медаль я не получил, не хватило чего-то ...

И: А в целом в школу нравилось Вам ходить?

В.А.: В те годы нравилось, не нравилось, сложно было сказать, надо было учиться. Надо было и все, если не учишься, значит, родители не воспитывали серьезно. Дискриминационные меры применяли все время, поэтому и нравилось.

И: А кто из учителей на Вас очень большое впечатление произвел или повлиял сильно на Вашу жизнь?

В.А.: Мне запомнились советы преподавателя по русскому языку. Примерно до девятого класса я по русскому языку получал или двойки, или тройки, потому что когда я рос, была жива бабушка, и я на русском языке практически не говорил, а говорил на латышском. Когда я пошел в школу, я плохо знал русский, в результате это все тянулось, я писал диктанты с ошибками, я писал сочинения с ошибками. А мне преподаватель подсказала такой метод, я много любил читать художественной литературы, читал все, что можно было достать тогда в библиотеке, она мне рассказала, когда читаешь, задумайся, почему в каком-то слове, например, корова пишется о, почему запятая стоит, почему стоит двоеточие, почему закончилось предложение, т.е. попытайтесь читать не только понимая смысл, но и понимая основы правописания. Ну, вот я стал так читать литературу и примерно через полгода я вышел по русскому на четыре и пять, т.е. я писал уже сочинения на четверку и пятерку.

И: Вот эти принципы, они и в другом виде деятельности могут же применяться, заставляя задумываться над смыслом?

В.А.: Да, конечно. Разумеется, во всей менеджерской деятельности бессмысленная деятельность к положительному конечному результату не приведет, поэтому все время надо думать.

И: Если вспомнить детство, какой-нибудь случай запомнился из детства, яркий какой-нибудь?

В.А.: У нас в поселке на хозяйственном дворе наверху был скворечник, и в этом скворечнике весной жили скворцы, а летом воробьи. Мы тогда считали скворцов элитной птицей, а воробьев какой-то сорной, тогда их было очень много, они шелушили подсолнухи, по сути, если опоздал убрать подсолнухи, то они их вышелушивали и стаями носились по поселкам, сегодня их не стало, это птички редкостные. И вот они жили, гнездились, они раз в год выводили птенцов, и вот мне как мальчишке было интересно залезть, поймать этого птенца. Я взял молоток, залез на крышу, но это бабушка увидела и она подбежала к краю крыши и стала возмущаться, что я убьюсь или будут какие-нибудь там проблемы. Я тоже испугался, молоток по краю крыши пополз и ударил бабушку, но он небольшой был молоточек, травмы там какой-то не случилось, но она заплакала, и как-то на меня тогда это произвело впечатление, нельзя делать то, что старшие запрещают. Старшие не разрешали, а я сделал, в результате случилась вот такая проблема.

И: Вы говорили, что когда пошли в школу, говорили только на латышском, а сейчас Вы можете латышский язык как-то вспомнить, разговаривать на нем?

В.А.: Ну, я на нем очень плохо говорю и очень плохо понимаю. Вот у меня дочь старшая уехала и живет в Риге и хорошо знает этот язык. Как-то я с внуком попытался говорить на этом языке, но он сказал: «Деда, ты лучше никогда, ни с кем не говори, потому что ты так плохо говоришь на этом языке, что слушать страшно», поэтому я не использую его как язык.

И: Вот если вернуться лет на сорок назад, когда Вы закончили ВУЗ, в чем Вы видели тогда смысл своего обучения, какая у Вас тогда цель была?

В.А.: Мне было интересно познать механизм работы предприятия, его экономическую сторону, его организационную сторону, его систему мотивации, стимулирования, финансовую систему. Когда я учился на факультете, я уже представлял, что это сложный механизм, и у меня до сих пор это желание не исчезает, познать, как работает хозяйственная система, как можно ее настраивать, перестраивать, для меня сейчас остается еще много загадок.

И: А что повлияло на ваше решение стать экономистом?

В.А.: В силу того, что я имел физические недостатки, мне больше ничего не оставалось, как идти на экономический факультет или на юридический. Я пошел на экономико-юридический факультет, был конкурс тогда на юридический факультет на специальность «правоведение», когда сдал экзамены, я все на четверки сдал, то я попадал в выборочный балл. А декан был тогда Ким Андрей Иванович, он встретил меня как-то в коридоре и говорит: «Молодой человек, вот ты будешь в выборочном, но в деле лежат почетные грамоты за призовые места в конкурсах по математике и физике, ты возьми на всякий случай, там еще два дня оставалось, сдай математику на экономический, и сдай географию». Я пошел и сдал на пятерку и мате-

матику, и географию в тот же день когда он мне сказал. На экономический я оказался по баллам первый, из двадцати баллов у меня было восемнадцать. Ну а когда началось зачисление, факультет был один экономико-юридический. Я с одним молодым человеком, Слава его звали, жили в одной комнате, и он тоже в выборочный попал, и я в выборочный, но поскольку у меня еще хорошие оценки были по математике, по географии, то что я сдал, и олимпиад у него не было, то предпочтение отдавалось мне, хотели зачислить меня на юридический факультет, и вот Слава попросил: «Ты можешь на экономический идти, тебе какая разница, а я уже не смогу ни на экономический, ни на юридический», я как бы отдал ему свое место, а сам оказался на экономическом.

И: Владимир Антонович, вот Вы говорите, что поскольку травма была, поэтому путь на экономиста или на юриста был открыт. Что Вам помогло преодолеть возникающие трудности, связанные с травмой?

В.А.: Я не знаю, трудностей—то больших не было, получил протезы, да и ходил, учился.

И: Я так поняла, что Вы на производстве работали после окончания вуза, да?

В.А.: Да.

И: А что повлияло на ваше решение поступить в аспирантуру?

В.А.: Я когда заканчивал факультет, Александр Петрович тогда оставлял меня в аспирантуре и говорил как-то, что у меня диплом с отличием, тогда мало было таких выпускников, что ваша судьба в аспирантуре быть. А в это время я уже хотел создать семью, и девушка была знакомая или любимая, и семью надо было содержать, т.е. на аспирантские, которые я бы получал, семью нельзя было содержать, зарплата была маленькая, но кроме того, завод как молодому специалисту квартиру гарантировал, поэтому ради семьи и квартиры я пошел на завод. Когда освоился с заводом, меня, по-моему, опять же Александр Петрович встретил, говорит: «Ну, ты что надумал в аспирантуру?», я говорю: «Наверно, пойду». Пошел и сдал вступительные экзамены и поступил в аспирантуру.

И: Понравилось Вам учиться в аспирантуре?

В.А.: Я всегда интересовался хозяйственным механизмом, как механизмом, где одно колесико цепляется за другое и в целом выдается продукция, и вращается там какой-то огромный механизм этого предприятия. Мне интересна была аспирантура с точки зрения того, а что написано умными людьми, нет ли там какого-то секрета, найдя который, можно успешно работать, успешно управлять предприятием, улучшать его деятельность. Но вот так я выучил Маркса, выучил много литературы, много времени провел в библиотеках, но я до сих пор не нашел ответа на этот вопрос. Видимо, он очень сложный.

И: Если вернуться снова в детство ваше, в детстве Вы какие книги любили читать?

В.А.: В детстве все тогда поголовно читали книги про войну, все, что было написано про войну, все прочитано.

И: А любимая книга была какая-нибудь?

В.А.: Любимая потом появилась, «Битва в пути», это уже название – то военное, это записки главного инженера, автора я уже забыл, строительная организация работы крупного предприятия. Из последних военных, по моему «Записки военного корреспондента» Симонова, что-то так запомнилось. Что касается литературы сегодняшнего дня, то, перегрузив себя производственной работой, я упустил контроль за текущей литературой, называя произведения, я могу ошибиться в авторе, хотя порой что-то удается прочитать. Сейчас мне попала книга Форда, она в полухудожественном стиле написана, но пытаюсь ее осилить.

И: Вот сейчас много литературы по поводу того, как достичь успеха. Т.е. там написано, что, прочитав эту книгу, Вы будете знать, как добиться в жизни большего, вот как Вы к этим книгам относитесь?

В.А.: Когда попадает такая литература, я ее пролистываю и смотрю, делаю вывод, что у меня это в жизни уже было.

И: Ничего нового, да?

В.А.: Видимо, эти книги пишут те, кто имел производственный опыт и чего-то добивался, но а поскольку я все время в производственном опыте, то для меня такого интереса, что я прочитаю и найду там что-то интересное для того чтобы мне можно было применить на практике... В ряде случаев я сомневаюсь, что там есть такой совет, а в других случаях у меня просто времени нет, приходится специальную литературу, в данном случае банковскую, читать в свободное время, потом остаются же диссертации, курсовые, дипломные, это требует много времени. Поэтому произведения романтической направленности, они остаются где-то в стороне. Когда я учился, тогда молодежь увлекалась поэзией, я помню, в третьем корпусе была там 17 аудитория боковая, нам разрешали там собираться молодежи. Там набивалась целая аудитория, читали свои стихи, там чьи-то стихи, я тогда, как и все, увлекался Есениным, Блоком, Бальмонтом, Андреем Белым, память была тогда хорошая, я много знал наизусть. И потом была какая-то романтическая направленность. Когда я учился в школе еще в 10 классе, я заметил, что летом в поселках молодежь собирается и устраивает танцы, а поскольку я не танцор, то как-то и делать вроде бы нечего было на вечеринках. Я попросил отца, и он купил мне гармонику хромку, и через полгода был лучшим гармонистом деревни, ну а игра на гармонике это уже с молодежью все время, и мелодии, и слова на мелодии, и потом, видимо, как продолжение увлечение поэзией. Сам я не писал и не пробова, поскольку считал, что это потеря времени.

И: Книги про успех, они пользу приносят, должны существовать, как жанр?

В.А.: Я думаю, да, потому что тот, кто идет в производство, тот, кто идет в бизнес, он представление должен иметь, куда он идет. А в те годы, когда я уходил на практику, таких книг не было, тогда не советовали, как научиться работать, а говорили, иди да работай.

И: На собственном опыте все?

В.А.: Да. Я думаю, что учиться на основе знаний всегда дешевле. Поэтому человеку, который начинает свою жизнь сегодня, – хорошо, есть книги и их можно прочитать, что-то использовать.

И: Как Вы относитесь к жанру автобиографий?

В.А.: Ну, у меня есть какой-то интерес, есть своя биография, есть своя жизнь. Интересно, читаешь другого и сравниваешь, а как он прожил.

И: То есть Вы читали разные мемуары, автобиографии?

В.А.: Да, иногда, по пути в транспорте, в гостинице что-то под руку попадалось.

И: А чья автобиография самое сильное впечатление на Вас произвела?

В.А.: Вот я сейчас читаю биографического плана, хотя и по сути это художественная литература, это относительно нашего первого менеджера Форда. Практически Форд построил не только конвейер, но он многое сделал из того, что потом в социальной жизни, в отношениях с рабочими мы до сих пор применяем и используем.

И: Давайте вернемся к периоду, когда Вы закончили ВУЗ, если сравнить ваши ожидания в начале профессионального пути и результат сегодняшнего дня, как Вам кажется, результат превзошел ожидания?

В.А.: Вообще говорят, что нет солдата, который не мечтает стать генералом, но я как-то в те годы не мечтал стать директором, банкиром, профессором. У меня были мечты чисто прагматические. Когда работал в цехе, у меня была мечта внедрить хороший хозрасчет между участками в литейном цехе, на основе этого участка построить систему, которая нравилась бы людям, я помню, это сделал. Когда работал на заводе, то надо было строить мощные заводские системы оценки персонала, подразделений, и все время уходило не только на обслуживание текущего, но и на эти нововведенческие структуры. А что касается, как Вы говорите, стремления к должности, но когда работал заместителем начальника отдела, даже не мечтал, у меня быстро этот процесс шел, быть начальником, потому что я только еще осваивал функции менеджера руководителя в отделе организации труда, но вот тут моего начальника избрали председателем профкома, дело осталось без руководителя. Я определенное время отказывался, боялся быть руководителем, но вот директор меня все-таки убедил, и так я, а завод пятитысячный, это крупнейший завод российский электропромышленности, оказался начальником отдела. Когда начальником оказался, дальше должность, если идти вверх, быть директором, это была такая далекая должность и она в те годы казалась настолько сложной и трудной, что мечтать о директоре и не приходилось, просто уважение, признание, почтение к тому человеку, который управлял крупнейшим предприятием. А так чтобы мечтать стать вместо него, может быть, когда-то в нетрезвом состоянии появлялась такая мысль. А потом, когда я защитился и перешел в ВУЗ, то всякий кандидат мечтает быть доктором, поэтому я мечтал быть доктором, я и стал доктором. А вот когда я работал профессором и заведующим кафедрой, тогда в университете был открыт институт социально-экономических исследований, я был директором этого института год или

два, если не больше, ну и он был такой местный, я в принципе поднял его, вывел на российский уровень, наши ученые вошли тогда в государственную программу. Но вот так на Ваш вопрос я ответил, единственное, кем я хотел быть, это кандидатом, когда работал на заводе, и профессором, когда работал в университете, а вот быть управляющим у меня даже мысли не было. Это тоже интересный вопрос, был Свиридов ректором, а в те времена была в банках неустойчивая ситуация, а я был директором школы менеджеров или уже школы бизнеса, и мы имели сбор хороший в сентябре около трех миллиардов в тех деньгах, они в Жилсоцбанке эти деньги в сентябре были собраны с обучающихся и лежали, ректор говорит: «Все кругом шатается, смотри, мы потеряем университетские деньги. Поэтому ты, если можно, попробуй где-нибудь в банк устроиться, чтобы самому деньги университетские охранять». Ну а здесь вот случай подвернулся, Толмачев Вячеслав Емельянович, генеральный директор Томсктрансаза, встретил меня и сказал, что не может открыть филиал, уже три управляющих было, не получается, помоги мне, открой. Я согласился, помог ему, открыл, тут стали говорить, чтобы я книжку трудовую с университета забрал и передал ее в «Газпромбанк», для меня тогда это было как-то не очень интересно, я как-то критически относился к банковской деятельности. Я обещал, обещал, но эту трудовую книжку так и не забирал, не увольнялся с университета. Я, наверно, года два работал в банке, назначенный на должность без трудовой книжки, трудовая книжка была в университете, но а потом мне все больше и больше стала эта должность нравиться, опять же с точки зрения того, что здесь можно что-то внедрять, проводить новации и какой-то конечный результат ясен – есть прибыль, тебя сравнивают с другими подразделениями «Газпромбанка». Сейчас я получил звание «капитан Газпромбанковского бизнеса», такое у нас звание почетное есть, т.е. я самый, самый управляющий, у меня там скульптура капитана стоит. Сегодня являюсь академиком Международной академии наук высшей школы и технологической академии. Технологическая академия, там есть банковская секция, называется она новые банковские технологии, сама академия в своем составе содержит членов: космонавтов и тех, кто обеспечивает космос, я там был членком, потом действительным членом этой академии, это тоже почетная академия, можно сказать, что это вторая докторская, сколько дают за конкретные результаты, за то, что я что-то в России сделал в области банковских технологий заметного и существенного. Потом мне присвоили звание заслуженный работник высшей школы, Ельцын подписал перед своим уходом в конце декабря. На сегодняшний день я получил все ученые степени, которые в России есть, все почетные звания, какие есть, сейчас я в вольном режиме работаю.

И: Вот Вы сказали, что есть такая поговорка: плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, а что для Вас значит быть генералом?

В.А.: Сейчас для меня быть генералом – это иметь вот это звание «почетный капитан». У нас звездочек нету, но я управляющий, но не только

просто управляющий, но и оказывается признанный системой управляющей, звание капитана присуждается на основе тайного голосования, т.е. как ученую степень присуждают на основе тайного голосования, так и у нас присуждается степень капитана. Голосуют сами управляющие, т.е. коллеги, но если коллеги решили, что я передовой, то в принципе я генерал.

И: Вы знаете, есть такое понятие масштаб личности, т.е. личность должна соответствовать тому месту, которое занимает, как Вы оцениваете свой масштаб личности, могли бы Вы Федеральным банком руководить?

В.А.: Я думаю, что нет. В те годы, когда я получал практику, работая вот в этом банке, я возрастной ресурс уже выработал и о каком-то Федеральном банке или большей должности я не задумывался, меня устраивает то, что я имею и, наверно, то, что я академик, я профессор, я заведующий кафедрой, я директор школы бизнеса, думать о том, чтобы в банке еще какие-то должности занимать, мне не надо. Есть такое негласное правило среди директоров школ бизнеса, университетов всей планеты: директором школы бизнеса может быть специалист, который сам умеет зарабатывать прибыль. Вот я директором школы бизнеса работаю и буду признан как директор, пока я сам умею зарабатывать прибыль. Поэтому все-таки первичны ученые степени и школа бизнеса, и факультет, а банк – это то место, где я подтверждаю себя как ученый. Поэтому для подтверждения меня как ученого мне достаточно той должности, которую я имею, мне не надо Центробанка, тогда я не смогу работать профессором, отсюда я говорю: «Мне это не надо». Наш филиал в Сибири был первый и практически для «Газпромбанка», для Газпрома мы проложили сюда хорошую тропу. Мы открывали небольшие структурные подразделения во всех областных центрах, а затем на базе маленьких подразделений создавали филиалы, и сегодня такие же, как мы, мы помасштабней, работают филиалы в Омске, Барнауле, Новосибирске, сейчас открываем филиал в Красноярске, там наше подразделение структурное, в следующем году, наверно, откроем филиал в Кемерово, там наше структурное подразделение. Вообще у нас пятнадцать своих структурных подразделений, они разбросаны по Сибири, по Томской области.

И: Много.

В.А.: Много это когда система не справляется, а когда система справляется, то почему же много. Ну в банке здесь у нас работает недостаточно много, но вот заместитель у меня Новоселова кандидат наук, она докторскую написала, я ее читал, хорошая работа, сейчас я ее готовлю к защите. Миллер второй зам защитила в университете степень кандидата, ну так кандидатский минимум человек двадцать сдало, работают над диссертациями. Мы выпускаем сборник свой, ежегодник, это статьи работников в основном нашего банка.

И: Это же редкость, что в банке люди занимаются наукой?

В.А.: Я думаю, в России больше ни один банк не выпускает своего сборника, мы единственные.

И: А это помогает в вашей деятельности банковской?

В.А.: Это же не вычислишь. Я думаю, люди задумываются. Здесь есть система учета вклада каждого специалиста, она автоматизирована, можно в компьютер войти и напротив каждой фамилии можно узнать, что он предлагает на сегодня. Его предложения специальная комиссия изучает, принимает, а когда выплачиваются премии, то есть система оценки, которая учитывает, есть ли у него предложения или нет, если нет предложений, то премия или уменьшается, или не выплачивается, премия это 50% оклада.

И: То есть инновационные предложения?

В.А.: Да.

И: А эта практика во всех филиалах «Газпромбанка» принята?

В.А.: Только у нас, больше ни у кого нет.

И: То есть это помогает совершенствоваться?

В.А.: Опять же это сложно вычислить. Если я имею на тайном голосовании это звание «капитан банковского бизнеса», то, наверно, зря ведь коллеги не присудят. Считается, что у нас передовые технологии относительно других филиалов.

И: Давайте поговорим о ситуации открытия филиала «Газпромбанка», вот в какой степени открытие этого филиала зависело от Вас?

В.А.: Вот я пояснил уже, что был разговор у ректора, что надо иметь университету свой банк, и в это время мне предложил генеральный директор Трансгаза открыть филиал, я его открыл. В основу, когда открывался, взял специалистов с кафедры и лаборатории, вот Новоселова с кафедры, Селеннова по пластиковым картам, сегодня это самая большая пластиковая система, 30% пластиковых карт – это наши или 110–120 тысяч. Если учесть, что население 400 тысяч, из них активного населения 300 тысяч, а наших карточек 110–120, то получается каждый третий или второй имеет наши карточки. Пригласил я юристом Евстратова Юрия Ивановича, тоже кандидат наук с университета. И так мы открылись с нескольких человек, все больше и больше, и сегодня то, что есть.

И: Владимир Антонович, как Вы думаете, из чего исходил человек, когда предложил вашу кандидатуру?

В.А.: Я в университете марксизма-ленинизма читал лекции в свое время, и он там на факультете руководителей занимался. Как он говорит, что я ему приглянулся, видимо, генеральному директору.

И: Как Вы думаете, какие ваши качества оказались ценными?

В.А.: Я думаю это прагматичность и знания. Прагматичность это когда человек достаточно много знает, но предлагает и советует то, что сегодня можно принять, внедрить или работать на основе чего-то. Можно много знать и советовать что-то заоблачное, восхитительное, а можно много знать, но советовать то, что нужно сегодня. Он так сказал, что Вы самый прагматичный, я Вам предлагаю.

И: Вот Вы говорите, что преподавали в институте марксизма-ленинизма и в партии тоже были, да?

В.А.: Да.

И: Если оценить итоги работы вашей и в университете этом, и в период, когда Вы в партии состояли, итоги состояния в партии как-то повлияли на вашу дальнейшую деятельность?

В.А.: Во-первых, в партию тогда принимали тех, кто чем-то интересен и в чем-то достоин, где-то каким-то образом показал себя как специалист. Сегодняшнее представление о партии, что туда брали только карьеристов, ну были, наверно, среди нас и карьеристы, все были, но три рекомендации требовалось, чтобы быть членом партии, характеристики всевозможные, поэтому оказаться какому-то лодырю, разгильдяю в партии весьма сложно было. А что касается моей работы как члена партии, такого понятия не было работа члена партии, была работа в народном хозяйстве члена партии, я в университете марксизма-ленинизма преподавал тоже, что я и преподаю сейчас, это основы менеджмента, тогда это называлось основы управления, мы называли марксистско-ленинское управление. Я читал тогда лекции, и мы на практике внедряли системы соцсоревнования. Система соцсоревнования на сегодняшнем языке – это система признания людей, самоутверждение людей, моральное духовное поощрение, никто не должен быть забыт, и ничто не должно быть забыто. А как это сделать, чтобы каждый, кто трудится, был признан, получил какие-то звания, награды, как я вот имею почетные звания, но как сделать лесенку, чтобы каждый человек от первой благодарности мастера на участке до благодарности директора, как он может это сделать. Это специальная и сложная производственная система, я в этом работал, и с директорами семинары проводил и деловые игры, мы обсуждали, это же был производственный интерес, вопрос.

И: Давайте подробнее о банке еще поговорим, тяжело ли Вам далось решение создать филиал «Газпромбанка», т.е. фактически это же был период такой переходный, когда коммерческие структуры еще не существовали?

В.А.: Ну, на вопрос тяжело, я бы ответил не тяжело, потому что я до этого десять с лишним лет работал на предприятии, банк – это предприятие. Только если я работал на Сибмоторе, и там выпускали моторы, то здесь банк что делает, выпускает проценты для людей, вы нам дали деньги, а мы вам должны на эти деньги 10% или 7% заработать, вот наша задача. Поэтому как зарабатывать, там на заводе собираются моторы из металла, а здесь нам приходится эти деньги размещать где-то или в ценных бумагах, или в кредиты и так далее, но все равно это производство, все равно это тот же заводской конвейер. Создать-то не сложно было, сложно было в тех условиях работать, поскольку начиналась новая экономика и сложно было выдать кредит, чтобы он потом вернулся. Но нам везло, мы осторожно выдавали, потом база у нас была Трансгаз, он у нас свои ресурсы хранил, он выплачивал зарплаты через нас, т.е. мы жили на основе Трансгаза, но мы еще собирали те предприятия, которые вокруг. Особенно когда дефолт произошел, к нам много пришло клиентов, поскольку практически банки в Томске, кроме нашего, никто не работал, были проблемы. У нас проблем не было, и тогда клиенты к нам перешли, мы тогда себя зарекомендовали как очень надежный банк.

И: Когда Вы приняли решение возглавить филиал Газпромбанка, у Вас были предположения о будущем этого банка, сомнения, прогнозы какие-нибудь?

В.А.: Я был уверен, что получится, у меня не было никаких сомнений.

И: У вас интересный лозунг «Быть лидерами!»

В.А.: Да. Сейчас компания SAMSUNG у нас этот лозунг украла, и не заплатила нам ничего, но это наш лозунг в России.

И: Кто этот лозунг предложил?

В.А.: Да это в коллективе, у нас есть PR служба, и наверно есть тот человек, который сказал это слово впервые, но оно потом было просто принято. По городу висят же наши рекламные щиты, на каком-то щите мы этот слоган употребили, он нам приглянулся, пошел, а сейчас SAMSUNG взяла его у нас.

И: Только в Томске такой слоган?

В.А.: Только в Томске, больше в России нигде нет.

И: Я когда другие интервью проводила, рассказывали разные случаи про Вас. Например, Вы где-то стреляли и чуть ли не первый раз, и Вы попали точно в цель.

В.А.: Это мы были на базе отдыха, приезжали эксперты из Москвы по поводу кредитования Мыльджинского месторождения, и мы улетали на газовые промыслы, и там мы остались ночевать, у них такой охотничий поселок небольшой и нам предложили стрелять по мишеням из карабинов. Да я там лидировал, я набрал самое большое количество из всех, кто стрелял, а стреляло много людей специалистов. Я когда-то в школе ходил в стрелковый кружок и у меня был, по-моему, первый разряд по стрельбе, но это было очень давно.

И: Говорили, что и на гармонике первый были?

В.А.: Да, но как-то у меня, видимо, в семье это было заложено, что мы вообще в бедном поселке, но мы жили лучше всех остальных. Мы держали пчел, у нас всегда мед свой был, в то время как тогда ни конфет, ни сахара не достанешь, у нас своя корова была, отец работал, приносил сколько-то денег, мать вела хозяйство разумное, и я думаю, с самого детства мать в нас вселяла, что мы должны быть хорошими, что мы должны быть передовыми, мы и есть передовые. Поэтому стремление такое, уж если взялся, то надо быть лидером, это у меня, видимо, в крови.

И: Быть лидером, быть первым – это установка такая жизненная?

В.А.: Да.

И: То есть Вы не беретесь за те дела, в которых не сможете быть лидером?

В.А.: Наверно.

И: Можно ли сказать, что Вас проведение ведет какое-то или ангел-хранитель, верите ли Вы в это?

В.А.: Не знаю, мне во многих случаях везет, конечно, и я не могу понять, кто мне подсказывает верный путь или верный метод. Вот даже на базе отдыха мы собираемся, определяем какой-то день, и надо, чтобы в

этот день дождя не было. Я вместе со всеми выбираю то воскресенье за два, три месяца вперед, когда мы собираемся, ну вот я всегда угадываю, и часто мы уезжаем, а после нас гроза и дождь. Видимо, интуиция, видите, когда много времени провел в библиотеке, много прочитал, я думаю, больше меня в Томске есть тех, кто в хозсистемах работал, больше меня никто в библиотеках не сидел и не работал. Я в свое время увлекался и философией, прочитал много литературы, и психологией, много литературы просмотрел, ну в разных социально-этических, социально-психологических областях много прочитано, много было законспектировано. Сегодня мы читаем спецкурс «интуиция», она складывается в большинстве случаев на знаниях, но эти знания уже другого качества, т.е. нельзя сказать, на основе чего ты это сделал, а где-то каким-то образом аккумулируемые знания вас выталкивают на правильное решение.

И: То есть Вы это качество называете интуицией, не проведением, не судьбой?

В.А.: Я называю интуицией, но на основании достаточно большого объема знаний.

И: В гороскопы Вы верите?

В.А.: Я просто не занимаюсь этим, у меня нет времени, мне кажется это баловство, на пенсию уйду, буду заниматься.

И: Владимир Антонович, Вы сами себя считаете успешным человеком?

В.А.: Неуспешным я себя не считаю. Я считаю себя человеком, который взял все возможное из всех ситуаций, в которых я находился.

И: А что для Вас показатель успеха?

В.А.: Показатель успеха – это умение управлять организацией, которая лидирует на том рынке, на котором она работает. Я читаю лекции, мне интересно знать, что обо мне думают студенты, опрос проводят, раньше так делали, и выходит, что я по оценке студентов самый интересный лектор, мне интересно. Если говорить о банке, то я очень строго слежу за тем, по каким позициям в городе мы отстаем, по каким позициям мы лидируем. Там, где мы отстаем, организуешь работу. Почему я Вас задержал, потому что мы отстаем по одному банковскому продукту, по овердрафту. Было распоряжение, его должны были внедрить еще в июле месяце, я считал, раз есть распоряжение, то мы по нему и работаем. А потом выясняется, что мы толком не работаем, я вызвал спецслужбы разобраться, кто виноват, или это диверсант, или это лодырь. Если это диверсант, то мы будем его увольнять, если это лодырь, то мы будем его перевоспитывать, но мы отстали.

И: То есть уже не лидеры в чем-то?

В.А.: Нет, ну лидировать по всем направлениям бизнеса, я думаю, невозможно. Потому что работает огромное количество специалистов банков. В банках работают достаточно развитые специалисты, которые в большинстве случаев закончили тот же университет, в котором я же читал лекции, и полагать, что я буду всегда впереди по всем направлениям, это слишком смело.

И: Владимир Антонович, вот на успех влияют разные факторы: личные качества, везение, внешние факторы, профессионализм. Если взять вашу ситуацию, Вы уже пятнадцать лет руководите банком, некоторые люди начинали банковскую деятельность в то же время, но потерпели, может быть, неудачу, и сейчас никто не знает. Как Вы считаете, с чем связан ваш успех в этой сфере?

В.А.: Мой успех связан с Газпромом, я принадлежу мощнейшей системе планеты, являюсь структурным подразделением, я питаюсь энергетикой этой компании. Кроме этого, имидж компании имеет большое значение, и ресурсов мы имеем достаточно. Но я не растерялся, под возможности Газпрома я организовал, расставил людей, организовал работу, в основе Газпрома я обязан в какой-то степени тем людям, с которыми я работаю, это как везде. Это в первую очередь те люди, с которыми я ушел с кафедры, потом мы взяли выпускников еще дополнительно на должности подразделений, ну и генерирующее начало в каких-то новациях в большинстве случаев от них исходит, собираемся, коллегиально обсуждаем. Сказать, что предложения или успех связан с тем, что я все время говорю, что надо делать, это не так. Все делали и работали вместе.

И: Многие, говоря, отмечали, что Вы хорошо ведете кадровую политику, как Вы людей отбираете, по каким качествам? Когда Вы основывали филиал, ведь ни у кого не было опыта работы в коммерческих структурах, что повлияло на ваш выбор?

В.А.: Прежде всего, качество диплома влияет, должен быть красным или около этого. Потом знания человека, его поведение в определенных ситуациях. Я формулу не могу Вам назвать, но та же интуиция, знание людей, знание ситуаций мне подсказывают, что надо пригласить этого человека.

И: То есть Вы опирались на собственное впечатление?

В.А.: Что касается специалистов, то да. Все, кто здесь работают, приняты по личному моему указанию. Конечно, рекомендации имеют значение большое, советы, но все равно я с каждым встречаюсь, гляжу в глаза и принимаю решение.

И: Владимир Антонович, а у Вас есть какие-нибудь специфические требования к сотрудникам?

В.А.: Прежде всего, он должен соответствовать уровню культуры университета, уметь одеться, речь должна быть нормальная, умение вести беседы с клиентами, все, что в ходит в понятие «культура университета».

И: Отдаете ли Вы предпочтение выпускникам определенных вузов?

В.А.: Мне сложно на ваш вопрос ответить, потому что мы в основном берем с Томского университета выпускников, но иногда бывают случаи, когда берем уже практиков, имеющих опыт, вот последнее время, если в первые годы мы брали только выпускников, то сейчас мы стали брать еще людей, нам некогда обучать, и мы берем специалистов из других банков.

И: Вам приходилось бывать в зарубежных командировках?

В.А.: Да, нас головной банк возил на стажировку в Швейцарию, в немецкие банки, я сам был на стажировке в американских банках.

И: Вы можете сказать, насколько персонал «Газпромбанка» соответствует мировым стандартам?

В.А.: Наше знакомство со специалистами западных банков не было настолько глубоким, чтобы мы могли встречаться с операционистами, инспекторами кредитными, чтобы вести какую-нибудь дискуссию и чтобы быть в каком-то контакте, чтобы понять, на каком уровне знаний они находятся. Нас приводили, показывали – вот кредитный отдел, вот операционный, ну люди работают, приветливы и учтивы, как и наши.

И: Владимир Антонович, ваша деятельность очень многопланова. Есть такая ролевая теория, когда человек в обществе может несколько ролей играть. Кто Вы в большей степени, профессор, банкир, менеджер, мудрый человек?

В.А.: Я профессор в самом хорошем смысле этого слова, профессор кафедры СМиП, заведующий кафедрой СМиП. Для меня это внутренний престиж, но не банкир.

И: Вам приходится очень много времени уделять банку, а что Вас привлекает в вузе?

В.А.: В вузе меня привлекает то, что я могу выступить перед аудиторией и рассказать о том, как я что-то делал в банке.

И: То есть теорию с практикой совместить, да?

В.А.: Да.

И: Вы управляете филиалом банка и Высшей школой бизнеса, а есть ли принципиальные отличия между этими сферами управления?

В.А.: Я когда работал на заводе, у нас было 20 цехов, и директор управлял всеми цехами. Для меня ВШБ – это цех.

И: То есть все одним принципам подчиняется. А чего бы Вам не хватало, если бы Вы ушли из вуза?

В.А.: Наверно, скучно было бы.

И: Если просто в банке работать, это было бы скучно?

В.А.: Да. Просто я стал бы другим тогда, а университет обязывает и внутреннюю культуру формировать, и поддерживать, и свое место в обществе держать на уровне университета и профессора, а если я просто банкир, я могу себя посвободней вести. Я думаю, я был бы другим, я бы ездил по ресторанам, я бы участвовал в каких-то товарищеских собраниях, где богатые собираются.

И: А у Вас свободное время бывает?

В.А.: Я его использую в университете, если оно у меня есть, я еду в университет, занимаюсь чем-то интересным.

И: Все равно это очень тесно с работой связано, да?

В.А.: Видите, поскольку я сегодня достаточно имею и в банке, и в университете, то я стал задумываться, и мне понравилось такое выражение «Когда вы профессионал, то работа становится разновидностью цивилизованного досуга», вот, наверно, я нахожусь на уровне, когда работа для меня – это разновидность цивилизованного досуга. То есть управляя коллективом, я не допускаю ситуации, когда будет напряжение, когда что-то го-

реть будет или случится что-то такое, что придется напрягаться, я веду процесс так, что никаких стрессов и напряжений не будет, поэтому для меня это досуг, да и все. Банк работает, я слежу за каждым отделом, я, когда надо, контролирую каждого работника, ну как контролирую, я не кричу, я никогда не повышаю голоса, но я спрашиваю: «Как у тебя получается, что у тебя получается? Что ты остановился, что у тебя случилось?», и человек, как правило, рассказывает, выправили ситуацию и дальше пошли.

И: Вот Вы говорите, что у Вас работа совпадает с вашим досугом, а как бы Вы могли назвать дело своей жизни, т.е. дело с большой буквы?

В.А.: Служить России.

И: А что Вы под этим подразумеваете?

В.А.: Служить России – значит давать какой-то продукт для России и студентов выпускать, и аспирантов, и прибыль. У меня план по прибыли 200 миллионов, вот я 200 миллионов даю России, большие деньги. Для университета 60 миллионов школа бизнеса приносит, это тоже большие деньги. Преподаватели в университете сегодня в школе бизнеса зарабатывают примерно ползарплаты той, которую им платит государство, поэтому каждый, кто работает с нами, он еще и материально обеспечен. В банке у меня каждый мужчина имеет машину.

И: Что повлияло на ваше решение открыть ВШБ?

В.А.: Поскольку я был связан с производством и в университете марксизма-ленинизма читал лекции по менеджменту, то это все стихийно выросло, так сказать, была партийная система дом партпроса, университет марксизма-ленинизма, где был экономический или факультет управления, потом это все разрушилось, пришла новая экономика, знания нужны, поэтому предприятия стали обращаться: «Давайте что-нибудь сделаем». Сначала мы открыли школу менеджеров, и в этой школе менеджеров был первый факультет «высшего управленческого персонала». Это руководители предприятий, они работали по программе кандидатского минимума, подготовки диссертаций, а потом мы для среднего звена стали программы разрабатывать трехмесячные и как бы проучили всех. Потом сам персонал предприятия обратился с просьбой, что надо эту подготовку превратить в существенную, когда они заканчивали школу менеджеров, они получали сертификат, что они закончили, но уровня образования это не меняло, поэтому вышли с предложением сделать это факультетом, и тогда появилась на матричной основе эта идея школы бизнеса. Мы создаем факультет на основе учебных программ университета и на основе преподавателей университета, преподавателям оплачиваем дополнительно за то, что они занимаются со взрослыми. Вот так, сначала факультет менеджмента, а потом больше и бухучет, и банки, и международные отношения, и маркетинг, и налоги, и т.д. Сегодня я даже не знаю, сколько там этих специальностей, т.е. школа бизнеса развивалась на основе потребностей практиков.

И: Давайте еще немножко про бизнес поговорим, про менеджмент, в одном из интервью Вы сказали такой принцип менеджмента «У денег нет

друзей», вот, на ваш взгляд, этот принцип он имеет глобальное применение или только в сфере банковской деятельности?

В.А.: Это банковское определение, оно связано с тем, что банк работает с деньгами. Деньги людям всегда нужны. У тех, кто работает в банке, много знакомых и друзей, знакомые, как правило, просят: «Дайте денег, мы вам потом отдадим». Я обычно отвечаю: «Да, ты мой друг, знакомый, но у денег друзей не бывает, поэтому давай залог, давай свою кредитную историю, давай свою бизнес-историю», а то, что друг, ну мы можем побыстрее обслужить. То есть деньги нельзя выдавать на основе доверия, вот в чем беда. Если бы люди были весьма ответственные за выданные деньги, они всегда бы обеспечивали возврат, тогда можно было бы и друзьям выдавать деньги.

И: Как Вы думаете, есть ли место человеческим отношениям в бизнесе?

В.А.: Человеческие отношения, прежде всего, должны быть в бизнесе, если их не будет, то бизнес превратится в какую-то звериную систему, друг у друга люди начнут что-то воровать, отрывать, не возвращать и так далее. Как раз задача цивилизованного бизнеса, чтобы тем, кто занимается в бизнесе, внедрить в их практику человеческие, товарищеские отношения. Да, мы товарищи, я тебе дам, но ты давай залог, и ты не обижайся, и тогда никогда не надо будет стрелять или заниматься какими-то звериными методами. Поэтому этот вопрос наиболее существенен в бизнесе.

И: Владимир Антонович, вот Вам часто приходится встречаться с другими бизнесменами, как бы Вы описали типичного бизнесмена, какими чертами он обладает, как себя ведет?

В.А.: Было время, когда в бизнесмены попадали все, кому понравилось, потом они обанкротились, кого-то застрелили, кто-то сам разорился, ушел. Сегодня остались бизнесмены, как правило, имеющие хорошее образование. Сегодня наше русское образование дополняется западным образованием, западных университетов в частности. Мы сегодня хотим открыть в университете факультет, если нам повезет, мы этим занимаемся. Люди целеустремленные, люди, изучающие рынок, люди с каким-то чувством спокойствия на душе, всегда с чувством ответственности за то, что они делают. Потому что в бизнесе, как на велосипеде, всегда нужно крутить педалями, как только перестал крутить, так упал. Ну а быть коммуникабельными, гуманными их обязывает само отношение в их среде, т.е. если они в чем-то жестки, не гуманны, то они теряют партнеров по бизнесу, они теряют потребителей их продукции и так далее. Сам бизнес заставляет людей иметь определенный уровень культуры. Вот те бизнесмены, которые работают с нами, они все на приличном уровне развития и культуры. Разумеется, те, кто имеют много ресурсов, они имеют более возвышенные потребности, но это закон возвышения потребностей, они не ездят на «Жигулях», они покупают «Мерседесы», они строят квартиры приличные, они часто летают отдыхать на юг, и это считается нормальным. Они зарабатывают деньги, поэтому осуждать их за это нельзя. Я сам имею в городе квартиру, я сам имею загородный дом, у меня две машины, практически

база отдыха на Оби, это тоже в какой-то степени я управляющий, поэтому в любое время могу туда выехать, но я заработал.

И: Как Вы думаете, Вы бы могли за рубежом сделать подобную карьеру?

В.А.: Я не знаю их хозяйственной практики, я не руководил западными предприятиями, я не работал на западном предприятии, я не знаю, что им надо, поэтому, может быть, я и не смог бы этого сделать, я не знаю, чего им надо. Но если бы я у них работал, так же как здесь я работал, если бы я знал всю их хозяйственную практику так, как я здесь знаю, я думаю что да. Есть же университеты, при каждом хорошем университете есть школа бизнеса, и при Томском университете есть школа бизнеса, и как правило, руководят этими школами те, кто сами зарабатывают, по формуле я подхожу.

И: Кем Вы в большей степени себя ощущаете: русским, латышом, космополитом?

В.А.: Я считаюсь вообще этнический латыш по определению Латвии, этнический – это тот, кто когда-то давно выехал. Мой дед давно выехал из Латвии, и я с Латвией давно порвал какие-либо отношения. У меня в Латвии никаких хозяйственных связей нет, ничего. Дочь там случайно оказалась, живет. Латышский сын сибирского народа, я бы так сказал. Все равно я другой национальности и никуда не денешься, но я сын сибирского народа.

И: Владимир Антонович, вот Вы возглавляете три структуры, они случайно не конкурируют за Вас? Как Вам удается все совмещать?

В.А.: Вот я Вам привел пример, что когда работал на заводе, у директора было двадцать цехов, в каждом цехе по 300–400 рабочих. У меня кафедра 15 человек, школа бизнеса, там управленческого персонала около 100, и банк, где 200 человек, ну что это, разве это масштабно.

И: Просто цеха разные?

В.А.: Конечно, ну какому-то цеху я уделяю больше внимания, какому-то меньше.

И: То есть периодически то одному больше, то другому?

В.А.: Я стараюсь как-то равномерно, у меня на кафедре консультации в среду каждую неделю, во вторник явочный день, когда заседание кафедры проводится, есть лекции, которые я читаю по расписанию, как и все преподаватели, есть дипломники, которыми я руковожу, есть аспиранты, я член совета по защите, я зам председателя научного совета по защите диссертаций. Есть заместители, заместители в мое отсутствие работают.

И: В целом, Владимир Антонович, Вам приносит удовлетворение ваша сегодняшняя деятельность?

В.А.: Я уже пенсионно обеспеченный человек, и если бы это не приносило удовлетворение, то мне никакой нужды нет работать.

И: Хотелось бы еще стремиться к чему-то, достичь чего-то?

В.А.: Я Вам пояснил, что я себя считаю профессором, но кафедра системного менеджмента, значит, я должен знать хорошо практику, я эту практику имею, работая непосредственно в банке. В вузе, кроме профессо-

ра, никакой должности нет, кроме этого, я заведу кафедрой, кроме этого, я член совета, можно сказать, в российском мире больше ничего нет. А как раньше Вы меня спрашивали, хотели бы Вы уходить куда-то дальше крупным банкиром, я ответил, я профессор. Слово «профессор» впитывает в себя, что ты предан этому званию.

И: Просто некоторые профессора, бизнесмены идут в политику, там себя как-то реализовывают, как это Вам?

В.А.: Это ведь интерес каждого, в трех цехах у меня много вопросов, и брать четвертый цех – политику... Я уже не молодой, а потом зачем? Пусть этим занимаются те люди, которые знают, что такое политика, или имеют практику, а я хозяйственник, производственник. Зачем мне политике, что я там делать начну, еще разругаюсь с кем-нибудь, подерусь, там же дерутся.

И: Я так поняла, что Вы совсем не конфликтный человек?

В.А.: Надо уметь работать.

Обратившись к моим публикациям начала 2000-х гг., времени организации и осуществления проекта КАПИТАН, я не нашел ничего, относящегося к микроуровню, индивиду, кроме Администрированиягода. Поворот в сторону домашнего хозяйства наступит через несколько лет. Поэтому, говоря сегодняшним языком, в проекте рассматривается в основном профессиональный компонент, хотя в Сказаниях есть и элементы остальных. Следовательно, теоретически можно реконструировать все компоненты индивидуальности Героя, хотя при отборе сказителей семья практически не рассматривалась. Сожалею, что в ходе организации проекта я не настоял на проведении интервью с матерью Героя, Элеонорой Адамовной, которой было тогда 89 лет.

По сути Владимир Антонович был руководителем, организатором во многих сферах, основной инструмент которого – коллектив, который он создает под конкретный проект, и чем более серьезный проект, тем более мощно-профессиональный коллектив создается. Можно выделить несколько образований-коллективов:

А. Протоколлектив, семья – домохозяйство родителей Антон Иванович и Элеонора Адамовна, в которой появился Герой. Он своими действиями развивал его, создавая основу клана.

Б. Семья – домохозяйство Героя. Жена, Луиза Даниловна – «Мать моих детей» и две дочки. Нет наследника.

В. Отдел труда и зарплаты Сибэлектромотора.

Первые три коллектива находятся за пределами рассуждений.

Г. Кафедра организации и планирования промышленных предприятий экономического факультета ТГУ (ОиППП). Доцент, профессор, заведующий, который выбирался кафедрой, состав которой определялся заведующим. Кафедра постепенно дрейфовала в сторону экономики труда, специ-

альности заведующего, хотя называлась в дальнейшем кафедрой системного менеджмента.

Д. Высшая школа бизнеса ТГУ. Директор (без факультета). Создал с нуля в условиях дефицита соответствующих кадров. ВШБ на правах факультета, но директор назначался. После достижения ВШБ зрелости она стала мощным полусом экономического «института», комплекса, основой которого было платное образование, которое реально осуществляла активная часть ЭФ в трёх формах (дневная, вечерняя, заочная). На ЭФ платные студенты, «второе высшее», договорные группы и т.д., на ВШБ факультеты: экономики и финансов, банковского дела, целевых программ. Мощная адсорбция платежеспособного спроса на экономическое, прежде всего финансовое образование. Но, к сожалению, для ВШБ почти с «детства» у неё появился мощный конкурент, забиравший основную энергию и время героя, – «Газпромбанк» ТФ. Поэтому, достигнув количественных результатов (несколько тысяч студентов), она не перешла на следующий качественный уровень, хотя такая возможность была: хорошие преподаватели, образовательные менеджеры, издательская база, научно-практические журналы, аспирантура-докторантура, диссовет. Поэтому, когда спрос упал (по разным причинам), в том числе централизации финансовых ресурсов в стране, ВШБ (факультет коммерческого образования) угасла.

Е. Комплекс ЭФ–ВШБ–диссовет (кадры в основном пересекались), со-руководитель, триумвир может быть триумвир, если учитывать председателя диссертационного совета. Комплекс оболочечно-неявного вида, судя по стабильности руководства, неявность была эффективной.

Ж. Томский филиал «Газпромбанка». Первый коллектив, который был создан с нуля, «из головы», под конкретную коммерческую цель при поддержке Газпрома. Но филиал был создан профессором, в нем были пережитки вуза – направление сотрудников в аспирантуру, издание сборника статей. Так как в то время специалистов коммерческих банков не было в принципе, в Томске, тем более, они выращивались в банке. Исключения, известные мне, – позиция главного бухгалтера, м.б. безопасника. Особенность: назначение директора филиала головным офисом (Москва) на определенный срок.

Время расцвета ВШБ – недолгое время децентрализованных финансов, в том числе и в высшей школе, у каждого факультета был свой бюджет, который делился на 3 части: для ТГУ, ВШБ и факультета. В рамках остатка средств факультет мог проводить некоторые особенности учебной политики, к примеру – установить «свою» плату за обучение в достаточно небольших размерах, что практиковал ФБД. В целом в ВШБ не было штатных преподавателей, поэтому их оплата труда была выше, чем на экономическом факультете. В основном преподаватели ТГУ, специальные финансово-учетные дисциплины – кафедра финансов и учета, а также сотрудники других вузов Томской банковской школы, работники финансово-кредитной сферы. У административного персонала ВШБ бы-

ли годовые контракты, что имело определенные минусы. До некоторого момента в ВШБ был свой главный бухгалтер, потом эта функция перешла к главбуху ТГУ.

О физической книге: на первой странице обложки – репродукция картины томского художника Александра Кнехта «Университетские ворота». Мне нравится его живопись, картина была у меня до написания книги. Герой похож, неслучайная случайность.

Список источников

1. Латышский сын сибирского народа, или Сказания о Владимире Гаге : книга интервью / сост. А.А. Земцов, С.В. Негруль. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. 580 с.

Экономическая теория, методология и политика

Научная статья
УДК 314.8.061
doi: 10.17223/19988648/59/3

Анализ потенциала человеческого развития и взаимовлияния ожидаемой продолжительности жизни и плотности населения по регионам России

Евгений Владимирович Моргунов¹,
Сергей Владимирович Чернявский², Анна Николаевна Соломщук³,
Самин Талехович Фатуллаев⁴

¹ *Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н.М. Римашевской – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия*

^{2,4} *Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия*

³ *ООО «Солан», Москва, Россия*

¹ *morgun1976@mail.ru*

² *vols85-85@mail.ru*

³ *7207079@mail.ru*

⁴ *fatullaev.samin@gmail.com*

Аннотация. В статье осуществлены анализ потенциала человеческого развития по показателю «ожидаемая продолжительность жизни» (ОПЖ) и анализ потенциала развития по показателю «плотность населения» в 85 субъектах РФ, а также охарактеризованы взаимовлияния плотности населения и ОПЖ по регионам России. Для решения поставленных задач был использован ряд методов системного анализа, аналитического и статистического анализа, прежде всего метод группировки, индексный анализ, корреляционный и регрессионный анализ. В результате проведенного исследования установлено, что связь между плотностью населения и продолжительностью жизни в регионах России является положительной, но носит умеренный характер.

Ключевые слова: человеческое развитие, человеческий потенциал, субъекты РФ, критические значения, плотность населения, ожидаемая продолжительность жизни, статистический анализ, оценка влияния

Для цитирования: Моргунов Е.В., Чернявский С.В., Соломщук А.Н., Фатуллаев С.Т. Анализ потенциала человеческого развития и взаимовлияния ожидаемой продолжительности жизни и плотности населения по регионам России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 39–57.
doi: 10.17223/19988648/59/3

Economic theory, methodology and policy

Original article

Analysis of the potential of human development and the mutual influence of life expectancy and population density by regions of Russia

**Evgeniy V. Morgunov¹, Sergey V. Chernyavskiy², Anna N. Solomshchuk³,
Samin T. Fatullaev⁴**

¹ *Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

^{2, 4} *Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

³ *Solan, LLC, Moscow, Russian Federation*

¹ *morgun1976@mail.ru*

² *vols85-85@mail.ru*

³ *7207079@mail.ru*

⁴ *fatullaev.samin@gmail.com*

Abstract. The article shows that there is no unambiguous interpretation of the concept “potential”, and therefore, within the framework of the objects of research (regions, countries), we proposed our own interpretation: potential is the most possible benchmark for the development of the countries of the world (regions of the country) in specific (today’s) socio-economic and other global and national conditions within the framework of the selected analytical indicator or indicator combination. We also analyzed the potential of human development by the indicator “life expectancy” and the development potential by the indicator “population density” in 85 subjects of the Russian Federation, and characterized the mutual influences of population density and life expectancy by regions of Russia according to the data for 2020. In our research, we used the method of critical values, a number of methods of systems analysis, analytical and statistical analysis, first of all, the grouping method, index analysis, correlation and regression analysis. As a result of the conducted research, we found that in modern Russian socioeconomic conditions: (1) the critical values of life expectancy in the regions of Russia are 69.94 years (first quartile) and 70.66 years (median), and the realized regional potential in terms of life expectancy is 71.91 years (third quartile); (2) the subjects (regions) of the Russian Federation are characterized by high differentiation in population density – from 4956.06 people per sq. km (Moscow) up to 0.007 people per sq. km (Chukotka Autonomous Okrug), in connection with which we developed an authorial “density index” to reduce the level of differentiation of regions without losing the quality of regional data analytics on population density in Russia; (3) the critical values for the regions of Russia in terms of population density are 5.12 people per sq. km (first quartile) and 22.36 people per sq. km (median), and the realized regional potential in terms of population density is 44.5 people per sq. km (third quartile); (4) the relationship between population density and life expectancy in the regions of Russia is positive, but it is moderate, while the following dependencies are characteristic for the subjects of the Russian Federation (on average): to ensure an average regional life expectancy (71 years), a population density of 30.5 people per square km is necessary and sufficient, and regions with very high life expectancy

(73 years) are characterized by population density in the range of 47 to 72.5 people per sq. km.

Keywords: human development, human potential, subjects of the Russian Federation, critical values, population density, life expectancy, statistical analysis, impact assessment

For citation: Morgunov, E.V., Chernyavskiy, S.V., Solomshchuk, A.N. & Fatullaev, S.T. (2022) Analysis of the potential of human development and the mutual influence of life expectancy and population density by regions of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 39–57. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/3

Введение

В 1990 г. Программа развития ООН (ПРООН) опубликовала свой первый «Доклад о человеческом развитии» (ДЧР). С тех пор Организация выпустила более 800 глобальных, региональных, национальных и субнациональных ДЧР. *Человеческое развитие* (по мнению ООН) означает обеспечение свобод человека, а также формирование и развитие человеческого потенциала – не для немногих и даже не для большинства, а для всего населения. С такой точки зрения, с одной стороны, с мнением ООН сложно не согласиться, с другой – многие демографические, социально-экономические и другие показатели могут прямо или опосредованно считаться индикаторами человеческого развития [1, с. 10, 12].

Однако с 1990 г. основным сравнительным показателем человеческого развития в мире, стране или регионе является *индекс человеческого развития (ИЧР)*. Индекс представляет собой составной показатель, фокусирующийся на трёх основных измерениях человеческого развития: способности вести долгую и здоровую жизнь (измеряемой показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении); способности получать знания (измеряемой средней продолжительностью обучения и ожидаемой продолжительностью обучения); способности достигать достойного уровня жизни (измеряемой показателем валового национального дохода на душу населения). При этом страны (регионы) делятся на 4 группы по ИЧР: *с очень высоким уровнем развития (индекс равен 0,800 и выше), с высоким уровнем развития (индекс равен 0,700–0,799), со средним уровнем развития (индекс равен 0,550–0,699) и низким уровнем развития (индекс меньше 0,550)*.

В то же время в триаде показателей человеческого развития есть самый важный индикатор – *ожидаемая продолжительность жизни при рождении*. Данный показатель потому является важнейшим обобщающим демографическим показателем, что он показывает сколько лет, возможно, проживёт конкретный человек в конкретной стране или регионе. Все остальные показатели человеческого развития, например валовой внутренний продукт, денежные доходы населения и т.д., выступают как значимые или незначимые факторы, влияющие на продолжительность жизни человека.

Естественно, есть и другие индикаторы человеческого развития; например освоённость человеком территории, на которой он проживает.

Одним из таких показателей является *плотность населения* (число жителей, приходящееся на 1 км² территории); при расчёте плотности населения могут исключаться необитаемые территории и крупные внутренние водные пространства. Помимо общей плотности населения, также часто используются отдельные показатели плотности для сельского и городского населения [2].

В свою очередь под *территорией* (лат. *territorium*) обычно понимается часть поверхности суши Земли с определёнными границами (юрисдикциями). Например, территория государства, территория административной границы региона в государстве и т.д. В частности, в Российской Федерации (РФ, Россия) основными административными региональными единицами выступают «субъекты РФ» [3].

Россия состоит из 85 субъектов (регионов), 46 из которых именуется областями, 22 – республиками, 9 – краями, 3 – городами федерального значения, 4 – автономными округами (АО) и 1 – автономной областью. При этом Ненецкий АО формально входит в состав Архангельской области, Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО соответственно в Тюменскую область.

Опираясь на вышеизложенное, в этом исследовании мы рассмотрим (применительно к российским регионам) два показателя человеческого развития: ожидаемую продолжительность жизни (ОПЖ) и плотность населения – с целью их характеристики и оценки взаимовлияния по данным Росстата за 2020 г. [4].

1. Методология анализа регионов стран мира

Первичной методологической основой анализа данных явилась общая теория статистики [5]. Все расчёты выполнены с помощью «WPS Office». Группировка регионов России осуществлялась по большей части на основе квартильного анализа. При этом в ходе статистического анализа нами были определены следующие показатели: размах вариации, средняя арифметическая в целом и по квартилям, квартили, коэффициент корреляции Пирсона, коэффициент детерминации и ряд других показателей. Также в ходе исследования были выявлены и решены следующие методологические проблемы:

1. Важным моментом анализа является определение критических значений параметров регионов страны как социально-экономической системы. В этом процессе мы, с одной стороны, опираемся на квартильный анализ, с другой – на теорию бифуркаций, в том числе определение «точки бифуркации» [6, с. 16]. В этой связи нами были выделены два критических уровня значений параметра (две точки бифуркации) – это нахождение или риск перехода региона страны (по выбранному параметру) в группу с «низкими значениями» (от минимального до первой квартили: 0–25%) и нахождение или риск перехода в группу со «средними значениями» (от первой квартили до медианы: 25–50%). То есть первый критический уро-

вень системы (региона страны) по выбранному параметру – это точка бифуркации, равная первой квартили; второй уровень – медианное значение параметра (ОПЖ, плотность населения).

2. Другая значимая проблема – определение потенциала региона страны и степени его реализации (по выбранному параметру или по совокупности параметров). *Потенциал, или потенция в переводе с латыни, – сила, мощь.* Существующие его трактовки, особенно в социально-экономической сфере, довольно спорные, например совокупность имеющихся средств и возможностей страны. Однако лучше всего передаёт социально-экономическую сущность понятия «потенциал» её прилагательное: потенциальный – существующий в потенции, скрытый, не проявляющийся, *возможный* [7, с. 768]. Таким образом, с нашей точки зрения, *потенциал – это наиболее возможный ориентир развития стран мира (регионов страны) в конкретных (сегодняшних) социально-экономических и прочих мировых и национальных условиях в рамках выбранного аналитического показателя или их совокупности.* При этом как синонимы будем использовать также такие понятия, как «человеческий потенциал» и «потенциал человеческого развития» (последнее, как нам представляется, даже более корректное с точки зрения «буквы и духа» концепции человеческого развития, продвигаемой ООН). В качестве примера: потенциал человеческого развития по продолжительности жизни в России в 2020 г. составил 81 год (более подробно см. ниже).

3. С проблемой определения потенциала страны (по выбранному индикатору) соприкасается и проблема экстремальных значений (минимума и максимума) анализируемого параметра по регионам РФ, особенно когда они достаточно сильно отличаются от среднего арифметического по России. Данная проблема может быть решена с помощью определения локальных минимума и максимума; например, с помощью локального среднего значения: локальный минимум равен средней арифметической по первой квартили (0–25%) от всей совокупности, а локальный максимум равен средней арифметической по четвёртой квартили (75–100%) от всей совокупности.

Опираясь на вышеизложенное, субъекты РФ (по анализируемому параметру) можно разделить на три группы: а) *субъекты с минимальным потенциалом развития (регионы со значениями, равными и ниже локального минимума); б) регионы, развивающие свой потенциал; в) субъекты с максимальным потенциалом развития (регионы со значениями, равными и выше локального максимума).*

В качестве альтернативного решения определения максимального и минимального потенциалов развития при высокой неоднородности показателей развития регионов страны, особенно в 4-й и 1-й квартилях, можно использовать непосредственно сами значения этих квартилей.

4. Основной проблемой именно сравнительного анализа факторов или их совокупности является разная размерность или большой массив данных. С целью получения как можно более объективных результатов используется несколько методов перевода данных в обезличенную форму,

при этом одним из самых простых методов сведения размерной шкалы к безразмерной является преобразование:

$$I_u = (X_i - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min}),$$

где I_u – удельный индекс показателя X в i -й стране; X_i – значение показателя X в i -й стране; X_{\max} – максимальное значение показателя X ; X_{\min} – минимальное значение показателя X .

Легко видеть, что в этом случае безразмерная величина будет меняться от 0 ($X_i = X_{\min}$) до 1 ($X_i = X_{\max}$). Заметим, что данное преобразование является непрерывным.

Есть и другие индексные методы. Например, ПРООН для ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) предложила индекс долголетия ($I_{\text{опж}}$):

$$I_{\text{опж}} = (X_i - 25) / (85 - 25),$$

где X_i – ожидаемая продолжительность жизни в стране (регионе) при рождении; 25 лет – нижний ожидаемый предел долголетия; 85 лет – верхний ожидаемый предел долголетия.

В этом случае безразмерная величина может также меняться от 0 до 1; однако в современных условиях X_i обычно больше 0, а реальные значения ОПЖ, превышающие или равные 85 годам, приравниваются к 1. Заметим, что данное преобразование также является непрерывным. Таким образом, в современных условиях мирового развития человечества, по мнению ПРООН, 85 лет является потенциалом человеческого развития по показателю ожидаемой продолжительности жизни.

2. Ожидаемая продолжительности жизни в регионах России

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) – значение средней продолжительности предстоящей жизни, прогнозируемое в предположении, что уровни смертности населения во всех возрастах в будущем останутся такими же, как в рассматриваемом году. Иначе можно сказать так: если в Астраханской области России в 2020 г. в среднем люди доживали до 72 лет, то ребёнок, родившийся в этом субъекте РФ в 2020 г., тоже предположительно доживёт до 72 лет.

Вначале мы проанализировали продолжительность жизни в субъектах РФ по методике ПРООН (индекс долголетия). Выяснилось, что (по данным Росстата за 2020 г.) большинство субъектов РФ (73 из 85, или 85,88%) принадлежат по данному индексу человеческого развития к высоко развитым регионам – индекс долголетия в среднем равен 0,756. У 10 регионов индекс долголетия очень высокий (0,836) – это субъекты РФ, входящие в Северо-Кавказский федеральный округ (республики Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия – Алания, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Ставропольский край), Республика Адыгея (Южный ФО), а также города федерального значения – Севастополь (Южный ФО), Санкт-Петербург (Северо-Западный ФО) и Москва (Центральный ФО). И только в двух субъектах РФ – средний уровень человеческого развития по продолжительности жизни населения, это Республика Тыва (0,688) и Чукотский автономный округ (0,680).

В целом же коэффициент вариации индекса долголетия в субъектах РФ в 2020 г. составил 4,72%, среднее значение индекса равно 0,767, а его медиана – 0,761, т.е. Россия по продолжительности жизни относится к странам с высоким уровнем человеческого развития. Графически распределение российских регионов по уровням продолжительности жизни (абсолютные и индексные значения) представлено на рис. 1.

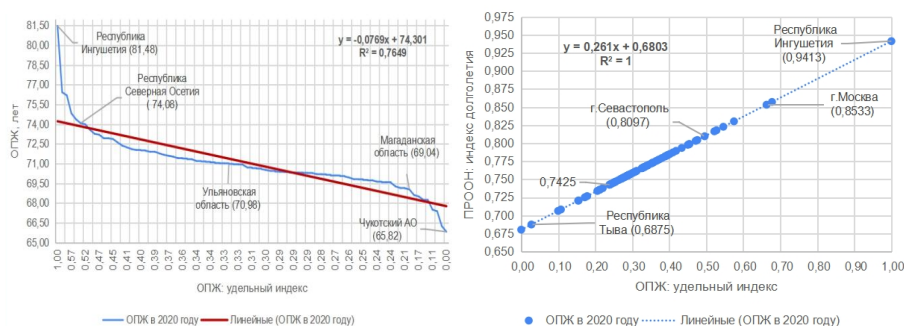

Рис. 1. Распределение регионов России в 2020 г. по уровням ожидаемой продолжительности жизни.
 Источник: БГД – Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021 г. (gks.ru); расчеты авторов

В связи с вышеизложенным для нивелирования относительного единообразия (с точки зрения ПРООН) значений показателя ожидаемой продолжительности жизни в регионах России, определения критических значений и человеческого потенциала по ОПЖ мы предлагаем использовать «универсальный» квартильный метод ранжирования. Наши результаты представлены в табл. 1, 2.

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность жизни по группам регионов России в 2020 г. (лет, индекс долголетия)

Группа	Показатель	Количество регионов	Среднее значение	Диапазон значений
1	Очень высокая продолжительность жизни	21	73,69 (0,811)	81,48–71,91 (0,941–0,782)
2	Высокая продолжительность жизни	21	71,25 (0,771)	71,91–70,71 (0,782–0,762)
3	Средняя продолжительность жизни	21	70,32 (0,755)	(70,66–70,03 (0,761–0,751)
4	Низкая продолжительность жизни	22	68,83 (0,731)	69,94–65,82 (0,749–0,680)

Группа	Показатель	Количество регионов	Среднее значение	Диапазон значений
	<i>Справочно:</i>			
	Средняя продолжительность жизни и размах вариации по всем регионам России	85	71,00 лет	15,66 лет
	Средняя продолжительность жизни и размах вариации по регионам, развивающим свой потенциал	70	70,90 лет	5,54 года

Источник: БГД – Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021 г. (gks.ru); расчеты авторов.

Так, по аналогии с Индексом человеческого развития нами также выделены 4 категории (группы) субъектов РФ: очень высокая продолжительность жизни (средняя по первой четверти), высокая продолжительность жизни (средняя по второй четверти), средняя продолжительность жизни (средняя по третьей четверти) и низкая продолжительность жизни (средняя по четвертой четверти). Как видно из табл. 1, медианное значение и средние значения ОПЖ по регионам России примерно равны и составляют 70–71 год.

Таблица 2. Рейтинг регионов России по потенциалу человеческого развития: ОПЖ (лет), индекс долголетия

Место	Субъект РФ (выборочно)	Федеральный округ (ФО)	ОПЖ, лет	Индекс долголетия
<i>7 регионов с максимальным потенциалом развития</i>				
1	<i>Республика Ингушетия</i>	<i>Северо-Кавказский</i>	<i>81,48</i>	<i>0,9413</i>
2	Республика Дагестан	Северо-Кавказский	76,43	0,8572
3	<i>Москва (город)</i>	<i>Центральный</i>	<i>76,20</i>	<i>0,8533</i>
4	Карачаево-Черкесская Республика	Северо-Кавказский	74,82	0,8303
5	Кабардино-Балкарская Республика	Северо-Кавказский	74,37	0,8228
6	Республика Северная Осетия – Алания	Северо-Кавказский	74,08	0,8180

Место	Субъект РФ (выборочно)	Федеральный округ (ФО)	ОПЖ, лет	Индекс долголетия
7	<i>Санкт-Петербург (город)</i>	<i>Северо-Западный</i>	73,99	0,8165
<i>70 регионов, развивающих свой потенциал</i>				
8	Севастополь (город)	Южный	73,58	0,8097
21	<i>Воронежская область</i>	<i>Центральный</i>	71,91	0,7818
22	<i>Ямало-Ненецкий автономный округ</i>	<i>Уральский</i>	71,91	0,7818
42	Вологодская область	Северо-Западный	70,71	0,7618
43	<i>Ивановская область</i>	<i>Центральный</i>	70,66	0,7610
63	Владимирская область	Центральный	70,03	0,7505
64	<i>Курганская область</i>	<i>Уральский</i>	69,94	0,7490
77	Магаданская область	Дальневосточный	69,04	0,7340
<i>8 регионов с минимальным потенциалом развития</i>				
78	<i>Хабаровский край</i>	<i>Дальневосточный</i>	68,61	0,7268
79	Кемеровская область	Сибирский	68,51	0,7252
80	Иркутская область	Сибирский	68,25	0,7208
81	Забайкальский край	Дальневосточный	68,23	0,7205
82	Еврейская автономная область	Дальневосточный	67,50	0,7083
83	Амурская область	Дальневосточный	67,38	0,7063
84	Республика Тыва	Сибирский	66,25	0,6875
85	<i>Чукотский автономный округ</i>	<i>Дальневосточный</i>	65,82	0,6803

Источник: БГД – Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021 г. (gks.ru); расчеты авторов.

В целом критические значения ОПЖ по регионам России в 2020 г. составляют соответственно 69,94 года (первая квартиль) и 70,66 года (медиа-

на). При этом можно выделить три группы субъектов РФ: а) 8 регионов с минимальным потенциалом человеческого развития (ОПЖ: 65,82–68,61 лет); б) 70 регионов, развивающие свой человеческий потенциал (ОПЖ: 69,04–73,58 лет); в) 7 регионов с максимальным потенциалом человеческого развития (ОПЖ: 73,79–81,48 года).

Таким образом, человеческий потенциал (возможный ориентир развития) регионов России по ОПЖ в 2020 г. составил 81 год (Республика Ингушетия). В среднем же жители российских регионов с очень высокой продолжительностью жизни живут в 1,07 раза дольше, чем жители регионов с низкой продолжительностью жизни, а значения коэффициента вариации при этом составляют соответственно для абсолютных значений 3,06%, для удельного индекса – 41,92%.

В то же время нужно очень осторожно относиться к статистическим данным из республик Северного Кавказа, поэтому, с одной стороны, в наибольшей степени достоверности можно отнести оценку человеческого потенциала по ОПЖ в 76 лет (г. Москва), с другой стороны, Москва, Санкт-Петербург и Севастополь – это всё же не регионы, а города, а с третьей стороны, даже самые оптимистические значения ОПЖ не дотягивают до верхнего ожидаемого предела, установленного ПРООН (85 лет). Однако это не означает, что отдельные индивиды, независимо в каком регионе РФ они родились и живут, не могут прожить до 90, 100 и более лет.

В этой связи (см. рис. 1 и табл. 1, 2) *фактология и тренд* показывают, что именно для регионов России наиболее характерны значения ОПЖ в диапазоне 68–74 года (тренд), а фактический потенциал человеческого развития равен третьей квартили (Воронежская область, ОПЖ = 71,91 года). Иначе говоря, регионы с продолжительностью жизни в 2020 г. более 72 лет, можно сказать, реализовали свой человеческий потенциал в современных российских условиях жизни населения страны.

3. Плотность населения в регионах России

Как уже отмечалось, *плотность населения – это число жителей, приходящееся на 1 км² территории страны (региона)*. Стоит отметить, что не существует такого параметра, как нормальная или оптимальная плотность населения. При этом плотность населения до десятков раз отличается между материками, ещё сильнее различия в плотности населения между разными странами мира, а порой и внутри страны, как, например, в РФ, поэтому Удельный индекс плотности слабо подходит для сравнительного анализа [8].

К тому же напрямую показатель «плотность населения» не относится к индикаторам человеческого развития, у него нет и устоявшегося обезличенного индекса для сравнительного анализа. В этой связи нами предложен собственный индекс плотности ($I_{пн}$):

$$I_{пн} = X_i / 100,$$

где X_i – плотность населения в регионе страны; 100 чел. на км² – верхний предел плотности населения.

Нижнего предела плотности нет, так как у Чукотского автономного округа самая минимальная плотность населения и она близка к 0 (0,07 чел. на км²); а верхний предел в 100 чел. на км² выбран по двум причинам: «круглая цифра» и большинство субъектов РФ (80 из 85 регионов) имеют плотность населения меньше 100 чел. на км².

В этом случае безразмерная величина может также меняться от 0 до 1; однако в нашем случае X_i всё же больше 0, а реальные значения плотности населения, превышающие или равные 100 чел. на км², приравниваются к 1. Заметим, что данное преобразование также является непрерывным.

В связи с вышеизложенным для определения критических значений и потенциала развития регионов России в 2020 г. по показателю «плотность населения» мы предлагаем использовать «универсальный» квартильный метод ранжирования. Наши результаты представлены на рис. 2 и в табл. 3, 4.

Нами опять же выделены 4 категории (группы) субъектов РФ: очень высокая плотность населения (средняя по первой квартили), высокая плотность населения (средняя по второй квартили), средняя плотность населения (средняя по третьей квартили) и низкая плотность населения (средняя по четвертой квартили).

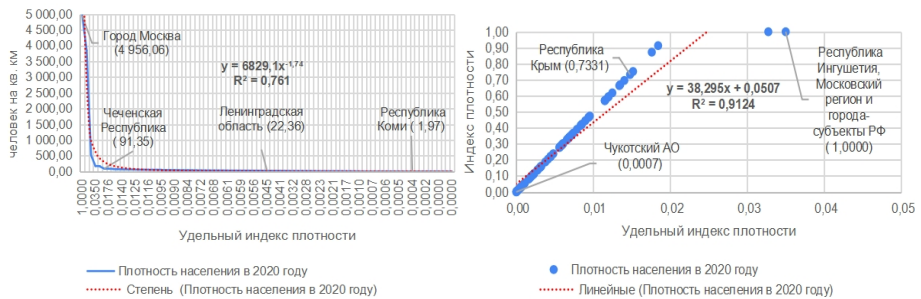

Рис. 2. Распределение регионов России в 2020 г. по уровням плотности населения.

Источник: Плотность населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2020 г. URL: http://www.statdata.ru/nasel_regions; расчеты авторов

Как видно из табл. 3, даже в среднем значения плотности населения по группам регионов в России сильно разнятся: от 2 до 508 чел. на км², а медианное значения, всего 22 чел. на км². При этом значения коэффициента вариации составляют соответственно для абсолютных значений и для удельного индекса 488% и для индекса плотности – 95%. Таким образом, не снижая информативности, предложенный нами индекс плотности позволил почти в 5 раз снизить фактическую вариативность значений данного индикатора.

В целом критические значения плотности населения по регионам России в 2020 г. составляют соответственно 5,12 чел. на км² (первая квартиль) и 22,36 чел. на км² (медиана). При этом можно выделить три группы субъектов РФ: а) 10 регионов с минимальным потенциалом развития (плотность: 0,07–1,97 чел. на км²); б) 66 регионов, развивающих свой потенциал (плотность: 2,18–69,62 чел. на км²); в) 9 регионов с максимальным потенциалом развития (плотность: 73,31–4956,06 чел. на км²).

**Таблица 3. Плотность населения по группам регионов России в 2020 г.
(чел. на км², индекс плотности)**

Группа	Показатель	Количество регионов	Среднее значение	Диапазон значений
1	Очень высокая плотность населения	21	508,48 (0,7253)	4956,06–46,52 (1,0000–0,4652)
2	Высокая плотность населения	21	33,63 (0,3363)	44,50–23,92 (0,4450–0,2392)
3	Средняя плотность населения	21	14,02 (0,1402)	(22,36–5,61 (0,2236–0,0561))
4	Низкая плотность населения	22	2,17 (0,0217)	5,12–0,07 (0,0512–0,0007)
	<i>Справочно:</i>			
	Средняя плотность населения и размах вариации по всем регионам России	85	137,96	4955,99
	Средняя плотность населения и размах вариации по регионам, развивающим свой потенциал	66	26,29	67,44

Источник: Плотность населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2020 г. URL: http://www.statdata.ru/nasel_regions; расчеты авторов.

**Таблица 4. Рейтинг регионов России по потенциалу развития:
плотность населения (чел. на км², индекс плотности)**

Место	Субъект РФ (выборочно)	Федеральный округ (ФО)	Плотность населения, чел. на км ²	Индекс плотности
<i>9 регионов с максимальным потенциалом развития</i>				
1	Москва (город)	Центральный	4956,06	1,0000
2	Санкт-Петербург (город)	Северо-Западный	3843,90	1,0000
3	Севастополь (город)	Южный	519,48	1,0000
4	Московская область	Центральный	173,42	1,0000
5	Республика Ингушетия	Северо-Кавказский	162,24	1,0000

Место	Субъект РФ (выборочно)	Федеральный округ (ФО)	Плотность населения, чел. на км ²	Индекс плотности
6	Чеченская Республика	Северо-Кавказский	91,35	0,9135
7	Республика Северная Осетия – Алания	Северо-Кавказский	87,27	0,8727
8	Краснодарский край	Южный	75,22	0,7522
9	<i>Республика Крым</i>	<i>Южный</i>	<i>73,31</i>	<i>0,7331</i>

66 регионов, развивающих свой потенциал

10	<i>Кабардино-Балкарская Республика</i>	<i>Северо-Кавказский</i>	<i>69,62</i>	<i>0,6962</i>
21	Ивановская область	Центральный	46,52	0,4652
22	<i>Воронежская область</i>	<i>Центральный</i>	<i>44,50</i>	<i>0,4450</i>
42	Саратовская область	Приволжский	23,92	0,2392
43	<i>Ленинградская обл.</i>	<i>Северо-Западный</i>	<i>22,36</i>	<i>0,2236</i>
63	Сахалинская область	Дальневосточный	5,61	0,0561
64	<i>Мурманская область</i>	<i>Северо-Западный</i>	<i>5,12</i>	<i>0,0512</i>
75	Амурская область	Дальневосточный	2,18	0,0218

10 регионов с минимальным потенциалом развития

76	<i>Республика Коми</i>	<i>Северо-Западный</i>	<i>1,97</i>	<i>0,0197</i>
77	Республика Тыва	Сибирский	1,94	0,0194
78	Хабаровский край	Дальневосточный	1,67	0,0167
79	Красноярский край	Сибирский	1,21	0,0121
80	Ямало-Ненецкий автономный округ	Уральский	0,71	0,0071
81	Камчатский край	Дальневосточный	0,67	0,0067

Место	Субъект РФ (выборочно)	Федеральный округ (ФО)	Плотность населения, чел. на км ²	Индекс плотности
82	Республика Саха (Якутия)	Дальневосточный	0,31	0,0031
83	Магаданская область	Дальневосточный	0,30	0,0030
84	Ненецкий автономный округ	Северо-Западный	0,25	0,0025
85	<i>Чукотский автономный округ</i>	<i>Дальневосточный</i>	0,07	<i>0,0007</i>

Источник: Плотность населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2020 г. URL: http://www.statdata.ru/nasel_regions; расчеты авторов.

Фактология и тренд плотности населения в регионах России (см. рис. 2 и табл. 3, 4) ещё в большей степени, чем показатель ОПЖ, «страдают» от проблемной статистики по Северному Кавказу и от данных по городам-регионам. По сути все субъекты РФ с индексом плотности, равным 1, – аномалии по сравнению с остальными российскими регионами. В этой связи мы считаем, что для определения потенциала развития регионов России по плотности населения нужно ориентироваться на третью квартиль; как ни странно, это тоже Воронежская область (см. ОПЖ) – плотность в этом регионе составляет 44,50 чел. на км². То есть регионы с плотностью населения в 2020 г. более 45 чел. на км², можно сказать, реализовали свой потенциал развития (расселения) в современных российских условиях жизни в стране.

Более качественный анализ плотности населения в её взаимосвязи с продолжительностью жизни в регионах России будет осуществлён в разд. 4 данного исследования.

4. Оценка влияния плотности населения на ожидаемую продолжительность жизни в регионах России

Оценка влияния плотности населения на ожидаемую продолжительность жизни осуществлялась на основе корреляционного и регрессионного анализа массива данных по 85 субъектам Российской Федерации за 2020 г. Так, в частности, корреляционный анализ между данными по плотности населения и ОПЖ показал, что коэффициент корреляции Пирсона между абсолютными значениями плотности населения и ОПЖ равен 0,34, а между их индексами – 0,66; иначе говоря, связь положительная, но слабая или как максимум – средне выраженная.

Это объясняется, прежде всего, крайне высокой дифференциацией субъектов РФ по уровню плотности населения по сравнению с ожидаемой продолжительностью жизни. Поэтому при определении взаимосвязей

между продолжительностью жизни и плотностью населения мы опирались на индексные их значения – Индекс долголетия и индекс плотности (взаимосвязь определялась методом построения линейной регрессии). Результаты анализа представлены на рис. 3 и в табл. 5.

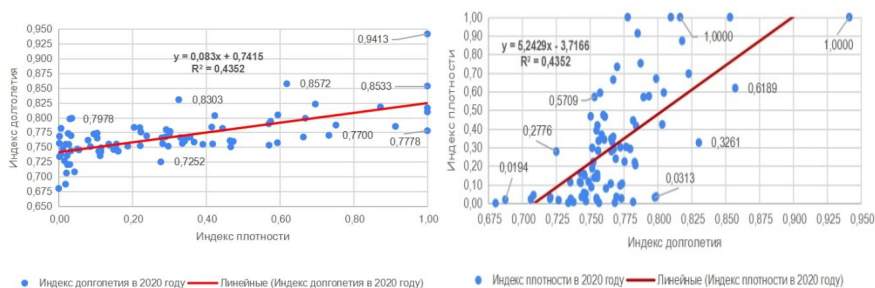

Рис. 3. Взаимосвязь плотности населения и продолжительности жизни в регионах России (индексы, 2020 г.)

Источник: БГД – Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021 г. (gks.ru); Плотность населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2020 г. URL: http://www.statdata.ru/nasel_regions; расчеты авторов

Таблица 5. Взаимосвязь плотности населения и продолжительности жизни по группам в регионах России (2020 г.)

№	Показатель	Индекс плотности (факт/тренд)	Плотность населения: чел. на км ² (факт/тренд)	Индекс долголетия (факт/тренд)	ОПЖ: лет (факт/тренд)
1	Очень высокий уровень	0,7253 (0,4725)	508,48/72,53 (47,25)	0,779 (0,802)	72,93 (73,12)
	Отклонение в % (факт/тренд)	+53,5	+53,5	-2,9	-0,3
2	Высокий уровень	0,3363 (0,3152)	33,63 (31,52)	0,769 (0,769)	71,14 (71,14)
	Отклонение в % (факт/тренд)	+6,7	+6,7	Нет	Нет
3	Средний уровень	0,1402 (0,2470)	14,02 (24,70)	0,756 (0,753)	70,38 (70,18)
	Отклонение в % (факт/тренд)	-43,2	-43,2	+0,4	+0,3
4	Низкий уровень	0,0217 (0,1789)	2,17 (17,89)	0,743 (0,743)	69,60 (69,60)
	Отклонение в % (факт/тренд)	-87,9%	-87,9%	Нет	Нет
	В среднем по регионам РФ	0,3025 (0,3047)	137,96/30,25 (30,47)	0,767 (0,767)	71,00 (71,00)
	Отклонение в % (факт/тренд)	-0,7	-0,7	Нет	Нет

Источник: БГД – Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021 г. (gks.ru); Плотность населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2020 г. URL: http://www.statdata.ru/nasel_regions; расчеты авторов.

В целом регрессионный анализ подтверждает, что взаимосвязь (согласно шкале Чеддока) между ОПЖ и плотностью населения в субъектах РФ имеет умеренный характер (R-квадрат равен 0,435). При этом (табл. 5) даже в среднем по группам регионов влияние ОПЖ на плотность населения прослеживается слабо: отклонения значений тренда от фактических значений слишком велики – от 87 до 7% (по модулю). Обратная ситуация с влиянием плотности населения на ОПЖ: отклонения значений тренда от фактических значений лежат в диапазоне 0–0,4% (по модулю). Однако в среднем по субъектам РФ фактические значения и значения тренда совпадают или почти совпадают, особенно если мы опираемся не на значения индекса, а на абсолютные значения индикаторов.

Так, для субъектов РФ характерны следующие зависимости (в среднем): для обеспечения среднерегиональной продолжительности жизни (71 год) необходима и достаточна плотность населения в 30,5 чел. на км²; для регионов с низкой продолжительностью жизни (69,60 лет) – 2–18 чел. на км²; со средним уровнем ОПЖ (70 лет) – 14–25 чел. на км²; с высоким уровнем ОПЖ (71 год) – 31,5–33,5 чел. на км²; для регионов с очень высокой продолжительностью жизни (73 года) характерна плотность населения в диапазоне 47–72,5 чел. на км².

Как видно из проделанного нами анализа, с одной стороны, из-за умеренной связи комбинация фактических значений и значений тренда по группам субъектов РФ пересекают порой друг друга и т.п.; с другой стороны, чтобы обеспечить средний уровень ОПЖ в целом по регионам России – он же и высокий уровень (если смотреть в среднем по группам), необходима плотность населения выше 30 чел. на км²; в то же время плотность населения, превышающая 70 чел. на км², можно сказать, перестаёт влиять на продолжительность жизни в регионах страны.

Заключение

Если рассматривать Россию в целом (не по субъектам РФ), то выясняется, что плотность населения в стране составляет всего 8,56 чел. на км², т.е. мы находимся на 180-м месте из 193 государств – членов ООН. Средняя же плотность населения по регионам России в 2020 г. составила 138 человек, а медиана плотности – 22–23 чел. на км². При этом минимальная плотность у нас в Чукотском автономном округе (Дальневосточный федеральный округ, 0,07 чел. на км²), а максимальная плотность – в г. Москве (Центральный федеральный округ, 4956 чел. на км²).

Лучше всего дело обстоит с ожидаемой продолжительностью жизни в России – ОПЖ в 2020 г. составила 71 год; иначе говоря, РФ (методология ПРООН) по продолжительности жизни относится к странам с высоким уровнем человеческого развития. При этом в российских регионах низкий уровень дифференциации значений ОПЖ, так (опять же), минимальная продолжительность жизни в Чукотском автономном округе (Дальневосточный ФО) – 65,82 лет, максимальная – в Республике Ингушетия (Северо-Кавказский ФО) – 81,48 лет.

Таким образом, даже на основе анализа степени дифференциации индикаторов видно, что взаимовлияние плотности населения и продолжительности жизни в субъектах РФ не носит определяющего значения. Корреляционный и регрессионный анализ плотности населения и ожидаемой продолжительности жизни по регионам России в 2020 г. подтверждает это – связь положительная, но умеренная. В целом, чтобы региональные значения ОПЖ были как минимум равны или выше средних по стране – плотность в регионах России должна быть не ниже 30 чел. на км², но при этом может и не превышать 70 чел. на км².

Данная проблема – повышение продолжительности жизни с помощью увеличения плотности населения в большинстве регионов России и при этом её снижения в отдельных регионах, прежде всего в городах федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь) – является нетривиальной задачей. Одно из возможных направлений её решения – формирование «опорного каркаса расселения» (ОКР) в субъектах РФ.

ОКР – сеть наиболее крупных и функционально значимых населённых пунктов (крупных городов и городских агломераций) как центров социальной, политической и культурной жизни регионов страны, соединённых транспортными магистралями. При этом города и их агломерации являются узлами опорного каркаса расселения и выполняют три основные функции: районообразующую (районоорганизующую), факторов взаимодействия, освоенческую роль. Магистрали же – это линейные элементы опорного каркаса расселения [9].

В целом проведённый нами анализ показал, что, с одной стороны, требуются более углублённые исследования влияния плотности населения на продолжительность жизни в регионах России; с другой – плотность населения непосредственно не является сильно значимым фактором влияния на уровень ожидаемой продолжительности жизни в субъектах Российской Федерации. В этой связи необходимо продолжить поиск более значимых факторов, определяющих продолжительность жизни в стране и её регионах.

Список источников

1. *Джахан С.* (дир.). Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновленные статистические данные 2018. ПРООН, 2018. 122 с.
2. *Плотность населения* // Большая российская энциклопедия. URL: bigenc.ru (дата обращения: 29.05.2022).
3. *Конституция Российской Федерации*. М., 2020. Гл. 3.
4. *БГД – Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021 г.* URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 29.05.2022).
5. *Сизова Т.М.* Статистика : учеб. пособие. СПб. : СПб НИУ ИТМО, 2013. 176 с.
6. *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Методология: словарь системы основных понятий. М. : Либроком, 2013.
7. *Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000.

8. Численность постоянного населения, плотность населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2020 года. URL: http://www.statdata.ru/nasel_regions (дата обращения: 29.05.2022).

9. Ланно Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия географическая. 1983. № 5. С. 16–28.

References

1. Jahan, S. et al. (2018) *Indeksy i indikatory chelovecheskogo razvitiya. Obnovlennye statisticheskie dannye 2018* [Indices and Indicators of Human Development. Updated statistics 2018]. UNPD.

2. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. (n.d.) *Plotnost' naseleniya* [Population density]. [Online] Available from: bigenc.ru. (Accessed: 29.05.2022).

3. Russian Federation. (2020) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. Moscow: [s.n.].

4. Federal State Statistics Service. (2021) *BGD – Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli – 2021 g.* [BGD – Regions of Russia. Socio-economic indicators – 2021]. [Online] Available from: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm. (Accessed: 29.05.2022).

5. Sizova, T.M. (2013) *Statistika* [Statistics]. Saint Petersburg: ITMO University.

6. Novikov, A.M. & Novikov, D.A. (2013) *Metodologiya: slovar' sistemy osnovnykh ponyatiy* [Methodology: Dictionary of the system of basic concepts]. Moscow: Librokom.

7. Komlev, N.G. (2000) *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow: EKSMO-Press.

8. Statdata.ru. (2020) *Chislennost' postoyannogo naseleniya, plotnost' naseleniya po sub'ektam Rossiyskoy Federatsii na 1 yanvarya 2020 goda* [Permanent population, population density by subjects of the Russian Federation on January 1, 2020]. [Online] Available from: http://www.statdata.ru/nasel_regions. (Accessed: 29.05.2022).

9. Lappo, G.M. (1983) *Kontseptsiya opornogo karkasa territorial'noy struktury narodnogo khozyaystva: razvitie, teoreticheskoe i prakticheskoe znachenie* [The concept of the supporting framework of the territorial structure of the national economy: development, theoretical and practical significance]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya geograficheskaya*. 5. pp. 16–28.

Сведения об авторах:

Моргунов Е.В. – кандидат экономических наук, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: morgun1976@mail.ru

Чернявский С.В. – доктор экономических наук, профессор, Центральный экономико-математический институт РАН (Москва, Россия). E-mail: vols85-85@mail.ru

Соломщук А.Н. – ООО «Солан» (Москва, Россия). E-mail: 7207079@mail.ru

Фатуллаев С.Т. – Центральный экономико-математический институт РАН (Москва, Россия). E-mail: fatullaev.samin@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Morgunov, Cand. Sci. (Economics), Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: morgun1976@mail.ru

S.V. Chernyavskiy, Dr. Sci. (Economics), professor, Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: vchern2007@bk.ru

A.N. Solomshchuk, Solan, LLC (Moscow, Russian Federation). E-mail: 7207079@mail.ru

S.T. Fatullaev, Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: fatullaev.samin@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.07.2022;
одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 25.07.2022;
approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication 05.05.2022.*

Научная статья
УДК 330.59
doi: 10.17223/19988648/59/4

Благосостояние как мера обеспеченности благами населения

Ольга Васильевна Артемова¹, Анастасия Николаевна Савченко²,
Светлана Анатольевна Меленькина³

^{1, 2, 3} Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия
¹ artemova.ov@uiiec.ru
² savchenko.an@uiiec.ru
³ melenkina.sa@uiiec.ru

Аннотация. Проводимая государственная социально-экономическая политика, направленная на рост благосостояния населения, должна опираться на научный фундамент и обоснованные оценки. В статье рассматриваются актуальные вопросы по оценке и межрегиональным сравнениям уровня благосостояния населения. Исследование включает обзор научных подходов по вопросам изучения благосостояния населения. Определено понятие благосостояния как меры обеспеченности населения материальными, социальными и духовными благами. Предложен методологический подход к оценке уровня благосостояния населения региона, проведены межрегиональные сравнения по показателям уровня жизни. Представлены расчеты интегрального индекса благосостояния для субъектов РФ. Проведено позиционирование регионов УрФО по критериям «интегральный индекс благосостояния» – «индекс Джини». Анализ полученных результатов показал значительную дифференциацию регионов по уровню благосостояния, что свидетельствует о социально-экономической поляризации населения, проживающего в разных регионах УрФО. Выводы адекватно отражают реальную ситуацию по уровню благосостояния в регионах УрФО и могут быть полезными при разработке мер региональной социальной политики, оценке ее эффективности.

Ключевые слова: благосостояние населения, качество жизни, неравенство, оценка уровня благосостояния, регион, позиционирование

Для цитирования: Артемова О.В., Савченко А.Н., Меленькина С.А. Благосостояние как мера обеспеченности благами населения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 58–77. doi: 10.17223/19988648/59/4

Original article

Well-being as a measure of the sufficiency of benefits for the population

Olga V. Artemova¹, Anastasia N. Savchenko², Svetlana A. Melen'kina³

^{1, 2, 3} Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russian Federation

¹ artemova.ov@uiec.ru

² savchenko.an@uiec.ru

³ melenkina.sa@uiec.ru

Abstract. The state socioeconomic policy aimed at increasing the well-being of the population should be based on a scientific foundation and reasonable estimates. The article deals with topical issues of assessment and interregional comparisons of the level of population well-being. The study includes a review of scientific research on population well-being. The concept of the population well-being is defined as a measure of population's sufficient provision with material, social and spiritual benefits. A methodological approach to assessing the level of the population well-being in regions is proposed, indicators of living standards in different regions are compared. Calculations of the integral well-being index for the subjects of the Russian Federation are presented. The regions of the Ural Federal District were ranked according to the criteria of the Gini index. The analysis of the obtained results showed a significant differentiation of regions by the level of well-being, which indicates the socioeconomic polarization of the population living in different regions of the Ural Federal District. The findings adequately reflect the real situation in terms of well-being in the regions of the Ural Federal District and can be useful in developing measures of regional social policy and assessing its effectiveness.

Keywords: population well-being, quality of life, inequality, assessment of level of well-being, region, positioning

For citation: Artemova, O.V., Savchenko, A.N. & Melen'kina, S.A. (2022) Well-being as a measure of the sufficiency of benefits for the population. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 58–77. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/4

Введение

Сегодня в мире неравенство не только не снижается, а, напротив, возрастает: происходит сосредоточение накопленного богатства и концентрация власти в руках малой части населения. Согласно отчету о мировом богатстве за 2020 г. [1], почти половина (45,8%) мирового благосостояния сосредоточена в руках 1,1% взрослого населения. В отчете отмечается значительное увеличение разницы в уровне благосостояния населения мира к 2020 г.

На протяжении нескольких десятилетий проблема социально-экономической поляризации общества остается актуальной для нашей страны. Так, децильный коэффициент фондов возрастал начиная с 1995 г.

до периода спада экономики в 2008–2010 гг.; данные 2018–2020 гг. свидетельствуют о новом этапе его роста¹. Кризис 2020 г., вызванный пандемией COVID-19, обострил проблему неравенства, проявил его масштабы и глубину.

Отечественные и зарубежные авторы проявляют научный интерес к оценке благосостояния населения, о чем свидетельствует разнообразие подходов к исследованиям названных проблем, при этом расширяются представления о содержании понятия «благосостояние». В то же время до сих пор нет единого понимания понятия «благосостояние». Все это актуализирует необходимость проведения исследования в данной предметной области.

Значимость исследования в этом направлении обусловлена необходимостью разработки и постоянной актуализации концепции социально-экономического развития российских регионов, которая позволит выйти на траекторию устойчивого экономического роста и сократить неравенство населения. О необходимости решения данных проблем говорится и в Указе Президента № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»².

Объектом настоящего исследования является население регионов Уральского федерального округа (УрФО). В качестве предмета исследования авторами статьи определен уровень благосостояния населения региона. Цель исследования – определение уровня благосостояния населения и проведение на этой основе межрегионального сравнения регионов УрФО.

В настоящее время интенсивно ведутся исследования по широкому кругу вопросов теоретического, методологического и прикладного характера: о сущности, месте благосостояния населения в системе составляющих качества жизни населения; методологических подходах к оценке уровня благосостояния, в том числе на основе интегральных показателей; о применимости различных методик в практике регулярного мониторинга качества жизни населения по отдельным составляющим. В то же время имеются исследовательские ниши, которые требуют пристального внимания для анализа, как, например, региональные исследования благосостояния населения, дифференциация уровня и качества жизни по территориальному признаку. Для понимания этих аспектов исследования авторами статьи проведен обзор теоретических, методологических и прикладных исследований, затрагивающих вопросы благосостояния населения.

В научном и экспертном сообществе активно обсуждается тема благосостояния населения страны в различных аспектах. Отметим важнейшие направления таких исследований: а) вопросы теоретико-методоло-

¹ Население. Неравенство и бедность // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723?print=1>

² Указ Президента № 204 от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (ред. от 19.07.2018 № 444-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20, ст. 2817. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.02.2022).

гического характера (содержание и соотношение категорий «качество жизни», «уровень жизни», «благосостояние населения»), а также методические подходы к оценке благосостояния (объективные и субъективные); б) вопросы анализа уровня благосостояния населения в контексте неравенства и бедности населения России и регионов; в) направления использования результатов оценки благосостояния для принятия управленческих решений в рамках социальной политики.

Вопросы теоретико-методологического характера связаны, прежде всего, с определением понятий и методологического инструментария исследования.

Благосостояние населения, с точки зрения Б.А. Райзберга [2], является мерой, степенью обеспеченности населения «жизненными благами, средствами существования».

По мнению М.С. Санталовой и др. [3], благосостояние является характеристикой не только уровня, но и качества жизни населения. В то же время авторы полагают, что благосостояние определяется получаемыми доходами.

Л.М. Бутова связывает благосостояние с возможностью населения удовлетворять многообразные потребности в зависимости от «обеспеченности жизненными благами» [4].

В новом экономическом словаре А.Н. Азрилияна благосостояние определяется также «мерой обеспеченности средствами существования», которая характеризует уровень и качество жизни [5].

А.В. Цимбалист связывает благосостояние с уровнем жизни, под которым понимается социально-экономическая категория, характеризующая «отношения по поводу экономического благосостояния социальной группы» и отражающая «уровень потребления благ и услуг» [6].

По мнению многих авторов, благосостояние является многогранной экономической категорией, отражающей возможности населения удовлетворять потребности во всех сферах жизнедеятельности.

Анализ методических подходов показал следующее.

В.В. Булгаков обосновывает необходимость применения объективного и субъективного подходов при анализе уровня благосостояния населения. Рассматривает базовые и частные принципы, которыми следует руководствоваться при отборе показателей для анализа благосостояния. Проводит анализ применяемых и предлагаемых к применению способов оценки удовлетворенности жизнью [7].

Отметим разнообразие подходов к оценке благосостояния населения, которым посвящено множество исследований, опирающихся на различные подходы и показатели. Существующие методики предполагают использование показателей бедности, малообеспеченности населения, трудовых и денежных доходов, распределения доходов, а также многих других, что свидетельствует о неоднозначности способов оценки и необходимости дальнейших разработок в данной области.

З.А. Капелюк, Н.Н. Рябушкин в своей работе рассматривают вопросы оценки благосостояния. Такую оценку они предлагают проводить с ис-

пользованием индекса благосостояния, ими предложена модифицированная методика расчета индекса применительно к условиям России и проведена ее апробация [8].

С.Н. Найден и А.В. Белоусова сосредоточили внимание на методическом инструментарии оценки благосостояния населения и межрегиональных сопоставлениях уровня благосостояния. В их работе интерес представляют расчеты интегрального индекса благосостояния для субъектов РФ для различных вариантов набора показателей, чтобы проследить зависимости, связывающие интегральные индексы и входящие в них показатели. При этом авторы в основном сфокусировали свое исследование в разрезе регионов Дальнего Востока. Оригинальный подход авторов связан с применением метода анализа иерархий, который позволил выявить наиболее значимые показатели (работа, доходы, жилье), характеризующие сравнительные преимущества каждого из дальневосточных регионов по уровню благосостояния населения [9].

Т.С. Ротарь анализирует основные индикаторы, формирующие благосостояние населения региона. Особенность подхода автора заключается в том, что предложена многомерная классификация муниципальных образований с применением методов кластерного анализа для определения уровня благосостояния населения муниципальных образований выбранного региона [10].

Н.Н. Тюпакова, Л.С. Москалев, Л.Р. Алибекова в своем исследовании делают акцент на влиянии системы подоходного налогообложения физических лиц на уровень благосостояния. Ими предлагается оценка благосостояния населения России по таким критериям, как доля трудового населения в совокупном населении страны, отраслевая принадлежность работающего населения, уровень заработной платы, уровень налогового изъятия доходов физического лица [11].

Вопросы анализа уровня благосостояния населения в контексте неравенства и бедности населения России и регионов рассматриваются многими авторами.

С.Г. Бычкова исследует определения бедности и их эволюцию, систему и взаимосвязь показателей бедности, используемых в Российской Федерации, проводит анализ особенностей и различий данных показателей для регионов РФ [12].

Е.А. Войкина, Е.Е. Миргород, Е.В. Шубенкова провели анализ уровня жизни населения на основе расчета и оценки показателей медианного дохода населения, коэффициентов Джини. Ими выявлены тенденции в области распределения богатства в России и в мире [13].

Т.К. Молчанова, Д.А. Рубан, Н.Н. Яшалова сфокусировали внимание на анализе связи валового регионального продукта, потребительских расходов и денежных расходов населения с индексом потребительских цен на региональном и федеральном уровнях. Определили влияние фактора благосостояния населения на инфляционную дифференциацию регионов России [14].

В.М. Смирнов дает оценку динамики социально-экономического развития России в контексте различий в социальном положении групп населения страны. Автором представлены различные подходы к оценке бедности и малообеспеченности, приводится анализ динамики самооценки населением страны собственного материального состояния [15].

К.В. Хаустова, Н.В. Цхададзе, М.А. Екатериновская провели оценку и анализ социально-экономической дифференциации и уровня благополучия населения России. Авторы рассматривают основные методы количественной оценки неравенства и уровня бедности, к которым относятся следующие показатели: распределение денежных доходов по процентным группам населения, коэффициентам фондов, индекс Джини, распределение численности населения по размерам соотношения денежных доходов и величины прожиточного минимума и т.д. Авторы исследовали проблемы бедности как следствия неравномерного распределения доходов и общественных благ среди населения [16–18].

Результаты оценки благополучия населения вызывают интерес для принятия управленческих решений в рамках социальной политики.

С.А. Моськин предлагает мероприятия, направленные на повышение качества жизни и укрепление здоровья населения региона [19].

В.А. Морозов рассматривает вопросы несоответствия в развитии экономики страны и улучшения жизни граждан. Автором предложены практические направления в части обновления экономических средств, способствующих развитию человеческого и пространственного потенциалов в стране [20].

Проведенный обзор научных источников позволил определить нишу наиболее актуальных проблем, на которой авторы статьи сосредоточили свое внимание и сформулировали основные положения, лежащие в основу данного исследования. В теоретическом плане благополучие определено нами как мера обеспеченности населения материальными, социальными и духовными благами; в методологическом – как использование объективных методов оценки уровня благополучия на основе статистических данных (с последующим их нормированием) и определение интегрального показателя благополучия; в прикладном аспекте – для межрегионального сравнения уровня благополучия населения. Отметим важность понимания благополучия через понятие меры, которое рассматривается через призму «количество – качество», т.е. количество и качество благ, определяющих уровень достатка населения.

Благополучие населения – сложное многомерное понятие. Это система, состоящая из многих компонентов, связанных с удовлетворением потребностей людей теми или иными благами (рис. 1).

На рис. 1 система благополучия представлена как обеспеченность населения материальными и нематериальными благами, необходимыми для жизни (потребление материальных благ, обеспечение жильем, коммунальными услугами, развитие социальной сферы, условия труда и др.). Имея в виду сложный характер данной системы, в целях анализа авторы огра-

начились рассмотрением благосостояния населения в основном с позиций удовлетворения материальных потребностей материальными благами.

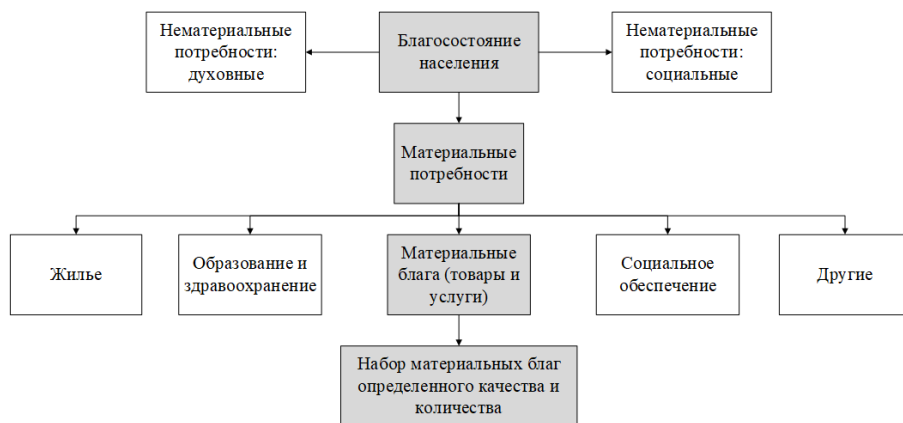

Рис. 1. Составляющие благосостояния населения

Учитывая иерархичность благосостояния населения, принято выделять несколько его уровней (рис. 2). В данной статье речь идет о благосостоянии населения определенной территории.

Рис. 2. Благосостояние населения по уровням обеспеченности благами

Данные и методы

Информационной базой послужили статистические данные Росстата¹. Объектом исследования явилось население регионов. В качестве предмета исследования авторами статьи определен уровень благосостояния

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 : стат. сб. / Росстат. М., 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>

населения региона, полигоном исследования были выбраны регионы УрФО. Исследование проводилось за период 2019–2020 гг.

Основными методами исследования, используемыми авторами, явились: обзор научных подходов в данной предметной области, сбор и обработка статистической информации, анализ динамики показателей благополучия применительно к регионам УрФО; расчет интегральных показателей благополучия; межрегиональные сравнения и ранжирование территорий по выбранным критериям; позиционирование регионов.

Алгоритм исследования благополучия населения регионов УрФО включал следующие этапы:

1. Выбор, обоснование и анализ статистических показателей для оценки благополучия населения региона.

2. Ранжирование регионов по выбранным показателям благополучия с целью межрегионального сравнения. Анализ изменения рангов регионов за 2019 и 2020 гг.

3. Определение интегрального показателя благополучия населения регионов УрФО. Для этого проведено нормирование показателей по формуле:

$$x_j = \frac{x_i - x_{i \min}}{x_{i \max} - x_{i \min}},$$

где x_j – нормированное значение i -го показателя для любого региона страны в определенный год; x_i – статистический показатель; $x_{i \max}$, $x_{i \min}$ – соответственно наибольшее и наименьшее значения i -го показателя среди всех регионов страны за исследуемый период времени.

4. Сравнение интегрального индекса благополучия населения регионов за 2019–2020 гг.

5. Позиционирование регионов в координатах «интегральный показатель благополучия» – «коэффициент Джини».

Результаты исследования

Логика исследования определялась заданным авторами алгоритмом.

1. *Выбор, обоснование и анализ статистических показателей для оценки благополучия населения региона.* Учитывая, что материальные блага в своем физическом виде многообразны, авторы статьи рассматривали их через универсальный механизм денежных эквивалентов, а именно:

– для предоставления возможности приобретать материальные блага и обеспечивать сбережения использовался показатель среднедушевых доходов населения;

– как возможность реализовывать доход населения на покупку определенного набора материальных благ применялся показатель потребительских расходов в среднем на душу населения;

– как обозначение черты бедности или достатка (через набор благ определенного количества и качества потребительской корзины) – соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума (ПМ).

Авторами проведен анализ ситуации в регионах УрФО по трем вышеуказанным основным показателям благосостояния населения. Данные показатели за 2019 и 2020 гг. представлены в табл. 1.

Таблица 1. Статистические данные для оценки благосостояния регионов УрФО

Регионы УрФО	Среднедушевые доходы населения, руб. в месяц		Потребительские расходы населения, руб. в месяц/душу		Соотношения среднедушевых денежных доходов с ПМ, %	
	2019	2020	2019	2020	2019	2020
РФ	35 338	36 073	28 561	27 276	324,5	318,9
Курганская область	21 304	21 860	17 075	16 824	212,6	210,7
Свердловская область	39 094	37 374	33 457	29 868	364,2	345,2
ХМАО	53 208	54 443	34 823	34 083	353,5	341,3
ЯНАО	83 088	89 928	36 596	35 009	509,2	543,7
Тюменская область без АО	30 662	31 151	30 869	30 274	273,4	267,4
Челябинская область	25 425	26 628	19 500	20 457	250,5	240,3
Наибольшее значение показателя среди всех регионов РФ	83 385	89 928	58 138	51 704	509,2	543,7
Наименьшее значение показателя среди всех регионов РФ	16 614	16 877	9 787	9 421	157,4	162,8

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹.

Данные статистики показывают, что в среднем по России среднедушевые доходы населения в 2020 г. выросли на 2,1% к предыдущему году. По регионам Уральского федерального округа наблюдаются различия в годовых значениях. Регионом-лидером по уровню доходов населения в 2019 и 2020 гг. явился ЯНАО, значение показателя среднедушевых доходов в округе выше российского, а прирост показателя за год составил 8,2%. Регионом-аутсайдером по уровню доходов населения в 2019 и 2020 гг. была Курганская область, значение показателя среднедушевых доходов в этом регионе ниже российского, но в то же время наблюдался прирост показателя за год, который составил 2,6%. Следует отметить увеличение разрыва в среднедушевых доходах населения (между регионом-лидером и регионом-аутсайдером): в 2019 г. он составил 61 784 руб.; в 2020 г. – 68 068 руб. Это свидетельствует об усилении дифференциации населения по доходам.

Далее представлена визуализация среднедушевых денежных доходов населения регионов УрФО (рис. 3).

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 : стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 192–193, 242–243; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 : стат. сб. / Росстат. М., 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>

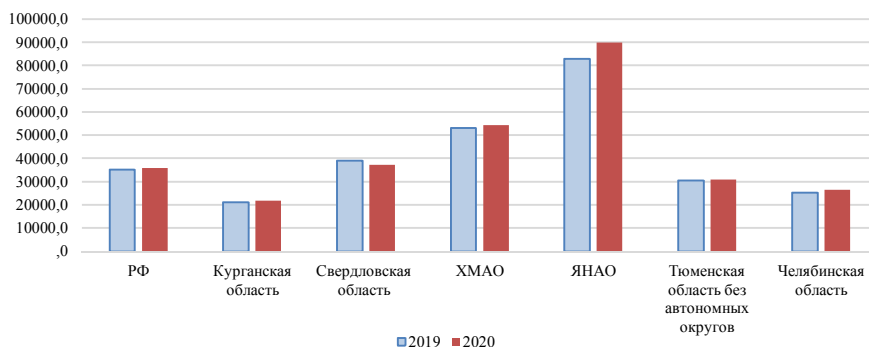

Рис. 3. Среднедушевые денежные доходы населения, руб. в месяц

Графическая визуализация показывает значительную дифференциацию регионов по величине среднедушевых денежных доходов населения как в 2019, так и в 2020 г. В то же время наблюдался незначительный прирост показателя в 2020 г. во всех регионах, за исключением Свердловской области.

По данным о потребительских расходах населения отметим следующее.

Среди регионов УрФО лидером по уровню потребительских расходов является Ямало-Ненецкий АО, однако и в этом автономном округе в 2020 г. наблюдалось снижение расходов на потребление в расчете на душу населения на 1 587 руб. в месяц. Среди регионов наибольшее снижение данного показателя отмечено в Свердловской области – 3 585 руб. на душу населения в месяц.

На фоне общей понижающей тенденции в потребительских расходах отличается Челябинская область, демонстрируя рост показателя на 5% (+957 руб.), хотя по общему уровню расходов регион занимает предпоследнее место по УрФО, обгоняя только Курганскую область.

Следует отметить некоторое снижение разрыва в потребительских расходах населения (между регионом-лидером и регионом-аутсайдером): в 2019 г. он составил 19 521 руб.; в 2020 г. – 18 185 руб.

Отметим, что изменилась и структура потребления: увеличились доли расходов на оплату обязательных платежей и питания, медикаменты. Кроме того, в период самоизоляции россияне изменили потребительское поведение: значительно возросли покупки онлайн, а также возрос спрос на цифровые услуги различной направленности [12].

Графическая интерпретация потребительских расходов населения регионов УрФО представлена на рис. 4.

Динамика изменения потребительских расходов понижающая во всех регионах, за исключением Челябинской области.

Анализ соотношения среднедушевых денежных доходов с ПМ показал следующее. Об уровне благосостояния населения свидетельствует и такой показатель, как соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума. Наибольший уровень данного пока-

зателя отмечается в Ямало-Ненецком АО: доходы граждан соотносятся с прожиточным минимумом более чем в пятикратном размере, кроме того, в 2020 г. данное соотношение улучшилось.

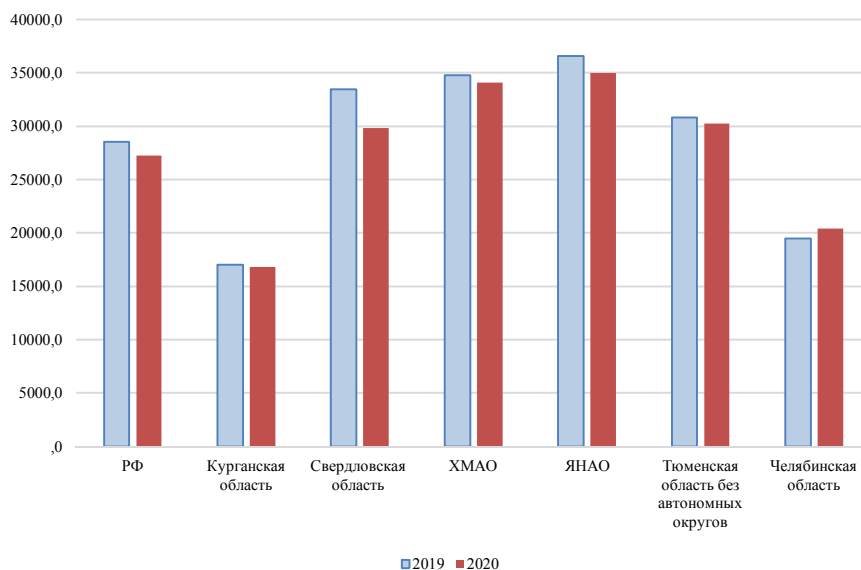

Рис. 4. Потребительские расходы в среднем на душу населения, руб. в месяц

В остальных регионах УрФО соотношение среднедушевых доходов и величины прожиточного минимума в 2020 г. ухудшилось, что свидетельствует о снижении уровня жизни населения.

Графическая интерпретация этого показателя для регионов УрФО представлена на рис. 5.

График показывает значительную дифференциацию регионов УрФО по соотношению денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума. По отношению к показателю РФ в 2019–2020 гг. три региона его превышают (ЯНАО, ХМАО, Свердловская область), другие три региона не достигают среднего уровня по РФ (Курганская, Тюменская, Челябинская области).

Анализ показал, что общее ухудшение экономической ситуации в России и мире негативно отразилось на уровне благосостояния населения. Правительства стран в 2020 г. проводили политику социальной поддержки своих граждан с целью недопущения обнищания населения.

Так, в рамках социальной помощи в Российской Федерации ввели ежемесячные выплаты на детей до 3 лет и до 16 лет, установили материнский капитал на первого ребенка, а также увеличили его размер на второго и последующих детей, ввели льготы по жилищному кредитованию для многодетных семей. Данные меры оказали значительную помощь населению

страны, тем не менее уровень материального достатка в 2020 г. снизился в большинстве регионов УрФО и в среднем по России.

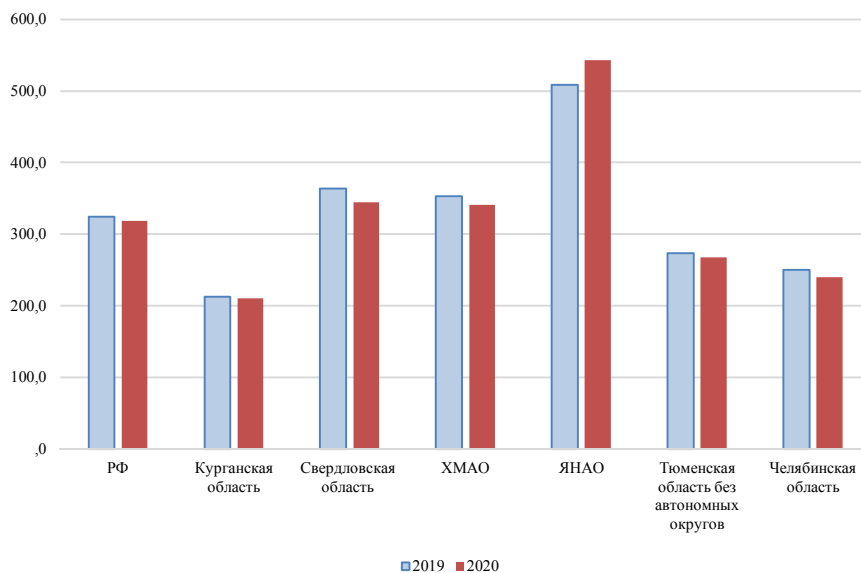

Рис. 5. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, %

2. *Ранжирование регионов по выбранным показателям благополучия.* Межрегиональные сравнения в рамках УрФО проведены авторами на основе ранжирования показателей благополучия (табл. 2).

При анализе авторы исходили из того, что при использовании трех показателей для шести регионов наилучший результат рейтинга – 3 балла в год (сумма трех первых мест), наихудший – 18 баллов в год (сумма трех последних мест в рейтинге). Изменения мест за 2019 и 2020 гг. в рейтинге регионов практически не произошло (в отдельных регионах не более 1 балла). Места регионов в рейтинге расположились следующим образом.

Абсолютным лидером в рейтинге регионов УрФО стал ЯНАО: в 2019 и 2020 гг. его сумма мест – 3 балла. Затем следуют ХМАО: в 2019 и 2020 гг. его сумма мест – 7 баллов; Свердловская область: в 2019 и 2020 гг. ее сумма мест в 2019 г. – 8 баллов, в 2020 г. – 9 баллов; Тюменская область: в 2019 г. – 12 баллов, в 2020 г. – 11 баллов; Челябинская область: в 2019 и 2020 гг. – 15 баллов. Абсолютным аутсайдером в рейтинге регионов УрФО стала Курганская область: в 2019 и 2020 гг. ее сумма мест – 18 баллов.

3. *Определение интегрального показателя благополучия населения регионов УрФО.* Далее авторами был проведен расчет интегрального индекса благополучия, который определялся по следующей формуле:

$$I_{\text{инт}} = (X_1 + X_2 + X_3)/3,$$

где $I_{\text{инт}}$ – интегральный индекс благосостояния населения в регионах; X_1 – нормированное значение показателя реальных денежных доходов населения; X_2 – нормированное значение показателя потребительских расходов населения; X_3 – нормированное значение показателя соотношения среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в регионах.

Таблица 2. Ранжирование регионов УрФО по показателям благосостояния

Регионы УрФО	Реальные денежные доходы населения, ранг		Потребительские расходы населения, ранг		Соотношения среднедушевых денежных доходов с ПМ, ранг	
	2019 г.	2020 г.	2019 г.	2020 г.	2019 г.	2020 г.
Курганская область	6	6	6	6	6	6
Свердловская область	3	3	3	4	2	2
ХМАО	2	2	2	2	3	3
ЯНАО	1	1	1	1	1	1
Тюменская область без АО	4	4	4	3	4	4
Челябинская область	5	5	5	5	5	5

Источник: составлено авторами.

Результаты расчетов за 2019 и 2020 гг. по регионам УрФО представлены в табл. 3.

Таблица 3. Нормированные показатели и интегральный индекс благосостояния населения

Регионы УрФО	2019 г.				2020 г.			
	$X_{н1}$	$X_{н2}$	$X_{н3}$	$I_{\text{благ/ранг}}$	$X_{н1}$	$X_{н2}$	$X_{н3}$	$I_{\text{благ/ранг}}$
РФ	0,2804	0,3883	0,4750	0,3812/	0,2628	0,4223	0,4098	0,3650
Курганская область	0,0702	0,1507	0,1569	0,1260/6	0,0682	0,1751	0,1258	0,1230/6
Свердловская область	0,3367	0,4895	0,5878	0,4714/3	0,2806	0,4836	0,4789	0,4143/3
ХМАО	0,5481	0,5178	0,5574	0,5411/2	0,5142	0,5833	0,4686	0,5220/2
ЯНАО	0,9956	0,5545	1,0000	0,8500/1	1,0000	0,6052	1	0,8684/1
Тюменская область без АО	0,2104	0,4360	0,3297	0,3254/4	0,1954	0,4932	0,2746	0,3211/4
Челябинская область	0,1320	0,2009	0,2646	0,1992/5	0,1335	0,2610	0,2035	0,1993/5

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата¹.

4. Сравнение интегрального индекса благосостояния населения регионов за 2019–2020 гг. Значение интегрального индекса региона позволяет

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 : стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 192–193, 242–243; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 : стат. сб. / Росстат. М., 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>

дать оценку благосостояния населения региона и сравнить его со среднероссийским значением, а также провести межрегиональное сравнение.

В 2019 г. Курганская, Челябинская и Тюменская области не достигли среднего уровня по РФ по оценке благосостояния населения, остальные регионы УрФО достигли уровня выше среднего. Ранжирование регионов по интегральному индексу благосостояния показало, что регионом-лидером стал Ямало-Ненецкий автономный округ со значением индекса 0,8500, это демонстрирует благоприятную ситуацию по благосостоянию населения данного региона. В тройку лидеров также попали ХМАО и Свердловская область. Регион-аутсайдер – Курганская область с индексом 0,1260.

В 2020 г. Курганская, Челябинская, и Тюменская области не достигли среднего уровня по РФ по оценке благосостояния населения, остальные регионы УрФО достигли уровня выше среднего. Регионом-лидером стал Ямало-Ненецкий автономный округ со значением индекса 0,8684, что демонстрирует благоприятную ситуацию по благосостоянию населения данного региона. В тройку лидеров попали ХМАО и Свердловская область. Регион-аутсайдер – Курганская область с индексом 0,1230.

Сравнение интегрального индекса благосостояния 2020 г. с 2019 г. показало следующее: в ЯНАО он повысился (улучшение благосостояния населения), в Челябинской области практически не изменился (благосостояние населения не изменилось), в остальных 4 регионах он понизился (ухудшение благосостояния населения).

5. *Позиционирование регионов в координатах «интегральный показатель благосостояния» – «коэффициент Джини».* Для позиционирования регионов УрФО был рассчитан интегральный индекс благосостояния. Кроме того, был использован индекс Джини (табл. 4).

Таблица 4. Индекс Джини регионов УрФО

Регион УрФО	РФ	Курганская область	Свердловская область	ХМАО	ЯНАО	Тюменская область	Челябинская область
2019 г.	0,412	0,352	0,405	0,399	0,437	0,389	0,348
2020 г.	0,406	0,347	0,394	0,385	0,438	0,376	0,334

Источник: данные Росстата¹.

Важнейшим показателем, отражающим уровень жизни и благосостояние населения, является равномерность распределения доходов населения. Статистический показатель – коэффициент Джини отражает фактический уровень отклонения распределения доходов населения от кривой абсолютного равенства Лоренса. Индекс Джини принимает значение от 0 до 1, причем 0 означает полное равенство в распределении доходов, 1 – абсолютное неравенство.

¹ Население. Неравенство и бедность // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723?print=1>

Наибольшее значение индекса Джини в 2019–2020 гг., которое выше среднего по РФ, наблюдалось в ЯНАО. Это свидетельствует о большей неравномерности распределения доходов, чем в других регионах УрФО. Наименьшее значение индекса Джини в 2019–2020 гг., которое ниже среднего по РФ, наблюдалось в Челябинской области, что говорит о меньшей неравномерности распределения доходов, чем в других регионах УрФО.

Графическая интерпретация индекса Джини представлена на рис. 6.

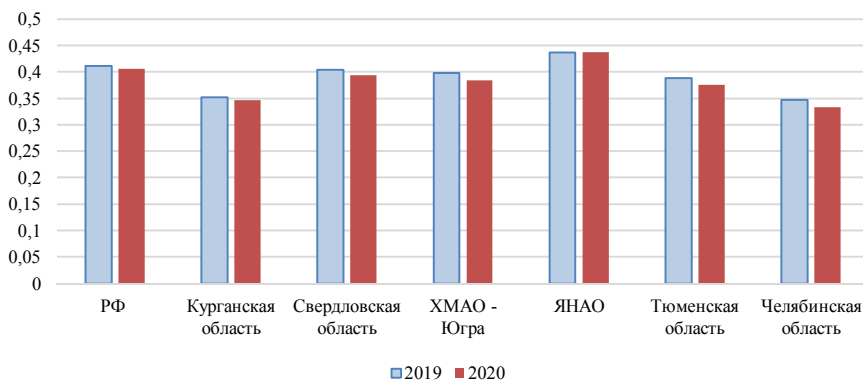

Рис. 6. Индекс Джини в среднем по РФ, по регионам УрФО за 2019–2020 гг.

График показывает, что в 2020 г. индекс Джини уменьшается по большинству рассматриваемых регионов, что демонстрирует сокращение неравенства и дифференциации регионов в распределении доходов. При этом важно отметить, что наименьшее значение индекса Джини наблюдается в регионах с наименьшими среднедушевыми денежными доходами населения и более низким значением соотношения среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума. Это свидетельствует о наличии крайне негативной ситуации – «равенства в бедности». В тех регионах, где выше соотношение денежных доходов и прожиточного минимума, наблюдается рост неравенства в распределении доходов.

Рассчитанные индексы благосостояния (см. табл. 3) были использованы для построения карты позиционирования рассматриваемых регионов за 2019 и 2020 гг. в системе координат: «интегральный индекс благосостояния населения» – «индекс Джини» (рис. 7).

На карте показано, как позиционируются регионы УрФО в предложенных координатах. Стрелками обозначено перемещение (изменение позиции) регионов в 2020 г. относительно 2019 г. Сплошной линией показан среднероссийский уровень в 2019 г., пунктирной – в 2020 г.

Визуализация на карте представляет наличие 3 групп регионов УрФО: лучшая группа (ЯНАО), средняя (ХМАО, Свердловская и Тюменская области), худшая (Челябинская и Курганская области).

В 2019 г. просматривается так называемая диагональная зависимость: чем больше интегральный индекс благополучия, тем более неравномерно

распределяются доходы населения. К диагонали также тяготеют регионы и в 2020 г., за исключением Челябинской области. Что касается изменений позиций регионов на карте, то просматривается их смещение вниз и влево, что свидетельствует о том, что индекс благополучия населения снижается и происходит некоторое снижение неравенства в распределении доходов.

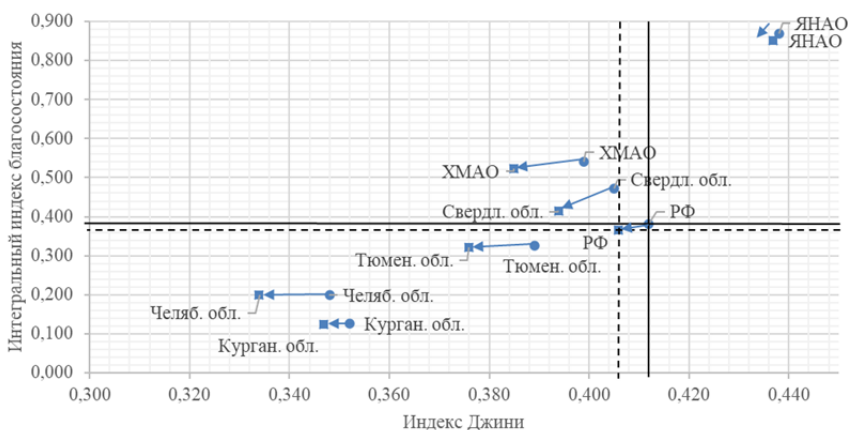

Рис. 7. Карта позиционирования регионов УрФО по интегральному индексу благополучия населения, индексу Джини, 2019–2020 гг.

Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что рассматриваемые регионы имеют значительные различия в уровне благополучия населения. Для большинства регионов характерно снижение уровня материальной обеспеченности граждан, что во многом явилось результатом воздействия ограничительных мер, вызванных пандемией. Уровень неравенства общества также различается по регионам, что вызывает необходимость выработки мер, направленных на перераспределение имеющихся ресурсов и сокращение социально-экономического неравенства населения.

Заключение

В рамках исследования проведен контент-анализ основных направлений изучения вопросов благополучия населения; дано авторское определение понятия «благополучие»; представлен анализ и ранжирование регионов для межрегионального сравнения ключевых статистических показателей благополучия населения регионов УрФО, что позволило выявить регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры. Предложена методика оценки уровня благополучия на основе рассчитанной интегральной оценки уровня благополучия населения регионов УрФО. Разработана карта позиционирования регионов в координатах «интегральный индекс благополучия населения» и «индекс Джини». На карте видно скопление регионов (в 2019 и 2020 гг.) и выделены группы регионов: лучшие, средние,

худшие по сочетанию указанных параметров. При этом позиционирование регионов на карте показало: чем выше интегральный индекс благосостояния, тем выше индекс Джини, что указывает, в частности, на ситуацию «равенства в бедности».

Результаты исследования могут быть полезны при разработке эффективных управленческих решений для повышения уровня благосостояния населения в регионах.

Список источников

1. *Credit Suisse Global wealth report 2021*, Statista. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html>
2. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007. 495 с.
3. *Санталова М.С., Балаханова Д.К., Кубланов А.М.* Благосостояние как показатель качества жизни населения // МНИЖ. 2016. № 11-1 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagosostoyanie-kak-pokazatel-kachestva-zhizni-naseleniya>
4. *Бутова Л.М.* Благосостояние населения и механизм его регулирования // Вестник ВГУ. Серия «Экономика и управление». 2006. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagosostoyanie-naseleniya-i-mehanizm-ego-regulirovaniya> (дата обращения: 08.03.2022).
5. *Новый экономический словарь: 10000 терминов / под ред. А.Н. Азрилияна.* 3-е изд. М.: Ин-т новой экономики, 2009. 1088 с.
6. *Цимбалист А.В.* Благосостояние российского общества в системе оценки качества жизни // Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова. 2008. № 6(24). С. 74–79.
7. *Булгаков В.В.* Методологические аспекты анализа благосостояния населения // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 2 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-aspekty-analiza-blagosostoyaniya-naseleniya>
8. *Капелюк З.А., Рябушкин Н.Н.* Оценка благосостояния населения России на основе имущественного неравенства и доступа к социально значимым услугам // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 11 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-blagosostoyaniya-naseleniya-rossii-na-osnove-imuschestvennogo-neravenstva-i-dostupa-k-sotsialno-znachimym-uslugam>
9. *Найден С.Н., Белоусова А.В.* Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление // Экономика региона. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskii-instrumentariy-otsenki-blagosostoyaniya-naseleniya-mezhregionalnoe-sopostavlenie>
10. *Ротарь Т.С.* Эконометрический подход к оцениванию благосостояния населения Республики Саха (Якутия) // ЭПИ. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonometricheskii-podhod-k-otsenivaniyu-blagosostoyaniya-naseleniya-respubliki-saha-yakutiya>
11. *Тюпакова Н.Н., Москалев Л.С., Алибекова Л.Р.* Социально-подходный аспект изменения благосостояния населения России // Вестник Академии знаний. 2020. № 1 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-podhodnyy-aspekt-izmeneniya-blagosostoyaniya-naseleniya-rossii>
12. *Бычкова С.Г.* Проблемы и возможности статистической оценки неравенства и бедности в Российской Федерации и ее регионах // Вестник ГУУ. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-i-vozmozhnosti-statisticheskoy-otsenki-neravenstva-i-bednosti-v-rossiyskoy-federatsii-i-ee-regionah>
13. *Войкина Е.А., Миргород Е.Е., Шубенкова Е.В.* Оценка неравенства благосостояния населения России // Экономика труда. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-neravenstva-blagosostoyaniya-naseleniya-rossii>

14. Молчанова Т.К., Рубан Д.А., Яшалова Н.Н. Благополучие населения как фактор инфляционной дифференциации регионов России // Вестник НГУЭУ. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagosostoyanie-naseleniya-kak-faktor-inflyatsionnoy-differentsiatsii-regionov-rossii>

15. Смирнов В.М. Влияние динамики дифференциации населения на социально-экономическое развитие России // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-dinamiki-differentsiatsii-naseleniya-na-sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-rossii>

16. Хаустова К.В., Цхададзе Н.В., Екатериновская М.А. Социально-экономическая дифференциация населения России в условиях научно-технического прогресса // Инновации и инвестиции. 2020. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-differentsiatsiya-naseleniya-rossii-v-usloviyah-nauchno-tehnicheskogo-progressa>

17. Хаустова К.В., Цхададзе Н.В. Анализ социально-экономической дифференциации и уровня благополучия населения России // Инновации и инвестиции. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sotsialno-ekonomicheskoy-differentsiatsii-i-urovnya-blagosostoyaniya-naseleniya-rossii>

18. Цхададзе Н.В. Социально-экономическое неравенство населения России // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-neravenstvo-naseleniya-rossii>

19. Моськин С.А. Основные направления повышения качества жизни и укрепления здоровья населения в регионе // Наука-2020. 2021. № 4 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-napravleniya-povysheniya-kachestva-zhizni-i-ukrepleniya-zdorovya-naseleniya-v-regione>

20. Морозов В.А. Благополучие населения при взаимодействии экономики и политики // Креативная экономика. 2016. Т. 10, № 12. С. 1469–1480.

References

1. Credit Suisse. (2021) *Global Wealth Report 2021*. [Online] Available from: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html>.

2. Rayzberg, B.A., Lozovskiy, L.Sh. & Starodubtseva, E.B. (2007) *Sovremennyy ekonomicheskyy slovar'* [Contemporary Economic Dictionary]. 5th ed. Moscow: INFRA-M.

3. Santalova, M.S., Balakhanova, D.K. & Kublanov, A.M. (2016) Welfare as an indicator of quality of life of the population. *MNIZh – International Research Journal*. 11-1 (53). pp. 62–64. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagosostoyanie-kak-pokazatel-kachestva-zhizni-naseleniya>. (In Russian). DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.205

4. Butova, L.M. (2006) The population welfare and mechanism of its regulating. *Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie – Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 1. pp. 5–10. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagosostoyanie-naseleniya-i-mehanizm-ego-regulirovaniya> (Accessed: 08.03.2022). (In Russian).

5. Azriliyan, A.N. (ed.) (2009) *Novyy ekonomicheskyy slovar': 10000 terminov* [New Economic Dictionary: 10000 terms]. 3rd ed. Moscow: Institut novoy ekonomiki.

6. Tsimbalist, A.V. (2008) Благополучие российского общества в системе оценки качества жизни [Welfare of Russian society in the quality of life assessment system]. *Vestnik Rossiyskoy ekonomicheskoy akademii im. G.V. Plekhanova – Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 6 (24). pp. 74–79.

7. Bulgakov, V.V. (2020) Methodological aspects of social welfare analysis. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 2 (81). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-aspekty-analiza-blagosostoyaniya-naseleniya> (In Russian).

8. Kapelyuk, Z.A. & Ryabushkin, N.N. (2018) An assessment of population welfare in Russia on the basis of asset inequality and access to social services. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 11 (64). pp. 45–50. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-blagosostoyaniya-naseleniya-rossii-na-osnove-imuschestvennogo-neravenstva-i-dostupa-k-sotsialno-znachimym-uslugam> (In Russian). DOI: 10.24158/pep.2018.11.9
9. Nayden, S.N. & Belousova, A.V. (2018) Methodological tools to assess the population welfare: interregional comparison. *Ekonomika regiona – Economy of Regions*. 1 (14). pp. 53–58. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskiy-instrumentariy-otsenki-blagosostoyaniya-naseleniya-mezhregionalnoe-sopostavlenie> (In Russian). DOI: 10.17059/2018-1-5
10. Rotar', T.S. (2019) The econometric approach to the evaluation of the human wellbeing in the republic of Sakha (Yakutia). *EPP – Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 4 (9). pp. 339–354. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonometricheskij-podhod-k-otsenivaniyu-blagosostoyaniya-naseleniya-respubliki-saha-yakutiya> (In Russian). DOI: 10.18334/epp.9.4.41499
11. Tyupakova, N.N., Moskalev, L.S. & Alibekova, L.R. (2020) Social and appropriate aspect of change in well-being of the population of Russia. *Vestnik Akademii znaniy – Bulletin of the Academy of Knowledge*. 1 (36). pp. 352–360. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-podohodnyy-aspekt-izmeneniya-blagosostoyaniya-naseleniya-rossii> (In Russian). DOI: 10.24411/2304-6139-2020-00066
12. Bychkova, S.G. (2016) Problems and opportunities statistical evaluation of inequality and poverty in the Russian federation and its regions. *Vestnik Universiteta*. 1. pp. 226–232. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-vozmozhnosti-statisticheskoy-otsenki-neravenstva-i-bednosti-v-rossiyskoy-federatsii-i-ee-regionah> (In Russian).
13. Voykina, E.A., Mirgorod, E.E. & Shubenkova, E.V. (2020) Estimating the human wellbeing in Russia. *Ekonomika truda – Russian Journal of Labor Economics*. 2 (7). pp. 141–154. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-neravenstva-blagosostoyaniya-naseleniya-rossii> (In Russian). DOI: 10.18334/et.7.2.100480
14. Molchanova, T.K., Ruban, D.A. & Yashalova, N.N. (2019) People wellbeing as factor of inflation differentiation among Russian regions. *Vestnik NGUEU – Vestnik NSUEM*. 3. pp. 28–42. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagosostoyanie-naseleniya-kak-faktor-inflyatsionnoy-differentsiatsii-regionov-rossii> (In Russian). DOI: 10.34020/2073-6495-2019-3-028-042
15. Smirnov, V.M. (2018) The stratification of the population and socio-economic development of Russia. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki – Economic Problems and Legal Practice*. 5 (5). pp. 22–24. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-dinamiki-differentsiatsii-nasele-niya-na-sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-rossii> (In Russian).
16. Khaustova, K.V., Tskhadadze, N.V. & Ekaterinovskaya, M.A. (2020) Socio-economic differentiation of the population of Russia in the conditions of scientific and technical progress. *Innovatsii i investitsii*. 5. pp. 87–95. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-differentsiatsiya-naseleniya-rossii-v-usloviyah-nauchno-tehnicheskogo-progressa> (In Russian).
17. Khaustova, K.V. & Tskhadadze, N.V. (2019) Analysis of socio-economic differentiation and the level of well-being of the population of Russia. *Innovatsii i investitsii*. 1. pp. 269–272. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sotsialno-ekonomicheskoy-differentsiatsii-i-urovnya-blagosostoyaniya-naseleniya-rossii> (In Russian).
18. Tskhadadze, N.V. (2020) Socio-economic inequality of population of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 6. pp. 300–306. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru>

article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-neravenstvo-naseleniya-rossii (In Russian). DOI 10.24411/2073-0454-2020-10373

19. Mos'kin, S.A. (2021) The main directions of improving the quality of life and improving the health of the population in the region. *Nauka-2020*. 4 (49). pp. 87–95. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-povysheniya-kachestva-zhizni-i-ukrepleniya-zdorovya-naseleniya-v-regione> (In Russian).

20. Morozov, V.A. (2016) Population wellbeing at the interaction of the economy and politics. *Kreativnaya ekonomika – Creative Economy*. 12 (10). pp. 1469–1480. (In Russian). DOI: 10.18334/ce.10.12.37200

Сведения об авторах:

Артемова О.В. – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (Челябинск, Россия). E-mail: artemova.ov@uiec.ru

Савченко А.Н. – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (Челябинск, Россия). E-mail: savchenko.an@uiec.ru

Меленькина С.А. – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН (Челябинск, Россия). E-mail: melenkina.sa@uiec.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Artemova, Dr. Sci. (Economics), Professor, leading researcher, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: artemova.ov@uiec.ru

A.N. Savchenko, Cand. Sci. (Economics), Docent, senior researcher, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: savchenko.an@uiec.ru

S.A. Melen'kina, Cand. Sci. (Economics), senior researcher, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: savchenko.an@uiec.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.06.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 14.06.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Научная статья
УДК 336.012.23
doi: 10.17223/19988648/59/5

Инфляция и перераспределение богатства

Дмитрий Владимирович Сидоркин

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия, d_sidorkin@mail.ru*

Аннотация. Современная финансовая система особое внимание уделяет и выделяет особую роль в структуре источников финансирования ссудному капиталу, как более дешевому и менее рискованному. Подобное трактование позволило нарастить не только капиталоемкое промышленное производство, расходы правительств на поддержку экономики, но и финансовые рынки через критическую закредитованность постиндустриальных экономик в условиях не столь высокого роста мирового валового внутреннего продукта. *Постановка проблемы.* Гигантский денежный поток, генерируемый через ссудный капитал, и стоимость его обслуживания ставят задачу переосмысления роли ссудного капитала и выработки нового подхода к действующей финансовой системе, её трансформации. Реакция финансовой системы на усилившуюся в последние годы политику денежного смягчения должна была описываться ростом инфляции в корреляции с ростом денежной массы, однако, по мнению ряда экспертов, у роста сегодняшней инфляции совсем иные источники формирования, которые обостряют противоречия между эмиссионными центрами, промышленным капиталом, мировыми центрами генерации денежных потоков (это не только мировые финансовые центры, но и транснациональные компании) и конечными потребителями. *Цель исследования:* описать и оценить инфляцию не как итог системного явления для рыночной экономики, а как отдельный элемент развития капитала – инфляционного капитала, который может разрешить острейшую проблему закредитованности в силу неспособности на данном этапе развития финансовых систем его санкционировать самостоятельно, а этот факт игнорировать никак уже нельзя. *Методы исследования:* логический (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия), гипотетический, вероятностно-статистический. *Основные результаты, выводы исследовательской работы:* анализ процесса мобилизации ссудного капитала, принявшего тревожный размах, выявляет многочисленные противоречия не только между формами собственности, но и странами. Систему противовесов нивелирования отрицательного чрезмерного задействования ссудного капитала невозможно решить за счет наращивания милитаризма и доведения до военного столкновения на глобальном уровне, как это было в прошлые периоды существования общественно-экономических формаций, хотя такие попытки мы можем наблюдать.

Ключевые слова: корпоративные финансы, инвестиционный потенциал, ссудный капитал, стоимость капитала, инфляция, ключевая ставка

Для цитирования: Сидоркин Д.В. Инфляция и перераспределение богатства // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 78–92. doi: 10.17223/19988648/59/5

Original article

Inflation and wealth redistribution

Dmitriy V. Sidorkin

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, d_sidorkin@mail.ru*

Abstract. The modern financial system pays special attention and plays a special role in the structure of funding sources to loan capital as it is cheaper and less risky. Such an interpretation made it possible to increase not only capital-intensive industrial production and government spending to support the economy, but also financial markets through the critical debt load of post-industrial economies in the context of not-so-high growth in the world gross domestic product. The gigantic cash flow generated through loan capital and the cost of servicing it sets the task of rethinking the role of loan capital and developing a new approach to the current financial system, its transformation. The reaction of the financial system to the policy of monetary easing, which has intensified in recent years, should have been described by an increase in inflation in correlation with the growth of the money supply, however, according to a number of experts, today's inflation has completely different sources of formation, which exacerbate contradictions between emission centers, industrial capital, world cash flow generation centers (these are not only global financial centers, but also transnational companies), and end consumers. The study aims to describe and assess inflation as a separate element of capital development – inflationary capital – that helps to solve the most acute problem of debt load. At this stage of development, financial systems cannot authorize this capital independently, and this fact cannot be ignored. The methods used in the research are: logical (analysis, synthesis, induction, deduction, analogy), hypothetical, probabilistic-statistical. The main results and conclusions of the research are the following. The analysis of the mobilization of loan capital, which has taken on an alarming scale, forms numerous contradictions not only between forms of ownership, but also between countries. The attempt by the Federal Reserve System to solve this problem through the gradual tightening of the monetary system is seen by many experts as the first step in the global financial crisis. The rising cost of borrowing for the US Treasury Department with every basis point raised means serious financial risks for the global economy. Rising inflation, as a systemic phenomenon of rising costs, only intensifies the efforts of the Federal Reserve System to curb inflation. The counterbalances for leveling the negative excessive use of loan capital cannot be achieved by increasing militarism and bringing to a military clash at the global level, as was the case in the past periods of the existence of socioeconomic formations, although we can observe such attempts.

Keywords: corporate finance, investment potential, loan capital, cost of capital, inflation, key rate

For citation: Sidorkin, D.V. (2022) Inflation and wealth redistribution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 78–92. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/5

Вступительная часть

Автор статьи в ходе своего исследования старался уделить особое внимание вопросу взаимодействия реальных секторов экономики и инфляции, так как именно данная экономическая связка предопределяет уровень жизни значительного процента населения. Заданное направление исследования выбрано в критической, по мнению автора, для мировой экономики оторванности финансовых рынков и финансового капитала от того, что может предоставить в форме продукции и услуг реальный сектор экономики, даже с учетом технологических прорывов, способствующих наращиванию генерации денежного потока компаниями за счет повышения производительности труда, снижения издержек производства, создания новых инвестиционных активов (криптовалюта, NFT и т.д.). Инфляцию большинство экспертов, специалистов рассматривают как положительного «игрока» для экономики, только в условиях допустимого коридора колебания. В случае же выхода инфляции из согласованного коридора возникает необходимость подавления её всеми возможными инструментариями. Инструментами воздействия монетарной политики на инфляцию являются повышение ключевой ставки эмиссионными центрами, наращивание банковских резервов и сжатие денежной массы. Однако последние несколько лет развития мировой экономики указывают на противоречивость данной политики. Природа современной инфляции, её происхождение более сложное, чем абсурдное объяснение её ростом денежной массы. Выбранный автором акцент имеет корни еще с периода обучения в научной школе «Петербургская школа финансов профессора М.В. Романовского», а именно периода 2014–2016 гг., когда Заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р экон. наук, профессор М.В. Романовский, будучи научным руководителем, высказал необходимость переосмысления тенденций, которые мы наблюдали последние двадцать лет развития финансов: источников инфляции, проводимой денежно-кредитной политики, структуры государственных и корпоративных финансов. Поэтому сокращение задач исследования направлено прежде всего на достижение сбалансированности раскрытия темы.

Эпоха перемен в финансовом капитале

Монетарная политика, будучи краеугольным звеном в цепи развития исторических формаций обществ, находилась под пристальным вниманием большинства ведущих экономистов мира, ряд которых в дальнейшем стали нобелевскими лауреатами. Основа такого интереса лежит в уровне влияния монетарной политики на реальный сектор экономики, где задействованы главные потребительские интересы населения планеты. Большинство исследований сводится к мнению о возможности снижения цикличности экономики через проведение сбалансированной, сдержанной денежно-кредитной политики с целью обеспечения гибкости финансовой системы и

таргетирования инфляции в случае необходимости. Так, например, исследования Маккандлесса и Вебера охватывали 30-летний период по 110 странам [1]. Цель исследования – изучение взаимосвязи между средними показателями темпа инфляции и показателями темпа роста денежной массы. Результатом стал вывод о наличии высокой плотности связи 0,92 и 0,96 [2, с. 19]. В рамках исследования не менее интересен и второй вывод о связи между денежной массой, инфляцией и динамикой темпа роста валового внутреннего продукта или его падения. Как выяснилось по странам Организации экономического сотрудничества и развития (англ. Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD; далее – ОЭСР), корреляционная связь прослеживается в росте реального сектора экономики и денежной массы, но при этом отсутствует положительная динамика по инфляции. Нобелевский лауреат Томас Сарджента в соавторстве с Нейлом Уоллесом в исследовании *Some Unpleasant Monetarist Arithmetic* приходит к важнейшим выводам, что эмиссия денежных средств с точки зрения раскручивания инфляционного «маховика» для экономики более безопасна, чем покрытие дефицита бюджета за счет роста долговых обязательств [3, т. 5 (3)]. Кристофер Симс, уделив значительное время исследованиям бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, приходит к выводам пагубности для экономики отсутствия взвешенной политики Центрального банка, ставящего себе единственную цель – таргетирование инфляции как основополагающую. Кристофер Симс, сравнивая действия Центрального банка РФ в период кризиса 1998 г. и 2008 г., а также действия Центрального банка Республики Казахстан в период кризиса 2008 г., подчеркивает нерациональность поведения ЦБ РФ в период кризиса 2008 г. (2008 г. Банк России четырежды повышает норму резервирования) в отличие от 1998 г. (за счет снижения нормы резервирования был обеспечен стабильный показатель ликвидности в банковской системе). Центральный банк Республики Казахстан в период кризиса 2008 г., выбрав политику поддержки ликвидности банковской системы через снижение нормирования резервов, дополнительно ввел программу страхования вкладов [4, т. 2, с. 132].

Таким образом, затрагивая вопросы развития мировой экономики и, в частности, противовеса мировым кризисам (Азиатский кризис (1997–1998 гг.), Ипотечный кризис (2008 г.), Нефтяной кризис (2016–2017 гг.), Covid-19 (декабрь 2019 г. по настоящее время), Специальная операция на Украине (с 24 февраля 2022 г. по настоящее время), необходимо уточнить и детализировать цели и задачи «масштабирования финансового пузыря» через ссудный капитал. Автор среди прочих целей и задач прежде всего выделяет:

1. Снижение ключевой ставки центральными банками. Цель: насыщение экономики ликвидностью за счет снижения стоимости заемного капитала, тем самым повышая деловую активность. Стоит отдельно рассматривать вопросы и отношение экспертов к отрицательной величине ключевой ставки (пример – Япония, Швейцария).

2. Нарращивание государственного капитала, через эмиссию ценных бумаг по облигационным займам. Цель:

– насыщение ликвидностью экономики через аугментацию объемов государственных закупок. Тем самым обеспечивая поддержку деловой активности и, соответственно, фондовому рынку, как основному индикатору успешности рыночной экономики страны. Гарантия кредитоспособности предприятий и населения через систему государственных закупок является искусственным протекционизмом финансовой стабильности банковского сектора экономики;

– поддержка населения социальными пособиями и реализация программ по субсидированию стоимости привлечения кредитных ресурсов. Поддержка спроса на продукцию и услуги, перезапуск экономических процессов в случае наличия стагнационных признаков в экономике.

Таким образом, ссудный капитал, как эффективный инструмент борьбы с цикличностью мировой экономики, во избежание социальных взрывов на протяжении последнего десятилетия проявил себя адекватным элементом современной монетарной политики в большинстве экономик, у которых развитие обеспечивалось сглаживанием негативных процессов. Однако цена нашей стабильности формирует критические параметры по его обслуживанию, причем это касается не только сильно возросшего государственного долга, но и корпоративного сектора экономики (для России это наиболее актуально).

Надо отметить тот факт, что активная политика правительств по поддержанию национальных экономик, характеризовавшаяся наращиванием значительных долговых обязательств, имеет ряд особенностей, а именно:

1. Страны с постиндустриальной экономикой, наращивая государственный долг, обеспечили реализацию государственной политики в сфере финансов независимо от центральных банков. Каким образом? Центральные банки в силу колоссального внешнего долга национальных правительств перед кредиторами по выпущенным государственным облигациям обязаны проводить в более сглаженную политику по повышению ключевой ставки, чтобы не допустить коллапса исполнения долговых обязательств перед кредиторами со стороны министерств финансов. Политика «высоких государственных долгов» постиндустриальных экономик ставит правительства, например в России, с консервативным курсом в вопросе заимствования в менее завидное положение. Так, например, Правительство России оказалось в не столь выгодном положении при выполнении целевых программ и проектов в силу роста второй год подряд ключевой ставки для исполнителей, не затрагивая ситуацию с ключевой ставкой после 24 февраля 2022 г. Это означает рост издержек по привлечению заемного капитала и стоит отметить, собственного/акционерного. При этом, чтобы не допустить значительного провала национальной экономики, запущенный косвенный механизм поддержки реального сектора экономики через систему субсидирования в итоге оплачивается всеми налогоплательщиками. Примечательно, что проводимая консервативная политика по привлечению кредитных ресурсов Минфином России носит пагубный характер не только для бюджетной системы страны, но и банковской. Банковский сектор экономики

России вынужденно самоустранился от системы обеспечения ликвидностью реального сектора экономики в силу значительного роста капитала для самих кредитных организаций и рисков, которые опять же учитываются в стоимости предоставляемого заёмного капитала.

Федеральный бюджет с учетом сложившихся обстоятельств вынужден:

- компенсировать проценты по выданным кредитам и займам как предприятиям, так и населению России (например, ипотека);
- напрямую принимать участие в институциональных фондах, содержащихся и действующих за счет государственного капитала в инвестиционных проектах (ВЭБ, Фонд развития промышленности и т.д.);
- финансово обеспечивать жизнедеятельность проектов (АО «Роснано», «Сколково», «Северный поток-2» и т.д.).

Важно отметить, что источниками финансирования всех вышеприведенных механизмов являются налоги и страховые сборы (накопительная часть Пенсионного фонда заморожена до конца 2023 г.), а это значит, что участие фискальных сборов в формировании спирали инфляции в ближайшей перспективе не снизится [5]. В то же время наблюдаемая инфляция 16% и прогнозируемая 23% подталкивают денежно-кредитную политику ЦБ РФ к целевому таргетированию инфляционных рисков для экономики через достаточно высокую ключевую ставку. Такой механизм обладает действительно устойчивой корреляционной связью, выявленной при среднесрочном анализе (рис. 1).

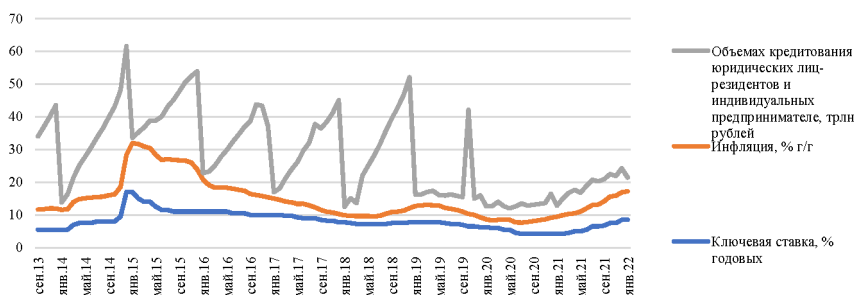

Рис. 1. Объем кредитования юридических лиц, инфляция, ключевая ставка.

Составлено автором. *Источники:*

https://www.cbr.ru/hd_base/infli/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=17.09.2013&UniDbQuery.To=23.03.2022; <https://www.fedstat.ru/indicator/38366>

Рисунок 1 демонстрирует наличие взаимозависимости между ключевой ставкой и инфляцией, но при этом вызывает некоторое недоумение влияние ключевой ставки на объем присутствия в экономике ссудного капитала. Это объясняется тем, что подавление инфляции происходит прежде всего за счет падения деловой активности у малых и средних предприятий (далее – МСП) и располагаемого дохода у населения. Финансовые результаты деятельности МСП и доходы населения – показатели, обладающие тесной корреляционной связью [6, т. 1–2 (83)].

В подтверждении выводом сформируем матрицу зависимости показателей с учетом того, что количество наблюдений равно 99 (09.2013 г. по 01.2022 г.), что достаточно для обеспечения достоверности данных и выводов (рис. 2).

	Ключевая ставка, % годовых	Инфляция, % г/г	Объемах кредитования юридических лиц-резидентов и индивидуальных предпринимателей, трлн рублей
Ключевая ставка, % годовых	1		
Инфляция, % г/г	0,68325695	1	
Объемах кредитования юридических лиц-резидентов и индивидуальных предпринимателей, трлн рублей	0,16028998	0,03645993	1

Рис. 2. Корреляционная матрица связи между ключевой ставкой, инфляцией, объемом кредитования в экономике. Составлено автором.
Источники: <https://www.cbr.ru>; <https://rosstat.gov.ru>

При этом связь между ключевой ставкой и инфляцией не является линейной, а представлена полиномиальной регрессией, за счет чего метрика качества модели значительно повысилась (рис. 3).

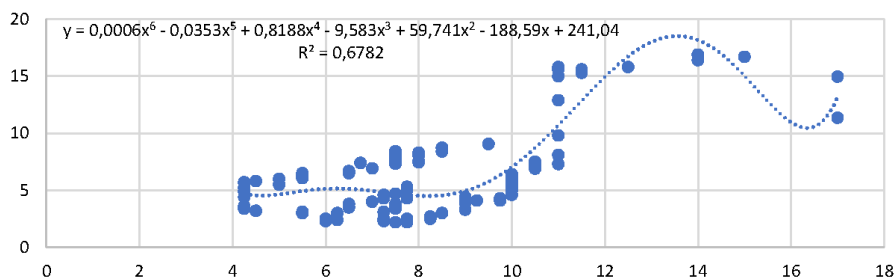

Рис. 3. Полиномиальное уравнение связи между ключевой ставкой и инфляцией. Составлено автором

Вывод: связь между ключевой ставкой и инфляцией – это сложная модель связей, что однозначно, несмотря на наличие устойчивости, необходимо учитывать при проведении монетарной политики.

Рассмотрим влияние ключевой ставки на ссудный капитал. Через ключевую ставку Центральный банк России стремится повысить заинтересованность в формировании депозитных вкладов в противовес снижению кредитного потенциала экономики, столь важного для обеспечения структуры инвестиционного и финансового капитала.

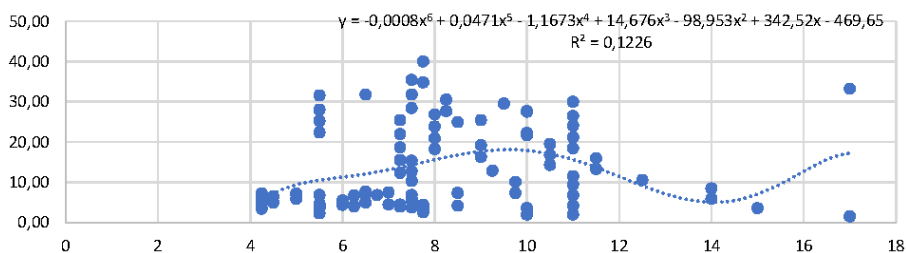

Рис. 4. Полиномиальное уравнение связи между ключевой ставкой и объемом кредитования в экономике. Составлено автором.

И исходя из того, что даже при использовании уравнения, описывающего сложные связи между показателями, уровень плотности связи очень низок. Уравнение влияния ключевой ставки на ссудный капитал раскрывает структуру финансирования ссудного капитала в экономике России и подтверждает допущения о трансформации ссудного капитала в промышленный капитал в основном у крупного бизнеса. Почему? Административный ресурс большинства крупных, системообразующих компаний позволяет привлечь ссудный капитал из огосударственной кредитной системы с наименьшими издержками, либо вообще на безвозмездной основе, тем самым процентная ставка по таким кредитам фактически отвязана от ключевой ставки ЦБ РФ, либо такие компании могут финансироваться напрямую из федерального и региональных бюджетов.

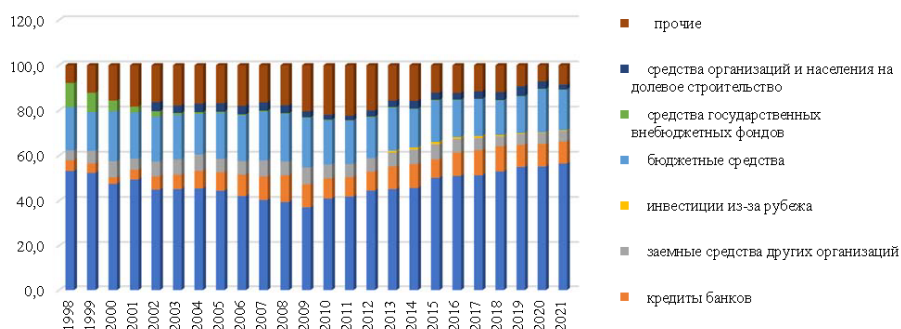

Рис. 5. Структура инвестиционного капитала в экономике России. Составлено автором. *Источник:* <https://rosstat.gov.ru>

Как видим рис. 5, собственный и государственный капитал играют ключевые роли в структуре финансирования инвестиционной деятельности субъектов экономической деятельности.

МСП не обладает в большинстве своем достаточным ресурсом, чтобы, минимизировав риски кредитным организациям, снизить стоимость привлечения ссудного капитала. Помимо этого, частные крупные компании, которые сопряжены с мировым рынком капитала, также столкнулись с проблемой её стоимости, что потребовало пересмотра стратегий развития.

Возможность работы с иностранными инвесторами, прежде всего с европейскими, основывается на мировой тенденции, которая получила название ESG-метрики. Реализация ESG-метрики – это вопрос не одного десятилетия и стоимостью не в одну сотню млрд евро, так как повышение качества жизни населения, решение экологических вопросов за счет перехода на новые технологии требует колоссальных вложений в НИОКР и их дальнейшее внедрение. Вопрос: кто будет оплачивать? Европейские потребители данную политику оплачивают напрямую, через цену на нефть, газ и уголь. Для российских производителей вопрос, связанный с бременем перехода Европы на новые технологии, реализовался через углеродный налог (англ. carbon tax). Источником финансирования мероприятий для российских компаний в рамках реализации ESG-метрики со значительной долей в структуре инвестиций являлся опять же ссудный капитал.

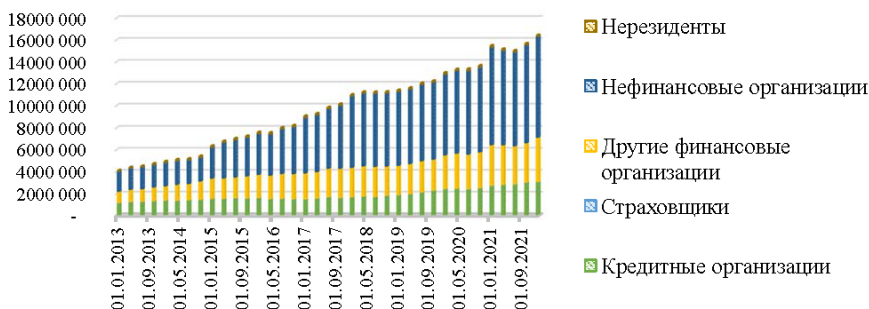

Рис. 6. Структура эмитентов рынка заемного капитала (облигации). Составлено автором. Источники: <https://www.cbr.ru>; <https://rosstat.gov.ru>

Причем традиционно выпущенные облигационные займы выплачивались за счет новых выпусков облигаций и соответственно, когда ключевая ставка ЦБ РФ была 4,5% и позволяла в значительной степени проводить более лояльную политику в области сдерживания издержек, привлекая ссудный капитал, со ставкой 9,5% и выше, политика сдерживания издержек уже сказалась на реализации второстепенных программ и проектов, в том числе в рамках ESG-метрики. Это, в свою очередь, играет негативную роль по привлечению новых инвесторов, возможности эксплуатации эффекта финансового левиреджа и соответственно снижения капитализации компании. Напомню, что согласно политике ПАО «Сбербанк России» с января 2023 г. Сбербанк пересматривает своё отношение к инвестиционным проектам компаний, которые не уделяют должного внимания вопросу ESG-метрики, вплоть до отказа в финансировании данных компаний [7].

2. На фоне снижения зависимости национальных правительств от денежно-кредитной политики центральных банков в условиях значительного ссудного капитала стоит отметить важность формирования «снежного кома» (стоимость привлечения ссудного капитала покрывается новыми размещениями облигационных ценных бумаг). Так, например, по данным

Международного валютного фонда, уровень государственного долга вырос примерно с 70% ВВП в 2007 г. до 124% ВВП в 2020 г. По состоянию на 16 декабря 2021 г. объем долга достиг 226 трлн долл. США, или 256% мирового ВВП [8]. С учетом милитаризации мировой экономики на фоне проведения Специальной операции на Украине тенденция наращивания ссудного капитала будет только возрастать [9]. Беспрецедентный объем ссудного капитала формирует для мировой экономики чрезмерные риски стабильности, что соответственно отражается на стоимости процентов заимствования. Стоимость процентов заимствования в дальнейшем:

- напрямую перекладывается в рост продукции услуг, в том числе для российских потребителей;
- косвенным путем через фискальную систему национальных экономик.

Не стоит забывать о целях и задачах акционерных обществ – это прежде всего рост благосостояния акционеров, по крайней мере в российской практике корпоративного управления¹ [10].

Инфляция снижает экономический эффект от корпоративной прибыли, взывая к необходимости показывать более стремительную динамику роста рентабельности, что подталкивает к поиску не только внутренних резервов, но и увеличению закладываемой маржинальности, увеличению добавочной стоимости производимой продукции и оказываемых услуг. Данный фактор формирует транзакционные издержки и инфляцию.

Таким образом, источники современной инфляции можно представить в виде рис. 7.

Рис. 7. Структура источников осовремененной инфляции. Составлено автором

Итак, современная инфляция носит системный характер, основанная прежде на усилении тенденций в формате «Подрывной инновации»

¹ Уточнение. Европейские компании рассматривают цели и задачи развития компаний прежде всего через параметр ESG-метрики. Совет независимых директоров и топ-менеджмент европейских компаний ставит решение стратегических и операционных задач достижения благополучия собственников бизнеса через реализацию системы стандартов устойчивого развития компании.

(англ. Disruptive innovation), действиями олигополистических и монополистических компаний (в большинстве своем тесно связанных с государственным капиталом и интересами), когда формула воздействия на рынок через снижение предложения сыграла свою роль (повышение рыночной стоимости) и стремление сохранить странами Европейского союза и США устоявшуюся систему экономических отношений англосаксонского мира [11].

Инфляционный капитал

Современная экономика вошла в новую парадигму, основанную на высокой инфляции и низких ключевых ставках центральных банков как вынужденная мера поддержки национальных экономик (рис. 8).

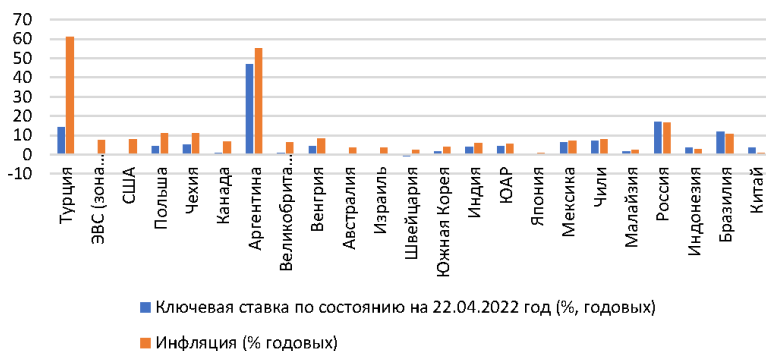

Рис. 8. Соотношение ключевой ставки и инфляции между собой. Составлено автором.
Источники: данные центральных банков стран; <https://www.imf.org/ru/Home>

Эффектом для экономики от COVID-19, ESG-метрики и в какой-то степени милитаризации станет, по мнению ведущих экспертов, долгосрочная инфляция [12]. Ступенчатая монетарная политика Председателя Федеральной резервной системы Джерома Х. Пауэлла, стремящаяся «обуздать» инфляцию путем повышения ключевой ставки, основывается на том, что сглаживание этого процесса для экономики США обеспечивается её силой и достаточной ликвидностью (рис. 9).

Наличие достаточной ликвидности в экономике при рассмотрении возможности поднятия ключевой ставки 16 марта – на 0,25 п.п. до 0,25–0,5% годовых для Джерома Х. Пауэлла являлось одним из ключевых факторов.

Таким образом большинство постиндустриальных экономик эксплуатируя эффект отрицательной реальной процентной ставки обладают значительными возможностями для её диверсификации с помощью инвестирования в разработки новых технологий и технологические процессы. Поддержка корпоративного сектора реализуется с двух сторон:

1. Дешевый капитал.
2. Высокая инфляция.

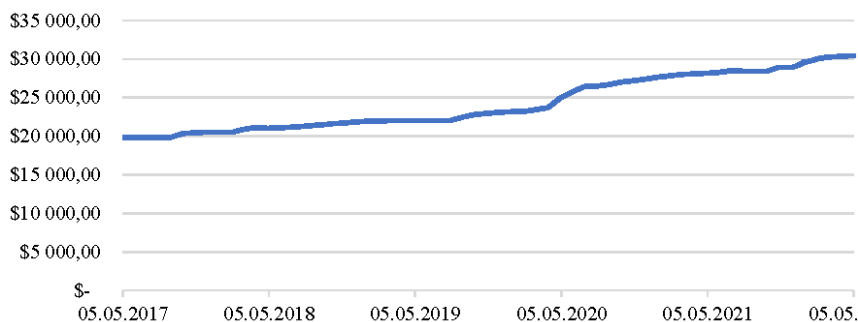

Рис. 9. Государственный долг США, млрд долл.
Составлено автором. Источник: <https://www.federalreserve.gov/>

Оба фактора создали для мировой экономики уникальную ситуацию, когда у значительного числа стран сформировалась отрицательная реальная ставка или ставка, приближенная к нулевому показателю (рис. 10) [13].

Рис. 10. Относительный показатель уровня отрицательной реальной процентной ставки по состоянию на май 2022 г. Составлено автором.

Источники: данные центральных банков стран; <https://www.imf.org/ru/Home>

В России не все так однозначно. Впервые за столь долгое время был исключен один из основных рисков – валютный риск. Ситуация за 20 лет уникальная, когда был принят ряд мер со стороны Центрального банка России по поддержанию валютного рынка (80% продажи валютной выручки за экспортные операции, ограничения по обмену и т.д.), а Минфином России было принято решение о заморозке бюджетного правила. «Эффект переноса» ослабления национальной валюты на инфляцию имеет и обратный эффект при её укреплении. Причем «эффект переноса» изменения носит не краткосрочный, а среднесрочный характер [14]. Теперь инфляция для реального сектора экономики играет совсем иную роль. Реальная ставка, по официальным данным, примерно 0,28, однако продовольственная инфляция на 1 апреля в годовом выражении составила 18,75%, рост цен на непродовольственные товары составил 20,21%, тогда диапазон реальной процентной ставки корректируется в пределах от –1,25 до –2,71% по году

плюс укрепление рубля [15]. Совокупность этих внутренних показателей позволяет прогнозировать более интересные перспективы и возможности для российского бизнеса по перезапуску инвестиционного цикла на краткосрочный и среднесрочный периоды. Данное явление автор назвал «инфляционный капитал». Инфляционный капитал – это капитал, который формируется в процессе создания добавочной стоимости производимой продукции и (или) услуг, позволяющей нивелировать стоимость привлеченного капитала, за счет опережающего роста рыночных цен на товары/услуги при укрепляющейся национальной валюте. Таким образом, исходя из своего кругооборота и природы обращения, инфляция трансформируется в производственный капитал. С учетом того, что Россия на протяжении всей современной истории уплачивала технологическую ренту, то на фоне укрепления рубля стоимость приобретаемого и ввозимого оборудования, станков становится для российских компаний с точки зрения рентабельности намного интереснее, даже с учетом логистических рисков.

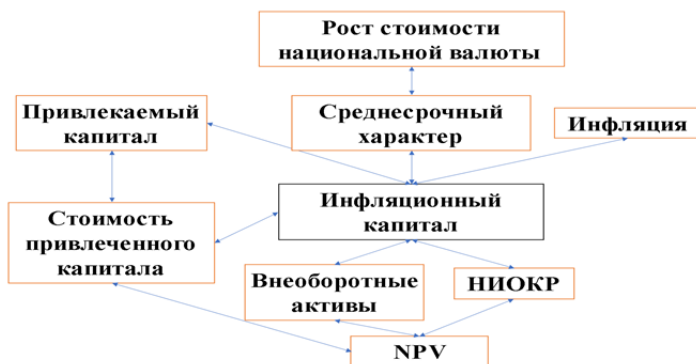

Рис. 11. Схема формирования инфляционного капитала на современном этапе развития российской экономики. Составлено автором

Выводы

Мировая экономика, реализуя политику денежного смягчения, достигла нового эволюционного развития, когда ключевая ставка в момент истории не перекрывает инфляционный показатель и формирует явные перспективы использования накопившегося эффекта издержек, выразившегося в долгосрочной инфляции. Данный эффект способствует инвестированию в новые технологии и людей без потерь в собственном капитале в форме чистой прибыли на базе прогнозируемой рентабельности с учетом низких ставок по ссудному капиталу. Данное явление автор назвал «инфляционный капитал». В России компании, несмотря на то, что реальная ставка находится в положительной зоне или близка к нулю, обладают стратегической возможностью воспользоваться отрицательной реальной ставкой и укрепляющимся рублем и реализовывать планы по инвестированию во внеоборотные активы и в расходы будущих периодов.

Список источников

1. McDermott G.T. (Jr.), Weber W.E. Some Monetary Facts // FRB of Minneapolis Quarterly Review. 1995. Vol. 43, № 4. P. 725–753.
2. Уолш К. Монетарная теория и монетарная политика / пер. с англ. К.В. Ивановой, М.Г. Карева, Ю.В. Набаговой, М.В. Павленко ; под науч. ред. М.Г. Карева. М. : Дело, 2014. 632 с. (Серия «Академический учебник»).
3. Sargent T., Wallace N. Some Unpleasant Monetarist Arithmetic // Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review. 1981. № 5 (3).
4. Нобелевские лауреаты по экономике в XXI веке : в 2 т. Т. 2: 2010–2019 : сб. статей / под ред. А.Г. Худокормова. М. : ИНФРА-М, 2021. 409 с. doi: 10.12737/1221470
5. Андрей Злобин. СМИ узнали о возможной реформе системы накопительных пенсий в 2022 году. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/452353-smi-uznali-o-vozmoznoj-reforme-sistemy-nakopitel-nyh-pensij-v-2022-godu>
6. Батова (Кармова) Б.З., Шидова (Хоконова) Л.Х. Развитие малого и среднего бизнеса в условиях экономической нестабильности // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 1–2 (83) С. 32–37. doi: 10.24412/2411–0450-2022-1-2-32–37
7. Сидоркин Д.В. К вопросу социализации банковского капитала // Банковские услуги. 2022. № 1–2 (83). С. 32–37. doi: 10.24412/2411–0450-2022-1-2-32–37
8. Vitor Gaspar, Paulo Meads, Roberto Perrelli. Global Debt Reaches a Record \$226 Trillion. 2021. URL: <https://blogs.imf.org/2021/12/15/global-debt-reaches-a-record-226-trillion/>
9. Alfred Kammer, Jihad Azour, Abebe Aemro Selassie, Ilan Goldfajn, Changyong Rhee. How War in Ukraine Is Reverberating Across World’s Regions. 2022. URL: <https://blogs.imf.org/2022/03/15/how-war-in-ukraine-is-reverberating-across-worlds-regions/>
10. Сидоркин Д.В. Ипотечный потенциал и ESG-метрика // Финансы, деньги, инвестиции. 2021. № 3 (79). С. 27–33. doi: 10.36992/2222–0917_2021_3_27
11. Сидоркин Д.В. Экономическая война: корпоративные финансы в ростовщической форме // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2021. № 8 (202). С. 68–77. doi: 10.46554/1993–0453-2021-8-202-68-77
12. Rachel Siegel. Inflation could linger longer than previously expected, Federal Reserve officials discussed in December. 2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/us-policy/2022/01/05/fed-inflation-minutes/>
13. Александр Ивантер. Вечный вопрос к новому старому главе Центробанка // Эксперт. 2022. № 17–18. 25 апреля–8 мая 2022. С. 60–62.
14. Филипп Картаев. Как валютный курс влияет на инфляцию. 2019. URL: <https://econs.online/articles/opinions/kak-valyutnyy-kurs-vliyaet-na-inflyatsiyu/>
15. Годовая инфляция в России ускорилась до 16,7%. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/04/06/916972-godovaya-inflyatsiya-v-rossii-uskorilas-do-167>

References

1. McDermott, G.T. (Jr.) & Weber, W.E. (1995) Some Monetary Facts. *FRB of Minneapolis Quarterly Review*. 4 (43). pp. 725–753.
2. Walsh, C. (2014) *Monetarnaya teoriya i monetarnaya politika* [Monetary Theory and Policy]. Translated from English by M.G. Karev et al. Moscow: Delo.
3. Sargent, T. & Wallace, N. (1981) Some Unpleasant Monetarist Arithmetic. *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review*. 5 (3).
4. Khudokormova, A.G. (ed.) (2021) *Nobelevskie laureaty po ekonomike v XXI veke* [Nobel Laureates in Economics in the 21st Century]. Vol. 2. Moscow: INFRA-M. DOI: 10.12737/1221470
5. Zlobin, A. (2022) SMI uznali o vozmozhnoy reforme sistemy nakopitel’nykh pensiy v 2022 godu [The media learned about the possible reform of the funded pension system in

2022]. *Forbes*. [Online] Available from: <https://www.forbes.ru/finansy/452353-smi-uznali-o-vozmoznoj-reforme-sistemy-nakopitel-nyh-pensij-v-2022-godu>.

6. Karmova, B.Z. & Shidova, L.Kh. (2022) Development of small and medium-sized businesses in conditions of economic instability. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika – Economy and Business: Theory and Practice*. 1–2 (83) pp. 32–37. (In Russian). DOI: 10.24412/2411–0450-2022-1-2-32–37

7. Sidorkin, D.V. (2022) On the issue of socialization of bank capital. *Bankovskie uslugi – Banking Services*. 1–2 (83). pp. 32–37. (In Russian). DOI: 10.24412/2411–0450-2022-1-2-32–37

8. Gaspar, V., Meads, P. & Perrelli, R. (2021) Global Debt Reaches a Record \$226 Trillion. 2021. *IMF Blog*. [Online] Available from: <https://blogs.imf.org/2021/12/15/global-debt-reaches-a-record-226-trillion/>.

9. Kammer, A. et al. (2022) How War in Ukraine Is Reverberating Across World's Regions. 2022. *IMF Blog*. [Online] Available from: <https://blogs.imf.org/2022/03/15/how-war-in-ukraine-is-reverberating-across-worlds-regions/>.

10. Sidorkin, D.V. (2021) Mortgage potential and ESG metric. *Finansy, den'gi, investitsii – Finances, Money, Investments*. 3 (79). pp. 27–33. (In Russian). DOI: 10.36992/2222–0917_2021_3_27

11. Sidorkin, D.V. (2021) Economic war: corporate finance in growth. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Vestnik of Samara State University of Economics*. 8 (202). pp. 68–77. (In Russian). DOI: 10.46554/1993–0453-2021-8-202-68-77

12. Siegel, R. (2022) Inflation could linger longer than previously expected, Federal Reserve officials discussed in December. *The Washington Post*. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/us-policy/2022/01/05/fed-inflation-minutes/>.

13. Ivanter, A. (2022) Vechnyy vopros k novomu staromu glave Tsentrobanka [The eternal question to the new old head of the Central Bank]. *Ekspert*. 17–18. 25 April – 8 May. pp. 60–62.

14. Kartaev, F. (2019) Kak valyutnyy kurs vliyaet na inflyatsiyu [How the exchange rate affects inflation]. *Ekons*. [Online] Available from: <https://econs.online/articles/opinions/kak-valyutnyy-kurs-vliyaet-na-inflyatsiyu/>.

15. Vedomosti. (2022) Godovaya inflyatsiya v Rossii uskorilas' do 16,7% [Annual inflation in Russia accelerated to 16.7%]. *Vedomosti*. 6 April. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/04/06/916972-godovaya-inflyatsiya-v-rossii-uskorilas-do-167>.

Сведения об авторе:

Сидоркин Д.В. – кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: d_sidorkin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Sidorkin, Cand. Sci. (Economics), Docent, associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: d_sidorkin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.05.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 23.05.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Научная статья
УДК 336.01
doi: 10.17223/19988648/59/6

Генетическая типология кредита как экономического явления

Елена Геннадьевна Ревтова¹

¹ *Оренбургский государственный университет,
Оренбург, Россия, elenarevtova70@gmail.com*

Аннотация. Предмет исследования – кредит как экономическое явление. Цель – разработка генетической типологии кредита. Гипотеза исследования. Предполагается, что виды кредита можно систематизировать в зависимости от их возникновения в процессе эволюции кредита от простых к более сложным. Методы: анализ научной литературы, систематизация, обобщение информации и категориальный метод «Ряд информационных критериев». Результаты: 1) выявлены элементарные виды кредита (фондированный, нормированный, диверсифицированный, реструктурированный, рефинансированный, секьюритизированный и диджитализированный); 2) разработана эволюционная последовательность их возникновения и развития; 3) разработана генетическая типология кредита, отражающая его видовое разнообразие и эволюционную последовательность развития этого видового разнообразия. Выводы: 1) в разных обстоятельствах и в разной среде в кредите выявляются элементарные виды, такие как фондированные, нормированные, диверсифицированные, реструктурированные, рефинансированные, секьюритизированные и диджитализированные; 2) появление новых видов кредита закономерно приводит к усложнению его организации; 3) развитие кредита происходит за счет появления новых видов, возникающих в ответ на изменение среды. Ценность. Полученные знания расширяют научные представления о кредите и его эволюционно обусловленном видовом разнообразии, дают возможность прогнозировать появление новых видов кредита. Область применимости результатов. Полученные результаты позволяют перейти к исследованию механизма функционирования кредита. В практической деятельности они могут быть использованы как банками для разработки собственной кредитной политики, так и государством в денежно-кредитной политике, реализуемой Центральным банком.

Ключевые слова: кредит, типология кредита, активные качества кредита, информационный критерий, категориально-системная методология, метод «Ряд информационных критериев»

Для цитирования: Ревтова Е.Г. Генетическая типология кредита как экономического явления // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 93–108. doi: 10.17223/19988648/59/6

Original article

Genetic typology of credit as an economic phenomenon

Elena G. Revtova¹

¹ Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, elenarevtova70@gmail.com

Abstract. Credit is a highly complex systemic object. It has served economic relations for a long period; in its evolution it objectively changes and becomes more complicated, which is why modern credit science faces the problems of orderly description and explanation of many loans that are heterogeneous in composition. The object of the study is credit as an economic phenomenon. The aim is to develop a genetic typology of credit. The research hypothesis is that the types of credit can be systematized depending on their occurrence in the evolution of credit from simple to more complex. The research methods are: analysis of scientific literature, systematization, generalization of information, and the categorical method “Several Information Criteria”. The results of the research are the following: (a) elementary types of credit (funded, normalized, diversified, restructured, refinanced, securitized and digitalized) were identified; (b) the evolutionary sequence of their occurrence and development was made; (c) a genetic typology of credit reflecting the diversity of its types and the evolutionary sequence of the development of this diversity was made. The conclusions of the research are the following: (1) in different circumstances and in different environments, elementary types (funded, normalized, diversified, restructured, refinanced, securitized and digitalized) are identified in credit; (2) the emergence of new types of credit naturally leads to the complication of its organization; (3) the development of credit occurs due to the emergence of new types that arise in response to a change in the environment. The acquired knowledge expands the scientific understanding of credit and its evolutionarily determined type diversity, and makes it possible to predict the emergence of new types of credit. The results obtained allow studying how credit functions. In practice, the results can be used both by banks to develop their own credit policy, and by the state in the monetary policy implemented by the Central Bank.

Keywords: credit, typology of credit, active credit quality, information criterion, categorical-systemic methodology, “Several Information Criteria” method

For citation: Revtova, E.G. (2022) Genetic typology of credit as an economic phenomenon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 93–108. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/6

Введение

В современных быстро меняющихся условиях кредит и его инвестиционные возможности по-прежнему остаются в поле интересов исследовательского сообщества, что объясняется, с одной стороны, необходимостью обеспечения экономики инвестиционными источниками развития, с другой – существенно отстающим теоретическим осмыслением и описанием кредита как системного объекта в процессе его эволюционирования. Последнее обстоятельство является препятствием на пути повышения результативности кредитной деятельности для решения задач инновационного

развития. Кроме того, кредитная политика банков в решении задач модернизации и инновационного развития экономики должна быть эффективной и соответствовать видам, формам и уровню развития кредита [1, с. 27; 2, с. 19; 3, с. 57]. Поэтому для того, чтобы накопленный кредитный потенциал был эффективно реализован в экономическом развитии страны, крайне необходимо, чтобы практика кредитной деятельности строилась на надежной теоретической платформе.

Одним из проблемных аспектов современной научной теории кредита является систематизация существующих его видов и форм. Эти проблемы возникают во всех науках, где в результате эволюционного развития образовались разнородные по составу множества объектов. В действительности за многовековое развитие в системе кредитных отношений мы наблюдали и наблюдаем в настоящее время многочисленные изменения, связанные с появлением финансово-кредитных инноваций. В результате в кредитной системе появились новые участники кредитных отношений, действующие участники приспособились и изменяли свою кредитную деятельность, стали предлагать потребителям широкий спектр кредитных услуг, наделенных разным набором качеств. Во все времена исследователи кредита осуществляли поиск надежных способов идентификации его видов и форм, чаще всего опирались на выявление сходства и различия существующих объектов, находимых индуктивным путем, предлагали классификации кредита, основанные на систематизации и интерпретации эмпирического материала. Однако построение универсальной модели видов кредита, опираясь на понимание кредита как системы, его расчленение на компоненты и элементы, построение его структурных уровней для таксономического описания и систематизации в науке о кредите, практически не использовалось, а если и использовалось, то лишь фрагментарно.

Таким образом, отсутствие типологического описания и сопоставления видов кредита на основе понимания объекта как системы, а также отражения системы в ее развитии приводит к тому, что вопрос систематизации разновидностей кредита в экономике остается открытым. Кроме того, возникает проблема выделения такого критерия, с помощью которого можно вычленишь, сопоставить и описать существующие виды кредита, а также предположить появление новых видов кредита в соответствии с тенденциями глобальных изменений в финансово-кредитной системе и экономической системе в целом. Типологическое описание и сопоставление видов кредита в данном исследовании основывается на критическом анализе предложенных отечественными и зарубежными авторами в современной экономической литературе критериев классифицирования и полученных на их основе классификаций, а также на системном понимании природы кредита, его компонентно-элементном составе и закономерности эволюционирования.

Мы полагаем, что систематизацию видового разнообразия кредита целесообразно базировать на выделении элементарных видов и выявлении последовательности их возникновения в процессе эволюции кредита как экономического явления.

Обзор разработанности научной проблемы в научной литературе

Многочисленные современные исследования такого явления экономики, как кредит, показывают, что в качестве оснований его классифицирования отечественными и зарубежными исследователями были выбраны форма стоимости, состав и цель участников кредитных отношений, форма общественных отношений, срок кредита. Эти критерии так или иначе встречаются в разных классификациях кредита О.И. Лаврушина, Е.В. Травкиной, Е.В. Грузинской, И.Н. Пчелинцевой. Наиболее распространенные современные классификации кредита сведены нами в табл. 1.

Таблица 1. Классификации кредита

Выделяемые виды и формы кредита	Классификационный параметр
«товарный, денежный» [4, с. 9; 5, с. 46]	Форма стоимости
«простая форма кредита, сложная форма кредита» [1]	Форма общественных отношений
«банковский, коммерческий, потребительский, государственный, международный, гражданский (личный)» [6, с. 76]	Состав кредиторов и заемщиков
«товарный, денежный, товарно-денежный (смешанный)» [6, с. 76]	Возможности предоставления и погашения товарной и денежной ссуженной стоимостью
«краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные» [5, с. 48]	Срок кредита
«← цель – необходимость дополнительных денежных средств на развитие – кредит в виде предоставления денежных средств на срок; – цель – аренда имущества – лизинг (товарный вид кредита); – цель – отсрочка платежа – коммерческий, вексельный, факторинг, форфейтинг, налоговый; – цель – удовлетворение материальных потребностей – потребительский, микрокредитование; – цель – участие дополнительного кредитора с целью увеличения объема и удешевления кредита – кредитные ноты, синдицированный кредит, консорциальный кредит, иностранные кредитные линии (связанные кредиты); – цель – срочное получение кредита – кредиты овернайт (однодневные); – цель – получение кредита с использованием ценных бумаг (диверсификация финансовых инструментов) – сделки РЕПО» [7, с. 6]	Цель участников кредитных отношений
– хороший, плохой [8, с. 472; 9, с. 1645; 10, с. 206; 11, с. 7667]	Класс риска, характеристики соискателя кредита
«← специально упомянутые, не полностью соответствующие стандартам, сомнительные, убыточные» [8, с. 545]	Уровень возмещения кредита
«ипотечные ссуды, ссуды финансовым учреждениям, сельскохозяйственным ссуды, ссуды торговым и промышленным компаниям, ссуды частным лицам, прочие ссуды, лизинговое финансирование» [12, с. 171]	Цели кредитования банка

Источник: составлено автором.

Представленные классификации в табл. 1 не объясняют причины общности свойств классифицированных классов кредитов. В них группировка осуществляется на основании произвольно выбранных признаков систематизации или удобно различных свойств кредита, таких как срочность, платность и возвратность. Например, удобно классифицировать кредит на товарный и денежный или простой и сложный, или плохой и хороший. Также удобно и просто классифицировать кредит по срочности: краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный. Однако эти классификации не объясняют сложную природу кредита, его структуру и не позволяют прогнозировать изменение видов этого экономического явления в будущем.

Анализ классификационных критериев, используемых при систематизации видов и форм кредитов

Для решения задачи классификации кредитов О.И. Лаврушин, С.Б. Коваленко, Е.В. Травкина, И.Н. Пчелинцева, К.А. Шаповалова использовали элементный состав кредитных отношений. В качестве структурных элементов кредитных отношений выделяли кредиторов, заемщиков и ссуженную стоимость – объект, совершающий возвратное движение. Так, в поиске основания для классификации кредита О.И. Лаврушин обращается к анализу его сущности, полагая, что при ее раскрытии «всегда важно выделение его основы (как главного в сущности), а также самого объекта, который совершает движение между кредитором и заемщиком» [4], и приходит к выводу, что кредит «должен в равной степени соответствовать как товарной, так и денежной его форме» [4], так как его объект «отображает движение стоимости в ее простейшей, развернутой, всеобщей и денежной форме» [4]. Заметим, что данная классификация в специальной литературе встречается часто, однако, по нашему мнению, специфические качества кредита, его целевую функцию и закономерности развития она не отражает. В свою очередь, С.Б. Коваленко и Е.В. Травкина предлагают использовать для систематизации кредита «взаимодействия различных экономических субъектов в качестве кредиторов и заемщиков» [6], обосновывая появление и развитие банковского, коммерческого, потребительского, государственного, международного и гражданского (личного) кредита. Да, использовать в качестве классификационного основания состав участников кредитных отношений можно, однако такой подход, систематизации не выдерживает критики, так как совершенно непонятно, как объяснить и понять природу кредита, его структуру, компонентно-элементный состав и закономерности его развития. Е.В. Грузинская, рассмотрев различные суждения о видах кредита, пришла к следующему выводу: «...вид кредита – это группа кредитов, объединенных сходным сущностным признаком. Признаком отнесения кредита к тому или иному виду необходимо считать цель участников кредитных отношений и условия, в которых этот кредит востребован» [7]. По нашему мнению, указанный признак классификации

кредита обладает определенной ограниченностью, так как отражает цель участников кредитных отношений, но не отражает целевую функцию самого кредита. Зарубежным авторам [8–11] разграничить «плохие» кредиты и «хорошие» позволяют характеристики соискателя кредита и риск дефолта заемщика. Эти классификационные модели строятся на ретроспективных исследованиях, могут использоваться как инструмент анализа будущего кредитного риска, однако суть, сущность кредита и процесс его эволюционирования не объясняют. Неясным также остается то, каким образом все перечисленные виды кредита соотносятся между собой. Ряд авторов [13–18], классификации форм кредита которых представлены в табл. 2, дублируют распространенные основания классифицирования кредита, полученные на основе эмпирически выделенных его особенностей.

Таблица 2. Классификации форм кредита

Форма кредита	Классификационные параметры	Основания классификации
Банковский кредит	«по основным группам заемщиков, по назначению (целям, направлению), по размерам, методам погашения, по обеспечению, по сфере функционирования, по способам выдачи, по срокам пользования» [13, с. 3]	Специфика современной практики кредитования
Банковский кредит	«по назначению, по процентной ставке, по размеру, по схеме выдачи, по схеме погашения, по отраслевой и территориальной принадлежности заемщика, по форме собственности, по размеру заемщика, по форме взаимоотношения с заемщиком, по цене кредита, по виду обеспечения» [18, с. 24]	Опыт работы на рынке кредитных услуг и стратегия успешного и эффективного развития коммерческого банка
Потребительский кредит	«по типу заемщика, срокам и способам погашения, видам обеспечения, процентным выплатам, направлению использования средств, объектам кредитования, объему и т.д.» [17, с. 45]	Существующая практика потребительского кредита
Потребительский кредит	«по типу кредитора, по типу заемщика как субъекта правовых отношений, в зависимости от сферы направления средств, в зависимости от характера потребностей, по характеру обеспечения» [14, с. 187]	Объектно-субъектный критерий классификации
Кредит физическим лицам	«по способу предоставления кредита, по технологии предоставления кредита, по способу погашения кредита, по сроку кредитования, по методу взимания процента, по типу процентной ставки, по типу обеспечения, по объекту кредитования, по типу заемщика» [15, с. 207]	Методологический подход, основанный на конкретизации принципов кредитования
Инвестиционный кредит	«по целям предоставления кредита, по масштабам бизнеса, по объектам креди-	Ряд элементов, определяющих основные

Форма кредита	Классификационные параметры	Основания классификации
	тования, по характеру участников сделки, по видовой принадлежности заемщика, по формам и методам предоставления, по составу кредиторов, по срокам, по механизму распределения рисков, по валюте кредита, по типам кредитуемых проектов, по направленности кредитуемых проектов и т.д.» [16, с. 9]	черты кредитных отношений

Источник: составлено автором.

Выявленные и описанные исследователями классификации не способствуют углублению понимания такого явления экономики, как кредит. Кроме того, рассмотренные классификации форм кредитов не идентифицируют его активные качества, не объясняют объективную закономерность его развития. Поэтому инструменты государственной поддержки в отношении определенного вида кредита, без учета стадии его развития, снижают эффективность кредитной политики банков.

Итак, критический анализ классификационных критериев показал, что все приведенные классификационные подходы носят неполный и противоречивый характер, так как основания классифицирования, предложенные исследователями (табл. 2), разнятся, а классификационные параметры повторяются. Предложенные классификации, имеющие теоретическое объяснение реконструкции исследуемого кредита и реальное подтверждение его видового разнообразия в современном мире, потеряли свою актуальность, так как не отражают последовательность его возникновения и развития в процессе эволюционирования. Таким образом, описание и сопоставление видового разнообразия кредита является актуальной задачей современной теории кредита и, по нашему мнению, может быть успешно решена с помощью подходов качественного и содержательного моделирования [19, с. 98], в рамках которых исследуется активное качество в объектах.

Все вышесказанное определило цель настоящего исследования – разработку научно обоснованной типологии кредита, базирующейся на существенных аспектах данного экономического явления, позволяющей полно, точно и системно представить и описать его видовое разнообразие.

Теория и методология

Данная цель может быть эффективно достигнута с помощью методов исследования активного качества, разработанных В.И. Разумовым [19, с. 98] и адаптированных к экономическим объектам Г.Д. Боуш [20, с. 190]. В частности, метод «Ряд информационных критериев» категориально-системной методологии позволяет понять содержание кредита, формы его проявления во всей его полноте и целостности, а также представить его качественную определенность в некой универсальной модели. Кроме того, этот метод оказывается эвристически продуктивным инструментом, по-

сколькx работает как своеобразный классификатор, как средство систематизации категорий. В данном методе качественная определенность исследуемого нами системного объекта фиксируется с помощью информационного критерия (ИК), представляющего собой его качественную характеристику. Говоря иначе, качество (совокупность качественных характеристик) кредита способно отображать объект как целое, показывать способ его бытия, движения и отношения с другими объектами и средой.

Итак, с помощью методов исследования активного качества объекта можно реконструировать идеальную модель кредита, в которой в каждом ряду качества кредита располагаются в определенной последовательности, отражающей его развитие и усложнение в процессе его эволюционирования.

Качество кредита отражается в дуадах и триадах категорий: собственно, сам объект познания как целое и его качественная определенность (ИК), с помощью которой мы его идентифицируем, или комбинация двух качеств (ИК), выступающих в роли частей целого, одно из которых, принципиально новое, открытое в нем качество (ИК). Каждый этап в развитии кредита сопряжен с развитием его способностей приобретать новые качества для прогрессивного развития в новой быстро меняющейся среде.

В действительности мы наблюдаем появление новых видов кредита. Таким образом, метод «Ряд информационных критериев» открывает дополнительные возможности для рационально-логического осмысления и описания кредита с помощью категории качества и построения типологии кредита, отражающей его видовое разнообразие как развитие качеств. Порядок его применения следующий:

«1) выделение категорий качества – сущностных признаков в исследуемом объекте,

2) выявление логики возникновения выявленных качественных характеристик у объекта,

3) построение информационного прототипа реального объекта, его качественной модели» [19, с. 74].

Итак, воспользуемся графической интерпретацией метода «Ряд информационных критериев» и построим типологизированную модель кредита. Модель конструируем из ячеек, образованных дуадами и триадами категорий кредита, связанных между собой онтологически обоснованным образом. Дуада – совокупность двух элементов, принцип представления которых заложен в формуле «тезис – антитезис». Триада – совокупность трех элементов, связанных между собой по принципу «тезис – антитезис – синтез» в систему, в которой два элемента порождают третий, принадлежащий более высокому уровню организации.

Все ячейки в ряду строим относительно интересующей нас категории кредита. Иные категории (ИК) объекта, заключенные в системе, отражают его качества (качественные характеристики).

Результаты

Кредит, как «определенный возвратностью, срочностью и платностью вид займов денег и товаров» [21. с. 128], является высоко сложным системным объектом, так как обслуживает экономические отношения длительный период и в процессе своего эволюционирования объективно изменяется и усложняется, именно поэтому в современной науке о кредите возникают проблемы упорядоченного описания и объяснения множества разнородных по составу кредитов. Применение в научном знании эмпирических методов типологизации указывает на множество классификационных критериев, не способных объяснить объединение всех возможных видов и форм кредита и предсказать формирование новых его разновидностей. По нашему мнению, для осуществления процедуры систематизации и построения типологии кредита необходимо выделить ядро типичных видов и форм кредита, что представляется возможным, если опираться на понимание объекта как системы. Итак, если представить кредит как систему, как некое целое, состоящее из частей (структурных элементов, или компонентов), отражающих его сущностные характеристики, то на их основе можно построить научно обоснованную типологию многообразия видов кредита. Для этого мы использовали категориально-системную методологию, на ее основе идентифицировали системообразующие части кредита, отражающие его сущностные характеристики, структурировали выявленные компоненты и получили идеальную модель кредита для типологизации видов кредита. Так, кредит для осуществления своей главной цели – адаптации к быстро меняющейся среде, удовлетворяя личные и хозяйственные потребности экономических субъектов, реализует свои внутренние функции, проявляющиеся, по нашему мнению, в его качествах, именуемых нами структурными компонентами кредита. Основные качественные характеристики кредита имеют определенную последовательность, которая отражает процесс его развития, приобретение им новых качеств, т.е. новых функций, таких как:

- К1 – фондирование;
- К2 – нормирование;
- К3 – диверсификация;
- К4 – реструктуризация;
- К5 – рефинансирование;
- К6 – секьюритизация;
- К7 – диджитализация.

В ряду схожих, но не тождественных кредиту экономических явлений особым образом выделяется депозит. Его противоречивое единство с исследуемым объектом не только сформировало основу для перехода кредитного дела на более высокую ступень организации – от частных кредиторов к кредитным организациям, но и позволило разрешить противоречие между суммой и сроком кредита. Когда, к примеру, предложение частного кредитора устраивает заемщика по сумме, но не устраивает по сроку, и

наоборот, предложение другого кредитора соответствует запросу заемщика по сроку, но не соответствует по сумме.

Таким образом, создание фондов за счет депозитов на срочной, платной и возвратной основе, т.е. фондирование, выступает надежным фундаментом развития кредита, фиксирует его простейшее качество – способность привлекать ресурсы для осуществления основной деятельности кредитной организации.

Нормирование (рационализация) кредита ограничивает размер средств, доступных для каждого из потенциальных заемщиков. Анализируя качество заемщика, кредитор берет на себя кредитный риск. Нормирование кредита выступает гарантией возврата кредита и уплаты процентов по нему. Нормирование кредита помогает решать проблемы неудачного выбора и недобросовестного поведения заемщика. Это важное качество кредита задает ему новую качественную определенность и позволяет ему развиваться.

Далее развитию кредита способствует диверсификация, предполагающая распределение кредитов между широким кругом клиентов. Достигая наилучшей комбинации активов с учетом допустимых рисков, кредитор расширяет клиентскую базу, перераспределяет доходы и денежные потоки, повышает свою финансовую устойчивость. Таким образом, способность кредита уменьшить риск с помощью диверсификации позволяет ему прогрессивно развиваться.

Накопление рисков и рост неопределенности раскрывают в кредите новую качественную определенность, его способность изменять условия кредитования. По согласию сторон, кредитора и заемщика, пересматривается процентная ставка, меняется срок кредита, график выплат и предоставляются «кредитные каникулы». Реструктуризация становится новым качеством кредита, побуждающим его к дальнейшему развитию и появлению новых форм реструктуризованного кредита.

Рефинансирование распознает причины, сдерживающие развитие кредита, и удовлетворяет растущий интерес к кредиту с предоставлением кредитором заемщику возможности перекредитоваться на выгодных для него условиях. С помощью рефинансирования кредитор предоставляет возможность своим клиентам получить новый кредит и погасить за счет него ранее полученный кредит с менее выгодными условиями и (или) получить дополнительные ресурсы. При рефинансировании можно объединить два или три кредита и погасить их средствами нового кредита, можно изменить график платежей, снизить процентную ставку и (или) отказаться от поручителя и созаемщика. Это новое качество кредита имеет большие возможности его развития.

Секьюритизация фиксирует первые единичные сделки оптовой торговли кредитными продуктами. Кредиты со стабильными денежными потоками объединяются в однородные группы для последующей продажи. Чаще всего секьюритизации подвергаются кредиты с конкретными условиями, такие как ипотека, кредитные карты, потребительские кредиты, кредиты на

приобретение автомобилей. В результате секьюритизации способность кредита сокращать расходы на заимствования путем рефинансирования первоначального кредита по справедливой рыночной ставке не только благоприятствует развитию кредита, но и расширяет возможности диверсификации активов кредитора и стимулирует реорганизацию кредитного процесса.

Изменения в моделях кредитного обслуживания под влиянием цифровых технологий (машинное обучение, искусственный интеллект, блокчейн, P2P-кредитование, робоэдвайзинг, маркетплейс) приводят к появлению нового качества кредита – диджитализации. Это качество кредита позволяет кредиту приобрести способность быть простым, доступным и в то же время адресным, способным подстроиться под будущие предпочтения клиентов. Итак, диджитализация в современном мире становится новым драйвером не только развития кредита, но и развития экономических отношений в целом.

Эти функции и одновременно структурные компоненты кредита, которые являются их носителями, возникли в кредите в процессе его эволюционирования. Логично предположить, что у кредита его качественные характеристики возникали последовательно от К1 до К7 – от фондирования до диджитализации, т.е. он последовательно развивал свои способности и умения адаптироваться к быстро меняющимся условиям, делая что-то полезное для экономических субъектов.

Типология кредита, разработанная нами на базе категориального метода «Ряд информационных критериев», представлена на рис. 1.

							К8 кредит К7 диджитализация К6 секьюритизация
						К8 кредит К6 секьюритизация К5 рефинансирование	К8 кредит К7 диджитализация К5 рефинансирование
				К8 кредит К5 рефинансирование К4 реструктуризация		К8 кредит К6 секьюритизация К4 реструктуризация	К8 кредит К7 диджитализация К4 реструктуризация
			К8 кредит К4 реструктуризация К3 диверсификация	К8 кредит К5 рефинансирование К3 диверсификация		К8 кредит К6 секьюритизация К3 диверсификация	К8 кредит К7 диджитализация К3 диверсификация
		К8 кредит К3 диверсификация К2 нормирование	К8 кредит К4 реструктуризация К2 нормирование	К8 кредит К5 рефинансирование К2 нормирование	К8 кредит К6 секьюритизация К2 нормирование	К8 кредит К7 диджитализация К2 нормирование	К8 кредит К7 диджитализация К2 нормирование
	К8 кредит К2 нормирование К1 фондирование	К8 кредит К3 диверсификация К1 фондирование	К8 кредит К4 реструктуризация К1 фондирование	К8 кредит К5 рефинансирование К1 фондирование	К8 кредит К6 секьюритизация К1 фондирование	К8 кредит К7 диджитализация К1 фондирование	К8 кредит К7 диджитализация К1 фондирование
К8 кредит К1 фондирование К0	К8 кредит К2 нормирование К0	К8 кредит К3 диверсификация К0	К8 кредит К4 реструктуризация К0	К8 кредит К5 рефинансирование К0	К8 кредит К6 секьюритизация К0	К8 кредит К7 диджитализация К0	К8 кредит К7 диджитализация К0

Рис. 1. Генетическая типология кредита как экономического явления

Источник: составлено автором

В модели объекта, представленной на рисунке, внутренние функции кредита (его качественные характеристики, именуемые в методе «Ряд информационных критериев» информационными критериями) образуют упорядоченный ряд типичных видов кредита. Ядро типичных видов кредита формируется по принципу двух компонентов. В модели объекта типы видов кредита связаны между собой строгой логикой категориальной схемы [22, с. 107]. Каждая ячейка в модели формируется одной из возможных парных комбинаций ИК с учетом того, что в горизонтальном ряду первый

(верхний) ИК последовательно меняется, второй (нижний) остается без изменения, в вертикальном ряду первый (нижний) ИК последовательно меняется, второй (верхний) остается без изменения. В ячейке в качестве постоянного компонента фиксируется следующая, более сложная функция кредита, обозначенная информационным критерием более высокого порядка, занимающая ведущее (активное) положение в развитии кредита. Данный подход демонстрирует последовательное развитие кредита, повышение уровня его системной и организационной сложности, увеличение объема и количества действующих кредитов за счет приобретения им нового качества. Перечень двухкомпонентных кредитообразующих ядер ограничен рядом информационных критериев К1 фондирование – К7 диджитализация. Итак, рассмотрим упорядоченные в ряды типы видов кредита, сформированные по принципу двухкомпонентного ядра.

Первый ряд в модели, демонстрирующей типологию кредита, представлен примитивными видами кредита, обладающими фундаментальными свойствами возвратности, платности, срочности и одним свойством активности, поддерживающим его существование и развитие: фондированный кредит (К810), нормированный кредит (К820), диверсифицированный кредит (К830), реструктурированный кредит (К840) и т.д. Эти виды кредита имеют возможность в процессе развития превратиться в полноценные кредиты, обладающие двухкомпонентным ядром.

Второй ряд в модели показывает возможные виды кредита, образованные сочетанием ИК более высокого порядка, в которых определяющим компонентом ядра ячеек становится фондирование, как наиболее прогрессивная функция кредита:

- кредит фондированный / нормированный (К821);
- кредит фондированный / диверсифицированный (К831);
- кредит фондированный / реструктурированный (К841);
- кредит фондированный / рефинансированный (К851);
- кредит фондированный / секьюритизированный (К861);
- кредит фондированный / диджитализированный (К871).

Третий ряд в модели формируется совокупностью видов кредита, постоянным элементом которых является нормирование в сочетании с новыми качественными характеристиками, приобретаемыми им в процессе естественного эволюционирования. Четвертый и следующие за ним ряды моделируются по аналогичной схеме и фиксируют новый этап в развитии кредита, появление новых видов кредита.

Наиболее развитыми в эволюционном развитии, как мы видим из рисунка, будут типы видов кредита, соответствующие ячейкам типологии, расположенные в шестом, седьмом и восьмом рядах. Это объясняется тем, что в них в качестве ядра выделены функции кредита более высокого порядка и более сложные для реализации, такие как рефинансирование, секьюритизация и диджитализация. Так, способность кредита к рефинансированию долгое время наблюдалась в кредитных отношениях между отдельными его участниками, например между банками. Однако в настоящее

время повышение решающих способностей качественных характеристик кредита более высокого порядка в удовлетворении потребностей экономических субъектов и подталкивающие условия быстроменяющейся среды позволили закрепить это качество почти во всех его видах. Способность к секьюритизации пока мы наблюдаем лишь в отдельных его формах, таких как ипотека, кредитные карты, потребительские кредиты и кредиты на приобретение автомобилей. Типы секьюритизированных и диджитализированных видов кредита отражают более высокий уровень системной и организационной сложности, требуют совершенствования его внутри элементной ресурсной базы для перехода на новый этап развития по сравнению с видами кредита, к примеру, наделенными функциями фондирования и нормирования. Однако это не означает, что иные функции кредит не выполняет. Кредит может выполнять функции вне ядра, однако они играют второстепенную (подчиненную) роль по отношению к функциям ядра. Именно компоненты ядра в кредите соответствующего типа определяют цель и принципы его развития, а также его умения адаптироваться и приспосабливаться к быстро меняющейся среде. Именно от состава и уровня развития компонентов (ИК) кредита, его функций, заключенных в ядро, зависит успешность его развития в современных условиях. Таким образом, компоненты, присутствующие в кредите, но не формирующие его ядро, не определяют цели и траектории его развития.

Итак, все возможные варианты образования типов кредита, определенные перечнем базовых функций кредита, зафиксированы в модели РИК. Следует заметить, что в пределах типа кредита, отражаемого конкретной ячейкой, может возникнуть большое разнообразие его форм. Например, для кредита К851 – рефинансирование/ фондирование характерно активное взаимное развитие функций фондирования и рефинансирования. Функции нормирования, диверсифицирования и реструктурирования в таком кредите выполняют значимую, но не ведущую роль. Его успешное и прогрессивное развитие определяется взаимодействием (кооперацией) функций фондирования и рефинансирования.

Вывод и заключение

Полученная нами генетическая типология кредита позволяет все идентифицированные и описанные в научной литературе формы кредита систематизировать наиболее полно и точно, а также осуществить целенаправленный поиск еще не распознанных видов кредита. Используя разработанную нами типологию кредита, можно предположить возможные траектории его развития. Так, если в процессе перехода от одного типа кредита к другому траектория развития стремится вниз и влево, то наблюдается регресс, вверх и вправо – прогресс. Данное качество типологической модели можно использовать в кредитной политике любого банка, заложив в нее прогрессивное развитие кредита.

В ходе исследования получены следующие научные выводы:

- несовершенство современной методологии систематизации видов кредита приводит к ограниченности и противоречивости существующих классификаций, фрагментарности описания и сопоставления множества его форм и видов через призму системного объекта;
- привлечение метода «Ряд информационных критериев» категориально-системной методологии для исследования такого явления экономики, как кредит, с выделением двухкомпонентного системообразующего ядра, состоящего из его частей, позволяет разработать типологию кредита и способствует развитию методологии исследования кредита как экономического явления;
- разработана генетическая типология кредита, в основе которой лежит представление об исследуемом объекте как о системе, выявление в нем качественных характеристик;
- помимо упорядочения видов кредита, разработанная генетическая типология кредита позволяет изучить процесс его эволюционирования, отследить появление новых качеств (функций), а значит, и появление новых видов кредита.

Список источников

1. *Лаврушин О.И.* Кредит и экономический рост // *Банковское дело.* 2010. № 1. С. 24–27.
2. *Терновская Е.П.* Приоритеты кредитной политики российских банков и их влияние на экономический рост // *Финансовые рынки и банки.* 2019. № 3. С. 15–19.
3. *Лаврушин О.И.* Приоритеты развития кредита в современной экономике // *Банковское дело.* 2020. № 1. С. 55–59.
4. *Лаврушин О.И.* Базовые основы теории кредита и его использование в современной экономике // *Journal of Economic Regulation.* 2017. Т. 8, № 2. <http://dx.doi.org/10.17835/2078-5429.2017.8.2.006-015>
5. *Пчелинцева И.Н., Шаповалова К.А.* Современные формы кредитования в рыночных условиях // *Актуальные проблемы экономики и менеджмента.* 2016. № 4 (12). С. 45–48.
6. *Коваленко С.Б., Травкина Е.В.* Структура современных кредитных отношений // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета.* 2016. № 3 (62). С. 75–78.
7. *Грузинская Е.В.* Виды и формы кредита: методологический аспект // *Экономика и управление (Минск).* 2010. № 4 (24). С. 3–8.
8. *Синки Дж.* Финансовый менеджмент в коммерческом банке и в индустрии финансовых услуг. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. 1018 с.
9. *Pavlidis N.G., Tasoulis D.K., Adams N.M., Hand D.J.* Adaptive consumer credit classification // *Journal of the Operational Research Society.* 2012. Vol. 63 (12). P. 1645–1654. <https://doi.org/10.1057/jors.2012.15>
10. *Gorzalczany M.B., Rudziński F.* A multi-objective genetic optimization for fast, fuzzy rule-based credit classification with balanced accuracy and interpretability // *Applied Soft Computing.* 2016. Vol. 40. P. 206–220. <https://doi.org/10.1016/j.asoc.2015.11.037>
11. *Dwivedi P.K., Tripathi S.P.* A fuzzy knowledge based system for financial credit classification // *International Journal of Recent Technology and Engineering.* 2019. Vol. 8 (3). P. 7664–7673. <https://doi.org/10.35940/ijrte.C6234.098319>
12. *Роуз Питер С.* Банковский менеджмент. М. : Дело Лтд, 1995. 768 с.
13. *Едронова В.Н., Хасянова С.В.* Классификация банковских кредитов и методов кредитования // *Финансы и кредит.* 2002. № 1 (91). С. 2–5.

14. Охрименко И.Б. К вопросу о сущности и классификации потребительского кредита // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 2-1. С. 182–189.
15. Янов В.В. Теоретические подходы к системе кредитования физических лиц // Экономика и управление: новые вызовы и перспективы. 2012. № 3. С. 204–208.
16. Мазурина Т.Ю. Инвестиционный кредит как долгосрочный банковский продукт: специфические свойства и классификация // Финансы и кредит. 2013. № 38 (566). С. 7–15.
17. Вацкекина И.В. Классификация потребительских кредитов на Российском рынке // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2017. № 3 (93). С. 44–50.
18. Чиговская-Назарова Я.А., Данилов О.Е. Научно-методические достижения в действии // Сборник научных трудов Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко. Глазов, 2020.
19. Разумов В.И. Категориально-системная методология в подготовке ученых. Омск : Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, 2014. 277 с.
20. Боуш Г.Д. Кластеры в экономике: научная теория, методология исследования, концепция управления. Омск : Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, 2013. 408 с.
21. Ревтова Е.Г. Конструирование дефиниции категории «кредит» // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2020. Т. 22, № 4. С. 122–131. doi: 10.15688/ek.jvolsu.2020.4.11
22. Боуш Г.Д., Разумов В.И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях). М. : Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2020. 227 с. <https://doi.org/10.12737/991914>

References

1. Lavrushin, O.I. (2010) Kredit i ekonomicheskiy rost [Credit and economic growth]. *Bankovskoe delo*. 1. pp. 24–27.
2. Ternovskaya, E.P. (2019) The credit policy priorities of Russian banks and their impact on economic growth. *Finansovye rynki i banki – Financial Markets and Banks*. 3. pp. 15–19. (In Russian).
3. Lavrushin, O.I. (2020) Prioritety razvitiya kredita v sovremennoy ekonomike [Priorities of credit development in the modern economy]. *Bankovskoe delo*. 1. pp. 55–59.
4. Lavrushin, O.I. (2017) The theory of the credit basis and its use in modern economy. *Journal of Economic Regulation*. 2 (8). pp. 6–5. (In Russian). DOI: 10.17835/2078-5429.2017.8.2.006-015
5. Pchelintseva, I.N. & Shapovalova, K.A. (2016) Contemporary forms of credit under market conditions. *Aktual'nye problemy ekonomiki i menedzhmenta*. 4 (12). pp. 45–48. (In Russian).
6. Kovalenko, S.B. & Travkina, E.V. (2016) Structure of modern credit relations. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta – Vestnik Saratov State Socio-Economic University*. 3 (62). pp. 75–78. (In Russian).
7. Gruzinskaya, E.V. (2010) Vidy i formy kredita: metodologicheskii aspekt [Types and forms of credit: methodological aspect]. *Ekonomika i upravlenie*. 4 (24). pp. 3–8.
8. Sinkey, J. (2007) *Finansovyy menedzhment v kommercheskom banke i v industrii finansovykh uslug* [Commercial Bank Financial Management in the Financial Services Industry]. Translated from English. Moscow: Al'pina Biznes Buks.
9. Pavlidis, N.G. et al. (2012) Adaptive consumer credit classification. *Journal of the Operational Research Society*. 63 (12). pp. 1645–1654. DOI: 10.1057/jors.2012.15
10. Gorzałczany, M.B. & Rudziński, F. (2016) A multi-objective genetic optimization for fast, fuzzy rule-based credit classification with balanced accuracy and interpretability. *Applied Soft Computing*. 40. pp. 206–220. DOI: 10.1016/j.asoc.2015.11.037
11. Dwivedi, P.K. & Tripathi, S.P. (2019) A fuzzy knowledge based system for financial credit classification. *International Journal of Recent Technology and Engineering*. 8 (3). pp. 7664–7673. DOI: 10.35940/ijrte.C6234.098319

12. Rose, P.S. (1995) *Bankovskiy menedzhment* [Bank Management]. Translated from English. Moscow: Delo Ltd.

13. Edronova, V.N. & Khasyanova, S.V. (2002) Klassifikatsiya bankovskikh kreditov i metodov kreditovaniya [Classification of bank loans and lending methods]. *Finansy i kredit – Finance and Credit*. 1 (91). pp. 2–5.

14. Okhrimenko, I.B. (2014) K voprosu o sushchnosti i klassifikatsii potrebitel'skogo kredita [On the issue of the essence and classification of consumer credit]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2-1. pp. 182–189.

15. Yanov, V.V. (2012) Teoreticheskie podkhody k sisteme kreditovaniya fizicheskikh lits [Theoretical approaches to the system of lending to individuals]. *Ekonomika i upravlenie: novye vyzovy i perspektivy*. 3. pp. 204–208.

16. Mazurina, T.Yu. (2013) Investitsionnyy kredit kak dolgosrochnyy bankovskiy produkt: spetsificheskie svoystva i klassifikatsiya [Investment credit as a long-term banking product: specific properties and classification]. *Finansy i kredit – Finance and Credit*. 38 (566). pp. 7–15.

17. Vashchekina, I.V. (2017) Classification of consumer credit in the Russian market. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova – Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 3 (93). pp. 44–50. (In Russian).

18. Chigovskaya-Nazarova, Ya.A. & Danilov, O.E. (eds) (2020) *Nauchno-metodicheskie dostizheniya v deystvii. Sbornik nauchnykh trudov Glazovskogo gosudarstvennyy pedagogicheskoy institut imeni V.G. Korolenko* [Scientific and Methodological Achievements in Action. Collection of scientific works of the Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko]. Glazov: Glazov State Pedagogical Institute named after V. G. Korolenko.

19. Razumov, V.I. (2014) *Kategorial'no-sistemnaya metodologiya v podgotovke uchennykh* [Categorical and System Methodology in the Training of Scientists]. Omsk: Dostoevsky Omsk State University.

20. Boush, G.D. (2013) *Klastery v ekonomike: nauchnaya teoriya, metodologiya issledovaniya, kontseptsiya upravleniya* [Clusters in Economics: Scientific theory, research methodology, management concept]. Omsk: Dostoevsky Omsk State University.

21. Revtova, E.G. (2020) Construction of the definition of the “credit” category. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Journal of Volgograd State University. Economics*. 4 (22). pp. 122–131. (In Russian). DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2020.4.11

22. Boush, G.D. & Razumov, V.I. (2020) *Metodologiya nauchnogo issledovaniya (v kandidat'skikh i doktorskikh dissertatsiyakh)* [Methodology of Scientific Research (in candidate and doctoral dissertations)]. Moscow: Nauchno-izdatel'skiy tsentr INFRA-M. DOI: 10.12737/991914

Сведения об авторе:

Ревтова Е.Г. – кандидат экономических наук, доцент кафедры банковского дела и страхования финансово-экономического факультета, Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия). E-mail: elenarevtova70@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.G. Revtova, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: elenarevtova70@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 11.05.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Научная статья
УДК 330.133.2
doi: 10.17223/19988648/59/7

Система ESG-координат в методологии оценки стоимости активов

Дмитрий Юрьевич Захматов¹

Казанский федеральный университет, Казань, Россия, z_dmitry@bk.ru

Аннотация. В последние годы происходит явное усиление внимания участников рынка и оценщиков к вопросам учета в стоимости активов экологичности, социальной направленности, а также уровня корпоративного управления, т.е. ESG-факторов. Поскольку данные факторы признаются на самом высоком уровне – правительствами государств, крупнейшим бизнесом, а также аналитиками, можно сделать вывод об их ценообразующем характере. В настоящей статье предпринята попытка исследовать вектор развития стандартизации и методологии оценочной и экспертной деятельности в области учета ESG-факторов. Ключевой вопрос данной работы: какие аспекты методологии в области оценки активов подлежат ESG-трансформации в ближайшем будущем? Какие изменения в Российских федеральных стандартах оценки и стандартах саморегулируемых организаций оценщиков целесообразно предлагать в данном направлении? Как уже сегодня можно учесть влияние ESG-факторов в отчетах об оценке и заключениях экспертов? Настоящая статья носит обзорный характер, в ней предпринята попытка научного осмысления понятия ESG в оценочной практике и методологии и сделаны выводы о направлениях развития отечественной методологии в области оценочной деятельности.

Ключевые слова: ESG-факторы, устойчивое развитие бизнеса, оценка бизнеса, оценка активов, специфические риски, развитие методологии оценки

Для цитирования: Захматов Д.Ю. Система ESG-координат в методологии оценки стоимости активов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 109–126. doi: 10.17223/19988648/59/7

Original article

The ESG coordinate system in the methodology of asset valuation

Dmitry Yu. Zakhmatov¹

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, z_dmitry@bk.ru

Abstract. In recent years, there has been a clear increase in the attention of both market participants and valuation specialists to the issues of accounting for environmental friendliness, social orientation, as well as the level of corporate governance, that is, ESG factors, in the value of assets. Since these factors are recognized at the highest

level – by the governments of states, the largest business, as well as by analysts, it can be concluded that their nature is price-forming. In this article, an attempt is made to investigate the vector of the development of standardization and methodology of evaluation and expert activity in the field of accounting for ESG factors. The paper answers the questions: What aspects of the methodology in the field of asset valuation are subject to ESG transformation in the near future? What changes in the Russian Federal evaluation standards and standards of self-regulatory organizations of appraisers should be proposed in this direction? How can the influence of ESG factors be taken into account in assessment reports and expert opinions already today? This article is of an overview nature; it attempts a scientific understanding of the concept of ESG in valuation practice and methodology and draws conclusions about the directions of development of the domestic methodology in the field of valuation activities.

Keywords: ESG factors, sustainable business development, business valuation, asset valuation, specific risks, development of valuation methodology

For citation: Zakhmatov, D.Yu. (2022) The ESG coordinate system in the methodology of asset valuation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 109–126. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/7

Введение

Наблюдаемое внедрение в бизнес-среду, социальную политику, правовую сферу концепции устойчивого развития приводит к трансформации отношения к активам и их ценности, что, как следствие, требует нового понимания, актуализации и адаптации к новым реалиям сформированной методологической базы во многих сферах, в том числе и в оценочной деятельности.

Поставленные членами Организации Объединенных Наций (ООН) 17 глобальных целей устойчивого развития, поддержанные многими государствами и принятые 25 сентября 2015 г., сосредоточены на векторе гармонизации и улучшения экологической, социальной и экономической устойчивости [1].

Вопросы ESG-повестки признаны и в России, причем как бизнесом, так и на государственном уровне, при этом активно принимаются практические решения в данном направлении [2].

Центральный банк Российской Федерации в целях совершенствования практики корпоративного управления в публичных акционерных обществах 16.12.2021 г. выпустил рекомендации по учету советом директоров (наблюдательным советом) публичного акционерного общества факторов, связанных с окружающей средой, социальных факторов и факторов корпоративного управления (ESG-факторов), а также вопросов устойчивого развития [3].

В данных рекомендациях затрагиваются вопросы оценки ESG-факторов и связанных с ними рисков и возможностей, при этом делается акцент на адаптивность к быстро меняющейся внешней среде, в которой функционирует бизнес, что фактически относит данные факторы к ценообразующим (влияющим на стоимость).

Президентом России 27.04.2022 г. Правительству РФ поручено рассмотреть вопрос об определении критериев отнесения инвестиционных проектов к числу проектов, отвечающих требованиям концепции экологической, социальной и корпоративной ответственности (ESG), а также о предоставлении мер государственной поддержки участникам таких проектов¹.

Минэкономразвития России 14.04.2022 г. утвердил новые редакции общей части федеральных стандартов оценки [4], которые учитывают международный опыт в области определения стоимости, причем часть действующих стандартов, относящихся к видам активов (недвижимость, движимое имущество, бизнес), находятся в настоящее время в разработке. Таким образом, возникает потребность в анализе актуальности внесения предложений в профильные стандарты по видам активов, учитывающие ESG-практики.

В целях совершенствования как качества работ по оценке активов, так и развития методологии в оценочной деятельности видится целесообразным исследовать вектор развития стандартизации и методологии оценочной и экспертной деятельности в области учета ESG-факторов, обратившись в том числе и к международному опыту.

Материалы и методы исследования

Вопросы учета ESG-факторов в оценке исследуются как в публикациях признанных практиков и методологов в области оценочной деятельности [5], так и международными и европейскими объединениями оценщиков.

Международный комитет по стандартам оценки (IVSC)² в последнее время ведет активные дискуссии по включению ESG-повестки в новые версии стандартов. Следует отметить, что вопросы учета компонентов ESG при определении стоимости исследуются достаточно давно, но официальных стандартов в данной области комитетом пока не утверждено.

Первым «перспективным» документом IVSC по учету ESG-факторов и оценке бизнеса «ESG and Business Valuation» [5] от марта 2021 г. сделаны попытки определения характеристик ESG, которые могут быть включены в процесс измерения стоимости.

Во втором «перспективном» документе ESG and Real Estate Valuation [7], опубликованном в мае 2021 г., исследованию подлежала связь между инвестициями в ESG и созданием и (или) поддержанием стоимости нематериальных активов и вытекающими из этого выводами в подходах к определению степени влияния ESG-факторов.

В октябре 2021 г. вышло третье исследование IVSC [8], представляющее собой первые шаги IVSC на пути к более систематическому подходу к включению ESG в практику и стандарты оценки бизнеса. В то время как в

¹ URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/68298>

² URL: <https://www.ivsc.org/>

двух предыдущих перспективных статьях ESG рассматривалась с точки зрения бизнеса и нематериальных активов, в этом третьем перспективном документе исследуется, как ESG можно количественно оценить в рамках оценки активов недвижимости.

Таким образом, IVSC в течение 2021 г. опубликовал три перспективных документа по ESG, которые часто выступают в качестве предварительных исследований для включения более четких требований к оценке ESG для всех специальностей в будущих изданиях стандартов организации.

IVSC также создала рабочую группу ESG, в состав которой входят представители Советов по пересмотру стандартов IVSC, заинтересованных сторон и внешних специалистов для дальнейшего обсуждения потребностей рынка [9].

Крупнейшим объединением оценщиков также является TEGOVA – Европейская группа ассоциаций оценщиков объединяет 70 национальных ассоциаций оценщиков из 38 стран, представляющих 70 000 квалифицированных оценщиков, работающих как самостоятельно, так и в специализированных консалтинговых компаниях, компаниях частного сектора, государственных ведомствах или финансовых учреждениях, как местных, так и международных¹.

Девятое издание Европейских стандартов оценки, выпущенное TEGOVA (вступили в силу с 01.01.2021 г.), включает в себя ряд разделов, так или иначе связанных с ESG принципами и учету их при определении стоимости.

Также следует обратить внимание на методическую деятельность объединения RICS – Королевского общества сертифицированных специалистов в области недвижимости². Организация обладает 134 000 высококвалифицированных стажеров и специалистов, а также офисами на всех значимых финансовых рынках, что идеально подходит для того, чтобы влиять на политику и внедрять наши стандарты на местных рынках в целях защиты потребителей и бизнеса. Компания способна внедрять инновации и продвигать развитие локаций таким образом, чтобы они были пригодны для будущих поколений, в дополнение к текущим вызовам и проблемам.

Последняя редакция Глобальных стандартов оценки RICS («Глобальные стандарты Красной книги»), которая вступила в силу с 31 января 2022 г., включает определения и дополнительные комментарии по вопросам, связанным с ESG-факторами [11].

«Устойчивое развитие и ESG в оценке коммерческой недвижимости и стратегических консультациях», 3-е изд. – эта глобальная руководящая записка обеспечивает практическую основу для проведения исследований в области устойчивого развития и ESG, а также требований к отчетности при консультировании по профессиональной оценке.

Кроме того, в январе 2022 г. RISC опубликовал «Практические и глобально значимые принципы для выполнения требований к устойчивому

¹ URL: <https://www.tegova.org>

² URL: <https://www.rics.org>

развитию и ESG в Глобальных стандартах Красной книги», которые содержат рекомендации по эффективной практике, поддерживающие повседневную практику коммерческой оценки и ее взаимосвязь с ESG и устойчивостью.

На основе синтеза как данной информации, так и других источников, упоминаемых в настоящей статье, подготовлена систематизация направлений внесения изменений в действующие стандарты оценки, а также сделаны практические рекомендации для участников рынка по учету ESG-факторов в текущих оценках.

Результаты

Оценка бизнеса

Фокус внимания на ESG-факторы при оценке бизнеса предлагается проиллюстрировать на модели дисконтирования денежных потоков на инвестированный капитал.

Формула дисконтированного денежного потока (DCF) равна сумме денежного потока за каждый период (FCFF) срока прогнозирования (n), деленной на единицу, плюс ставка дисконтирования (WACC), возведенная в степень номера периода. В постпрогнозный период определяется терминальная стоимость (TV), которая также дисконтируется на дату оценки:

$$EV = (FCFF_1 / (1+WACC)^1) + (FCFF_2 / (1+WACC)^2) + \dots + (FCFF_n / (1+WACC)^n) + (TV / (1+WACC)^{n+1}). \quad (1)$$

$$FCF = EBIT \times (1 - \text{Налоговая ставка}) + \text{Амортизация} - \text{Капитальные затраты} - \text{Изменения в оборотном капитале}. \quad (2)$$

$$WACC = \text{Стоимость собственного капитала (CAPM)} \times \text{Доля собственного капитала} + \text{Стоимость долга} \times \text{Доля долга в капитале} \times (1 - \text{Налоговая ставка}). \quad (3)$$

$$CAPM = \text{Безрисковая ставка} + \text{Бета} \times (\text{Доходность рынка} - \text{Безрисковая ставка}) + \text{Специфические риски}. \quad (4)$$

Предлагаемые направления учета ESG-факторов в компонентах модели DCF сведены в табличную форму (табл. 1).

При затратном и сравнительных подходах учет ESG-факторов сводится к направлениям, представленным в табл. 2.

Таблица 1

Компонент	Направления учета ESG-факторов
EBIT (Earnings Before Interest and Taxes) – прибыль до вычета процентов и налогов	Включение в анализ прогнозных доходов и расходов бизнеса элемента ESG-повестки по структуре, значениям, динамике показателей
Срок прогноза (n)	Наличие законодательных и отраслевых ESG-факторов, влияющих на срок прогнозирования
TV – терминальная стоимость бизнеса	Анализ отношения к ESG в компании с точки зрения наличия инструментов для обеспечения долгосрочного устойчивого роста и его темпов при построении модели терминальной стоимости с использованием модели Гордона (капитализации денежного потока в послепрогнозный период), а также ценности ESG-факторов в бизнесе для инвесторов в долгосрочных перспективах при использовании иных моделей построения
Налоговая ставка	Влияние на показатель налоговой нагрузки в зависимости от государственного регулирования ESG
Капитальные затраты	Дополнительные расходы или их экономия исходя из ESG программ предприятия
Бета	Ввод критериев ESG для сопоставимых компаний и отрасли
Стоимость долга	Возможность привлечения заемных средств по льготным ставкам «зеленых финансов»
Специфические риски	Отбор и значение данных рисков требуют детального рассмотрения с учетом как рыночных тенденций, так и развития ESG-культуры в отрасли. Необходимо проявлять осторожность, чтобы не учитывать характеристики дважды, как «новые риски ESG»

Таблица 2

Компонент	Направления учета ESG-факторов
Стоимость нематериальной составляющей активов в рамках затратного подхода	Включение в анализ прогнозных доходов и расходов бизнеса элемента ESG-повестки по структуре, значениям, динамике показателей
Определение критериев отбора и отбор аналогов при реализации сравнительного подхода	Определение и оценка соответствующих критериев ESG для сопоставимых компаний и отрасли, анализ эффективности деятельности исследуемой компании по выбранным критериям и отбор сопоставимых аналогов с последующим проведением необходимых корректировок

Оценка недвижимости

При оценке в рамках трех традиционных подходов (доходном, затратном и сравнительном) учет ESG-факторов сводится к направлениям, представленным в табл. 3.

Таблица 3

Компонент	Направления учета ESG-факторов
<i>Доходный подход</i>	
Действительный валовый доход	Включение в анализ прогнозных доходов и расходов по объекту недвижимости элемента ESG-повестки по структуре, значениям, динамике показателей, в том числе (но не ограничиваясь): арендная ставка, уровень загрузки, эксплуатационные расходы
Срок прогноза денежных потоков и срок службы объектов недвижимости	Наличие законодательных и отраслевых ESG-факторов, влияющих на срок прогнозирования
TV – Терминальная стоимость	Анализ ESG-характеристик объекта недвижимости с точки зрения наличия инструментов для обеспечения долгосрочного устойчивого роста и его темпов при построении модели терминальной стоимости с использованием модели Гордона (капитализации денежного потока в послепрогнозный период), а также ценности ESG-факторов объекта недвижимости для инвесторов в долгосрочных перспективах при использовании иных моделей построения
Налоговая ставка	Влияние на показатель налоговой нагрузки в зависимости от государственного регулирования ESG
Капитальные расходы	Дополнительные расходы или их экономия исходя из ESG-факторов
Ставки дисконтирования и капитализации	Исследование рыночных показателей доходности с учетом отношения инвесторов к ESG-характеристикам объектов недвижимости
Стоимость заемных средств	Возможность привлечения заемных средств по льготным ставкам «зеленых» финансов
<i>Сравнительный подход</i>	
Определение критериев отбора и отбор аналогов при реализации сравнительного подхода	Определение и оценка соответствующих критериев ESG для сопоставимых объектов недвижимости и отбор сопоставимых аналогов с последующим проведением необходимых корректировок
<i>Затратный подход</i>	
Определение капитальных расходов	Расчет затрат на переоборудование, чтобы сделать здания более соответствующими требованиям ESG

Обсуждение результатов

Оценка бизнеса

Рассмотрим предлагаемые варианты учета влияния ESG-факторов на стоимость бизнеса с точки зрения трех общепринятых подходов к оценке.

Затратный подход.

В основном исследователи обращают внимание на элементы нематериальной составляющей стоимости компании, отражающей создание ее ценности [7]. При этом предлагаются к рассмотрению следующие факторы:

– бренд предприятия – укрепление и поддержание своего бренда и репутации занимают центральное место в ценностном предложении инвестиций в устойчивое развитие;

– человеческий капитал и уровень квалификации рабочей силы, влияющие на большую часть стоимости бизнеса и мощности по повышению ее стоимости. Данный критерий относится к предприятиям, которые полагаются на человеческий капитал;

– премия к балансовой стоимости и бизнес-модель с добавленной стоимостью (гудвил), обусловленная созданием инвестиционной стоимости ESG, проявляется в формировании и (или) обслуживании нематериальных активов. Таким образом, величина создания стоимости ESG, а также оптимальные инвестиции в ESG зависят от способности предприятия генерировать избыточную экономическую отдачу в своей отрасли. Чем больше премия за оценку предприятия по сравнению с материальными активами и капиталом или способность генерировать премию за оценку предприятия, тем больше способность создавать или поддерживать стоимость за счет инвестиций ESG;

– характер взаимоотношений с клиентами путем исследования влияния инвестиции в устойчивое развитие на формирование и поддержание активов франчайзинга клиентов. Однако оценка степени воздействия требует изучения клиентской базы предприятия, а также соответствующих ожиданий или требований ESG этих клиентов. Такой анализ имеет решающее значение для понимания того, как инвестиции ESG могут стимулировать или не стимулировать создание стоимости;

– участие в создании стоимости материальных и нематериальных активов, обусловленное фактом, что материальные активы имеют относительно ограниченную норму доходности. При этом инвестиции в ESG в основном получение дополнительной прибыли за счет формирования и поддержания масштабируемых нематериальных активов. По-видимому, чем больше бизнес-модель опирается на материальные активы, тем меньше потенциал для создания стоимости за счет инвестиций ESG;

– наличие запатентованных технологий, способных создать потребительский спрос, который менее эластичен по отношению к стоимости других нематериальных активов. Таким образом, инвестиции в ESG в этих случаях могут оказать меньшее влияние на создание стоимости, поскольку человеческий капитал имеет решающее значение для развития технологий. Казалось бы, чем больше бизнес-модель опирается на проприетарные (запатентованные) технологии, тем меньше потенциал для создания или поддержания ценности за счет инвестиций в ESG.

Сравнительный подход [5].

В последнее время корпорациями все больше внимания уделяется раскрытию информации в контексте ESG, в том числе инструментами нефинансовой отчетности, и данные процедуры становятся все более стандартизированными для публичных компаний.

Большинство компаний, которые являются объектом оценки, частные, для учета факторов ESG оценщику потребуются прежде всего определить и

оценить соответствующие критерии ESG для сопоставимых компаний и отрасли, а затем фокус своего внимания направить на анализ эффективности деятельности исследуемой компании по выбранным критериям, а потом отобрать наиболее подходящие показатели (например, коэффициент EBITDA и т.д.) для оцениваемого объекта, чтобы учесть соответствующие показатели по сравнению с сопоставимыми компаниями.

Данные процедуры не являются новыми для оценщика, поскольку соответствуют традиционному порядку действий, в которых оценщик должен:

1) оценить размер, риски, ожидаемые темпы роста, сопоставимость бизнеса и т.д. сопоставимых компаний;

2) определить показатели финансово-хозяйственной деятельности для рассматриваемой компании;

3) отобрать рыночные исходные данные для оцениваемого бизнеса, чтобы учесть соответствующие показатели по сравнению с сопоставимыми компаниями.

Встраивание ESG в текущие процедуры сравнительного подхода, очевидно, повышается точность и обоснованность расчетов.

Доходный подход.

В то время как четкие методические рекомендации для оценщиков по учету факторов ESG находятся в неформализованном состоянии, многие факторы ESG, вероятно, уже неявно включены в проводимые оценки.

Из-за совпадения и корреляции между факторами ESG и определенными традиционными факторами, уже рассмотренными оценщиками, необходимо проявлять осторожность, чтобы не учитывать такие характеристики дважды, как «новые риски ESG».

Ключевыми факторами, которые следует выделить в рамках доходного подхода при оценке бизнеса, могут быть:

Коэффициент Бета – для получения обоснованных результатов определения ставки дисконтирования посредством построения модели CAPM требуется отбор сопоставимых публичных компаний. Как и в случае сравнительного подхода, характеристики ESG, возможно, потребуется добавить к текущей структуре для проверки и идентификации сопоставимых компаний.

Долгосрочный рост – основная концепция инвестирования в ESG заключается в признании того, что не все компании имеют одинаковые возможности и инструменты для обеспечения долгосрочного устойчивого роста. Таким образом, полная зависимость от стандартных долгосрочных темпов роста с незначительным учетом отраслевых и (или) географических темпов роста, вероятно, будет недостаточной. Фактически данные свидетельствуют о том, что критерии ESG сильно коррелируют с вероятностью долгосрочного выживания, оказывая положительное влияние на долгосрочные темпы роста. Кроме того, для компаний с низкими показателями ESG можно предположить о снижении темпов роста по сравнению с отраслевыми значениями.

Корректировки на дополнительный риск – отбор и значение данных рисков требуют детального рассмотрения с учетом как рыночных тенденций, так и развития ESG-культуры в отрасли.

Кроме того, важно обратить внимание на ряд дополнительных факторов, подлежащих тщательному изучению при формировании модели денежного потока [13–15]:

– уровень инвестиций, связанных с предотвращением отрицательных социальных и экологических последствий, а также возможные предвиденные и непредвиденные расходы по восстановлению окружающей среды;

– дополнительные затраты и выгоды, возникающие в результате необходимости удовлетворения нефинансовых требований заинтересованных сторон;

– возможность привлечения заемного финансирования на льготных условиях, в том числе «зеленых» финансов;

– налоговая нагрузка, которая может увеличиться или снизиться в связи с государственным регулированием в отрасли;

– климатические риски [16], включающие риски перехода при переходе к низкоуглеродной экономике, кредитные риски, физические риски, рыночные риски, а также операционные риски [17].

Оценка недвижимости

Рассмотрим предлагаемые варианты учета влияния ESG-факторов на стоимость недвижимости с точки зрения трех общепринятых подходов к оценке [8, 10–12].

Затратный подход.

При затратном подходе оценщик учитывает затраты на строительство улучшений, накопленный износ и добавляет рыночную стоимость прав на земельный участок. Определенная в рамках затратного подхода рыночная стоимость на развитых рынках нередко существенно отличается от рыночной и более достоверными все же являются результаты доходного и сравнительного подхода. Затратный подход не рекомендуется в качестве основного подхода для оценки с учетом факторов ESG. В то же время затратный подход может быть использован в рамках оценки для расчета затрат на переоборудование, чтобы сделать здания более соответствующими требованиям ESG.

Сравнительный подход.

На текущем этапе признания и внедрения практик ESG на рынке еще нет полной прозрачности в отношении характеристик ESG для зданий, что делает очень сложным поиск сопоставимых рыночных сделок, отражающих полный выбор ESG, или объективное знание и сравнение уровня внедрения ESG используемых сопоставимых показателей. Тем не менее именно для оценки стоимости необходимо лучше понять уровень внедрения ESG любых сопоставимых продаж и попытаться оценить влияние этих характеристик на рыночную стоимость недвижимости.

Доходный подход.

При доходном подходе оценщик, как правило, определяет доход от арендных платежей, который может генерировать объект недвижимости,

расходы арендатора и арендодателя, а затем наблюдаемую на рынке взаимосвязь между получением чистого дохода и ценой, которую готовы платить покупатели.

Поскольку и арендаторы, и инвесторы становятся все более чувствительными к ESG, их будут все больше привлекать арендуемые площади или инвестиции в объекты недвижимости с более высокими рейтингами ESG, чтобы улучшить свой собственный общий рейтинг ESG.

В некоторых случаях компании и инвесторы будут рассматривать только объекты недвижимости с достаточными показателями энергоэффективности.

Для зданий с более высокими оценками ESG это может привести к установлению более высокой арендной платы и снижению уровня недозагрузки. Данные факторы повышают стоимость, которую инвесторы должны заплатить за приобретение такой недвижимости.

Поскольку снижение энергопотребления является основной целью ESG, недвижимость с более высокими показателями ESG должна иметь более низкие эксплуатационные расходы. На рынках, где расходы на электроэнергию оплачиваются арендаторами, еще больше повысится привлекательность такой недвижимости. На рынках, где расходы на электроэнергию оплачивает владелец здания, более низкое потребление энергии увеличит чистый денежный поток. Другой важной частью ESG является устойчивость к спросу. Успешное внедрение ESG делает недвижимость более устойчивой к спросу и повышает прогнозируемость денежных потоков, что также увеличит сумму, которую покупатель готов заплатить за актив.

Анализ дисконтированных денежных потоков очень хорошо подходит для количественной оценки факторов ESG в рамках оценки недвижимости, поскольку DCF может явно отражать конкретные суждения, которые относятся к доходам, расходам, капитальным затратам и степени загрузки.

Как раз метод DCF позволяет оценщику обоснованно прогнозировать ожидаемые тенденции и изменения в доходах и расходах.

Кроме того, при построении DCF-модели с учетом заемного финансирования возможно влияние ESG-факторов.

В настоящее время кредиторы уже стали чувствительны к ESG и могут возникнуть дополнительные различия в финансировании, например пониженные процентные ставки по энергоэффективным ипотечным кредитам.

Если оценщику уже известна покупная цена недвижимости, он может рассчитать денежный поток для различных сценариев или уровней соответствия требованиям ESG и определить внутреннюю норму доходности (IRR), которую затем можно сравнить с ожидаемой IRR других потенциальных инвестиций.

При использовании метода DCF выполняется прогноз денежного потока, затем денежный поток дисконтируется и приводится к текущей стоимости, для чего оценщик выполняет следующие процедуры:

– выбор наиболее подходящего типа денежного потока для характера объекта недвижимости и его назначения (т.е. денежный поток до налогоо-

обложения или после налогообложения, общие денежные потоки или денежные потоки на капитал, реальные или номинальные и т.д.);

– определение периода, в течение которого поток денежных средств будет прогнозироваться;

– подготовка прогнозных доходов и расходов, а также денежного потока на данный период;

– определение терминальной стоимости;

– определение ставки дисконтирования;

– обоснование ставки дисконтирования к прогнозируемому денежному потоку, включая терминальную стоимость.

В ходе исследований целесообразно обратить внимание на влияние ESG-факторов на следующие элементы денежного потока и ставки дисконтирования:

Выручка – более высокий уровень арендных ставок и спрос для объектов недвижимости, соответствующих требованиям ESG (и, например, включенных в тот или иной рейтинг). Напротив, для объектов недвижимости, которые не считаются соответствующими требованиям ESG, характерны более низкие арендные ставки на многих рынках.

Оценщик должен иметь четкое представление о рынке недвижимости и понимать, в какой степени ESG играет роль в критериях выбора зданий, используемых арендаторами. Оценщики должны понимать критерии выбора, используемые арендаторами для типа здания, которое они оценивают, и на основе этих критериев тщательно анализировать сопоставимые данные и вносить необходимые корректировки с учетом наличия или отсутствия факторов риска.

Эксплуатационные расходы – с одной стороны, наблюдаются более высокие затраты владельцев на обслуживание зданий с современными строительными технологиями и системами коммуникаций, с другой стороны, более эффективные системы обеспечивают экономию по коммунальным расходам и управлению.

Загрузка – в некоторых случаях здания, соответствующие критериям устойчивости и ESG, могут иметь более высокий спрос и сдаваться в аренду быстрее, чем аналогичные по классу альтернативы, которые не соответствуют этому критерию. В результате оценщику необходимо будет тщательно рассмотреть прогнозы вакансий и времени простоя в рамках денежных потоков, основанных на конкурентной позиции здания перед вероятными конкурентами.

Коэффициент капитализации – поскольку прибыль будет получена в будущем, активные покупатели вынуждены ориентироваться на будущее. На некоторых рынках группы инвесторов уже нацелены на здания, соответствующие требованиям ESG, поскольку они видят, что эти активы несут меньшие риски при получении потоков доходов за счет более высокой рыночной арендной платы и большей заполняемости, а также более высоких цен от потенциальной продажи. Таким образом, влияние ESG на уровень капитализации может быть значительным. Знание оценщиком предпочтений инвесторов имеет решающее значение.

Ставка дисконтирования – поскольку недвижимость часто оценивается с использованием дисконтированных денежных потоков с прогнозом от пяти до десяти лет и более, инвесторы, работающие в этой сфере, вынуждены делать прогнозы на будущее. Объекты недвижимости с низкими ESG-рейтингами могут по своей сути иметь более высокую ставку дисконтирования, отражающую риски в связи с потенциальным увеличением капитальных затрат с течением времени, потенциальным дополнительным налогообложением, снижением арендной платы и более высокими расходами. Данные риски могут привести к более высокой скидке в ценообразовании, чтобы отразить повышенный риск устаревания, в то время как более низкие ставки дисконтирования могут быть применены к активам с высокими ESG-рейтингами, отражающими увеличивающийся спрос и удешевление привлеченных средств за счет льготного финансирования. Потенциальная разница в ставках дисконтирования может быть показана с помощью сценарного тестирования.

Ставка капитализации для определения терминальной стоимости – выбранный уровень конечной капитализации отражает прогнозируемую инвестиционную привлекательность здания на конец прогнозируемого периода и в результате при проведении DCF необходимо выполнить прогноз о том, как текущий инвестор оценит здание на текущем рынке, так и о том, как потенциальный покупатель оценит здание на будущем рынке. Учитывая растущую важность ESG, не соответствующие данным критериям объекты недвижимости могут иметь более высокий уровень ставки капитализации для определения терминальной стоимости, что приводит к более низкой прогнозируемой терминальной стоимости, которая, в свою очередь, снижает текущую стоимость.

Помимо этих типичных входных данных DCF, необходимо учитывать и другие аспекты оценки реальной собственности.

Капитальные затраты – реконструкция и переоборудование зданий обычно проводятся после тщательного анализа потому, что такие действия являются капиталоемкими, а возврат затрат происходит только в течение длительного срока. Следовательно, владельцы, рассматривающие такие капитальные затраты, должны учитывать будущие тенденции и меняющиеся требования регулирующих органов и прогнозировать будущие доходы от аренды на основе удобств, которые могут быть предложены арендаторам. Учитывая возрастающую роль ESG, многие могут решить, что было бы финансово выгодно модернизировать существующие здания для повышения энергоэффективности, тем самым улучшая показатели ESG.

Существует потенциальный риск того, что задержки с такими капитальными затратами могут привести к снижению доходов, если здание будет менее привлекательным для арендаторов, чувствительных к ESG, и более высоким эксплуатационным расходам, поскольку не будет достигнута энергоэффективность.

Таким образом, с точки зрения денежного потока вопрос заключается в том, следует ли брать на себя дополнительные расходы в начале процесса

модернизации, чтобы воспользоваться краткосрочной нехваткой зданий ESG с высоким рейтингом на определенных рынках, или снизить первоначальные затраты, ожидая дальнейших значительных затрат на реконструкцию в течение прогнозируемого периода.

Финансы – в то время как многие оценки активов недвижимости проводятся до рассмотрения вопроса о финансировании, растет число «зеленых» кредитов, доступных на рынках, где для объектов недвижимости предлагаются более низкие кредитные ставки. Это приводит к снижению стоимости долга и повышению доходности собственного капитала для владельца недвижимости.

Срок полезного использования объектов недвижимости – на некоторых рынках существует законодательное ограничение срока полезного использования зданий, которые не соответствуют определенным критериям ESG. Целесообразно учитывать соответствующее региональное законодательство и ограничить прогнозируемые денежные потоки оставшимся сроком полезного использования недвижимости или до тех пор, пока объект не станет более соответствующим требованиям ESG.

Самый важный навык для оценщика – распознавать изменения на рынке, и для этого нужно быть погруженным в исследуемый сегмент недвижимости. Использование устаревших данных сопряжено с риском, и поскольку темпы изменений продолжают ускоряться, то и оценщик, который осведомлен об изменениях ESG и постоянно совершенствует новые технические навыки, будет востребован.

Чтобы учесть факторы ESG в процессе оценки, оценщику необходимо:

- анализировать развитие ESG факторов на рынке недвижимости и аспектов строительства, которые приводят к более высоким или более низким рейтингам ESG;
- при оценке объектов недвижимости учитывать законодательные преимущества и ограничения, связанные с ESG-практиками;
- анализировать условия аренды и степени загрузки в соответствии с текущими и прогнозными требованиями рынка;
- поддерживать связь со специалистами в области строительства и девелоперами, чтобы понять факторы, которые повышают ESG-факторы и их стоимость;
- исследовать особенности ESG-факторов у аналогов и определять, насколько большое внимание участники рынка уделяют данным факторам;
- анализировать доступность льготного финансирования для объектов недвижимости с более высоким рейтингом ESG.

Заключение

Методологии оценки разработаны и применяются в течение многих лет и способны учитывать отношение участников рынка к факторам ESG. Включение данных факторов в отчеты об оценке начинается с осознания оценщиками предпочтений участников рынка.

На текущем этапе представление о влиянии ESG-факторов лучше всего учитывать с помощью доходного подхода. По мере развития признака ESG на рынке и увеличения числа сделок с активами с прозрачными характеристиками ESG сравнительный подход может стать более применимым.

В будущем оценщику необходимо будет взять на себя больше роли консультанта и в дополнение к предоставлению услуг по оценке позиционировать себя как предоставляющего подробные стратегические рекомендации с тестированием сценариев. Для решения этих задач оценщикам необходимо будет постоянно развивать свои навыки в соответствии с развивающимися потребностями рынка.

Тематика ESG-факторов, как можно ожидать, в ближайшее время получит широкое распространение в отечественной оценочной практике, что предопределяется общим интересом к проблемам устойчивого развития и реализации ESG-принципов. При этом «зеленые» финансы не являются чем-то принципиально новым: в той или иной форме они существуют уже достаточно давно. Однако совершенствование концепции устойчивого развития обуславливает необходимость расстановки иных акцентов применительно к известным и хорошо изученным явлениям, фокусировки внимания исследователей на вопросах финансирования мероприятий в области охраны окружающей среды, экологии, борьбы с изменением климата и перехода к энергоэффективной экономике с точки зрения ESG-подхода. На основании выполненного исследования можно сделать вывод о необходимости развития методологии в области оценочной деятельности с учетом систематизации направлений внесения изменений в действующие стандарты оценки.

Список источников

1. *The Sustainable Development Goals* // Официальный сайт United Nations. URL: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals> (дата обращения: 02.05.2022).
2. *Захматов Д.Ю.* Отношение корпоративного бизнеса в Российской Федерации к управлению экологическими, социальными рисками, а также рисками корпоративного управления (ESG-рискам) // Казанский экономический вестник. 2021. № 6 (56). С. 29–38. EDN EVXYVY.
3. *Информационное* письмо Банка России от 16.12.2021 № ИН-06-28/96 «О рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития» (вместе с «Рекомендациями по учету советом директоров (наблюдательным советом) публичного акционерного общества факторов, связанных с окружающей средой, социальных факторов и факторов корпоративного управления (ESG-факторов), а также вопросов устойчивого развития»).
4. *Приказ* Минэкономразвития России от 14.04.2022 № 200 «Об утверждении федеральных стандартов оценки и о внесении изменений в некоторые приказы Минэкономразвития России о федеральных стандартах оценки» (вместе с «Федеральным стандартом оценки “Структура федеральных стандартов оценки и основные понятия, используемые в федеральных стандартах оценки (ФСО I)”», «Федеральным стандартом оценки “Виды стоимости (ФСО II)”», «Федеральным стандартом оценки “Процесс оценки (ФСО III)”», «Федеральным стандартом оценки “Задание на оценку (ФСО

IV)», «Федеральным стандартом оценки “Подходы и методы оценки (ФСО V)”», «Федеральным стандартом оценки “Отчетом об оценке (ФСО VI)”»).

5. Cornell B., Damodaran A. Valuing ESG: Doing Good or Sounding Good? NYU Stern School of Business, 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3557432>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3557432>

6. *Perspectives Paper: ESG and Business Valuation/* 02.03.2021 // Официальный сайт IVSC. URL: <https://www.ivsc.org/perspectives-paper-esg-and-business-valuation/> (дата обращения: 02.05.2022).

7. *Perspectives Paper: A Framework to Assess ESG Value Creation.* 26.05.2021 // Официальный сайт IVSC. URL: <https://www.ivsc.org/a-framework-to-assess-esg-value-creation/> (дата обращения: 02.05.2022).

8. *Perspectives Paper: ESG and Real Estate Valuation.* 14.10.2021 // Официальный сайт IVSC. URL: <https://www.ivsc.org/esg-and-real-estate-valuation/> (дата обращения: 02.05.2022).

9. Alexander Aronsohn IVSC Technical Standards Director (Tangible Assets) Survey: ESG & Valuation 14.02.2022. // Официальный сайт IVSC. URL: <https://www.ivsc.org/esg-survey/Perspectives Paper: ESG and Real Estate Valuation> (дата обращения: 02.05.2022).

10. *European Valuation Standards (EVS)* // Официальный сайт TEGOVA. URL: <https://tegoval.org/european-valuation-standards-evs> (дата обращения: 02.05.2022).

11. *RICS Valuation – Global Standards* 30.11.2021 // Официальный сайт RICS. URL: <https://www.rics.org/nl/upholding-professional-standards/sector-standards/valuation/red-book/red-book-global/> (дата обращения: 04.05.2022).

12. *RICS Sustainability and ESG in commercial property valuation and strategic advice, 3rd Edition* // Официальный сайт RICS. URL: <https://www.rics.org/eu/upholding-professional-standards/sector-standards/valuation/sustainability-and-commercial-property-valuation/> (дата обращения: 04.05.2022).

13. *Efimova O.V. Integrating Sustainability // Investment Decision Evaluation.* P. 668–681. doi: <https://doi.org/10.6000/1929-7092.2018.07.61>

14. *Efimova O.V. Integrating the aspects of sustainable development into the investment decision validation process // Economic Analysis: Theory and Practice.* 2018. Vol. 17, is. 1. P. 48–65.

15. *Ситник А.А. «Зеленые» финансы: понятие и система // Актуальные проблемы российского права.* 2022. Т. 17, № 2 (135). С. 63–80. doi: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.063-080

16. *Financial Stability Board Roadmap for Addressing Climate-Related Financial Risks.* 07.07.2021. URL: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P070721-2.pdf> (дата обращения: 04.05.2022).

17. *Письмо Банка России от 24.05.2005 № 76-Т «Об организации управления операционным риском в кредитных организациях» // Вестник Банка России.* 2005. № 28.

References

1. United Nations Development Programme. (n.d.) *The Sustainable Development Goals*. [Online] Available from: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals>. (Accessed: 02.05.2022).

2. Zakhmatov, D.Yu. (2021) The attitude of corporate business in the Russian federation to the management of environmental, social risks, as well as corporate governance risks (ESG risks). *Kazanskiy ekonomicheskiiy vestnik*. 6 (56). pp. 29–38. EDN EVXYVY. (In Russian).

3. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2021) *Information Letter of the Bank of Russia No. IN-06-28/96 of December 16, 2021, “On recommendations on Accounting by the Board of Directors of a Public Joint Stock Company of ESG factors, as well as issues of sustainable development” (together with “Recommendations on Accounting by the Board of Directors (Supervisory Board) of a Public joint stock company of factors related to the environment,*

social factors and corporate governance factors (ESG factors), as well as sustainable development issues”). Moscow: [s.n.]. (In Russian).

4. Russian Federation. (2022) *Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 200 of April 14, 2022, “On Approval of Federal Evaluation Standards and on Amendments to Some Orders of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation on Federal Evaluation Standards” (together with the Structure of Federal Evaluation Standards and Basic Concepts Used in Federal Evaluation Standards (FSO I) Federal Evaluation Standard, Types of value (FSO II) Federal Evaluation Standard, Evaluation Process (FSO III) Federal Evaluation Standard, Assessment Assignment (FSO IV) Federal Assessment Standard, Assessment Approaches and Methods (FSO V) Federal Assessment Standard, Assessment Report (FSO VI) Federal Assessment Standard.* Moscow: [s.n.]. (In Russian).

5. Cornell, B. & Damodaran, A. (2020) Valuing ESG: Doing Good or Sounding Good? *NYU Stern School of Business.* [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=3557432>. DOI: 10.2139/ssrn.3557432

6. International Valuation Standards Council. (2021) *Perspectives Paper: ESG and Business Valuation.* [Online] Available from: <https://www.ivsc.org/perspectives-paper-esg-and-business-valuation/>. (Accessed: 02.05.2022).

7. International Valuation Standards Council. (2021) *Perspectives Paper: A Framework to Assess ESG Value Creation.* [Online] Available from: <https://www.ivsc.org/a-framework-to-assess-esg-value-creation/>. (Accessed: 02.05.2022).

8. International Valuation Standards Council. (2021) *Perspectives Paper: ESG and Real Estate Valuation.* [Online] Available from: <https://www.ivsc.org/esg-and-real-estate-valuation/>. (Accessed: 02.05.2022).

9. International Valuation Standards Council. (2022) *Alexander Aronsohn IVSC Technical Standards Director (Tangible Assets) Survey: ESG & Valuation.* [Online] Available from: <https://www.ivsc.org/esg-survey/Perspectives>. (Accessed: 02.05.2022).

10. TEGOVA. (n.d.) *European Valuation Standards (EVS).* [Online] Available from: <https://tegoval.org/european-valuation-standards-evs>. (Accessed: 02.05.2022).

11. RICS. (2021) *RICS Valuation – Global Standards.* [Online] Available from: <https://www.rics.org/nl/upholding-professional-standards/sector-standards/valuation/red-book/red-book-global/>. (Accessed: 04.05.2022).

12. RICS. (2022) *Sustainability and ESG in commercial property valuation and strategic advice.* 3rd ed. [Online] Available from: <https://www.rics.org/eu/upholding-professional-standards/sector-standards/valuation/sustainability-and-commercial-property-valuation/>. (Accessed: 04.05.2022).

13. Efimova, O.V. (2018) Integrating Sustainability. *Investment Decision Evaluation.* pp. 668–681. DOI: 10.6000/1929-7092.2018.07.61

14. Efimova, O.V. (2018) Integrating the aspects of sustainable development into the investment decision validation process. *Economic Analysis: Theory and Practice.* 1 (17). pp. 48–65.

15. Sitnik, A.A. (2022) “Green” finance: the concept and system. *Aktual’nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law.* 2-135 (17). pp. 63–80. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.063-080

16. Financial Stability Board. (2021) *Financial Stability Board Roadmap for Addressing Climate-Related Financial Risks.* [Online] Available from: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P070721-2.pdf>. (Accessed: 04.05.2022).

17. Vestnik Banka Rossii. (2005) Pis’mo Banka Rossii ot 24.05.2005 № 76-T “Ob organizatsii upravleniya operatsionnym riskom v kreditnykh organizatsiyakh” [On the organization of operational risk management in credit institutions. Letter of the Bank of Russia No. 76-T of May 24, 2005]. *Vestnik Banka Rossii.* 28.

Сведения об авторе:

Захматов Д.Ю. – кандидат экономических наук, доцент Высшей школы бизнеса, Казанский федеральный университет (Казань, Россия). E-mail: z_dmitry@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.Yu. Zakhmatov, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: z_dmitry@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.05.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 05.05.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Макрорегион Сибирь

Научная статья

УДК 332

doi: 10.17223/19988648/59/8

Сравнительный анализ рынка земли макрорегиона Сибирь

Дмитрий Михайлович Хлопцов¹, Маргарита Руслановна Бухаткина²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *d.khloptsov@tokko.tomsk.ru*

² *margaritabukhatkina@gmail.com*

Аннотация. В статье проанализированы рынки земельных участков регионов Сибирского федерального округа (СФО), рассмотрены проблемы развития земельных рынков в регионах Сибири. Представлена статистическая информация по ценам на земельные участки, которая свидетельствует о значительных различиях сформировавшегося регионального и городского рынков земли в СФО. Авторами обозначена необходимость разработки и применения комплексной земельной политики, включающей экономические инструменты регулирования.

Ключевые слова: региональные рынки земли, права собственности, земельные отношения, землепользование, сибирские регионы, стоимость земельных участков в Сибири

Источник финансирования: статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00088 «Архитектура земельных отношений и специфика землепользования в сибирских регионах: экономико-социологический подход».

Для цитирования: Хлопцов Д.М., Бухаткина М.Р. Сравнительный анализ рынка земли макрорегиона Сибирь // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 127–136. doi: 10.17223/19988648/59/8

Siberia macro-region

Original article

Comparative analysis of the land parcels market of Siberian regions

Dmitry M. Khloptsov¹, Margarita R. Bukhatkina²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ d.khloptsov@tokko.tomsk.ru

² margaritabukhatkina@gmail.com

Abstract. The authors of the article analyzed the markets for land parcels in the Siberian Federal District (SFD) and studied the problems of developing land markets in the regions of Siberia. The article presents statistics on prices for land plots, which indicate significant gaps between price intervals in the established regional and urban land markets in the Siberian macro-region. The authors analyzed the offers of land plots in the regions and came to the conclusion that the market for agricultural land is low-active and underdeveloped. In some areas, there were single cases of supply during the year. According to the analyzed price information, the cost of suburban land in the studied regions in Siberia is about three times lower than in regional centers, and the cost of agricultural land is 15–20 times lower than land for housing development. Land use is inefficient because the forming of the institution of land ownership has not been completed, tools for applying the regulatory framework have not been developed, and also because there are no economic instruments that regulate land markets. The study shows that in some Siberian regions there is a significant difference between the offer of land plots in the center of the region and in remote territories. Despite the intensification of livestock and crop production, with a high demand for land for housing construction and personal subsidiary plots, agricultural land is cheap and non-demanded. The market analysis carried out by the authors revealed the dependence of supply and demand, as well as prices for plots, not only on the type of permitted use and location, but also on the area. The authors indicated the need to develop and apply a comprehensive land policy, including economic instruments of regulation, which can ensure the full inclusion of land property in the market and lead to an increase in the value of land as an economic and financial asset.

Keywords regional land markets, property rights, land relations, land use, Siberian regions, price and value of land parcels in Siberia

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00088.

For citation: Khloptsov, D.M. & Bukhatkina, M.R. (2022) Comparative analysis of the land parcels market of Siberian regions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 127–136. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/8

Земля занимает уникальное место и ключевое положение в экономической жизни общества, является фактором производства, который прямо или косвенно необходим при изготовлении всех товаров, является базовым

ресурсом, источником всех других благ, а нередко выступает и финансовым, инвестиционным активом. В настоящее время эффективность землепользования снижается по причине того, что не завершен процесс формирования института земельной собственности, стоимость некоторых удаленных земель иногда ниже величины затрат на оформление прав собственности и постановку на учет, что в свою очередь приводит к росту брошенных земель. Данный факт свидетельствует о том, что в России как никогда востребована комплексная земельная политика, которая бы стимулировала развитие земельных отношений, способствовала привлечению инвестиций, более эффективным и взаимовыгодным отношениям между бизнесом и государством. Однако неэффективность землепользования в настоящее время зависит не только от незавершенности процесса формирования института земельной собственности и неразработанности инструментов применения нормативно-правовой базы, что приводит к слабым механизмам защиты прав земельных собственников, высоким транзакционным издержкам при возврате брошенных земель в хозяйственный оборот, но и от экономических инструментов, регулирующих земельные рынки. Так, в некоторых сибирских регионах наблюдается значительная разница между предложением земельных участков в центре региона и удаленными территориями, низкая стоимость и невостребованность сельскохозяйственных участков при интенсификации животноводства и растениеводства при высоком спросе на земли для жилищного строительства, личного подсобного хозяйства.

Согласно Земельному кодексу Российской Федерации земли в Российской Федерации по целевому назначению подразделяются на следующие категории: земли сельскохозяйственного назначения; земли населенных пунктов; земли промышленности, энергетики, транспорта; земли особо охраняемых территорий и объектов; земли лесного фонда; земли водного фонда; земли запаса [1]. Наиболее активными с точки зрения операций на открытом рынке России являются следующие категории земель: участки под индивидуальное жилищное строительство (ИЖС), сельскохозяйственные земли и земли коммерческого назначения (куда относятся участки под строительство торговых административно-офисных зданий и другие инвестиционные объекты). Категории земель запаса, водного, лесного фонда, особо охраняемых территорий объединены в рамках исследования в единую группу с наименованием «прочие» в связи с тем, что участки в данных категориях практически не встречаются на открытом рынке. Согласно данным на 01.01.2021 г., лишь 0,033% в группе земель запаса, водного, лесного фонда, особо охраняемых территорий находятся в частной собственности, когда в иных категориях земель процент частной собственности намного больше (33,5% сельхозземель; 24,6% земель населенных пунктов и 1,8% земель промышленности) [1]. В целом в Российской Федерации из 1 712 519,1 тыс. га земель в частной собственности юридических и физических лиц находятся 133 082 тыс. га, или 7,7% земель. Если рассматривать данное соотношение в разрезе Сибирского федерального округа, то из

436 173 тыс. га земель в частной собственности находятся 23 001 тыс. га земель, что составляет 5,3%. В Томской области этот показатель еще ниже: из 31 439 тыс. га в частной собственности 638 тыс. га (2,02%), что можно объяснить большим количеством доли земель водного, лесного фонда в регионе и Сибири в целом. Также наблюдаются различия по количеству земельных участков, предлагаемых на рынке к продаже и аренде в городах и регионах Сибири. Обычно в областных центрах инвестиционная активность на земельном рынке в 5–8 раз выше, чем на остальной территории.

В ходе исследования с использованием данных компании RID Analytics (г. Новосибирск) был проведен анализ рынка земли нескольких сибирских регионов, в том числе Томска и Томской области, г. Новосибирска, Новосибирской области, г. Барнаула, Алтайского края, г. Омска, Красноярского края, г. Кемерово и Кемеровской области по данным за 2021 г. Было выявлено значительное отличие цен на земельные участки в областях и краях, чем в областном центре.

Таблица 1. Статистические показатели цены земельных участков Томской области, предложенных к продаже на рынке коммерческой недвижимости, 2021 г. [3]

Показатели	1-е полугодие	2-е полугодие
Минимальная цена, руб. за 1 м ²	70	99
Максимальная цена, руб. за 1 м ²	3 271	2 600
Средняя цена, руб. за 1 м ²	236	649

Рост стоимости земельных участков в области составил за последние два года более 200%, при этом основной рост пришелся именно на 2021 г.

Таблица 2. Статистические показатели цены земельных участков г. Томска, предложенных к продаже на рынке коммерческой недвижимости, 2021 г. [3]

Показатели	Значения
Минимальная цена, руб./1 м ²	143
Максимальная цена, руб./1 м ²	18 832
Средняя цена, руб./1 м ²	1 764

Рост средней цены за последние два года (с осени 2019 г.) в столице Томской области составил 48%.

В 2021 г. большая часть участков на рынке Томской области представлена участками до 5 тыс. м², свыше данной площади участки представлены на рынке в единичных случаях. Участки стоимостью в интервале от 10 до 50 тыс. м² имеют наиболее высокую привлекательность, откуда можно сделать вывод, что самыми интересными для развития бизнеса являются участки указанного интервала по площади. Для сравнения: при площади участка от 1 до 5 тыс. м² на 1-е полугодие 2021 г. стоимость его составила 1 977 руб., в то время как участки до 1 тыс. м² оценивались в 1 411 руб., что на 28% ниже, а при площади свыше 5 тыс. м² стоимость составила

220 руб. Если рассматривать 2-е полугодие 2021 г., то цена на участки от 1 до 5 тыс. м² выросла до 2 192 руб. (на 10% по сравнению с 1-м полугодием 2021 г.).

Аналогичная ситуация наблюдается и на рынке земельных участков г. Томска под коммерческое использование. Больше всего на рынке за 2021 г. представлено участков площадью до 5 тыс. м², их средняя стоимость за 1 м² составляет 5 535 руб., в то время как участки до 1 тыс. м² стоят 3 420 руб. (на 38% ниже), а при площади свыше 5 тыс. м² средняя стоимость составила 3 314 руб. (на 40% ниже), при этом предложение участков 5 тыс. м² в 2–3 раза ниже, чем участков от 1 до 5 тыс. м² по городу.

Для анализа сибирских регионов в ходе исследования были использованы данные компании RID Analytics за 2-е полугодие 2021 г., был проведен сравнительный анализ коммерческих участков г. Новосибирска, Новосибирской области, г. Барнаула, Алтайского края, г. Омска, Красноярского края, г. Кемерово и Кемеровской области.

Таблица 3. Распределение и средние удельные цены земельных участков Томской области в зависимости от их площади, 2021 г. [3]

Площадь участка, тыс. м ²	Доля от общего числа за 1-е полугодие, %	Средняя цена, руб. за 1 м ² за 1-е полугодие, %	Доля от общего числа за 2-е полугодие, %	Средняя цена, руб. за 1 м ² за 2-е полугодие, %
До 1	38	1 411	–	–
От 1 до 5	38	1 977	50	2 192
От 5 до 10	13	220	50	240
От 10 до 30	–	–	–	–
От 30 до 100	13	70	–	–
Более 100 (10 га)	–	–	–	–

*Знаком «–» обозначается малонаполненная группа.

Таблица 4. Распределение и средние цены земельных участков г. Томска в зависимости от их площади, 2021 г. [3]

Площадь участка, тыс. м ²	Доля от общего числа, %	Средняя цена, руб./м ²
До 1	10	3 420
От 1 до 5	48	5 535
От 5 до 10	13	3 314
От 10 до 30	23	1 243
Более 30	6	-

* Знаком «–» обозначается малонаполненная группа.

Средняя цена участков во всех исследуемых областях значительно ниже по сравнению со средним значением цены в центральных городах данных регионов. Особенно резкое различие наблюдается на рынке Новосибирского региона, где средняя стоимость участков в областном центральном городе в 22 раза превышает показатель по области.

Таблица 5. Статистические показатели цен земельных участков, предложенных к продаже на рынке коммерческой недвижимости Новосибирской области, Алтайского и Красноярского краев, Кемеровской области, 2-е полугодие 2021 г. [4]

Показатели	Новосибирская область	Алтайский край	Красноярский край	Кемеровская область
Минимальная цена, руб./м ²	6	17	25	50
Максимальная цена, руб./м ²	3960	8 889	11 392	20 041
Средняя цена, руб./м ²	108	433	449	471

Таблица 6. Статистические показатели цены земельных участков, предложенных к продаже на рынке коммерческой недвижимости центров сибирских регионов: городов Новосибирска, Барнаула, Красноярска, Новокузнецка и Кемерова, 4-й квартал 2021 г. [4]

Показатели	Новосибирск	Барнаул	Кемерово	Новокузнецк	Красноярск
Минимальная цена, руб./м ²	295	36	225	45	71
Максимальная цена, руб./м ²	15 625	25 000	7 222	10 000	12 771
Средняя цена, руб./м ²	2 353	3211	1482	924	1323

Таблица 7. Распределение и средние удельные цены земельных участков Новосибирской области, Алтайского и Красноярского краев и Кемеровской области в зависимости от их площади, 4-й квартал 2021 г. [4]

Площадь участка, тыс. м ²	Новосибирская область		Алтайский край		Красноярский край		Кемеровская область	
	Доля от общего числа, %	Средняя цена, руб./м ²	Доля от общего числа, %	Средняя цена, руб./м ²	Доля от общего числа, %	Средняя цена, руб./м ²	Доля от общего числа, %	Средняя цена, руб./м ²
До 1	14	1 072	21	1 042	9	1 264	17	975
От 1 до 5	48	801	46	920	43	809	41	961
От 5 до 10	8	176	14	297	8	736	22	303
От 10 до 30	8	88	15	363	20	647	17	643
От 30 до 100	14	82	4	141	17	355	–	–
Более 100 (10 га)	8	31	–	–	3	221	2	65

*Знаком «–» обозначается малонаполненная группа.

Аналогично Томской области большая часть участков, представленных на рынке, во всех рассмотренных областях и краях, имеет размер от 1 до 5 тыс. м² (Новосибирская область – 48%, Алтайский край – 46%, Красноярский край – 43% и Кемеровская область – 41%). Во всех представленных

областях и краях (табл. 7) на рынке также достаточно обширно представлены участки до 1 тыс. м², которые имеют стоимость выше по сравнению с наиболее распространенными участками размером от 1 до 5 тыс. м². В Кемеровской области, Красноярском и Алтайском краях достаточно обширно представлены участки площадью свыше 5 тыс. м², но их стоимость в 1,5–4 раза ниже участков до 5 тыс. м².

На рынке региональных столиц в 4-м квартале 2021 г. большая часть участков также представлена участками до 5 тыс. м² (63% от общего объема рынка в Новосибирске, 68% – Барнауле, 60% – Кемерове, 76% – Новокузнецке, 59% – Красноярске), стоимость участков до 5 тыс. м² существенно превышает стоимость больших участков.

Таблица 8. Распределение и средние цены земельных участков городов Новосибирска, Барнаула, Кемерова, Новокузнецка и Красноярска в зависимости от их площади, 4-й квартал 2021 г. [4]

Площадь участка, тыс. м ²	Новосибирск		Барнаул		Кемерово		Новокузнецк		Красноярск	
	Доля от общего числа, %	Средняя цена, руб./м ²	Доля от общего числа, %	Средняя цена, руб./м ²	Доля от общего числа, %	Средняя цена, руб./м ²	Доля от общего числа, %	Средняя цена, руб./м ²	Доля от общего числа, %	Средняя цена, руб./м ²
До 1	12	6 918	27	9 482	11	6 288	35	3 322	18	4 721
От 1 до 5	51	4 111	41	13 260	49	2 943	41	2 363	41	3 440
От 5 до 10	9	1 383	9	1 968	5	–	12	–	13	1 360
От 10 до 30	18	1 064	16	3 215	35	1109	6	–	24	1160
Более 30	10	250	7	1102	–	–	6	–	3	673

*Знаком «–» обозначается малонаполненная группа.

Так, например, участки площадью от 10 до 30 тыс. м² в 5 раз дешевле участков до 5 тыс. м² в Новосибирске, в Кемерове – в 4 раза, в Барнауле – 5,5 раза, в Красноярске – в 3,5 раза.

Также помимо базы компании RID Analytics был проанализирован рынок предложения земельных участков Томской области, за исключением г. Томска, Томского района и г. Северска за 2021 г. на базе ЦИАН. Всего на рынке предложения было отмечено 386 земельных участков, из них 233 (60%) представляют собой участки под индивидуальное строительство. Средняя цена за 1 м² составила 539,07 руб., минимальная стоимость среди проанализированных объектов равнялась 30,3 руб./1 м². Среди участков категории сельскохозяйственной деятельности было найдено всего 33 земельных участка. Данный рынок представлен объектами двух типов: первый тип – это участки, пригодные исключительно для ведения сельского хозяйства: выращивания культурных растений, пастбища и сенокоса; ко второму типу относятся участки, наиболее эффективным использованием которых будет перевод в иную категорию или изменение назначения: са-

доводство, огородничество, ИЖС, придорожный сервис и т.д. Исходя из этого, видно, что средняя стоимость земельных участков сельскохозяйственного назначения в 15 раз ниже, чем участков под ИЖС по Томской области. Средняя цена предложения по Томской области участков с возможным использованием под садоводство, ИЖС составляет 33,95 руб./1 м², первого типа (сельхозземли) – 5,3 руб./1 м².

Анализ предложения земельных участков Томской области свидетельствует о низкой активности, это говорит о малоразвитом рынке купли-продажи земель сельскохозяйственного назначения, поскольку в некоторых районах за год наблюдаются единичные случаи предложения, и как уже ранее отмечалось, было выставлено на продажу всего 33 земельных участка. Средняя цена на рынке составила 18 руб./м². Что касается объектов СНТ (садовое некоммерческое товарищество), где большая их часть расположена в ближайшем к региональной столице Томском районе, средняя стоимость данных земельных участков составила 394 руб./м².

Согласно данным базы ЦИАН, стоимость пригородной земли исследуемых регионов Сибири будет примерно в 3 раза меньше, чем в областном центре: «Если средняя стоимость участка площадью 9 соток в Новосибирске составляет 3,23 млн руб., то в Новосибирском районе за земельный участок площадью 15 соток просят от 610 до 870 тысяч рублей» [7].

Таблица 9. Обзор цен на рынке купли-продажи земельных участков в регионах России, 1-й квартал 2021 г., по данным Авито Недвижимости (с учетом областных центров) [5]

Показатели	Томская область	Новосибирская область	Алтайский край	Кемеровская область	Красноярский край
Цена на земельные участки ИЖС, руб. /1 м ²	473,6	450	260,87	448,96	255,56
Цена на земельные участки СНТ, руб. /1 м ²	250	350	125	385,24	220
Цена на земельные участки промышленного назначения, руб. /1 м ²	999,9	923,08	634,85	941,02	620

Низкая активность рынка земельных участков имеет прямое отношение к неэффективному учету и кадастровой оценке. С 1 января 2022 г. предусмотрена единая периодичность проведения государственной кадастровой оценки земель во всех регионах России. Очередная оценка будет проводиться через 4 года с года проведения последней оценки, города федерального значения смогут сократить этот срок вдвое. Во всех субъектах РФ в обязательном порядке государственная кадастровая оценка земельных участков будет проведена в 2022 г., что изменит налоговую базу по земельному налогу собственников в 2023 г. [6].

В результате проведенных институциональных преобразований земельных участков в Российской Федерации сложилась асимметрия в распреде-

лении различных видов земельных участков между разными землепользователями, что не всегда положительно влияет на эффективное развитие экономического актива. Существующие механизмы регулирования не всегда обеспечивают баланс между интересами государства и частных лиц, что затрудняет перераспределение и использование земельных участков. Сравнительный анализ конъюнктуры рынка Сибирского федерального округа на основе данных 2021 г. по нескольким регионам показал, что в регионах наблюдается значительная дифференциация цен между областными центрами и остальной территорией, а также низкая активность на рынке земельных участков регионов. Например, в разрезе областей по некоторым категориям отсутствовало предложение на рынке либо было представлено в единичных случаях. Земельные участки, не относящиеся к областным центрам, могут быть интересны инвесторам для создания новых производств, развития территории, однако при этом существует необходимость в определенности земельных отношений. К факторам низкого уровня предложения земель в Сибири также относится неоформленность земельных паев, отсутствие должного кадастрового учета.

В рамках оценки современного состояния земельных отношений и планирования основных направлений земельной политики представляется обоснованным непрерывный мониторинг состояния земель сельскохозяйственного назначения. Таким образом, развитие современной земельной политики необходимо направить на предотвращение отрицательных тенденций в сфере земельных отношений через систему непрерывного контроля.

Список источников

1. *Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.01.2022).*
2. *Сведения о наличии и распределении земель в Российской Федерации // Официальный сайт Росреестра. URL: <https://rosreestr.gov.ru/open-service/statistika-i-analitika/statisticheskaya-otchetnost/> (дата обращения: 22.05.2022).*
3. *Коммерческая недвижимость г. Томск и Томская область // RID Analytics, компания ООО «Агентство “РИД Аналитикс”». URL: <http://www.ridasib.com/>*
4. *База данных цен земельных участков, предложенных к продаже на рынке коммерческой недвижимости Новосибирской области, Алтайского края, Красноярского края, Кемеровской области, 2 полугодие 2021 г. // RID Analytics, компания ООО «Агентство “РИД Аналитикс”». URL: <http://www.ridasib.com/>*
5. *Купить земельный участок в Томской области // ЦИАН. URL: <https://tomsk.cian.ru/kupit-zemelnij-uchastok-tomskaya-oblast/>*
6. *Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : информ.-правовое обеспечение. URL: https://base.garant.ru/71433956/9d78f2e21a0e8d6e5a75ac4e4a939832/#block_114*
7. *В Новосибирской области вырос спрос на покупку земельных участков под индивидуальное жилищное строительство // Бизнес-портал «Континент Сибирь». URL: <https://ksonline.ru/417144/v-novosibirskoj-oblasti-vyros-spros-na-pokupku-zemelnyh-uchastkov-pod-individualnoe-zhilishhnoe-stroitelstvo/>*

References

1. Consultant Plus. (2022) *Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ of October 25, 2001 (as amended on December 30, 2021) (with amendments and additions, in force since January 10, 2022)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/>. (Accessed: 27.01.2022). (In Russian).
2. Rosreestr. (n.d.) *Svedeniya o nalichii i raspredelenii zemel' v Rossiyskoy Federatsii* [Information on the availability and distribution of land in the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://rosreestr.gov.ru/open-service/statistika-i-analitika/statisticheskaya-otchetnost/>. (Accessed: 22.05.2022).
3. RID Analytics (n.d.) *Kommercheskaya nedvizhimost' g. Tomsk i Tomskaya oblast'* [Commercial real estate in Tomsk and the Tomsk region]. [Online] Available from: <http://www.ridasib.com/>.
4. RID Analytics (n.d.) (2021) *Baza dannykh tsen zemel'nykh uchastkov, predlozhennykh k prodazhe na rynke kommercheskoy nedvizhimosti Novosibirskoy oblasti, Altayskogo kraya, Krasnoyarskogo kraya, Kemerovskoy oblasti, 2 polugodie 2021 g.* [Database of prices of land plots offered for sale in the commercial real estate market of the Novosibirsk region, Altai Territory, Krasnoyarsk Territory, Kemerovo Region, 2nd half of 2021]. [Online] Available from: <http://www.ridasib.com/>.
5. TsIAN. (n.d.) *Kupit' zemel'nyy uchastok v Tomskoy oblasti* [Buy a plot of land in the Tomsk region]. [Online] Available from: <https://tomsk.cian.ru/kupit-zemelnyy-uchastok-tomskaya-oblast/>.
6. Garant.ru. (2016) *Federal'nyy zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 237-FZ "O gosudarstvennoy kadastrvoy otsenke" (s izmeneniyami i dopolnleniyami)* [On State Cadastral valuation (with amendments and additions). Federal Law No. 237-FZ of July 3, 2016]. [Online] Available from: https://base.garant.ru/71433956/9d78f2e21a0e8d6e5a75ac4e4a939832/#block_114.
7. Gladkova, Zh. (2021) *V Novosibirskoy oblasti vyros spros na pokupku zemel'nykh uchastkov pod individual'noe zhilishchnoe stroitel'stvo* [In the Novosibirsk region, the demand for the purchase of land plots for individual housing construction has increased]. *Kontinent Sibir'*. [Online] Available from: <https://ksonline.ru/417144/v-novosibirskoj-oblasti-vyros-spros-na-pokupku-zemelnyh-uchastkov-pod-individualnoe-zhilishhnoe-stroitelstvo/>.

Сведения об авторах:

Хлопцов Д.М. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: d.khloptsov@tokko.tomsk.ru

Бухаткина М.Р. – магистрант, Институт экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: margaritabukhatkina@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.M. Khloptsov, Dr. Sci. (Economics), head of the Department of Economics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: d.khloptsov@tokko.tomsk.ru

M.R. Bukhatkina, master's student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: margaritabukhatkina@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.06.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 14.06.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.17223/19988648/59/9

Региональный взгляд на проблемы развития сферы науки и инноваций

Владимир Игоревич Бывшев^{1,2}, Ирина Анатольевна Пантелеева^{3,4},
Данил Игоревич Усков⁵

^{1,3} *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

^{2,4,5} *Красноярский краевой фонд поддержки научной
и научно-технической деятельности, Красноярск, Россия*

^{1,2} *bobbyz@bk.ru*

^{3,4} *panteleevaia@gmail.com*

⁵ *uskovdani190@gmail.com*

Аннотация. Целью исследования является определение позитивных и негативных факторов, а также тенденций и проблем развития сферы науки и инноваций в регионах Российской Федерации на примере модельного региона. В статье рассмотрены тенденции и проблемы развития сферы науки и инноваций в регионах Российской Федерации. В связи с тем, что в странах-лидерах происходит усиление роли регионов в национальной научно-технологической и инновационной политике, было решено определить наиболее представительную группу регионов и рассмотреть один из регионов, который является наиболее типичным с точки зрения состояния сферы науки и инноваций. Если классифицировать регионы по группам научно-технологического и инновационного развития, то проблемы, закономерности и тенденции развития можно будет транспонировать с частного на общее в рамках одной группы. Одним из регионов, наиболее подходящих под критерии «догоняющих лидеров», является Красноярский край. Для выявления реперных точек отставания рассматриваемого региона от регионов-лидеров сравним его статистические показатели инновационной и научной деятельности с регионами-«опережающими лидерами» (г. Москва, Республика Татарстан, Новосибирская область и Томская область). В ходе анализа показателей типового региона группы «догоняющие лидеры» (Красноярского края) в сравнении с группой регионов типа «опережающие лидеры» были выявлены положительные и отрицательные тенденции, а также проблемы в развитии сферы науки и инноваций Красноярского края. Для наглядности были выбраны такие показатели, как уровень инновационной активности, количество научных организаций, доля занятых в сфере научных исследований, а также общее количество затрат в научной сфере среди регионов. Была установлена взаимосвязь между данными показателями. Решение проблем, выявленных в результате исследования в масштабе регионов-«догоняющих лидеров», возможно путем формирования взаимосвязанной системы стратегического развития сферы науки и инноваций в регионах России, ориентированной на федеральные приоритеты с учетом региональной специфики, подкрепленной активным участием властей региона, исследовательских центров, бизнеса в проектах совместного использования научно-инновационного потенциала регионов. Представленное в статье исследование направлено на повышение уровня кооперации между вуза-

ми, научно-исследовательскими институтами, бизнесом, а также обуславливает необходимость осуществления перехода на «инновационные рельсы». Взаимосвязь системы стратегического развития сферы науки и инноваций в регионах России, ориентированной на федеральные приоритеты с учетом региональной специфики, может решить проблемы, изложенные в статье.

Ключевые слова: инновационная инфраструктура, региональная инновационная политика, экономика региона, стэйкхолдеры, приоритеты научного развития, инновационный потенциал, гринфилд, браунфилд, трансфер инноваций, регионы ресурсного типа

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00482.

Для цитирования: Бывшев В.И., Пантелеева И.А., Усков Д.И. Региональный взгляд на проблемы развития сферы науки и инноваций // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 137–157. doi: 10.17223/19988648/59/9

Original article

Problems of the development of science and innovation. A regional view

Vladimir I. Byvshev^{1,2}, Irina A. Panteleeva^{3,4}, Danil I. Uskov⁵

^{1,3} Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

^{2,4,5} Krasnoyarsk Regional Foundation for the Support of Scientific and Technical Activities, Krasnoyarsk, Russian Federation

^{1,2} bobbyz@bk.ru

^{3,4} panteleevaia@gmail.com

⁵ uskovdanil90@gmail.com

Abstract. The article discusses the trends and problems of the development of science and innovation in the regions of the Russian Federation. The aim of the study is to identify positive and negative factors, as well as trends and problems, in the development of science and innovation in the regions of the Russian Federation on the example of a model region. Due to the fact that the leading countries are strengthening the role of regions in the national science, technology and innovation policy, we decided to identify the most representative group of regions and consider one of the regions that is the most typical in terms of the state of the science of innovation. If we classify regions into groups of scientific, technological and innovative development, then problems, patterns and trends of development can be transposed from the private to the general within one group. One of the regions most suitable for the criteria of “catching-up leaders” is Krasnoyarsk Krai. To identify the reference points of the lag of this region from the leading regions, we compared its statistical indicators of innovation and scientific activity with the “leading” regions (Moscow, the Republic of Tatarstan, Novosibirsk Oblast, and Tomsk Oblast). During the analysis of the indicators of Krasnoyarsk Krai in comparison with the “leading” regions, we identified positive and negative trends, as well as problems, in the development of science and innovation in the region. For clarity, the indicators we selected are: the level of innovation

activity, the number of scientific organizations, the share of employees in the field of scientific research, as well as the total number of expenditures in the scientific field among the regions; the relationship between these indicators was established. The research presented in the article is aimed at increasing the level of cooperation between universities, research institutes, and business, and also determines the need for a transition to “innovative rails”. The interrelation of the system of strategic development of science and innovation in the regions of Russia, focused on federal priorities and taking into account regional specifics, can solve the problems outlined in the article.

Keywords: innovation infrastructure, regional innovation policy, regional economy, stakeholders, priorities of scientific development, innovation potential, greenfield, brownfield, innovation transfer, resource-type regions

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-010-00482.

For citation: Byvshev, V.I., Panteleeva, I.A. & Uskov, D.I. (2022) Problems of the development of science and innovation. A regional view. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 137–157. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/9

Введение

Современный этап развития общества характеризуется серьезными экономическими и социальными проблемами. Вызов эпидемии, с которым столкнулась цивилизация, очень четко показал колоссальную значимость сферы науки и технологий. Следует отметить все увеличивающуюся скорость различных изменений внешних и внутренних условий хозяйствования, а также увеличение скорости возникновения различного вида больших вызовов. В связи с этим возникает необходимость усиления стратегического и политического планирования для сохранения траектории устойчивого социально-экономического развития. В рамках такого стратегирования значимая роль должна принадлежать региональной сфере науки и инноваций, особенно в связи с тем, что 2021 г. был объявлен годом науки и технологий в России.

Формирование теоретических и методологических основ для подготовки региональной сферы науки и инноваций к прорыву обусловлено потребностями модернизации системы регионального стратегического управления научным и инновационным развитием в условиях нарастания внешних и внутренних угроз, а также практической значимостью своевременной оценки и предотвращения кризисных явлений в научной и инновационной сфере, как на уровне регионов, так и в целом в Российской Федерации. Необходимость формирования теоретических и методологических основ функционирования региональной сферы науки и инноваций обусловливается также разрозненностью региональных приоритетов в сфере науки и инноваций, а также отсутствием в большинстве регионов связи их приоритетов с федеральной повесткой в данной сфере. Изложенные проблемы не раз были отмечены Президентом России В.В. Путиным, в том числе на последнем заседании Совета по науке и образованию, состояв-

шемся 24 декабря 2021 г. Действующая региональная научно-техническая и инновационная политика в субъектах РФ показывает, что ее реализация носит спонтанный, а не целенаправленный характер, что подтверждается наличием несогласованности механизмов функционирования основных элементов и стейкхолдеров данного процесса. Кроме того, в большинстве регионов стратегические документы научно-технического и инновационного характера завершили или завершают свое действие и требуется адаптация формируемых документов к большим вызовам современных приоритетов и тенденций. К тому же в ряде регионов отсутствует орган власти, отвечающий за сферу науки и инноваций. Проводимая реформа институтов развития науки и инноваций на федеральном уровне в дальнейшем стимулирует перестроение и адаптацию к новым условиям и региональную инфраструктуру поддержки науки [3, 10].

Федеральное и региональное законодательство в области научно-технической и инновационной деятельности представляет набор законов и подзаконных актов, слабо связанных между собой. Имеет место рассогласованность целей, задач, показателей и критериев оценки научно-технического, инновационного и социально-экономического развития и, как следствие, отсутствие взаимосвязи в параметрах эффективности функционирования региональных органов власти и региональной инфраструктуры поддержки науки в части реализации научно-технической и инновационной политики, что, в свою очередь, приводит к нарушению устойчивости региональных социально-экономических систем и создает проблемы как для самой сферы науки, так и для инфраструктуры, направленной на ее поддержку. На сегодня в России усилиями федерального центра начинает формироваться единая государственная система управления наукой и инновациями с применением цифровых технологий, что в дальнейшем должно будет способствовать снижению разрозненности региональной научно-технической и инновационной политики и инфраструктуры и повышению роли регионов в сфере науки.

Устранение несоответствия приоритетов и инструментов научно-технологического развития Российской Федерации на федеральном, региональном и отраслевом уровнях отмечается в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации как проблема, препятствующая развитию страны.

Сегодня мировой опыт показывает, что в странах-лидерах происходит усиление роли регионов в национальной научно-технологической и инновационной повестке. Регионы активно участвуют в определении приоритетов научного и инновационного развития, производственно-технологической специализации территорий, формировании инфраструктуры поддержки науки и инноваций, привлечении зарубежных партнеров, разработке и реализации масштабных региональных программ. Примерами таких стран являются США (Массачусетс, Техас, Огайо, Калифорния, Нью-Йорк и другие штаты), Китай (Чжэцзян, Фуцзянь, Цзянсу, Сычуань и другие провинции), Германия (Баден-Вюртенберг, Бавария, Северный Рейн-

Вестфалия и другие федеральные земли). Возрастание роли регионов в научной и инновационной политике объясняется спецификой инновационной экономики, которая имеет двойственную природу: с одной стороны, она возникает и развивается как проявление общемировых, глобальных тенденций, с другой – реализация поставленных задач осуществляется на региональном и муниципальном уровнях и их успешность напрямую зависит от состояния научного и инновационного потенциала территорий и их готовности к инновационным преобразованиям. Двудеиная природа многих социальных процессов была подмечена Р. Робертсоном, который сформулировал в 1980-е гг. идею «глобализации» (сочетания глобального и локального), популярную сегодня в практике управления Западной Европы, Японии и других стран [14, 19, 21, 25]. За последние несколько лет Министерством науки и высшего образования Российской Федерации проведена большая работа, направленная на развитие именно сферы науки в регионах. Программы Приоритет 2030, Научно-образовательные центры мирового уровня, Национальный проект «Наука и университеты» явно дают понять, что руководство страны осознает необходимость развития науки и инновации в регионах, однако готовы ли к этому сами регионы и с какими проблемами они сталкиваются в процессах своего развития?

Целью исследования стало выявление позитивных и негативных факторов, а также тенденций и проблем развития сферы науки и инноваций в регионах Российской Федерации на примере модельного региона.

Обзор научной литературы

Исследования в области развития сферы науки и инноваций на региональном уровне достаточно глубоко рассматривались отечественными и зарубежными учеными из различных областей научного знания. Так, И.Г. Дежина усматривает наличие региональных инициатив в области науки и технологий как важный элемент общей политики государства, поскольку они предотвращают излишнюю концентрацию власти на федеральном уровне. Кроме того, централизованный подход обычно основан на идее, что «один размер подходит всем», и потому предполагает распространение одинаковых мер по всем регионам, без учета их масштаба, потенциала, специализации и других параметров. Потому так и важна на региональном уровне собственная политика, которая может усиливать эффекты от централизованных воздействий [28].

И.М. Голова в своих трудах заявляет о необходимости использования экосистемного подхода для развития сферы науки и инноваций в регионах, согласно которому закономерности построения региональных инновационных экосистем в условиях глобализации предполагают согласование целей социально-экономического и инновационного развития, дифференцированный подход к их построению, формирование устойчивых потоков знаний и технологий, обеспечение разнообразия и конкуренции участников [27].

Д. Эдер в статье «Innovation in the Periphery: A Critical Survey and Research Agenda» проводит систематический обзор литературы о сфере науки и инноваций в периферийных регионах (1960–2016). В статье он делает вывод о необходимости изучения региональной сферы инноваций не только в успешных и развитых регионах, но и на периферии в связи с тем, что там тоже есть свои локальные проблемы, которые требуют решений, причем основаны они не только на нежелании развития со стороны регионов, но и на некоторых других особенностях. Также автор предлагает использовать в качестве метрик развития как классическое количество РИДов и инвестиций в НИОКР, так и экологические и социальные метрики¹.

Х. Кролл приводит примеры формирования региональной инновационной политики в федеральной земле Бремен. Там в свое время удалось наладить кооперацию между локальными министерствами – экономического развития и науки и их федеральными коллегами для выполнения планов развития инновационной среды. Эти подходы вошли в число лучших европейских управленческих практик региональной политики [29].

И.В. Данилин рассматривает российскую научно-техническую и инновационную политику как элемент международного научно-технического сотрудничества и делает вывод, что развитию инновационной политики мешают организационные и институциональные ограничения, включая низкую вовлеченность научного и бизнес-сообщества в формирование политики, неготовность госструктур делегировать свои полномочия, ведомственные противоречия, возможно, низкую кооперативность российской науки. Предложены пути решения проблемы [30].

З.Р. Плиева рассматривает механизмы реализации государственной научно-технической и инновационной политики, закрепленные в нормативно-правовых актах субъектов РФ, и в результате делает вывод о декларативном характере данных механизмов, которые по факту не реализуются в большинстве регионов [31].

Методология исследования

Одной из особенностей социально-экономической системы Российской Федерации, отличающей ее от стран Западной Европы и усложняющей равномерное научно-технологическое развитие ее регионов и региональной сферы науки и инноваций, является существенное различие российских регионов по уровню их научно-технического, инновационного и производственного потенциалов. Однако если классифицировать регионы по группам научно-технологического и инновационного развития, то проблемы, закономерности и тенденции развития можно будет транспонировать с частного на общее в рамках одной группы, имеющей общие параметриче-

¹ Eder J. Innovation in the Periphery: A Critical Survey and Research Agenda // International Regional Science Review. 2019. № 42 (2). P. 119–146. doi: 10.1177/0160017618764279

ские особенности, и выявить их позитивные и негативные факторы, а также тенденции развития и проблемы, препятствующие прогрессированию регионов в сфере науки и инноваций. В исследовании применяются методы статистического и сравнительного анализа, метод проекции, метод восхождения от абстрактного к конкретному, а также индуктивный и дедуктивный подходы.

Для выявления тенденций и проблем развития сферы науки и инноваций в регионах Российской Федерации было решено определить наиболее представительную группу регионов и рассмотреть один из регионов, который является наиболее типичным с точки зрения состояния сферы науки и инноваций. Определение наиболее представительной группы регионов осуществлялось следующим образом: на основе общепризнанных рейтингов регионов (Серия аналитических докладов НИУ ВШЭ «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации», Рейтинг инновационных регионов России АИРР, Индекс научно-технологического развития субъектов РФ) выбиралось количество регионов, распределённых по группам. Разные рейтинговые системы классифицируют регионы на четыре или на две группы. В случае классификации на две группы выделяют «лидеров» и «аутсайдеров». В случае классификации на четыре – также выделяются «лидеры» и «аутсайдеры», которые еще дополнительно распределяют на две подгруппы – «опережающих» и «догоняющих» регионов. В результате анализа рейтингов выяснялось, что самой представительной является группа так называемых «догоняющих лидеров»: около 30 регионов (регионы, относящиеся к данной группе, не являются лидерами в сфере науки и инноваций, однако имеют возможности и потенциал стать ими). С точки зрения научного интереса данная группа является более показательной, так как у этих регионов есть определенный задел в сфере науки и инноваций, однако у них есть и проблемы, которые не дают им войти в группу опережающих лидеров. Собираемым портретом региона из данной группы будет субъект Российской Федерации, обеспеченный природными ресурсами, благодаря которым он является инвестиционно привлекательным регионом. Также на данных ресурсах базируется его социально-экономическое развитие. Кроме того, в регионах данной группы развит и промышленный комплекс в большинстве своем по переработке природных ресурсов региона.

Одним из регионов, входящих в группу «догоняющих лидеров» и полностью соответствующих ее собирательному портрету, является Красноярский край, который обладает природными ресурсами и развитым промышленным комплексом, гидроэнергетическим потенциалом [1]. Также в стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 г. ставятся задачи по переходу к инновационной экономике. В связи с этим регион представляет интерес для исследования тенденций и проблем развития инфраструктуры поддержки науки и инноваций с дальнейшим транспонированием их на другие регионы группы. Для выявления реперных точек отставания рассматриваемого региона от регионов-лидеров

сравним его статистические показатели инновационной и научной деятельности с регионами-«опережающими лидерами» (г. Москва, Республика Татарстан, Новосибирская и Томская области). Выбор регионов для сравнительного анализа обуславливается в первую очередь лидерством данных регионов в исследуемой сфере, различной природой, позволившей обеспечить данное лидерство, а также их социально-экономическим и административно-территориальным различием [26].

Результаты

На первом этапе сравним уровень инновационной активности организаций Красноярского края с регионами группы «опережающие лидеры» (рис. 1). Показатель инновационной активности организаций характеризует удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем числе обследованных организаций по форме федерального статистического наблюдения (4-инновация). Обследованию по данной форме подлежат юридические лица, кроме субъектов МСП, осуществляющие деятельность по разделам С, D, E и кодам 64, 72 и 73 ОКВЭД (Росстат).

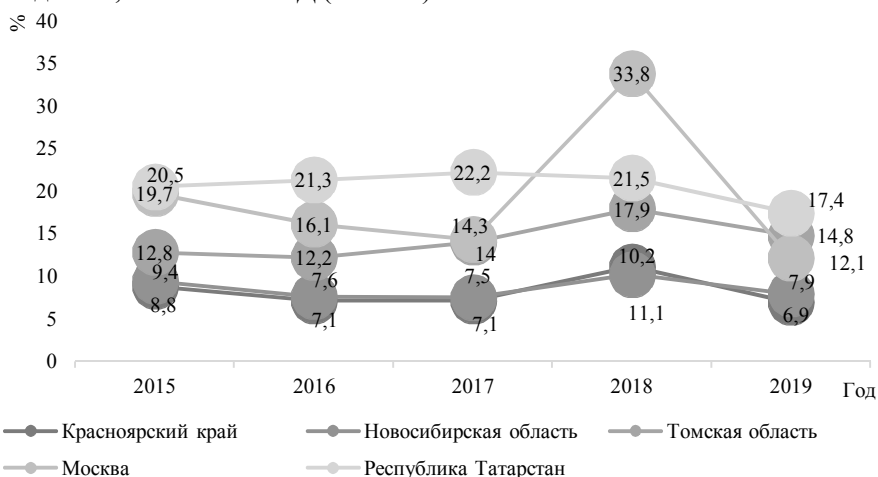

Рис. 1. Динамика уровня инновационной активности организаций Красноярского края и регионов группы «опережающие лидеры»

На графике за рассматриваемый период с 2015 по 2017 г. мы видим, что уровень инновационной активности в Красноярском крае имеет нестабильный характер. Показатель в период 2015–2017 гг. падает, затем в 2018 г. фиксируется резкий рост инновационной активности, затем опять резкое падение. Стоит отметить, что в группе регионов – «опережающих лидеров» складывается аналогичная ситуация и инновационная активность организаций находится в нестабильном состоянии. Падение показателя сменяется резким ростом, исключением из данного тренда является только

Республика Татарстан, где изменчивость показателя от года к году не превышает 10%, за исключением 2019 г., когда во всех регионах фиксируется падение инновационной активности организаций. Инновационная активность организаций Красноярского края в рассматриваемом периоде значительно ниже, чем в регионах-«опережающих лидерах». Исключение составляет лишь Новосибирская область, инновационная активность которой выше, но незначительно. Это может объясняться методологией подсчета показателя, ведь количество юридических лиц, зарегистрированных в Новосибирской области, почти в 2 раза больше, чем в Красноярском крае. В целом прослеживается тенденция, что организации регионов-«опережающих лидеров» осуществляют трансфер инноваций в своей деятельности в несколько раз интенсивней, чем регионы-«догоняющие лидеры» (на примере Красноярского края). В связи с этим следует вывод, что организации схожих сфер деятельности лидирующих регионов апробируют инновации на себе, а организации регионов-«догоняющих лидеров» используют у себя эти же инновации, только позже. Примером данной гипотезы служит ОАО «РЖД», в которой все инновации сначала апробируются на Московской железной дороге, а затем уже масштабируются на другие железные дороги [15, 17].

Следующим этапом рассмотрим показатель динамики количества организаций, выполнявших научные исследования и разработки. Исходя из методологии данного показателя – это организации, осуществляющие творческую деятельность на систематической основе с целью увеличения суммы научных знаний, в том числе о человеке, природе и обществе, а также поиска новых областей применения этих знаний. То есть организации создают инновации, которые в дальнейшем могут быть использованы как в собственной деятельности, так и в деятельности других организаций. Данный показатель входит в мониторинг реализации национального проекта «Наука и университеты»¹.

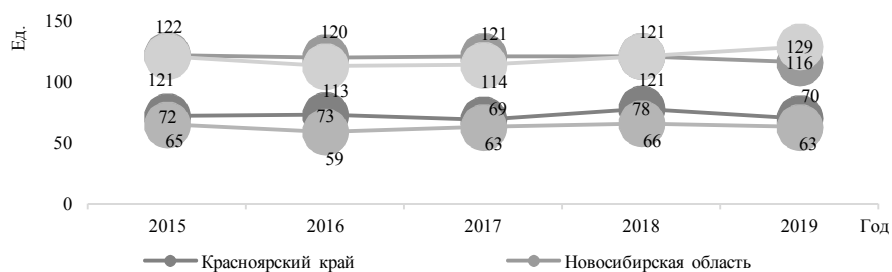

Рис. 2. Сравнение динамики количества организаций, выполнявших научные исследования и разработки, Красноярского края с регионами группы «опережающие лидеры»

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели // Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Представленный показатель в периоде 2015–2019 гг. выглядит более стабильно, чем показатель инновационной активности организаций. Однако аналогично инновационной активности прослеживается системная разница между Красноярским краем и регионами-«опережающими лидерами». В Красноярском крае динамика показателя в зависимости от года изменяется более чем на 10%, а в регионах-«опережающих лидерах» такого диссонанса не наблюдается. Стоит отметить, что количественное значение показателя в Красноярском крае незначительно выше, чем в Томской области, однако если рассмотреть данный показатель в связке с численностью населения региона, то Томская область будет значительно опережать Красноярский край (таблица). В исследовании сознательно использовано соотношение «численность населения на одну организацию» в противовес рассматриваемому обычно показателю «количество организаций на душу населения», чтобы в удобной форме оценить институциональное развитие исследуемой сферы. В сравнении изначально был исключен г. Москва в связи с превосходящими другие регионы показателями социально-экономического развития.

Сравнение численности населения на одну организацию, выполняющую НИР по регионам

Регион	Население, тыс. чел.	Организации, ед.	Численность населения на одну организацию, чел.
Красноярский край	2866,2	70	40 945
Новосибирская область	2798,2	116	24 122
Томская область	1079,4	63	17 133
Республика Татарстан	3902,9	129	30 255

В результате сравнения количества организаций, выполняющих НИР, напрашивается вывод, что количество таких организаций в регионах-«опережающих лидерах» значительно выше, чем в регионах-«догоняющих лидеров» (Красноярский край) при схожей численности населения. В случае если численность населения ниже, то такой показатель значительно выше при расчете на душу населения. Данная тенденция объясняется исторически сложившимися точками роста науки и инноваций еще со времен СССР. Томская и Новосибирская области давно являются флагманами сферы науки и инноваций. В них было осуществлено сосредоточение кадров науки и научно-инновационной инфраструктуры, в то время как Красноярский край всегда позиционировался как промышленный регион обрабатывающей и добывающей промышленности. С учетом того, что в последние 30 лет в стране практически не создавались крупные организации, выполняющие научные исследования по типу «гринфилд», а все, что было создано, формировалось на основе действующей материально-технической базы по модели «браунфилд». Отставание Красноярского края от регионов-«опережающих лидеров» объясняется именно этим фактором. Приме-

ром, подтверждающим эту гипотезу, является создание в Красноярском крае Сибирского федерального университета и Сибирского университета науки и технологий на базе уже существующих университетов и переориентация некоторых промышленных предприятий на наукоемкие рельсы [6].

Отставание по анализируемому показателю Красноярского края от регионов-«опережающих лидеров» невозможно преодолеть только усилиями со стороны региона. Несмотря на то, что в России в отдельных регионах имеется опыт создания организаций, выполняющих научные исследования исключительно региональными усилиями и силами частных инвесторов, уровень проводимых ими исследований значительно отстает от проводимых в федеральных научных организациях. Конечно, количество организаций, выполняющих научные исследования и разработки, не отражает качество реализуемых исследований, однако показатель свидетельствует об общем уровне развития сферы науки и инноваций в регионе [2, 8, 9].

После рассмотрения показателей, характеризующих инфраструктуру, проанализируем показатели, характеризующие деятельность организаций научной и инновационной сферы Красноярского края в сравнении с регионами-«опережающими лидерами» (рис. 3).

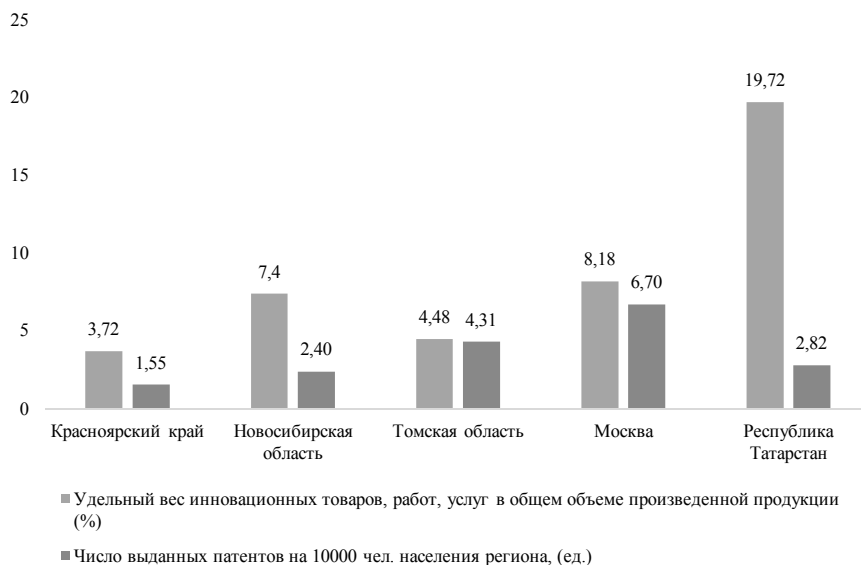

Рис. 3. Показатели, характеризующие деятельность организаций научной и инновационной сферы Красноярского края в сравнении с регионами-«опережающими лидерами». Средние значения в 2015–2019 гг.

К таковым показателям мы отнесли удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме произведенной продукции и число выданных патентов на 10 000 чел. населения региона. На диаграмме (рис. 3) представлены средние значения показателей за период 2015–2019 гг. с целью исключения колебаний значений, вызванных определенными факторами, которые могли происходить в региональных экономиках в течение одного года.

Показатель числа выданных патентов на 10 000 человек населения региона не случаен в нашем выборе. Во-первых, патентная активность является одним из показателей национального проекта «Наука и университеты». Во-вторых, данный показатель характеризует изобретательскую активность с учетом численности населения региона. В результате мы видим, что Красноярский край значительно отстает от регионов-«опережающих лидеров». Одним из объяснений сложившегося явления может быть низкий спрос на интеллектуальную собственность в регионе, который подтверждается низкой инновационной активностью организаций. При этом конкурентоспособность интеллектуальных решений, формируемых в Красноярском крае, на общероссийском фоне либо не востребована, либо не соответствует потребностям рынка других субъектов Российской Федерации. Чтобы подтвердить или опровергнуть данную гипотезу, необходимо отдельное исследование [5].

Показатель удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме произведенной продукции в Красноярском крае тоже значительно ниже, чем в регионах-«опережающих лидерах», объяснением этому может являться низкая инновационная активность организаций, низкая патентная активность и иная специфика региона в сравнении с «опережающими лидерами», ведь Красноярский край в отличие от остальных регионов ресурсного типа находит отражение в структуре производимых в нем товаров, работ и услуг [11, 12].

Далее рассмотрим количество объектов региональной инновационной инфраструктуры в Красноярском крае и регионах-«опережающих лидерах» (за исключением г. Москвы) по данным ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ в 2019 г. (рис. 4).

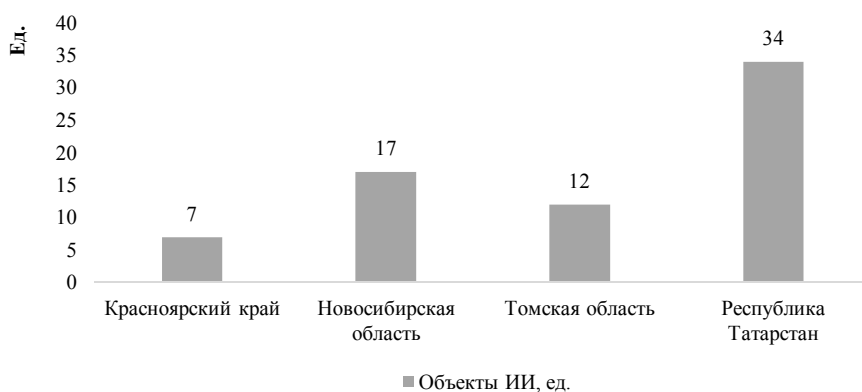

Рис. 4. Количество объектов инфраструктуры поддержки науки и инноваций в Красноярском крае и в регионах группы «опережающие лидеры» в 2019 г.

Цель инновационной инфраструктуры – стимулировать развитие сферы науки и инноваций в регионе как со стороны производителя инновационной, наукоемкой продукции, так и со стороны потребителя. В понятие инновационной инфраструктуры входит обширное количество различных

организаций, каждая из которых выполняет свои задачи по стимулированию развития инновационной сферы региона на каждом этапе жизненного цикла инновационного продукта. По своей сути инновационная инфраструктура должна обеспечить трансфер инноваций от их создания до использования. В результате анализа мы видим, что Красноярский край отстает от субъектов Российской Федерации группы «опережающие лидеры» по количеству объектов инновационной инфраструктуры, что в целом объясняет его отставание от данных регионов и по другим показателям. Низкое количество объектов инновационной инфраструктуры региона способствует выдвиганию гипотезы о незамкнутости инновационного цикла и «западании» одного из его этапов [7, 16, 23].

Рассмотрим такой аспект развития сферы науки и инноваций, как человеческий капитал. Для этого возьмем показатель доли занятых научными исследованиями и разработками в общей численности населения региона (рис. 5).

Рис. 5. Среднее значение доли занятых научными исследованиями и разработками в общем объеме численности занятого населения в 2015–2019 гг., %

Невозможно достичь лидерства в определенной сфере на обозначенной территории, когда значительная часть населения осуществляет деятельность совершенно в других направлениях. Так, для развития каждой сферы экономики необходимо привлечение в нее кадровой составляющей, которая, в свою очередь, и будет осуществлять развитие деятельности. Показатель доли населения, занятого научными исследованиями и разработками, в Красноярском крае, как и другие анализируемые показатели, отстает от регионов-«опережающих лидеров». Как и в случае анализа предыдущих показателей, основной причиной явления служит исторически сформиро-

вавшаяся структура занятости региона, к изменению которой в регионе не прилагается достаточных усилий, а уделяется большее внимание промышленной и добывающим сферам [4, 32].

На заключительном этапе сравним удельный вес внутренних затрат на научные исследования и разработки в объеме ВРП региона (средние значения периода 2015–2019 гг.). Если проводить аналогию с зарубежными странами, а не регионами, то развитые страны тратят на исследования и разработки порядка 3% к ВВП, а безусловными лидерами по этому показателю являются Южная Корея и Израиль, где затраты составляют более 4% к ВВП. Опыт Южной Кореи очень показателен, ведь львиную долю расходов Республики Корея на НИР составляют вложения частного бизнеса, и в 2020 г. в НИР компаниями было инвестировано около 44 млрд долл., чего явно не хватает отечественной науке [20, 22, 24]. Интересна для России практика Китая, где частные компании все активнее стимулируют трансформацию и модернизацию различных отраслей. Частные компании играли ключевую роль в стимулировании экономического роста. В настоящее время частные компании КНР обеспечивают более 60% ВВП, более 80% рабочих мест в городах, а также более 70% технологических инноваций. Поскольку Китай смещает фокус экономического развития с быстрого роста на повышение качества, инновации и модернизация частных компаний становятся критически важными для преобразования и устойчивого развития экономики страны¹ [13, 18].

Красноярский край опережает по показателям внутренних затрат на НИР в объеме ВРП Республику Татарстан, тем не менее отстаёт от всех других регионов. В регионах-«опережающих лидерах», за исключением Республики Татарстан, не наблюдается такой явной диспропорции структуры внутренних затрат на НИР. В Томской области и в Москве доля текущих затрат на разработки преобладает над долей текущих затрат на прикладные и фундаментальные исследования, как и в Красноярском крае, что в принципе логично для региональных затрат на науку. В Красноярском крае текущие затраты на фундаментальные и прикладные исследования находятся практически на около нулевом уровне, в Томской области и в Москве затраты на эти исследования достаточно высоки (рис. 6). Кроме того, общие внутренние затраты на НИР в Красноярском крае находятся на довольно низком уровне в сравнении в Москвой, Томской и Новосибирской областями. Объяснением этому служит тот же фактор, что и в остальных показателях Красноярский край является регионом ресурсного типа. Следовательно, можно выделить еще одну проблему в инновационном развитии Красноярского края – низкие внутренние затраты на научные исследования и разработки для экономики его уровня.

¹ Cong L.W. et al. Financing entrepreneurship and innovation in China // arXiv preprint arXiv. 2021. 2108.10982. URL: <https://arxiv.org/abs/2108.10982> (дата обращения: 10.01.2022).

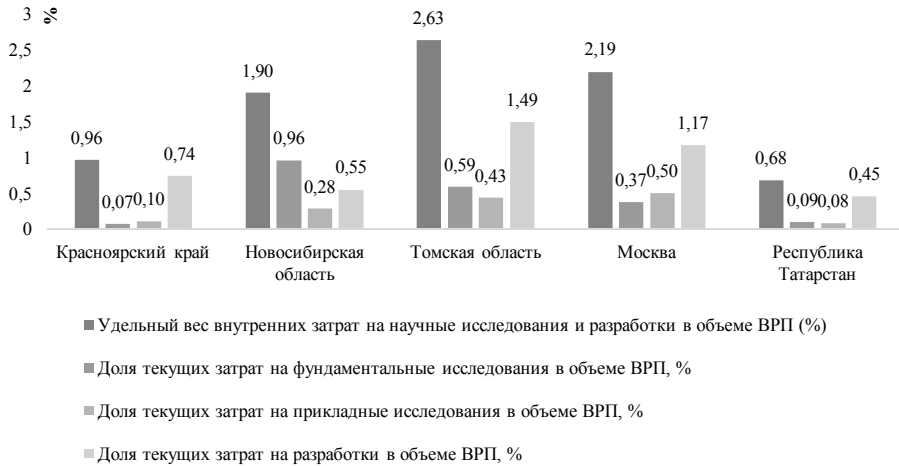

Рис. 6. Сравнение по регионам в разрезе затрат на фундаментальные, прикладные исследования и разработки. Составлено авторами

Стоит отметить, что в целом затраты на НИР в некоторых регионах-«опережающих лидерах» приближены к значениям развитых стран в 3% к ВРП, что может говорить о передовом уровне отдельных лидирующих регионов и возможности целевой ориентации внутри страны на них при проведении региональной политики в сфере науки и инноваций.

Заключение

В ходе анализа показателей типового региона группы «догоняющие лидеры» (Красноярского края) в сравнении с группой регионов типа «опережающие лидеры» были выявлены позитивные и негативные факторы, а также проблемы в развитии сферы науки и инноваций Красноярского края.

Позитивным фактором является то, что в регионе уже сформированы и действуют различные объекты инновационной инфраструктуры, направленные на развитие сферы науки и инноваций, подготовку высококвалифицированных кадров, финансирование и внедрение инноваций.

Негативными факторами, тенденциями и проблемами развития сферы науки и инноваций Красноярского края являются:

- малое количество объектов инновационной инфраструктуры и их незначительная дифференциация;
- низкая степень участия организаций в инновационной деятельности;
- низкий уровень количества организаций, осуществляющих НИР;
- низкие внутренние затраты на научные исследования и разработки в Красноярском крае в сравнении с регионами-«опережающими лидерами», такими как Томская область, г. Москва, Новосибирская область;
- низкое количество занятых в сфере науки и инноваций в сравнении с регионами-«опережающими лидерами»;

- отсутствие эффективного механизма реализации инноваций;
- основная и весомая доля внутренних затрат на НИР обеспечивается за счет средств, выделяемых из бюджетных источников.

Все указанные выше проблемы соотносятся с самопозиционированием региона в большей степени как региона ресурсного типа ввиду исторических предпосылок к такому позиционированию. При этом особой заинтересованности в переходе на «инновационные рельсы» в крае не наблюдается. В регионе формируются типовые объекты инновационной инфраструктуры с целью соответствия общефедеральной повестке, но без особого энтузиазма. Спрос на научно-техническую продукцию со стороны промышленных предприятий не стимулируется в регионе и остается довольно низким. Налоговые льготы в крае существуют для крупного промышленного и добывающего бизнеса и никаким образом не затрагивают инновационные компании. Кроме того, недостаточный уровень кооперации между вузами, научно-исследовательскими институтами и бизнесом также обуславливает сложность осуществления перехода на инновационные рельсы.

Решение вышеизложенных проблем в масштабе регионов-«догоняющих лидеров» возможно путем формирования взаимосвязанной системы стратегического развития сферы науки и инноваций в регионах России, ориентированной на федеральные приоритеты с учетом региональной специфики, подкрепленной активным участием властей региона, исследовательских центров, бизнеса в проектах совместного использования научно-инновационного потенциала регионов.

Список источников

1. Бакланова А.В., Стешко С.Е., Богданов С.Г. Проблемы инновационного развития Красноярского края // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2014. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-innovatsionnogo-razvitiya-krasnoyarskogo-kraja> (дата обращения: 21.10.2021).

2. Баранова В.П. Особенности системы государственного регулирования в научной сфере // Компетентность. 2012. № 2 (93). С. 20–23.

3. Еремин А.В. Наука в системе приоритетов российского государства в XXI веке // Социально-политические исследования. 2019. № 2(3). С. 33–44. doi: 10.24411/2658-428X-2019-10439.

4. Ермакова Н.С. Характеристика результативной составляющей инновационного потенциала: региональный аспект // Вестник СИБИТа. 2019. № 3 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-rezultativnoy-sostavlyayuschey-innovatsionnogo-potentsiala-regionalnyy-aspekt> (дата обращения: 25.10.2021).

5. Ильина И.Е., Бурланков С.П. Налоговое стимулирование заинтересованности бизнеса в использовании результатов интеллектуальной деятельности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2015. № 2(21). С. 38–42.

6. Куперитох Н.А. История академических центров Сибири в 1960–1980-е гг. // История науки и техники. 2012. № 12. С. 21–30.

7. Курилова А.А., Шуклов Л.В. Элементы российской инновационной инфраструктуры: взаимодействие и эффективность // АНИ: экономика и управление. 2021. № 1 (34).

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-rossiyskoy-innovatsionnoy-infrastruktury-vzaimodeystvie-i-effektivnost> (дата обращения: 25.10.2021).

8. Маслюк Н.А., Медведева Н.В. Инновационная экосистема: региональный аспект // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 4. С. 1893–1910. doi: 10.18334/vines.10.4.111175

9. Минаев Н.Н., Волчкова И.В., Уфимцева Е.В. [и др.]. Критический анализ и тенденции реализации «новой» социально-экономической политики России в контексте глобальных вызовов // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18, № 1 (472). С. 33–47. doi: 10.24891/te.18.1.33

10. Минакир П.А. Некоторые замечания об организации науки, как факторе пространственной оптимизации // Ученые записки : сб. ст. / под ред. О.М. Прокапало. Хабаровск : Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2018. С. 128–131.

11. Мурашова Н.А. Проблемы инновационного развития регионов России (на примере Приволжского федерального округа) // Фундаментальные исследования. 2020. № 2. С. 59–64. doi: 10.17513/fr.42686

12. Пиньковецкая Ю.С. Оценка доли производимых организациями инновационных товаров, работ и услуг по российским регионам // Управление в современных системах. 2021. № 2(30). С. 42–48. doi: 10.24412/2311-1313-30-42-48

13. Самсонова В.Г. Южнокорейская политика в сфере науки и техники // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 4. С. 109–121. doi: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-7

14. Суховой А.Ф., Голова И.М. Дифференциация стратегий инновационного развития регионов как условие повышения эффективности социально-экономической политики в РФ // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 4. С. 1302–1317. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-20>

15. Тарабрин В.Ф., Ганеев М.Ф. Первый в железнодорожной отрасли Центр практического обучения бережливому производству // Экономика железных дорог. 2015. № 12. С. 19–21.

16. Тронина И.А., Татенко Г.И., Грекова А.Е. Инновационная инфраструктура как драйвер развития региона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2020. № 3. С. 101–112. doi: 10.17308/econ.2020.3/109

17. Унтура Г.А. Региональная кооперация науки, высшего образования и бизнеса: национальный проект «Наука» // Регион: Экономика и Социология. 2020. № 3(107). С. 62–96. doi: 10.15372/REG20200303

18. Юйшань В. Инновационное развитие китайских регионов: опыт и рекомендации для России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12, № 2. С. 145–159. doi: 10.18184/2079-4665.2021.12.2.145-159

19. Ahlstrom D. et al. A global perspective of entrepreneurship and innovation in China // Multinational Business Review. 2018. № 26 (4). P. 302–318. doi: 10.1108/MBR-08-2018-0058

20. Asongu S.A., Tchamyou V.S. Human capital, knowledge creation, knowledge diffusion, institutions and economic incentives: South Korea versus Africa // Contemporary Social Science. 2018. № 15 (1). P. 26–47. doi: 10.1080/21582041.2018.1457170

21. Esmailpoorarabi N., Yigitcanlar T., Guaralda M. Place quality in innovation clusters: An empirical analysis of global best practices from Singapore, Helsinki, New York, and Sydney // Cities. 2018. Vol. 74. P. 156–168.

22. Howell S.T. Financing innovation: Evidence from R&D grants // American Economic Review. 2017. Vol. 107, № 4. P. 1136–1164.

23. Malecki E.J. Technological innovation and paths to regional economic growth // Growth Policy in the Age of High Technology. 2018. № 7. P. 97–126.

24. Rasiah R., Mubarik S., Yap X.S. Financing Technological Upgrading in East Asia // The Lahore Journal of Economics. 2017. Vol. 22, Special Edition. P. 153–182.

25. Thomä J. DUI mode learning and barriers to innovation—A case from Germany // *Research Policy*. 2017. Vol. 46, № 7. P. 1327–1339.
26. Zemtsov S., Kotsemir M. An assessment of regional innovation system efficiency in Russia: the application of the DEA approach // *Scientometrics*. 2019. Vol. 120, № 2. P. 375–404.
27. Голова И.М. Экосистемный подход к управлению инновационными процессами в российских регионах // *Экономика региона*. 2021. Т. 17, № 4. С. 1346–1360. doi: 10.17059/ekon.reg.2021-4-21
28. Дежина И.Г. Сфера науки и технологий: в поисках «образа будущего» // *Экономическое развитие России*. 2016. Т. 23, № 6. С. 56–59.
29. Kroll H. Which Side of the Coin? The Regional Governance of Science and Innovation // *Regional Studies*. 2007. Vol. 41.8. P. 1117–1118.
30. Данилин И.В. Влияние кризиса на инновационно-технологическое развитие: провал, прорыв, возможность? // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2020. Т. 225, № 5. С. 201–238.
31. Плиева З.Р., Одинова Н.Н. Анализ основных механизмов реализации государственной научно-технической и инновационной политики в субъектах Российской Федерации // *Инноватика и экспертиза*. 2015. № 14.
32. Мыслякова Ю.Г. Основы экономической генетики в моделях эволюции и ревитализации старопромышленных регионов // *Journal of applied economic research*. 2021. № 3, t. 20. P. 489–523.

References

1. Baklanova, A.V., Steshko, S.E. & Bogdanov, S.G. (2014) Problemy innovatsionnogo razvitiya Krasnoyarskogo kraya [Problems of innovative development of the Krasnoyarsk Krai]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики*. 10 (2). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-innovatsionnogo-razvitiya-krasnoyarskogo-kraja>. (Accessed: 21.10.2021).
2. Baranova, V.P. (2012) Osobennosti sistemy gosudarstvennogo regulirovaniya v nauchnoy sfere [Features of the system of state regulation in scientific sphere]. *Kompetentnost' – Competency (Russia)*. 2 (93). pp. 20–23.
3. Eremin, A.V. (2019) Science in the system of priorities of the Russian state in the 21st century. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya – Social and Political Researches*. 2 (3). pp. 33–44. (In Russian). DOI: 10.24411/2658-428X-2019-10439
4. Ermakova, N.S. (2019) Kharakteristika rezul'tativnoy sostavlyayushchey innovatsionnogo potentsiala: regional'nyy aspekt [Characteristics of the effective component of innovation potential: regional aspect]. *Vestnik SIBITa – Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 3 (31). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-rezultativnoy-sostavlyayushchey-innovatsionnogo-potentsiala-regionalnyy-aspekt>. (Accessed: 25.10.2021).
5. Il'ina, I.E. & Burlankov, S.P. (2015) Tax incentives for business interest in the use of results of intellectual activity. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie – Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management*. 2 (21). pp. 38–42. (In Russian).
6. Kupershtokh, N.A. (2012) History of academic centers Siberia in 1960–1980s. *Istoriya nauki i tekhniki – History of Science and Engineering*. 12. pp. 21–30. (In Russian).
7. Kurilova, A.A. & Shuklov, L.V. (2021) Elements of the Russian innovative infrastructure: interaction and efficiency. *ANI: ekonomika i upravlenie – Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 1 (34). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/elementy-rossiyskoy-innovatsionnoy-infrastruktury-vzaimodeystvie-i-effektivnost>. (Accessed: 25.10.2021). (In Russian).

8. Maslyuk, N.A. & Medvedeva, N.V. (2020) Innovation ecosystem: regional perspective. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki – Russian Journal of Innovation Economics*. 4 (10). pp. 1893–1910. (In Russian). DOI: 10.18334/vinec.10.4.111175
9. Minaev, N.N. et al. (2020) A critical analysis and the trends in the implementation of Russia's new socio-economic policy in the context of global challenges. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika – Regional Economics: Theory and Practice*. 1-472 (18). pp. 33–47. (In Russian). DOI: 10.24891/re.18.1.33
10. Minakir, P.A. (2018) Nekotorye zamechaniya ob organizatsii nauki, kak faktore prostranstvennoy optimizatsii [Some remarks on the organization of science as a factor of spatial optimization]. In: Prokapalo, O.M. (ed.) *Uchenye zapiski [Scientific Notes]*. Khabarovsk: Economic Research Institute FEB RAS. pp. 128–131.
11. Murashova, N.A. (2020) Problems of innovative development of regions of Russia (on the example of the Volga federal district). *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 2. pp. 59–64. (In Russian). DOI: 10.17513/fr.42686
12. Pin'kovetskaya, Yu.S. (2021) Estimation the share of innovative goods, works and services produced by organizations in Russian regions. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh – Management in modern system*. 2 (30). pp. 42–48. (In Russian). DOI: 10.24412/2311-1313-30-42-48
13. Samsonova, V.G. (2021) South Korean science and technology policy. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo – Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 4 (14). pp. 109–121. (In Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-7
14. Sukhovey, A.F. & Golova, I.M. (2020) Differentiation of Innovative Development Strategies of Regions for Improving the Effectiveness of Socio-Economic Policy in the Russian Federation. *Ekonomika regiona – Economy of Regions*. 4 (16). pp. 1302–1317. (In Russian). DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-20
15. Tarabrin, V.F. & Ganeev, M.F. (2015) Pervyy v zheleznodorozhnoy otrasli Tsentri prakticheskogo obucheniya berezhlivomu proizvodstvu [The first center for practical training in lean manufacturing in the railway industry]. *Ekonomika zheleznykh dorog – The Railway Economics*. 12. pp. 19–21.
16. Tronina, I.A., Tatenko, G.I. & Grekova, A.E. (2020) Innovative infrastructure as a driver of regional development. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie – Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 3. pp. 101–112. (In Russian). DOI: 10.17308/econ.2020.3/3109
17. Untura, G.A. (2020) Regional cooperation between science, higher education and business: the science national project. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya – Region: Economics and Sociology*. 3 (107). pp. 62–96. (In Russian). DOI: 10.15372/REG20200303
18. Yuyshan', V. (2021) Innovative development of chinese regions: experience and recommendations for Russia. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) – Mir (Modernization. Innovation. Research)*. 2 (12). pp. 145–159. (In Russian). DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.2.145-159
19. Ahlstrom, D. et al. (2018) A global perspective of entrepreneurship and innovation in China. *Multinational Business Review*. 26 (4). pp. 302–318. DOI: 10.1108/MBR-08-2018-0058
20. Asongu, S.A. & Tchamyou, V.S. (2018) Human capital, knowledge creation, knowledge diffusion, institutions and economic incentives: South Korea versus Africa. *Contemporary Social Science*. 15 (1). pp. 26–47. DOI: 10.1080/21582041.2018.1457170
21. Esmaeilpoorarabi, N., Yigitcanlar, T. & Guaralda, M. (2018) Place quality in innovation clusters: An empirical analysis of global best practices from Singapore, Helsinki, New York, and Sydney. *Cities*. 74. pp. 156–168. DOI: 10.1016/j.cities.2017.11.017
22. Howell, S.T. (2017) Financing innovation: Evidence from R&D grants. *American Economic Review*. 4 (107). pp. 1136–1164. DOI: 10.1257/aer.20150808

23. Malecki, E.J. (2018) Technological innovation and paths to regional economic growth. In: Schmandt, J. & Wilson, R. (eds) *Growth Policy in the Age of High Technology*. London: Routledge. pp. 97–126.
24. Rasiyah, R., Mubarik, S. & Yap, X.S. (2017) Financing Technological Upgrading in East Asia. *The Lahore Journal of Economics*. 22 (SE). pp. 153–182.
25. Thomä, J. (2017) DUI mode learning and barriers to innovation—A case from Germany. *Research Policy*. 7 (46). pp. 1327–1339. DOI: 10.1016/j.respol.2017.06.004
26. Zemtsov, S. & Kotsemir, M. (2019) An assessment of regional innovation system efficiency in Russia: the application of the DEA approach. *Scientometrics*. 2 (120). pp. 375–404. DOI: 10.1007/s11192-019-03130-y
27. Golova, I.M. (2021) Ecosystem approach to innovation management in Russian regions. *Ekonomika regiona – Economy of Regions*. 4 (17). pp. 1346–1360. (In Russian). DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-21
28. Dezhina, I.G. (2016) Science and technologies: in search of a paradigm of future. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii – Russian Economic Developments*. 6 (23). pp. 56–59. (In Russian).
29. Kroll, H. (2007) Which Side of the Coin? The Regional Governance of Science and Innovation. *Regional Studies*. 41.8. pp. 1117–1118. DOI: 10.1080/00343400701530857
30. Danilin, I.V. (2020) Impact of the crisis on innovation and technological development: failure, breakthrough, opportunity? *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii – Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 5 (225). pp. 201–238. (In Russian). DOI: 10.38197/2072-2060-2020-225-5-201-238
31. Plieva, Z.R. & Odintsova, N.N. (2015) Analiz osnovnykh mekhanizmov realizatsii gosudarstvennoy nauchno-tehnicheskoy i innovatsionnoy politiki v sub'ektakh Rossiyskoy Federatsii [Analysis of the main mechanisms for the implementation of state scientific, technical and innovation policy in the subjects of the Russian Federation]. *Innovatika i ekspertiza*. 1 (14). pp. 124–133.
32. Myslyakova, Yu.G. (2021) Fundamentals of economic genetics in models of evolution and revitalization of old industrial regions. *Journal of Applied Economic Research*. 3 (20). pp. 489–523. (In Russian). DOI: 10.15826/vestnik.2021.20.3.020

Сведения об авторах:

Бышев В.И. – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической и финансовой безопасности, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия); начальник отдела организации и сопровождения конкурсов, Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности (Красноярск, Россия). E-mail: bobbyz@bk.ru

Пантелеева И.А. – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия); исполнительный директор, Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности (Красноярск, Россия). E-mail: panteleevaia@gmail.com

Усков Д.И. – кандидат технических наук, старший научный сотрудник отдела организации и сопровождения конкурсов, Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности (Красноярск, Россия). E-mail: uskovdanil90@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.I. Byyshev, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); head of the Department of Competition Organization and

Support, Krasnoyarsk Regional Foundation for the Support of Scientific and Technical Activities (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: bobbyz@bk.ru

I.A. Panteleeva, Cand. Sci. (Philosophy), Docent, associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); executive director, Krasnoyarsk Regional Foundation for the Support of Scientific and Technical Activities (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: panteleevaia@gmail.com

D.I. Uskov, Cand. Sci. (Engineering), senior researcher, Krasnoyarsk Regional Foundation for the Support of Scientific and Technical Activities (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: uskovdaniil90@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.06.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 17.06.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Экономическая история

Научная статья

УДК 394

doi: 10.17223/19988648/59/10

Славянская община вне формаций

Анна Владимировна Ложникова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, tfg@mail.ru*

Аннотация. Замысел статьи связан с поиском решения глобальной проблемы о перезагрузке современного капитализма в самых наших истоках – в славянской общине. Автор обобщил пять фундаментальных/непреходящих свойств славянской общины: общность собственности на средства производства, прежде всего на землю; общность труда, с обязательным личным трудовым вкладом члена общины; общность веры «в Истину, в Правду, в Бога» (по К.С. Аксакову); соборность «как потребность в многолюдных общеплеменных сборах, собраниях, со-бытиях» (по Б.А. Рыбакову) и сглаженность различий между сословиями. Автор рассматривает все названные свойства славянской общины в контексте концепции динамического равновесия, когда изменения одних свойств влияют на изменение других и явление в целом. Соборность интерпретируется как свойство циклического характера, периодически подавляемое угнетающими факторами (реформы Петра I, рыночные реформы в новейшей истории России), но восстанавливающееся на обновленной почве. Общность собственности описывается через поиск гармоничного соотношения между личной и общей собственностью (с условием её сохранения, без погони за максимальной прибылью) как в земельной сфере, так и в сфере современного домовладения. Описание общности труда и сглаженности различий между сословиями фокусируется на уважении к физическому труду со стороны разных сословий населения (на примерах царей Ивана Грозного, Петра I) и противопоставляется современной девальвации труда как первичного фактора производства. Динамика названных пяти свойств славянской общины исследуется применительно к ряду эмпирических общинных явлений: земельной крестьянской общине, старообрядческой общине, общинной фабрике, коммуне, артели/кооперативу, коллективному садоводству и домовладениям, многоквартирным домам в современной России. Автор разделяет точку зрения отечественных и зарубежных исследователей о внеформационном характере славянской общины и делает вывод о том, что названные пять фундаментальных свойств славянской общины способны и определять страновой перспективный экономический облик.

Ключевые слова: славянская община, учение об общине, земельная крестьянская община, старообрядческая община, общинная фабрика/ артель/ кооператив; общинный кредит, коммуна, коллективное садоводство, самоуправление трудящихся, теория компаний, управляемых работниками, теория некапиталистических форм хозяйства

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07137 мк.

Для цитирования: Ложникова А.В. Славянская община вне формаций // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 158–179. doi: 10.17223/19988648/59/10

Economic history

Original article

The Slavic community: Beyond formations

Anna V. Lozhnikova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
tfg@mail.ru

Abstract. The article was conceived as a search for a solution to the global problem of the reboot of modern capitalism in the Slavic community. The author summarized five fundamental/enduring properties of the Slavic community: common ownership of production means (land, primarily); common labor, with the obligatory personal labor contribution of a member of the community; common faith “in verity, in the truth, in God” (according to K.S. Aksakov); *sobornost* “as a need for mass gatherings, meetings, co-existence of community members” (according to B.A. Rybakov); and the smoothing of differences between social estates. The author considers all these properties of the Slavic community in the context of the concept of dynamic equilibrium, when changes in some properties affect changes in others and the phenomenon as a whole. *Sobornost* is interpreted as a feature of a cyclic nature, periodically suppressed by oppressive factors (the reforms of Peter the Great, market reforms in the recent history of Russia), but restored on a renewed soil. Common ownership is described through the search for a harmonious relationship between personal and common property (with the condition of its preservation, without the pursuit of maximum profit) both in the land sphere and in the sphere of modern home ownership. The description of common labor and the smoothness of differences between social estates focuses on the respect for physical labor on the part of different classes of the population (on the examples of the tsars Ivan the Terrible and Peter the Great) and is opposed to the modern devaluation of labor as a primary factor of production. The dynamics of these five properties of the Slavic community is analyzed in relation to a number of empirical community phenomena: a land peasant community, an Old Believer community, a communal factory, a commune, an *artel*/cooperative, collective gardening, households, and apartment buildings in modern Russia. The author shares the opinion of domestic and foreign researchers about the non-formatational nature of the Slavic community and concludes that these five fundamental properties of the Slavic community are capable of determining the country’s perspective economic image.

Keywords: Slavic community, doctrine of community, land peasant community, Old Believer community, communal factory/*artel*/cooperative, community credit, commune, collective gardening, self-management of workers, theory of companies managed by workers, theory of non-capitalist forms of economy

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-29-07137 mk.

For citation: Lozhnikova, A.V. (2022) The Slavic community: Beyond formations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 158–179. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/10

Трудовая демократия – неотъемлемая часть психологии и мировоззрения нашего народа, с которой, хотите вы или нет, надо считаться.

О. Платонов. Русский труд

Петр Кропоткин обращал внимание на вольные союзы и ассоциации в современном обществе, хотя бы отчасти построенные на небуржуазных, невластнических и неконкурентных принципах самоорганизации, бескорыстия и солидарности: артели, кооперативы, профсоюзы...

П. Рябов. Петр Кропоткин: солидарность, а не конкуренция

Русская пляска вышла их хоровода.

Из хореографии

В январе 2021 г. в швейцарском Давосе прошел 51 Всемирный экономический форум. Центральная повестка форума – «перезагрузка капитализма». Прочитируем руководителя Давосского форума Шваба: «Мы должны немедленно запустить “Великую перезагрузку”. Это насущная необходимость. Неспособность побороться с глубоко укоренившимися болезнями наших обществ и экономик упрочит риск того, что рецидив болезни повлечет за собой сильные потрясения, конфликты и даже революции...» В журнале *The Conversation* его редактор Пол Кеавенит написал: «...глобальные действия должны подкрепляться миссией по изменению общества, чтобы сделать его более инклюзивным и сплоченным» [43].

Общеизвестно, что глобальный спор о разных формах капитализма начался в 1990-х гг. после распада СССР. Давос-2021 предложил решить эту проблему при помощи не новой концепции «капитализма заинтересованных сторон» (*stakeholder capitalism*), появившейся более полувека назад. Это альтернатива с вектором на долгосрочные интересы всего общества, которая отличается от стандартной трактовки корпоративной социальной ответственности бизнеса, преследующего краткосрочные интересы акционеров по максимизации прибыли (*shareholders capitalism*). Углубление в описание категорий первоисточников Э. Фримена, отца «капитализма заинтересованных сторон», о справедливых контрактах, взаимозависимости и адаптивности, о заботе и взаимосвязях, о сотрудничестве и кооперации, о стратегии укрепления солидарности логично приводит читателей к тезису о том, что социальная ответственность бизнеса близка к от-

ветственности членов семьи друг перед другом. Отчетливо просматриваются этические ценности: «...этика бизнеса должна трактовать бизнес как специфический вид человеческой деятельности, не существующий вне морали». Э. Фримен предложил макромодель, основанную на отказе от наивного эгоизма, от разделения бизнеса и морали [5].

Акцент на нравственных императивах в мировой антикапиталистической повестке «Какой капитализм мы хотим?» невольно приводит нас к мысли о славянской общине. Прочитируем один из самых противоречивых (по мнению современников, например В.И. Ленина, позже пересмотревшего свою точку зрения. – *А.Л.*) документов Карла Маркса, его письмо к русской революционерке Вере Засулич от 8 марта 1881 г.: «Русская община станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя» [2]. При этом К. Маркс противопоставлял капиталистическое предприятие с частной собственностью на средства производства и полным отделением от них наемного рабочего русской общине, основанной на личном труде и общинной собственности, общинном капитале.

Наши истоки на первой ступени истории – у древних славян – К.С. Аксаков, а также примкнувшие к нему московские профессора В.Н. Лешков и И.Д. Беляев видели не в родовом быте, а в общинном. К.С. Аксаков (знаменитый поэт, историк, философ и публицист, 1817–1860) был защитником идей русской самобытности и выразителем славянофильского протеста против петровской ломки. Именно на этой основе и возникло учение об общине. «На месте рода, точно определенного школой родового быта, стала не менее точно определенная община, и, таким образом первая часть общеисторической схемы Соловьева и Кавелина потеряла свою непреложность» [26, с. 24].

Оттолкнувшись от исторического факта возникновения учения об общине, построим наше исследование феномена славянской общины на попытке выделить и описать её непреходящие во времени свойства. Мы предлагаем следующие пять фундаментальных свойств славянской общины: соборность; общность веры; сглаженность различий между сословиями; общность собственности; общность труда. Мы считаем, что названные свойства в полной мере характеризуют содержательные аспекты феномена славянской общины, не утрачиваются во времени, но изменяются и, по нашим наблюдениям, изменения одних свойств влияют на изменение других. Таким образом, мы провели свое исследование, применяя концепцию динамического равновесия, и составили, проанализировали исторический динамический ряд социально-экономических явлений с признаками общинности. Мы отнесли к ним земельную крестьянскую общину, старообрядческую общину, общинную фабрику, коммуны, артель/кооператив, коллективное садоводство (садоводческие/огороднические/дачные некоммерческие объединения), домовладения, многоквартирные дома.

Соборность. В 1864 г. великая княгиня Елена Павловна попросила Юрия Федоровича Самарина начать изучение вопроса об истории зарож-

дения представительной власти в России. Юрий Федорович не просто составил программу такого исследования, но и порекомендовал поручить эту работу профессору Императорского Московского университета, «неумолимому исследователю и знатоку древнего периода Русской истории» Ивану Дмитриевичу Беляеву [4].

Передадим слово Ивану Дмитриевичу: «Славянские племена, заселявшие Русскую землю до 862 года, по свидетельству древнейших исторических памятников, искони, или как только дошла до них память, жили в общинном быте; другой формы быта у Русских Славян памятники не представляют, за исключением только одних Полян. Но и у Полян родовой быт с течением времени утратился и еще в доисторической древности (для этого края) образовалась община. В вече, в народном собрании, заключалась верховная власть над страной. Как город был общиной, или союзом общин, управлявшихся своим вечем, так и пригород, селение были общиной, или союзом общин, и он также управлялся своим вечем, хотя находился в подчинении вече старого города. Мало этого, городской общинный строй жизни у Русских Славян проник даже в семейство, так что славянское на Руси семейство было столько же родовым, кровным, сколько и общинным союзом... Но и не в этом одном заметно сходство с общиной в славянской семье на Руси, а и в том, что семья, точно так же как и община, принимает в себя пришельцев, или приемышей, вовсе не родню, и дает им право членов семейства наравне с родными, и смотря по способностям, выбирает их даже в хозяева или представители семейства» [4].

Право членов общины на участие в вече И.Д. Беляев крепко связывает с владением землей (своей собственной землей или определенной долей общинной земли). Владение землей заменяло выборы, все члены общины (и взрослые, и молодые) имели одинаковый голос: здесь не было различий между богатым и бедным. К примеру, в Новгороде не было и не могло быть члена общины, который бы не имел земли, так как община выделяла новому члену общины определенную долю общинной земли. Земщина сохраняла свою самостоятельность, несмотря на значительное усиление княжеской власти при Владимире и его сыне Ярославе. Она продолжала иметь свое собственное управление, свое вече, которое в иных случаях даже созывалось князьями и иногда действовало мимо князей. Земец был тесно связан с общиной, к которой он принадлежал. Ни один княжеский престол с половины XII столетия вплоть до монгольского завоевания не мог быть занят без согласия местной земщины. Но и земщина в каждом русском владении пользовалась самостоятельностью и находилась в свободных отношениях к своим князьям и их дружинникам. Земля, принадлежащая земским общинам, считалась неприкосновенною.

И.Д. Беляев подчеркивает, что царь Иван Васильевич IV в 1549 г. сделал небывалое для Руси дело – собрал Земский собор, на который явились выборные представители. Эти выборы осуществлялись по сословиям согласно царским грамотам. Крестьянские общины, даже в XIX в., не только в казенных, но и во многих владельческих селениях, особенно состоявших

на оброке, и где не жил сам владелец, пользовались внутренним самоуправлением (так же как в XVI–XVII вв.) и судились, и управлялись по своим исконным, неписанным законам. Они передавались в обычаях и традициях из поколения в поколение и никак не были согласованы ни с Уложением царя Алексея Михайловича, ни с Петровскими, ни с Екатерининскими узаконениями, а напротив, во многом схожими с Русской Правдой. (Например, Петровские коллегии, оплоты бюрократизма, постепенно вымерли в провинциях в XVIII в.). «Реформы Екатерины II в областном управлении вновь выдвинули вперед земское выборное начало, по существу своему родное и привычное Русской земле». Так, указом от 15 марта 1796 г. императрица предоставила самим сельским общинам право судить и наказывать своих выборных начальников, в то время как все прочие условия были уже подвергнуты административным регламентациям.

В России XVII в. уже действовали низовые выборные демократические учреждения. Достоверно известно о проведенных к тому времени 57 созъвах. Прямой аналог земских соборов – французские Генеральные Штаты – созывались реже, но именно они почему-то признаются точкой отсчета для французской парламентской традиции, а у нас – нет. Хотя благодаря им и были приняты важнейшие законодательные документы в истории России XVI–XVII вв.: Судебник 1550 г., «Приговор» Собора первого ополчения 1611 г., Соборное уложение 1649 г., «Соборное деяние» об упразднении местничества 1682 г. «Соборы имели право законодательной инициативы, решали вопросы церковного устройства, внутреннего управления, торговли и промышленности... Земскими соборами решались вопросы избрания нового царя на царство... По участию низового демократического элемента в местном самоуправлении допетровская Россия принципиально опережала Англию, где лишь реформы 1888-го и 1894 года покончили с монополией аристократии в местном самоуправлении» [14, с. 18–20].

Например, главную правду для крестьянства в российском царстве Иван Тихонович Посошков в своей книге-обращении к царю Петру I «Книга о скудости и богатстве» ищет именно в возможности для землевладельцев *собраться и посоветоваться* «что то имяновать двор и что пол двора или четверть или осмая доля двора... По здравому рассуждению надлежит крестьянскому двору положить разъсмотрение не по воротам, ни по дымам избным, но по владению земли и по засеву хлеба на том ево владенье» [28, с. 256–257].

Б.А. Рыбаков определяет соборность у древних славян как потребность в многолюдных общеплеменных сборах, собраниях, со-бытиях [33]. Д.Е. Расков отмечает приверженность демократичности в принятии решений в старообрядческой общине благодаря проведению беседо-разбирательных соборов и обширной полемической переписке. «Жанр изъявления вин» наряду с вопросоответными сочинениями был популярен в старообрядческой литературе. Он позволяет лучше понять предмет разногласий, аргументы сторон... Образованность и начитанность многих наставников и простых мирян заставляла их высказывать свою точку зре-

ния, участвовать в прениях и спорах. В этом проявлялись соборные черты православия. Наличие различных точек зрения и уверенность в собственной правоте вели к длительной полемике» [30, с. 197, 203].

Известный знаток социальной истории России Борис Миронов отмечал существенное отличие русского крестьянина от западного буржуа, стремящегося к максимальной прибыли через наращивание хозяйства. Крестьянин «видел цель жизни не в богатстве и не в славе, а в спасении души, в простом следовании традиции, в воспроизводстве сложившихся форм жизни» [14, с. 21]. «Народ русский ничего не приобрел со времен Владимира и Киевского периода; под монгольским гнетом ханов, под византийским царей, под немецким императоров, под суринамским помещиков он сохранил только свою незаметную, скромную общину, т.е. владение обща землею, равенство всех без исключения членов общины, братский раздел полей по числу работников и собственное мирское управление своими делами» [13].

К сожалению, после перестройки и произошедшего перевода экономики на капиталистические «рельсы» славянская общинная соборность в значительной мере пострадала. Общественная инициатива, гражданская активность современных славян проявляются крайне слабо. В этой связи мы предлагаем интерпретировать соборность как фундаментальное свойство общинности, периодически подавляемое угнетающими политическими и экономическими факторами (реформы Петра I, переход от социалистического к капиталистическому типу хозяйствования в новейшей истории).

Общность веры. В знаменитом своём сочинении «Почему Австрия не может сдѣлаться Славянскою державой» К.С. Аксаков пишет: «Настолько ли могуче значеніе физическаго родства, чтобъ послужить основаніемъ всеславянскому союзу, заглушить личный племенной эгоизмъ и сдѣлать изъ идеи панславизма живую, творческую, историческую силу? Какъ ни важна, ни почтенна въ нашихъ глазахъ связь единой племенности, породы -или "расы", но она недостаточно могуча, – мы должны въ этомъ сознаться, – чтобъ подчинить себѣ элементъ духовный и создать Славянское цѣлое – при рѣзкомъ различіи признаковъ духовнаго свойства. И именно въ Славянскихъ племенахъ элементъ духовный стоитъ выше элемента физическаго, и родство духовное цѣнится выше плотскаго. Духовный же элементъ – не значить только душевныя и нравственныя качества племени, а главнѣйшимъ образомъ элементъ вѣры – религіозные и нравственные идеалы, отношеніе племени къ вѣчному и абсолютному, къ Истинѣ, къ Правдѣ – къ Богу. Въ этомъ, можно сказать, и заключается *общее*, духовнаго свойства всѣхъ Славянскихъ народовъ: именно въ томъ, что главное содержаніе духа есть у нихъ – вѣра, что болѣе чѣмъ для какихъ либо народовъ вѣра для нихъ есть не одно лишь субъективное, личное чувство, но начало общественное и бытовое, управляющее жизнью» [1]. С поисками Божьей Правды, недостижимого идеала, связано определение «Святая Русь» [14].

По мнению одесского профессора Ф.И. Леонтовича, который поддерживал воззрения К.С. Аксакова, В.Н. Лешкова и И.Д. Беляева об об-

щекультурной самостоятельности славянства, древняя славянская община основывается как на родственных, так и на территориальных отношениях. Именно в этом ключе построена статья об общине в репринтном воспроизведении издания Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона «Малый энциклопедический словарь». «Община – это совокупность граждан, живущих в определенной территориальной единице (деревня, село, колония, местечко, город) и связанных общностью хозяйственных, политических и духовных интересов. Община – одна из древнейших форм общежития; собрания членов Общины – старейшины и выборные представители издревле занимались разрешением вопросов об охране безопасности (полиции) в пределах Общины, об устройстве дорог, принятии мер против пожаров, призрении бедных и больных, раскладке повинностей, распределении земельных угодий и пр.» [6, с. 783].

Мы предложили пять фундаментальных свойств славянской общины, которые, по нашему мнению, являются непреходящими во времени, хотя и претерпевают изменения. При этом в рассматриваемом нами ряду эмпирических общинных явлений те или иные свойства могут играть не равноценную, а главенствующую роль. Одним из лучших примеров здесь снова может выступить старообрядческая община, базисом которой, бесспорно, был вопрос веры. Религиозный императив определял все остальные свойства общины, в том числе отношение к общинной собственности (интересная иллюстрация об устройстве паровой мельницы из книги Д.Е. Раскова «Экономические институты старообрядчества» [30] приводится ниже).

Приведем высказывания о взаимосвязи веры и соборности в старообрядческой общине А.И. Герцена: «Еще теснее становится связь между крестьянами одной общины, когда они не православные, а раскольники. От времени до времени правительство устраивает дикий набег на какую-нибудь раскольничью деревню. Крестьян сажают в тюрьму, ссылают, все это без всякого плана, без последовательности, без всякого повода и нужды, единственно для того, чтобы удовлетворить требованиям духовенства и дать занятие полиции. При этих-то охотах по раскольникам обнаруживается вновь характер русских крестьян – солидарность, связывающая их между собою. Тогда-то надобно видеть, как они успевают обманывать полицию, спасать своих братьев, скрывать священные книги и сосуды, как они претерпевают, не проговариваясь, самые ужасные муки. Пусть укажут мне хоть один случай, в котором бы раскольничья община была выдана крестьянином, хотя бы и православным?» [12].

Народная вера в Бога временно оказалась «на обочине» строительства социализма в СССР, в меньшей степени – в странах СЭВ¹. В то же время,

¹ СЭВ (Совет Экономической Взаимопомощи) – межправительственная экономическая организация, созданная по решению экономического совещания представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии в 1949 г. Позже в союз вошли ГДР, МНР, Куба, Албания, а также ассоциированный член – Социалистическая Федеративная Республика Югославия.

многим языческим религиозным традициям Древней Руси, присоединившимся ранее к православной вере, удалось выжить и во времена господства атеизма. Огромную популярность у народа снискали в советское время праздники Масленицы и Ивана Купалы. Но после окончания периода официального атеизма на территории постсоветского пространства население вновь обратилось к религии. Так, 55% жителей России назвали себя религиозными людьми, 26% – нерелигиозными, а 6% – убежденными атеистами. 35% россиян вообще не посещают церковь, часто (раз в месяц и чаще) посещают всего 9% [36, с. 18].

О сглаженности различий между сословиями. А. Горянин цитирует Юрия Крижанича, хорвата и католика, прожившего во времена царя Алексея Михайловича 17 лет в России и увидевшего значительную часть тогдашней страны, от её западных границ до Тобольска. Вот прекрасная цитата о том, что различия между сословиями в царской России были явно сглажены: «Люди даже низшего сословия подбивают соболями целые шапки и целые шубы... а что можно выдумать нелепее того, что даже черные люди и крестьяне носят рубахи, шитые золотом и жемчугом?» Крижанич считал необходимым «запретить простым людям употреблять шелк, золотую пряжу и дорогие алые ткани, чтобы боярское сословие отличалось от простых людей. Ибо никуда не гоже, чтобы ничтожный писец ходил в одинаковом платье со знатным боярином... Такого безобразия нет нигде в Европе» [14, с. 18]. «В былинах об Илье Муромце и Микуле Селяниновиче воплощен идеал крестьянина или селянина в здоровом и трудолюбивом работнике, который поработает дикую, поросшую непроходимым лесом землю своим трудом. Представив три класса земщины, былины представляют и отношение их друг к другу и даже частью к князю; из былин мы видим, что классы сии были довольно близки друг к другу, как члены одного общества и притом происходившие от одного племени, между которыми жизнь и история еще не успели провести ни вражды, ни отчуждения» [4]. В Уставе Преображенского дома Федосеевцев 1809 г. один из пунктов гласит, что в число 7 выбранных старообрядческим обществом попечителей Старообрядческого Молитвенного дома могут входить люди «из бедного состояния», которых названное заведение обязывалось обеспечить пристойной квартирой, харчами, жалованьем и экипажем для выезда «не для его персоны, но для звания» [14, с. 291].

Увы, современная картина славянского мира преимущественно нарисована красками глубокого (по мировым меркам) неравенства по доходам, которые местами, увы, «подмяли» даже многовековые внесословные славянские традиции.

Общность собственности. Это фундаментальное свойство славянской общины диктуется не только вечным земельным вопросом, но и не в меньшей степени «квартирным» вопросом (или коэффициентом домовладения) – сегодня.

Как уже было отмечено выше у И.Д. Беляева, право на участие в вече было крепко привязано для членов общины к владению землей, своей соб-

ственной землей или определенной долей общинной земли. Об этом же говорится в «Лекциях по русской истории» Сергея Федоровича Платонова: «Общинное земледелие, форма землевладения, при котором право собственности на землю принадлежит всей общине в совокупности: каждый из членов общины получает участок земли (надел) во временное пользование, некоторые земли (выгоны, сенокосы, леса) находятся в общем пользовании всех, другие участки (усадебные) – в подворно-наследственном пользовании. Участки, отдаваемые во временное пользование, через определенные промежутки времени перераспределяются между членами общины (переделы). Все земельные дела решаются собранием членов общины. Общинное землевладение в древности было распространено у многих народов, *ныне в широких размерах сохранилось в России – в 1905 г. в 50 губерниях в общинном владении было около 98 млн десятин, или около 82% всех наделных крестьянских земель.* Важно, что поземельная община в России была соединена с административно-фискальной единицей: члены поземельной общины были связаны круговой порукой по уплате податей; поэтому правительство в течение 2–3 веков защищало общинное землевладение; лишь в начале XX в., вследствие крайнего расстройств крестьянского хозяйства, была отменена круговая порука и разрешен свободный выход из общины с выделом земли из общинного владения (закон 9 ноября 1906 г.) [26, с. 783]. И.Д. Беляев подчеркивал, что общинная земля не составляла частной собственности человека, который ее получил, он владел этой долей земли только как член общины. Здесь ярко проявляется явление, которое позже стали определять коллективной собственностью. У славян не сложилось западноевропейского «собственнического мирозерцания» [37, с. 251]. При этом славянский подход к земельной собственности с древних времен имел свою отличительную особенность по сравнению с восточным: «...исследование законов о земельной собственности Натальи Пушкарёвой показало, что уже в Древней Руси женщина могла осуществлять практически любые сделки даже без участия мужа. За ущерб женщине законы обязывали наказать виновного более сурово, чем за аналогичные преступления в отношении мужчины» [14, с. 18].

И.Д. Беляев был убежден, что община предполагала вольность крестьян: «Жалованная грамота Ярославского князя Федора Федоровича Толгскому монастырю, данная в 1400 году, представляет крестьян вольными людьми, могущими переходить от одного землевладельца к другому, живущими на землях монастырских и княжеских волостных, платящими дань и разные пошлыны, часть – землевладельцам, и подлежащими суду или князю, по общему порядку всех свободных людей, или по привилегии землевладельческому монастырю...» [3]. Наш современник Александр Горянин убежден, что мы очень мало знаем о реальном крепостном праве: «Известно, что к моменту его отмены доля крепостных и дворовых в населении России составляла менее 28%, тогда как в конце XVIII века (шестью с небольшим десятилетиями ранее) она равнялась 54%» [14, с. 21].

Неудивительно, что архиважный вопрос о сущности земельной общины и её роли в жизни русской деревни стал с середины XIX в. одним из главных в общественно-политической жизни России [42, с. 158]. В 1853 г. А.И. Герцен издал свой знаменитый труд «Крещённая собственность». Прочитав его: «Русские, говорящие так легко о разрушении сельской общины, никогда не думали, что же останется, что будет, когда и этот последний узел народной жизни, насильственно развязанный, – распустится. Народ русский все вынес, но удержал общину, община спасет народ русский; уничтожая ее, вы отдаете его, связанного по рукам и ногам, помещику и полиции. И коснуться до нее, в то время когда Европа оплакивает свое раздробление полей и всеми силами стремится к какому-нибудь общинному устройству! Говорят, что община поглощает личность и что она несовместна с ее развитием. В этом мнении есть доля правды. Всякий неразвитой коммунизм подавляет отдельное лицо. Но не надобно забывать, что русская жизнь находила в себе средства отчасти восполнять этот недостаток...» [13].

Экономисты-народники в конце XIX в. противопоставляли крестьянско-общинное земледелие земледелию на капиталистических началах, подчеркивали значимость и определяющую роль первого. Сделаем ссылку на авторитетного российского ученого-экономиста Виктора Тимофеевича Рязанова: «Вот как С.Н. Южаков оценивал ситуацию в сельском хозяйстве на конец 70-х гг. XIX в. По его расчетам, на долю народного производства (т.е. крестьянско-общинного производства на собственных и арендованных землях) приходилось почти 90% земель. Между тем как народное землевладение занимало всего 60% площади страны (без государственных земель). В свою очередь помещное владение на капиталистических началах, занимая 40% площади страны, включая несельскохозяйственные угодья и необрабатываемые земли, обеспечивало лишь около 10% всего сельскохозяйственного производства. Получалось так, что почти 2/3 обрабатываемой земли, находящейся в помещном владении, исключалось из частнокапиталистического пользования и на условиях аренды попадало в сферу народного (общинного) производства» [34, с. 335].

Об этом же пишут тульские ученые Е.С. Дубонос и С.Н. Ковалёв. В конце XIX в. остро стоял вопрос о противостоянии евроцентризма (который, почти как и сегодня, отвергал существование иных жизнеспособных цивилизаций, кроме западноевропейской) и наследников славянофилов – консерваторов (черносотенцев) и революционеров-народников. «Народники сами прекрасно знали марксизм, многие из них были лично знакомы с К. Марксом. Народники в концепции некапиталистического пути развития важнейшее место отводили народному производству, представленному крестьянско-общинным производством и крестьянским трудовым хозяйством. Не случайно проект народников сегодня называют «общинным государственным социализмом». Реформа П.А. Столыпина, силой государства подавляющая общину, должна была бы ее уничтожить, освободив место более эффективным формам. Но все оказалось иначе. Из общины вы-

шло всего 10% крестьянских семей. Как верно замечает С. Кара-Мурза, «если считать крестьян... разумно мыслящими людьми, то надо признать тот факт: раз они сопротивлялись реформе Столыпина, значит, развитие капитализма в России противоречило их фундаментальным интересам». Дискуссию о земледельческой общине можно было бы считать законченной после двух исторических экспериментов: реформы Столыпина и Октябрьской революции. Получив землю, крестьяне повсеместно и по своей инициативе восстановили общину. Так, в 1927 г. 91% крестьянских земель находились в общинном землепользовании. Крестьяне определенно выбрали общинный тип жизнеустройства» [16].

Роль феномена «населения на земле» трудно переоценить и в современной России. Земельная община, пусть в трансформированной форме коллективного садоводства (современных садоводческих, огороднических, дачных некоммерческих объединений) [7], но во многом с традиционным содержанием (любовь к земле, природе и семье, трудолюбие, уважение к физическому труду, гостеприимство, взаимовыручка и др.) живет, возник уникальный славянский институт «дача», не переводимый на другие языки мира «*dascha*» [31]. Если бы Юрий Крижанич жил сегодня, то он снова был бы поражен массовым распространением внесловного образа жизни «зимой – в городской квартире, летом – на загородной даче». Какой земельной площадью сегодня располагает, например, население России? Обратимся к данным сельскохозяйственной статистики Росстата. Они отражают распределение земельной площади в плодоносящем возрасте между населением, с одной стороны, и сельскохозяйственными организациями, малыми предприятиями, крестьянско-фермерскими хозяйствами и ИП (индивидуальными предпринимателями) – с другой. В 2016 г., году проведения Всероссийской сельскохозяйственной переписи, количество личных подсобных и других индивидуальных хозяйств перевалило за 23,5 миллиона! [10]. Коллективное садоводство характеризуется также цифрой 877,6 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения в собственности граждан по РФ. Это более чем в 2 раза превышает площадь аналогичных земель в собственности юридических лиц 411,8 тыс. га (в соответствии со статьей 77 Земельного кодекса Российской Федерации в состав земель входят сельскохозяйственные угодья, земли, занятые внутрихозяйственными дорогами, коммуникациями, лесными насаждениями, предназначенными для обеспечения защиты земель от воздействия негативных (вредных) природных, антропогенных и техногенных явлений, водными объектами, а также зданиями, строениями, сооружениями, используемыми для производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции) [17].

Для характеристики общности собственности мы отметим наряду с беспрецедентными масштабами коллективного садоводства также аномально высокие (по современным капиталистическим канонам) значения коэффициента домовладения в России – 89% [24], в Болгарии – 84,3%, в Польше – 84,2%, в Венгрии – 91,7%, в Румынии – 95,8%, в Северной Ма-

кедонии – 85,9%, в Сербии – 83,3%, в Словакии – 90,9%, в Словении – 74,8%, в Хорватии – 89,7%, в Черногории – 91,0%, в Чехии – 78,6% [38]. Для сравнения подобная доля в Швейцарии составляет всего 41,6%. А в США исторический максимум значения коэффициента домовладения не превышает 65,1% [11].

Выше мы уже высказали идею о том, что общинная славянская соборность периодически угнетается факторами экономического порядка. Определенно такое угнетение мы наблюдаем сегодня. Парадоксально, но аномально высокое значение коэффициента домовладения собственниками жилья в России непостижимым образом сочетается с низким уровнем соборности этих самых собственников. Последнее мы заключаем из неутешительной статистики самоуправления домовладельцами фондов капитального ремонта своих домов. Всего 12,77% многоквартирных домов приняли решение самостоятельно открыть и управлять этими средствами на спецсчетах, а не на централизованных счетах региональных операторов [41]. И это далеко не единственный современный пример отсутствия проявления у народа соборности. Похожее народное равнодушие наблюдается, к примеру, по отношению к выборам разных уровней власти, к профсоюзной защите интересов работника перед работодателем и мн. др. Каковы критично важные подавляющие факторы соборности сегодня? Мы видим здесь два основных фактора. Во-первых, это решительный отказ как от древнерусских традиций отсутствия формальной принадлежности имущества [37, с. 251], так и от выработанных десятилетиями лучших практик социалистического самоуправления советских трудящихся. Мы позабыли о своём и сегодня знакомим студентов лишь с широко распространившимися американско-европейскими прогрессивными практиками производственной демократии (программа ESOP, «бирюзовые организации» и мн. др.). Напротив, у себя мы наблюдаем антитренды – концентрацию неконтролируемой власти в руках работодателя (администрации) в госсекторе и нерегулируемой государством сверхконцентрации собственности у единственного владельца в секторе малого и среднего предпринимательства [21]. Народ в своей огромной массе оказался в заложниках у жадности владельцев, как выразился в Государственной Думе в 2021 г. премьер-министр РФ М.В. Мишустин. Мы поддерживаем тезис В.В. Керова о том, что «синтез традиций православной цивилизации и посттрадиционного общества в контексте старообрядческого предпринимательства обнаруживает принципиальную возможность развития вне западной модели собственности, реальность модернизации на основе русских православных ценностей...» [37, с. 262].

Будет справедливо противопоставить современный ростовщический ссудный процент в странах «нового славянского капитализма» беспроцентному «общинному» кредиту – мотору промышленного развития в схожих условиях ограниченности на рынке труда и кредитов в первой половине XIX в. [30, с. 252–253]. Собственность как социальный институт [37] почти прекратила своё существование в несельскохозяйственном сек-

торе славянских экономик, за исключением Беларуси. И не меньшее влияние на подавление соборности народа, по нашему мнению, оказала в одночасье и бесследно исчезающая общность труда.

Общность труда. Общность труда относится к прочным многовековым славянским традициям. «В ритуале крестьянской общины по началу сева и пахоты принимал участие не только царь Иван Грозный, но и восемь бояр. Из исследований этнографов известно, что и окончание, и начало сева было публичной, общественной церемонией. Считалось, что начинающий пахоту должен быть уважаемым, достойным человеком, поскольку его качества переносились на все сельские уголья. У русских община проводила обряд наречения или избрания пахаря и первого засевалящика и благословения его на начало пахоты и сева. Это должен быть обязательно мужчина, сев могли поручить всем – старику, мальчику, божьему человеку, даже священнику. Желательно, чтобы это был человек молодой, здоровый, обладающий социальной полноценностью и высоким личным статусом, удачливый, счастливый, с лёгкой рукой. Должность первого засевалящика была очень почётной... Вот идеальная, что называется, кандидатура для засевалящика. Иван Васильевич, судя по всему, отнёсся к предложению крестьянской общины с энтузиазмом и решил не просто сам сеять, но ещё и бояр привлечь. Можно по разрядным книгам установить и численный состав, и имена названных там восьми бояр. Это высшая политическая элита государства» [22]. Царь Петр I «придавал высокое значение простому рабочему труду как работе на благо общее, для пользы отечества и всего народа... Поставив своей целью вооружить народный труд лучшими техническими приемами производства и направить его на новые, более доходные промыслы в области еще не тронутых разработкой богатств страны... он сам... знал ещё в молодости до 14 ремесл... Мастерство, работа с топором на верфи, с молотом в кузнице всегда очень ему нравилась, была его развлечением и потребностью, и не было для него большего удовольствия, как получить плату за труд, простые рабочие копейки за выкованную полосу железа, починенную плугину или безукоризненно скинутый с формы лист бумаги... этот личный труд царя в народе и понимали... *Этот личный пример должен был подрывать протест против физического труда тех, кто по рождению считал себя выше этого труда*» [19, с. 309–310].

Приведём мнение выдающегося русского теоретика и организатора сельскохозяйственной кооперации А.В. Чаянова: «Крестьянское хозяйство является *трудовым*, устойчивым, существует в соответствии с собственными закономерностями функционирования и развития. Оно некапиталистическое, но благодаря преимуществам кооперации имеет возможность эффективно вписаться в систему крупного капиталистического производства, не нарушая своей органической структуры». Итак, оттолкнувшись в начале нашей статьи от глобальных вопросов о поиске путей реформирования капитализма XXI в., мы находим ответы в своих собственных источниках.

Особо важным в данном контексте мы считаем уже состоявшийся чуть более века назад исторический факт о том, что «в дореволюционной Рос-

сии капиталистические по способу своего устройства несельскохозяйственные предприятия были вытеснены артелями. Именно артели в несельскохозяйственном секторе экономики отождествляются со справедливым участием работников в управлении и распределении прибыли, основанном на личном труде и общей собственности на средства производства» [34]. В 1860–1870-х гг. получили распространение производственные и творческие артели интеллигенции, например «Артель художников» или «Артель переводчиц». В конце XIX в. в Москве и Петербурге были зафиксированы артели счетоводов, электромехаников, инженеров, бухгалтеров. Существовали и женские артели – продавцов, кассиров, золотошвеек и пр. Иногда в артелях практиковался наем рабочей силы. В этом случае коллективным нанимателем становилась вся артель [39]. По мнению великого Д.И. Менделеева, побывавшего в конце XIX столетия на уральских металлургических заводах, многие из них могли бы быть переданы артельно-кооперативному хозяйству.

Напомним его определение общинной фабрики: «Ближайшим русским идеалом, отвечающим наибольшему благосостоянию нашего народа, должно считать общину, согласно – под руководством лучших образованнейших сочленов – ведущую летом земледельческую работу, а зимой фабрично-заводскую на своей общинной фабрике или на своем общественном руднике... Фабрика или завод около каждой деревни, в каждой почти помещичьей усадьбе – вот что одно может, по моему крайнему разумению, сделать русский народ богатым, трудолюбивым и образованным. И к постепенному достижению этого идеала я не вижу ни одного существенного препятствия ни в быте народном, ни в общих русских условиях...» [23]. Можно к этой цитате добавить еще небольшую выдержку из текста А.И. Герцена о том, что «артель – лучшее доказательство того естественного, безотчетного сочувствия славян с социализмом, о котором мы столько раз говорили. Артель вовсе не похожа на германский цех, она не ищет ни монополии, ни исключительных прав, она не для того собирается, чтоб мешать другим, она устроена для себя, а не против кого-либо. Артель – соединение вольных людей одного мастерства на общий прирбок общими силами» [12]. Подчеркнем, что во времена Петра I артели русских промышленников Севера уже были известны как «компании людей, соединивших для общих целей средства и силы отдельных людей и деливших барыши по расчету долей, или паев, внесенных каждым участником в артель» [19, с. 318].

Устройство общинных фабрик, представляющих собой по существу объединение артелей, сохранилось и в советское время (к сожалению, лишь до начала правления Н.С. Хрущева). К примеру, в золотодобыче СССР типовой Устав артели старателей 1947 г. отражал передачу предприятием Главспеццветмета Министерства внутренних дел СССР бесплатно (общенародная собственность) под разработку, разведку или поиски золото-платиновых и редкоземельных горных участков, точные границы которых устанавливаются актом. Средства производства артели составля-

лись из социалистической кооперативной/коллективной собственности артели; оборудования, транспортных средств и прочего имущества, принадлежащего лично членам артели и переданного в пользование артели на условиях, устанавливаемых общим собранием членов артели [39]. Основатель томской научной политэкономической школы о собственности профессор А.П. Бычков оценивал артели выше, чем коммуны [8], поскольку уставы последних в 1919 г. декларировали принцип отказа от всякой личной собственности [18, с. 176]. Но в результате более позднего обобщения политики НЭПа, ленинского кооперативного плана основной формой колхозного движения уже назвали не коммуну, а сельскохозяйственную артель [18, с. 190].

По Ленину, «общинный труд – это коллективный труд» [18, с. 177]. Общность труда составляла краеугольный камень как крестьянской земельной общины, так и промышленной артели. К привлечению наемных работников со стороны в артелях, даже в новое советское время, относились крайне осторожно (к примеру, согласно типовому уставу «общее число лиц, работающих в артели по найму, не может превышать 10% общего числа членов артели» [39]), как и несколькими веками раньше в старообрядческой общине. Интересна иллюстрация Д.Е. Раскова об отношении общины староверов к собственности – «Спор о паровой мельнице». Паровая мельница являлась неформально общинной собственностью, формально записанной на конкретных лиц. Тем не менее «одним из самых острых вопросов в полемике стала необходимость привлечь наемный труд для паровой мельницы, чего не требовала ветряная мельница» [30, с. 195–201].

Заключение

Описание ряда исторических фактов, а также изучение некоторых статистических данных по проявлению славянской общинности не просто позволяют нам выдвинуть тезис о пяти фундаментальных/непреходящих свойствах славянской общины. Мы убеждены в существовании некоего динамического равновесия феномена «славянской общины», когда изменение во времени одного свойства может либо угнетать, либо усиливать изменение проявления другого свойства или свойств, с возникновением компенсирующего эффекта. К примеру, девальвация труда, прежде всего физического труда, как общественной и личностной ценности как на постсоветском пространстве, так и в глобальном мире компенсируется в какой-то мере повышением уровня религиозности населения (а также стремлением выйти в неформальный сектор экономики). Причём траектория движения глобальной экономики по рельсам постиндустриальной модели развития уже признана многими учеными не иначе как тупиковой. Но адекватной переоценки труда как фактора производства пока не происходит, его перестали вообще считать первичным фактором производства. Например, Б. Джентл *предложил считать таковыми всего лишь следующие три фактора: время, информацию и капитал* [45].

Мы описали положительное явление в России, когда сверхконцентрация собственности на несельскохозяйственные активы в крупнейших и малых предприятиях России компенсируется аномально высоким значением коэффициента домовладения и очень весомой ролью коллективного садоводства в сельскохозяйственном секторе. Сохраняющуюся относительно сглаженность различий между сословиями мы считаем в хорошем смысле слова инертным вектором достижения общественного согласия в РФ и в других славянских странах. Но этого компенсирующего позитивного влияния на сохранение феномена общины уже явно недостаточно.

Примечательно, что более века назад, в 80-е гг. XIX в., экономисты-народники уже выдвигали концепцию некапиталистического, т.е. неподражательного пути развития хозяйства России. Это была «концепция, соединяющая формационный и цивилизационный подход к изучению истории», пишут ученые из Тульского государственного университета Евгений Серафимович Дубоносов и Сергей Николаевич Ковалев [16]. Мы присоединяемся к следующему их выводу: «...если рассматривать общину как продукт культуры, жестко не связанный с формацией, то в ней виден уклад, совместимый с самыми разными социально-экономическими укладами. Отсюда вытекает неожиданный, но многое объясняющий вывод: главным противоречием, породившим русскую революцию, является не сопротивление отживших традиционных укладов (община, остатки крепостничества) прогрессивному развитию капитализма, а сопротивление крестьянского традиционного общества против разрушающего воздействия капитализма и главных ценностей буржуазного общества – индивидуализма и конкуренции...» [16].

Мы видим облик будущего экономического устройства не как православный социализм [29], поскольку известные и распространенные в мировой практике термины по формациям не носят, как правило, религиозного характера. Назовём их. Это модель рейнского общественного капитализма, «капитализм без капиталистов» во Франции послевоенного периода XX в. [46], государственный капитализм на Западе, социализм с китайской спецификой, рыночный механизм социалистического образца в Японии по А. Морита, основателя компании Sony [25, с. 297]. Если протестантская этика определялась М. Вебером и продолжает по-прежнему трактоваться его последователями как наиболее благоприятная почва для капитализма, то община с её соборностью, напротив, описывается К. Марксом, А.И. Герценом, С.Н. Южаковым, М.И. Туган-Барановским, А.В. Чаяновым, В.Т. Рязановым и др. как альтернативный некапиталистический путь развития. Современные западные идеологи теории компаний, управляемых работниками, например, Г. Доу [44], называют среди её основоположников практически те же имена, что мы только что перечислили, а в качестве лучших практик называют в первую очередь опыт самоуправления трудящихся на советских предприятиях до 1990 г.

И завершить статью мы бы хотели словами А.И. Герцена. «Община спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской ци-

визации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательств власти; она благополучно дожила до развития социализма в Европе. Это обстоятельство бесконечно важно для России» [12].

Список источников

1. Аксаков К.С. Почему Австрия не может сдѣлаться Славянскою державой. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1865_avstriya_oldorfo.shtml (дата обращения: 07.04.2021).
2. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. 1924. Кн. 1.
3. Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М. : Лань, 2013.
4. Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М. : Типография Общества распространения полезных книг, 1905. 136 с. URL: <http://new.znaniium.com/go.php?id=352583>
5. Благов Ю.Е. Эдвард Фримен и концепция заинтересованных сторон // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2012. Вып. 1.
6. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Малый энциклопедический словарь : в 4 т. М., 1997. Т. 3.
7. Бутовецкий А.И. Коллективное садоводство, огородничество и дачное хозяйство: есть ли альтернатива юридическому лицу? // Имущественные отношения в РФ. 2016. № 10 (181). С. 23–37.
8. Бычков А.П. Колхозная собственность и перспективы её развития. Томск : Изд-во Томского университета, 1962. 94 с.
9. Вержбицкая Е.Ю. Теория «Государства и земли» К.С. Аксакова // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 4. URL: <https://human.snauka.ru/2013/04/2744> (дата обращения: 31.03.2021).
10. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/519>
11. В США коэффициент домовладения достиг самого высокого значения с конца 2013 г. URL: <http://www.finmarket.ru/news/5162382>
12. Герцен А.И. Русский народ и социализм. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/le-peuple-russe-et-le-socialisme/russkij-narod-i-socializm.htm> (дата обращения: 13.03.2021).
13. Герцен А.И. Крепостная собственность. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kreschenaya-sobstvennost.htm>
14. Горянин А. Когда на Руси было жить хорошо // Эксперт. 31 декабря 2007. № 1. С. 12–22.
15. Доля населения, живущего в собственном или арендованном жилье. URL: <https://svspsb.net/danmark/vladelec-zhilja.php>
16. Дубоносов Е.С., Ковалев С.Н. Дискуссия о земледельческой общине между народниками и евроцентристами в XIX веке // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 104–108.
17. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33919>
18. История крестьянского и колхозного строительства в СССР (материалы научной сессии, состоявшейся 18–21 апреля 1961 года в Москве) / под ред. М.П. Кима (отв. ред.), Ю.В. Арутюняна, В.П. Данилова, И.Е. Зеленина. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 448 с.
19. Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени (репринтное воспроизведение издания 1914 года). СПб., 1914.

20. Крамар А.А. А.В. Чайанов на пути к созданию теории некапиталистических форм хозяйства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2018. № 18. С. 33–43.

21. Ложникова А.В., Шевченко И.К., Развадовская Ю.В., Богданов А.Л. Предпринимательская способность населения на карте России // Terra Economicus. 2021. № 19 (1). С. 91–108. doi: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-91-108

22. Мазуров А. Царь-пахарь, царь-покойник. URL: <https://s-t-o-l.com/istoriya/tsar-pahar-tsar-pokojnik/>

23. Менделеев Д.И. О судьбах России. URL: <http://www.alvas.ru/forum/archive/index.php/t-683.html>

24. Миркин Я. В России сформировалась настоящая партия личных собственников. URL: <https://rg.ru/2017/05/03/v-rossii-priamymi-sobstvennikami-zhilia-okazalis-788-milliona-chelovek.html>

25. Морита А. История компании Сони. М., 1993.

26. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб. : Кристалл, 1997. 838 с.

27. Полюбина И.Б. М.И. Туган-Барановский и кооперация // Финансы и кредит. 2003. № 14 (128). С. 58–64.

28. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 351 с.

29. Православный социализм. На круглом столе Изборского клуба: Проханов, Зюганов, Глазьев. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iodz9mgfOMs> (дата обращения: 24.05.2021).

30. Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2012. 344 с.

31. Розмаинский И.В., Ложникова А.В., Кичко Н.И., Хлопцов Д.М. Дача в постсоветской России: институциональный анализ // Journal of Institutional Studies. 2017. Т. 9, № 2. С. 63–79.

32. Россия занимает первое место в мире. URL: https://guxpert.ru/Россия_занимает_первое_место_в_мире

33. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М. : Наука, 1987. 783 с.

34. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб. : Наука, 1999. 796 с.

35. Семёнова М. Мы – славяне! СПб. : Азбука-Терра, 1997. 560 с.

36. Синелина Ю. Религия в современном мире // Эксперт. №1. 24 декабря 2012 – 13 января 2013.

37. Собственность в XX столетии / под ред. В.В. Алексева. М. : Российская политическая энциклопедия, 2001. 960 с.

38. Страница индекса Еврозона по коэффициенту домовладения. URL: <https://cbonds.ru/indexes/31365/>

39. Типовой устав артели старателей 1947 года. URL: <https://zolotodb.ru/article/11751>

40. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view>

41. Трубилина М. Накапало. URL: <https://rg.ru/2020/02/25/regiony-skopili-chetvert-trilliona-rublej-na-kapremont-a-raboty-ne-vedutsia.html>

42. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / гл. ред. А.М. Румянцев. М. : Советская энциклопедия, 1979. Т. 3. 624 с.

43. Now is the time for a 'great reset'. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/06/now-is-the-time-for-a-great-reset/> (дата обращения: 24.05.2021).

44. Dow G. The Theory of The Labor-Managed Firm: Past, Present, and Future // Annals of Public and Cooperative Economics. 2018. № 89.

45. Gentile B. The New Factors of Production And the Rise of Data-Driven Applications. Forbes, 2011. URL: <https://www.forbes.com/sites/ciocentral/2011/10/31/the-new-factors-of-production-and-the-rise-of-data-driven-applications/#6ec0ed9817da>

46. *Piketty T.* Capital in the 21st Century. Cambridge, Massachusetts ; London, England : The Belknap Press of Harvard University Press, 2014.

References

1. Aksakov, K.S. (1865) *Pochemu Avstriya ne mozhet sdelat'sya Slavyanskoyu derzhavoy* [Why Austria cannot become a Slavic power]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1865_avstriya_olderfo.shtml. (Accessed: 07.04.2021).
2. *Arkhiv K. Marksa i F. Engel'sa* [K. Marx and F. Engels Archive]. (1924) Book 1.
3. Belyaev, I.D. (2013) *Krest'yane na Rusi. Issledovanie o postepennoy izmenenii znacheniya krest'yan v russkom obshchestve* [Peasants in Russia. A study on the gradual change in the importance of peasants in Russian society]. Moscow: Lan'.
4. Belyaev, I.D. (1905) *Sud'by zemshchiny i vybornogo nachala na Rusi* [The Fate of Zemstvo and the Elective Principle in Russia]. Moscow: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig. [Online] Available from: <http://new.znaniy.com/go.php?id=352583>.
5. Blagov, Yu.E. (2012) Edvard Frimen i kontseptsiya zainteresovannykh storon [Edward Freeman and the concept of stakeholders]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment – Vestnik of Saint Petersburg University. Management*. 1. pp. 109–116.
6. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1997) *Malye entsiklopedicheskiy slovar'* [Small Encyclopedic Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Terra.
7. Butovetskiy, A.I. (2016) Collective gardening and dacha farming: is there an alternative entity? *Imushchestvennyye otnosheniya v RF – Property Relations in the Russian Federation*. 10 (181). pp. 23–37. (In Russian).
8. Bychkov, A.P. (1962) *Kolkhoznaya sobstvennost' i perspektivy ee razvitiya* [Kolkhoz Property and Prospects for Its Development]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Verzhbitskaya, E.Yu. (2013) The theory “the state and the land” by K. S. Aksakov. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 4. [Online] Available from: <https://human.snauka.ru/2013/04/2744>. (Accessed: 31.03.2021). (In Russian).
10. Rosstat. (2019) *Vserossiyskaya sel'skokhozyaystvennaya perepis' 2016 goda* [All-Russian Agricultural Census of 2016]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/519>.
11. Finmarket. (2020) V SShA koeffitsient domovladieniya dostig samogo vysokogo znacheniya s kontsa 2013 g. [In the United States, the homeownership rate reached its highest value since the end of 2013]. *Finmarket*. [Online] Available from: <http://www.finmarket.ru/news/5162382>.
12. Gertsen, A.I. (1851) *Russkiy narod i sotsializm* [The Russian People and Socialism]. [Online] Available from L: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/le-peuple-russe-et-le-socialisme/russkij-narod-i-socializm.htm>. (Accessed: 13.03.2021).
13. Gertsen, A.I. (1858) *Kreshchennaya sobstvennost'* [Baptised Property]. [Online] Available from: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kreshchennaya-sobstvennost.htm>.
14. Goryanin, A. (2007) *Kogda na Rusi bylo zhit' khorosho* [When it was good to live in Russia]. *Ekspert*. 1. 31 December. pp. 12–22.
15. SVSPB.NET. (n.d.) *Dolya naseleniya, zhivushchego v sobstvennom ili arendovannom zhil'e* [The proportion of the population living in their own or rented housing]. [Online] Available from: <https://svspb.net/danmark/vladelec-zhilja.php>.
16. Dubonosov, E.S. & Kovalev, S.N. (2013) Debates on agricultural community between the populists and eurocentrists at the end of the XIX century. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Bulletin of Tula State University. Film Humanities*. 4. pp. 104–108. (In Russian).
17. EMISS. Gosudarstvennaya statistika [EMISS. State statistics]. (n.d.) *Posevnyye ploshchadi sel'skokhozyaystvennykh kul'tur* [Acreage of agricultural crops]. [Online] Available from: <https://www.fedstat.ru/indicator/33919>.

18. Kim, M.P. et al. (eds) (1963) *Istoriya krest'yanskogo i kolkhozного stroitel'stva v SSSR* [The history of peasant and kolkhoz construction in the USSR]. Proceedings of the Scientific session. Moscow. 18–21 April 1961. Moscow: USSR AS.
19. Knyaz'kov, S. (1914) *Ocherki iz istorii Petra Velikogo i ego vremeni* [Essays from the History of Peter the Great and His Time]. Saint Petersburg: t-vo I.D. Sytina. (Reprint of 1909).
20. Kramar, A.A. (2018) A.V. Chayanov on the way to the theory of non-capitalist economy. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 1 (18). pp. 33–43. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-33-43
21. Lozhnikova, A.V. et al. (2021) The entrepreneurial ability of population on Russia's map. *Terra Economicus*. 19 (1). pp. 91–108. (In Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-91-108
22. Mazurov, A. (2019) *Tsar'-pakhar', tsar'-pokojnik* [A plowman tsar, a deadman tsar]. *S-T-O-L*. [Online] Available from: <https://s-t-o-l.com/istoriya/tsar-pahar-tsar-pokojnik/>.
23. Mendeleev, D.I. (2009) *O sud'bah Rossii* [On the fate of Russia]. [Online] Available from: <http://www.alvas.ru/forum/archive/index.php/t-683.html>.
24. Mirkin, Ya. (2017) V Rossii sformirovalas' nastoyashchaya partiya lichnykh sobstvennikov [A real party of personal owners has formed in Russia]. *RG*. 5 March. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/05/03/v-rossii-priamymi-sobstvennikami-zhilia-okazalis-788-milliona-chelovek.html>.
25. Morita, A. (1993) *Istoriya kompanii Soni* [The History of Sony]. Translated from English. Moscow: Progress.
26. Platonov, S.F. (1997) *Leksii po russkoy istorii* [Lectures on Russian History]. Saint Petersburg: Kristall.
27. Polyubina, I.B. (2003) M.I. Tugan-Baranovskiy i kooperatsiya [Tugan-Baranovsky and cooperation]. *Finansy i kredit – Finance and Credit*. 14 (128). pp. 58–64.
28. Pososhkov, I.T. (1937) *Kniga o skudosti i bogatstve* [The Book about Poverty and Wealth]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
29. Izborskiy klub [Izborsk Club]. (n.d.) *Pravoslavnyy sotsializm. Na kruglom stole Izborskogo kluba: Prokhanov, Zyuganov, Glaz'ev* [Orthodox socialism. At the round table of the Izborsk Club: Prokhanov, Zyuganov, Glazyev]. [Online Video] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=iodz9mgfOMs>. (Accessed: 24.05.2021).
30. Raskov, D.E. (2012) *Ekonomicheskie instituty starobryadchestva* [Economic Institutes of the Old Believers]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
31. Rozmainskiy, I.V. et al. (2017) Dacha in Post-Soviet Russia: institutional analysis. *Journal of Institutional Studies*. 2 (9). pp. 63–79. (In Russian). DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.2.063-079
32. Ruxpert. (n.d.) *Rossiya zanimaet pervoe mesto v mire* [Russia ranks first in the world]. [Online] Available from: https://ruxpert.ru/Rossiya_zanimaet_pervoe_mesto_v_mire.
33. Rybakov, B.A. (1987) *Yazychestvo drevney Rusi* [Paganism of Ancient Russia]. Moscow: Nauka.
34. Ryazanov, V.T. (1999) *Ekonomicheskoe razvitie Rossii: reformy i rossiyskoe khozyaystvo v XIX–XX vv.* [Economic Development of Russia: Reforms and Russian economy in the 19th – 20th centuries]. Saint Petersburg: Nauka.
35. Semenova, M. (1997) *My – slavyane!* [We are Slavs!]. Saint Petersburg: Azbuka – Terra.
36. Sinelina, Yu. (2013) *Religiya v sovremennom mire* [Religion in the modern world]. *Ekspert*. 1. 24 December 2012 – 13 January 2013.
37. Alekseev, V.V. (ed.) (2001) *Sobstvennost' v XX stoletii* [Property in the 20th Century]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
38. Cbonds. (2020) *Stranitsa indeksa Evrozona po koeffitsientu domovladieniya* [Euro Area Home Ownership Rate]. [Online] Available from: <https://cbonds.ru/indexes/31365/>.

39. Istoriya dobychi zolota v Rossii [History of gold mining in Russia]. (1947) *Tipovoy ustav arteli starateley 1947 goda* [The standard charter of the prospectors' artel of 1947]. [Online] Available from: <https://zolotodb.ru/article/11751>.

40. Tugan-Baranovskiy, M.I. (n.d.) *Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem* [Russian factory in the past and present]. [Online] Available from: <https://docviewer.yandex.ru/view>.

41. Trubilina, M. (2020) Nakapalo [It trickled in]. *RG*. 25 February. [Online] Available from: <https://rg.ru/2020/02/25/regiony-skopili-chetvert-trilliona-rublej-na-kapremont-a-raboty-ne-vedutsia.html>.

42. Rumyantsev, A.M. (ed.) (1979) *Ekonomicheskaya entsiklopediya. Politicheskaya ekonomiya* [Economic Encyclopedia. Political economy]. Vol. 3. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

43. World Economic Forum. (2020) *Now is the time for a 'great reset'*. [Online] Available from: <https://www.weforum.org/agenda/2020/06/now-is-the-time-for-a-great-reset/>. (Accessed: 24.05.2021).

44. Dow, G. (2018) The Theory of the Labor-Managed Firm: Past, Present, and Future. *Annals of Public and Cooperative Economics*. 89. DOI: 10.1111/apce.12194

45. Gentile, B. (2011) The New Factors of Production and the Rise of Data-Driven Applications. *Forbes*. [Online] Available from: <https://www.forbes.com/sites/ciocentral/2011/10/31/the-new-factors-of-production-and-the-rise-of-data-driven-applications/#6ec0ed9817da>.

46. Piketty, T. (2014) *Capital in the 21st Century*. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press.

Сведения об авторе:

Ложникова А.В. – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Институт экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: tfg@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Lozhnikova, Dr. Sci. (Economics), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tfg@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.05.2021;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 14.05.2021;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Научная статья
УДК 339.9.01
doi: 10.17223/19988648/59/11

Западный и восточноазиатский пути развития экономики в концепции Дж. Арриги: перспективы XXI в.

Наталья Викторовна Осокина¹, Евгений Евгеньевич Жернов²

^{1,2} Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва,
Кемерово, Россия
¹ onv.eti@kuzstu.ru
² zhee.eti@kuzstu.ru

Аннотация. В статье исследуются характерные черты восточноазиатского пути развития национальной рыночной экономики, по которому, как считает Дж. Арриги, шел Китай, в сравнении с западным путем. Выявлены элементы общего и отличного в траектории исторического движения Китая и России в капиталистической мир-системе. Показана связь различной эффективности Китая и России при повторной интеграции их экономик в капиталистическую мир-систему с разными подходами к построению национальной рыночной экономики в процессах трансформации существовавших в них моделей политико-экономических систем. При этом, на наш взгляд, в концепции Дж. Арриги не получила достаточного освещения роль внешних условий и факторов успешного развития китайской экономики. Обоснована необходимость учета китайских особенностей государственного макроэкономического регулирования в ускоренном развитии экономики России. Концепция Дж. Арриги убедительно, на взгляд авторов, показывает отрицательное влияние на мировую экономику свойственного западному пути «накопления с изъятием» и доказывает настоятельную необходимость некапиталистического экономического развития. Однако мнение ученого, что наличие рыночной экономики не обязательно ведет к капитализму, не бесспорно и требует дополнительных обоснований.

Ключевые слова: Китай, Россия, капиталистическая мир-система, западный и восточноазиатский пути развития экономики, накопление с изъятием, повторная интеграция в мир-систему

Для цитирования: Осокина Н.В., Жернов Е.Е. Западный и восточноазиатский пути развития экономики в концепции Дж. Арриги: перспективы XXI в. // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 180–197. doi: 10.17223/19988648/59/11

Original article

Western and East Asian paths of economic development in Giovanni Arrighi's conception: Prospects in the 21st century

Natalia Viktorovna Osokina¹, Evgeny Evgenievich Zhernov²

^{1,2} *T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation*

¹ *onv.eti@kuzstu.ru*

² *zhee.eti@kuzstu.ru*

Abstract. The article examines the characteristic features of the East Asian path of development of the national market economy, which, according to Giovanni Arrighi, China developed, in comparison with the Western path. The authors determine the common and different elements in the trajectory of the historical movement of China and Russia in the capitalist world-system. They show the relationship between the different efficiency of China and Russia in the re-integration of their economies into the capitalist world-system with different approaches to building a national market economy when transforming the models of political and economic systems that existed in them. The authors argue that Arrighi did not sufficiently cover the role of external conditions and factors of the Chinese economy's successful development. The authors substantiate the necessity of taking into account Chinese peculiarities of state macroeconomic regulation in the accelerated development of the Russian economy. Arrighi's conception convincingly, in the authors' opinion, shows the negative impact of the Western way of "accumulation by dispossession" on the world economy and proves the urgent need for non-capitalist economic development. However, Arrighi's opinion that the presence of a market economy does not necessarily lead to capitalism is not indisputable and requires additional justification.

Keywords: China, Russia, capitalist world-system, Western and East Asian paths of economic development, accumulation by dispossession, re-integration into world-system

For citation: Osokina, N.V. & Zhernov, E.E. (2022) Western and East Asian paths of economic development in Giovanni Arrighi's conception: Prospects in the 21st century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 180–197. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/11

Целью исследования стало выявление особенностей восточноазиатского пути экономического развития в сравнении с западным путем и возможностей их использования для коррекции траектории экономического развития современной России. Актуальность исследования именно восточноазиатского пути возрастает в связи с тем, что в мире впервые за 500 лет происходит смещение зон наиболее интенсивного процесса накопления капитала и, соответственно, возможных ориентиров для выбора продуктивных экономических стратегий с Запада на Восток.

Теоретическая значимость исследования связана с недостатком знаний, позволяющих осуществлять эффективное управление развитием нацио-

нальной экономики. В современной России имеет место высокая степень инерционности массового экономического мышления и стратегий макроэкономической политики. Убежденность в максимальной целесообразности саморегулирующейся стихии рынка для экономического развития препятствует пониманию перспектив и овладению системой современных инструментов управления этим развитием.

Практическая необходимость разработки данной темы обусловлена рядом факторов: не удовлетворяющими государство и общество темпами экономического развития, связанной с этим возможностью существенного ухудшения позиций России в международной экономической конкуренции, нарастанием угроз экономической и политической безопасности на фоне глобального кризиса и резкого обострения отношений нашей страны с ведущими западными акторами мировой экономики.

Методом исследования в данной работе является мир-системный анализ, наиболее известный в России по трудам Дж. Арриги и И. Валлерстайна. Именно школой мир-системного анализа разработана теория современного капитализма, процессов накопления капитала, закономерности смены режимов накопления и его географической локализации. Мир-системный анализ постепенно набирает популярность в России, поскольку действительность демонстрирует плодотворность его положений для интерпретации происходящих экономических событий.

Мировая экономика находится в состоянии реструктуризации. Идет завершение четвертого – «американского» системного цикла накопления капитала (СЦНК) [1, с. 282]. Функционирование каждого СЦНК тесно связано с державой-гегемоном, исторически утвердившейся в данное время благодаря обладанию системными преимуществами в аграрно-промышленной, торговой и финансовой сферах [2, с. 98–99]. Сейчас системный цикл приближается к концу его финансовой фазы, наступившей после сигнального кризиса в 1970-е гг. Завершается финансовая фаза терминальным кризисом, который знаменует утверждение нового режима накопления капитала, а также смену державы-гегемона. Это завершение будет иметь исключительные особенности по сравнению с окончаниями предыдущих системных циклов. Реструктуризация мировой экономики не будет, как раньше, процессом смены одного западного «рулевого мирового капитализма» на другого. Возможный переход лидирующих позиций к Китаю «имеет поистине цивилизационное значение» [3, с. 39]. Именно в лидерстве Китая видит Дж. Арриги будущее нового СЦНК, эскизно обрисованного им в последнем фундаментальном труде «Адам Смит в Пекине: что получил в наследство XXI век» [4].

В научном мире позиция Арриги о некапиталистической рыночной экономике современного Китая вызвала критическую полемику как в России, так и на Западе. Американский экономист У. Робинсон (Калифорнийский университет) выражает сомнение в том, что у А. Смита можно почерпнуть утверждения о фундаментальном различии между процессами формирования рынка и процессами капиталистического развития. По его

мнению, Дж. Арриги просто читает Адама Смита таким образом, чтобы утверждать, что «существует фундаментальное всемирно-историческое различие между процессами формирования рынка и процессами капиталистического развития» [5].

Американский исследователь Sung Hee Ru (государственный университет Нью-Йорка в Бингхэмтоне) отрицает некапиталистическое рыночное развитие Китая, на котором настаивает Арриги. По его мнению, это развитие было подорвано воздействием евроцентричной мир-системы, вовлекавшей в себя Китай. Sung Hee Ru считает, что современная китайская экономика выступает как «своего рода гибрид между китайским эндогенным путем развития и капиталистической логикой европейской мировой экономики». Именно этот гибрид проложил новый путь для китайского капитализма [6, р. 262, 272–273].

Концепция Арриги о некапиталистической рыночной экономике с энтузиазмом воспринята частью российских ученых. С.Ю. Глазьев отмечает: «Китайские руководители... терпеливо строят свой *рыночный социализм*, постоянно совершенствуя систему государственного управления на основе отбора только тех институтов, которые работают на развитие экономики и повышение общественного благосостояния» [7, с. 18].

Среди других российских исследователей имеются сомнения в некапиталистическом характере рыночной экономики Китая. В.Ю. Катасонов называет экономический строй Китая капитализмом с китайской спецификой. Это разновидность государственного капитализма с очень жестким партийно-государственным управлением [8].

Самое важное: произойдет ли в обозримой перспективе изменение социально-экономической сущности международных экономических отношений, связанной с утверждением азиатского гегемона? И какова должна быть политико-экономическая стратегия России в соответствии с перспективами нового мира?

Особенности восточноазиатского пути экономического развития и их отличия от особенностей европейского пути развития, выделенные Дж. Арриги, на наш взгляд, могут быть представлены следующими положениями:

1. Интравертность восточноазиатского пути развития по сравнению с экстравертностью европейского пути, который характеризуется стремлением к бесконечной территориальной экспансии. Восточноазиатский путь также является трудоемким и энергосберегающим в отличие от капиталоемкого и трудосберегающего западного пути. Движение по такому пути было обусловлено наличием на Востоке специфического комплекса ресурсов (обилие земли и рабочей силы с особой восточноазиатской трудовой этикой, производящей большое количество прибавочного продукта на единицу труда), а также иной комбинацией политических и экономических факторов.

2. Другое, чем в случае западного пути, первоначальное направление капиталовложений и, соответственно, вид деятельности, приносящий богатство. А. Смит часто упоминал Китай как пример естественного пути к

изобилию. В этом случае большая часть капиталовложений направляется сначала в сельское хозяйство, затем в промышленность и в последнюю очередь во внешнюю торговлю. «Если бы человеческие учреждения никогда не нарушали естественного хода вещей, развитие богатства и рост городов во всех государствах следовали бы за улучшением и обработкой данной территории или страны в меру того и другого» [9, р. 403–405]. Этот естественный путь был направлен на развитие в первую очередь внутреннего рынка.

3. Сдерживание государственной властью капиталистического развития в Китае. Если в западноевропейских странах Испании, Португалии, Голландии, Англии королевская власть спонсировала и поддерживала заморские экспедиции, завоевания и морскую торговлю вплоть до пиратства, то в Китае в эпоху правления династии Мин (1368–1644 гг.) сложилась система преимущественной поддержки внутренней торговли и строгих ограничений на негосударственную морскую торговлю. Исключение составляли крупномасштабные экспедиции под руководством влиятельного мореплавателя и придворного Чжэн Хэ, которые прекратились с его смертью. Попытки образования в Китае коммерческих структур, подобных западным, пресекались императорской властью. Так, в XVII в. семья Чжэн, впоследствии образовавшая мятежную провинцию на юго-востоке Китая, создала коммерческую империю, которая была в чем-то похожа на Голландскую объединенную Ост-Индскую компанию. Однако мятежники были вынуждены отступить на Тайвань и, выгнав оттуда голландцев, создали собственное государство. Китайская бизнес-диаспора активно действовала и на других заморских территориях. Капиталистическое развитие в Китае подавлялось государством и вытеснялось за его географические границы.

4. В развитии Китая в период новой истории отсутствовала характерная для западного пути «неразрывная связь милитаризма, индустриализма и капитализма». XV–XVIII вв. – время захватов, войн, создания западно-европейских колониальных империй, формирования центрально-периферийной экономической структуры мира. Накопление власти, обеспечиваемое ростом военной силы, являлось инструментом накопления капитала. Ведение войны как источник прибыли подталкивает развитие вооружений и военного искусства, а промышленный переворот приводит к «индустриализации войны», которая сама становится стимулом индустриализации экономики.

Китай же в XVIII в. – «страна гораздо более богатая, чем любая часть Европы». В Китай в XVI–XVIII вв. поступает три четверти серебра из Нового света [10, р. 13], и он не нуждался в территориальных захватах. Баланс торговли Китая с Европой в это время постоянно положительный. Португальские, голландские, позже британские купцы приводят в Кантон корабли с серебром для покупки и перепродажи ценных китайских товаров (фарфор, шелк, хлопок, чай и т.д.). В то же время обилие квалифицированных трудовых ресурсов для кустарно-ремесленного производства в Китае тормозило индустриализацию. Простое ручное товарное производство не превращалось в капиталистическое.

«Неестественность» западного пути экономического развития, по мнению А. Смита (и Дж. Арриги) состоит в том, что его «успешность» была связана не с прогрессом национального производительного развития, а с милитаризмом европейской буржуазии, ее силовыми действиями против неевропейских государств и основанной на них международной торговле. Богатство и сила европейской буржуазии зародились не в сельском хозяйстве, а в торговле товарами из дальних стран, и даже промышленность стала основой её процветания только спустя несколько столетий. Однако так называемый «естественный» путь развития не выдержал конкуренции с западным путем. Военная сила оказалась решающим фактором подчинения Восточной Азии Западу.

5. Восточноазиатский и западноевропейский пути экономического развития, по мнению Дж. Арриги, имеют существенные различия в способах накопления капитала. Для европейского пути в значительной мере характерен способ накопления капитала через изъятие. «Накопление с изъятием» – термин Д. Харви, который предложил заменить марксистский термин «первоначальное накопление» понятием «накопление через изъятие» [11, р. 142–144]. Накопление с изъятием имеет место при присвоении финансовых и материальных ценностей по очень низкой цене. Подобную ситуацию демонстрируют различные формы колониального, полуколониального, неоколониального и т.п. взаимодействия стран в мир-системе. Таким образом, западный путь развития национальной экономики связан с перераспределением, с получением хозяйствующими субъектами стран центра экзогенных источников накопления, материализующихся в мир-системной ренте. Мир-системная рента – это дополнительные ресурсы, которые центр получает в результате перераспределения прибавочной стоимости, ресурсы, которые дает периферия-донор [12, с. 231].

Следует подчеркнуть, что восточноазиатский и западный пути развития – не географическая категория. Западный путь у Дж. Арриги – это развитие рыночной экономики по капиталистическому пути, накопление с изъятием. Этот путь был имманентно присущ странам центра мир-системы. Исторически в качестве стран центра выделились так называемые страны Старого Света, находившиеся в Западной Европе, имеющие непосредственный выход к Атлантическому торговому пути и создавшие особые торгово-колониальные империи, в которых они являлись метрополиями. Известны английская, французская, голландская, бельгийская, испанская и португальская колониальные империи. Колонии образовывали периферию. На западный путь развития страны центра насильственно втягивали и периферию – подчиненные им колонии, за передел которых вели между собой непрерывную борьбу.

Западный путь развития национальной экономики неразрывно связан с милитаризмом, с агрессивной захватнической политикой. Ему был свойственен специфический агрессивно-пассионарный элемент, который способствовал гибели или глубокому упадку многих других цивилизаций. Так, цивилизации Центральной и Южной Америки были фактически стерты с

лица Земли, а развитие ряда крупнейших и древнейших цивилизаций Азии и Африки: Индостана, Персии, Аравии, Магриба, Эфиопии и др. – надолго вошло в полосу стагнации и мучительного приспособления к вызовам Запада [13, с. 142].

История свидетельствует, что практически ни одна из восточноазиатских стран не развивалась по такому же пути, как Китай. Например, Япония, открывшись мир-системе, стала развиваться по западному пути. Она проводила захватническую политику, претендуя на территории своих соседей. В частности, Республика Корея была присоединена к Японии в 1910 г. и являлась территорией, контролируемой Японской империей, до окончания Второй мировой войны. Сингапур в мир-системе вначале попал под британское влияние. В 1826 г. он был объединен с островом Пинанг и городской агломерацией Малакка в единую колонию англичан Стрейтс-Сетлментс. Но во Второй мировой войне Сингапур контролировался Японией. Индонезия, независимость которой была провозглашена только в 1945 г., большую часть новейшей истории была колонией Нидерландов, первой державы-гегемона в капиталистической мир-системе. Только в 1949 г. голландцы признали суверенитет Индонезии после вооруженного и дипломатического конфликта между ними.

Таиланд (до 1939 г. Сиам) – единственная страна Юго-Восточной Азии, сохранившая независимость от европейских государств, в основном потому, что стала буферной зоной между колониями Великобритании (Бирма, Малайя) и Франции (Лаос, Камбоджа, Вьетнам). В течение Второй Мировой войны Таиланд поддерживал Японию, а после её окончания стал союзником США.

Таким образом, Дж. Арриги неслучайно избрал для исследования особого пути развития национальной экономики в мир-системе именно Китай.

В экономическом развитии Китая в мир-системе (мы рассматриваем именно этот период) прослеживалось определенное сходство с развитием России. Это иные, чем в западной модели мир-системы, отношения между локальным центром (метрополией-сателлит, категория А.Г. Франка) и локальной периферией. «Осуществляя политическую экспансию по включению новых территорий, правительство снабжало периферию ресурсами, а не изымало их оттуда» [14, р. 148]. Это проявлялось, например, в осуществляемых при династии Цин (время правления династии 1644–1912 гг.) правительственных программах поддержки сельского хозяйства, ирригации и водного транспорта, налогообложения земли в беднейших регионах и миграционной политики, направленных на то, чтобы уменьшить отставание этих регионов и облегчить пропитание населения.

Российская империя не имела заморских колоний и каждую завоеванную территорию «делала Россией» [15, с. 346], стремясь поднять её на более высокий уровень развития. В еще большей степени такая черта проявилась в Советском Союзе. Его окраины, в первую очередь европейские, были витринами уровня жизни. Напротив, для западного пути развития, по которому шли Нидерланды, Англия, США и позднее Япония, было характерно завое-

вание территорий для получения прибыли, невзирая на то, как эти процессы отражались на положении местного населения.

И Россия, и Китай очень сильно пострадали от воздействия агрессивной политики центра мир-системы. Население Китая к концу правления империи Цин было наркогизировано, страна реально стала периферией (не имея при этом официального статуса колонии), подверглась захватническим действиям Японии, развивавшейся по западному пути. Россия была втянута в империалистическую войну, закончившуюся революцией и сменой общественного строя.

Возрождение обоих государств в первой половине XX в. было связано с тем, что Россия в лице СССР и Китай в лице КНР вышли из мир-системы. Однако мир-система, как более крупное структурное образование, размыла устой СССР, а без его существования не было будущего и у других государств с альтернативной экономикой.

Накопление без изъятия, по мнению Дж. Арриги, преобладает и в экономике современного постсоциалистического Китая, и он подчеркивает связь этого процесса с маоистскими, т.е. некапиталистическими традициями. Инструменты такого накопления без изъятия закладывались содержанием реформ Дэн Сяопина. К ним относятся отсутствие отделения производителей в деревне от земли, организация и функционирование коллективных муниципальных предприятий (КМП), развитие в промышленности технологий ручного труда, сдерживающих рост органического строения капитала и увеличение безработицы, отсутствие дорогостоящей техники и оборудования и дорогостоящих топ-менеджеров – питательной среды роста слоя крупных капиталистов, опора на развитый, образованный, приверженный восточноазиатской трудовой этике слой рабочих и специалистов, использующих рабочее самоуправление, жесткий контроль государства над финансовым рынком и внутренней информационной сферой [4, с. 397–404].

Современный Китай использовал для своего подъема определенные положения традиций развития национальной экономики: первоначальная зона развития – сельское хозяйство, опора на восточноазиатскую трудовую этику с её отрицанием узкой специализации и развитым самоконтролем работников, направленность усилий государства на развитие национального трудового потенциала, преимущественное сдерживание капиталистической мотивации в рыночной экономике, избегание резких переверотов в идеологии (Мао Цзэдун – 70% хорошего, 30% плохого). Как известно, Мао Цзэдун осуществил масштабные репрессии против тех, кого можно было заподозрить в оппозиционных настроениях к его идеологии, политике и к его культуре, что было одобрено решениями IX съезда Коммунистической партии Китая (КПК). Психологическому и физическому насилию в компании «перевоспитания» со стороны движения хунвейбинов (школьники и студенты) и цзаофаней (молодые рабочие) подверглись профессора, учителя, деятели культуры, партийные и государственные работники и т.д. По некоторым китайским данным, число пострадавших в ходе «культурной революции» составило около 100 млн человек, погибших около 20–40 млн

человек. Однако китайские коммунисты, перейдя к реформам, не стали вычеркивать Мао Цзэдуна из творцов современного Китая. В 1981 г. пленум ЦК КПК признал ошибочными решения IX съезда, но не в связи с культом Мао, а объяснив их искажением его идей [16].

Важную роль сыграла охрана населения от культурной экспансии Запада, не говоря уже об обеспечении политического, организационного и правового контроля за хозяйственной деятельностью, особенно за финансовой сферой международных экономических отношений. Таким образом, КПК удалось сохранить контроль и избежать российского и восточноевропейского коллапса, полноценного перехода к капитализму и либеральной демократии [17, S. 87].

Россия же, продемонстрировав миру в XX в. не имеющий равных опыт построения некапиталистического государства, произвела такой же беспрецедентный опыт его ликвидации и устремилась к желанному западному пути экономического развития «прыжком в рынок». «Надо лишь крепко зажмуриться и прыгнуть в неизвестность», – предлагал Е. Гайдар [18].

В результате реформ «по-Гайдару» в Российской Федерации создан рынок «предельного дефицита денег», что раскручивало инфляцию издержек и повышение банковских учетных ставок. Главным драйвером экономического роста стала либерализованная внешняя торговля. Это противоречит рекомендациям А. Смита, согласно которым наилучший «естественный» путь развития национальной рыночной экономики – начать с расширения и совершенствования реального сектора экономики и внутренней торговли.

В начале XXI в. страна получила значительные доходы от экспорта энергоресурсов за счет благоприятной конъюнктуры рынка. Но по большей части они не были направлены на модернизацию реального сектора экономики. Министерство финансов РФ и Центральный банк России выводили все дополнительные доходы за рубеж, осуществляя стерилизацию избыточной денежной массы, чтобы избавить страну от повышенной инфляции. В сверхкороткие сроки (2006 г.) были полностью отменены ограничения на движение капитала. Либерализация валютного рынка произошла на полгода раньше, чем было предусмотрено законом «О валютном регулировании и валютном контроле» 2003 г.

Известно, что либерализация счета капитала приводит к нестабильности и неустойчивости, а также оказывает негативное влияние на экономический рост, поскольку требует увеличения резервов, чтобы защититься от колебаний международных финансовых рынков. Либерализация валютно-финансовой сферы лишила её защитных барьеров в условиях резкого усиления внешних шоков, начавшихся в 2008 г. В 2008 г., по оценке агентства «Bloomberg», рубль подешевел на 17,7%, по итогам 2014 г. рубль стал худшей валютой года, потеряв 58% своей стоимости по отношению к доллару [19].

В Китае же не проводились ни шоковая терапия в виде либерализации цен, ни всеобщая приватизация в виде продаж предприятий-монополистов

частным лицам, не возводился в абсолют профицит бюджета [20, с. 111–112]. Дополнительные доходы и высокие показатели прироста ВВП превращались в дополнительные инвестиции, которые направлялись на развитие различных инфраструктурных проектов.

В отличие от Банка РФ, считающего своей главной задачей борьбу с инфляцией и сохранение стабильности цен, Народный банк Китая определил свою основную задачу как обеспечение стабильности национальной валюты – юаня. До настоящего времени монетарные власти КНР придерживаются политики регулирования валютного курса и воздействия на экономическую систему страны при помощи всех каналов: кредитного, процентного, валютного. В докладе правительства на пятой сессии Всекитайского собрания народных представителей (высший законодательный орган) 13-го созыва отмечено о поддержке в 2022 г. курса валюты на рациональном уровне [21].

Интересно сравнение главных макроэкономических показателей Китая и России за период 2000–2020 гг., представленных в таблице. Прирост экономик Китая и России в период реформ существенно превысил размеры прироста мирового ВВП. Вопреки ожиданиям всего мира, через 30 лет после «прыжка в рынок», подобного прыжку в бассейн без воды, Россия не разбилась. Она выступает как крупный «центр силы», играющий важную роль в разрешении международных конфликтов. Однако её экономические достижения и успехи в случае продуманной и эффективной экономической политики в трансформационный период и по его окончании могли бы быть неизмеримо выше.

Динамика Китая и России в мировой экономике за 1990–2020 гг.

	КНР	РФ	Мир в целом
ВВП номинальный, млрд долл.			
2000 г.	1 205,5[22]	278,0[23]	33 843 [24]
2020 г.	14 720 [25]	1 470 [23]	84 540 [24]
2020 к 2000, раз	12,2	5,28	2,49
Население, млн чел.			
2000 г.	1267,4 [26]	146,8 [27]	6080,7 [28]
2020 г.	1404,4 [29]	146,7 [30]	7794,7 [31]
2020:2000, раз	1,1	1,0	1,28
ВВП на душу населения, долл.			
2000 г.	951	1893,8	5565
2020 г.	10481	10020,4	10845,8
2020/2000	11,02	5,29	1,94
<i>Отношение к среднемировому уровню ВВП на душу населения, раз</i>			
2000 г.	0,17	0,34	
2020 г.	0,96	0,92	
ВВП на душу населения в России к ВВП на душу населения в Китае, 2000 г., раз	1,99	–	
ВВП на душу населения в России к ВВП на душу населения в Китае, 2020 г., раз	0,95	–	

Составлено авторами по [22, 23, 24, 26, 27, 31].

Китай за счет высоких темпов роста ВВП сумел поднять показатель уровня экономического развития (ВВП на душу населения) в 11 раз. Хотя это всё ещё ниже среднемирового уровня, однако планка почти достигнута. А вот российский показатель ВВП на душу населения им уже превзойден. Миф о китайцах, готовых работать «за миску риса», уходит в прошлое. Как по методам проведения реформ, так и по эффективности выработанной в их результате экономической модели Китай оказался существенно успешней России, осуществлявшей программы стремительной и безоговорочной либерализации в соответствии с Вашингтонским консенсусом.

Важную роль в подъеме современного Китая сыграли внешние факторы, в том числе воздействие и заинтересованность в этом подъеме со стороны гегемона мир-системы. Этому фактору развития КНР, на наш взгляд, в концепции Арриги уделяется недостаточное внимание. Визит Дэн Сяопина, заместителя председателя КПК, в США в январе 1979 г. происходил в условиях, когда Штаты были крайне заинтересованы в ликвидации СССР, своего главного конкурента в мировой экономике. К этому времени отношения Пекина и Москвы уже значительно ухудшились. Китай был весьма обеспокоен политическим сближением СССР и Вьетнама, с которым у него традиционно были сложные отношения.

Установление официальных дипломатических отношений Китая с капиталистическим государством, которое много лет считалось им врагом, открыло для китайской индустриализации «окно возможностей». Оно оказало на мировую экономику такое влияние, что вскоре мир-система полностью изменилась. Американско-китайский товарооборот быстро рос. Американские корпорации начали инвестировать в экономику Китая, несмотря на высокие политические риски. Потом к ним присоединились компании Европы и Японии. Особенно сильно возросли эти инвестиции после ликвидации СССР.

С 1993 г. Китай становится крупнейшим получателем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) среди развивающихся стран. Он также стал крупнейшим заемщиком от Всемирного банка, крупнейшим получателем официальной помощи в целях развития в виде низкопроцентных долгосрочных льготных кредитов от промышленно развитых стран и, за исключением Чешской Республики, единственной переходной экономикой с готовым доступом к международным рынкам капитала и акций [32].

В период с 1992 по 2001 г. накопленная сумма иностранных инвестиций увеличилась более чем в 7 раз и ПИИ в них составили 77%. На эти деньги создавались китайские предприятия с участием иностранного капитала, которые выступали в качестве важного источника новых технологий и передового опыта. Около четверти прибыли, получаемой на этих предприятиях, реинвестировалось, увеличивая экономический рост Красного дракона [33]. Около 80% инвестиций поступило из США и стран Западной Европы. По некоторым оценкам, эти инвестиции способствовали 20–30% экономического роста в Китае в конце 1980-х и в 1990-е гг. [34].

К сожалению, в мышлении управляющего класса России все еще силен идеализм «романтиков рынка», которые отождествляют капитализм и ры-

нок, игнорируя мир-системные представления об их соотношении, входящие к наблюдениям Ф. Броделя. Примером может служить упорная оппозиция усилению государственного регулирования, особенно предложениям введения ограничений на трансграничное движение капитала, имевшая место вплоть до февраля 2022 г.

Однако согласно мир-системному подходу рыночные отношения имеют три слоя: нижний, промежуточный и верхний, возникающие в разное историческое время и с разной интенсивностью пронизывающие сферу общественного производства различных народов. Только «особый верхний, непрозрачный слой», где происходит сращивание капитала и государства и формируются действительно крупные прибыли, является капиталистическим [1, с. 60–65]. Эта зона «*противорынка*» представляла царство изворотливости и права сильного, именно там и располагается зона капитализма по преимуществу – как вчера, так и сегодня, как до промышленной революции, так и после нее (курсив наш. – *Авт.*) [35, с. 220].

В управлении экономикой Китая выдерживается курс на ограничение развития верхнего (по схеме Ф. Броделя) слоя рыночных, а по существу, антирыночных отношений, в которых осуществляется сращивание крупного капитала и государственной власти. Именно таким образом удастся сохранить в деятельности государства акцент на реализацию национальных интересов в полном смысле этого слова. Дж. Арриги считает, что «капиталистический характер развития, основанного на рынке, определяется не наличием капиталистических институтов и их соотношением, но отношением государственной власти к капиталу. Как бы много ни было капиталистов при определенной рыночной экономике, если государство не подчинено их классовым интересам, эта экономика остается некапиталистической» [4, с. 367]. Удастся ли китайскому руководству и далее выдерживать подобный курс в шторме надвигающейся реконструкции мир-системы, покажет время. Однако для России как можно более быстрое перенесение вышеотмеченных моментов в политику государства представляется жизненно необходимым для самого его сохранения, поскольку взаимоотношения России с действующим центром капиталистической мир-системы сейчас находятся в низшей точке за весь период ее постсоветского существования.

Новая парадигма стратегического управления должна включить в себя вектор декоммерциализации, связанный с отказом от дальнейшего расширения и углубления рыночных принципов хозяйствования в пользу более полного учета принципов справедливости, нравственного долга перед обществом и каждым его членом. Первостепенной задачей стратегического управления для России выступает воссоздание внутреннего рынка на основе собственного реального производства на территории всей страны, внутренней интеграции ее многочисленных разнообразных регионов. Решение задачи предполагает включение механизма расширения совокупного спроса, в первую очередь потребительского и инвестиционного спроса собственных граждан. Это требует перестройки всей работы государственного аппарата на принципах ускоренного развития национальной экономики.

При недостаточно радикальной перестройке экономической политики есть риск того, что Россия без выгоды и перспективы для своего народа отдаст свои ресурсы для роста конкурирующих мировых держав.

Капитализм в классическом понимании сложился на основе западного пути развития национальной экономики, где накопление связано с изъятием и имеет эндогенные и экзогенные источники накопления [36, с. 42–43]. Выше уже говорилось об отсутствии у России в процессе её исторического развития заморских колоний как сферы извлечения экзогенных источников накопления капитала. Очевидно, что не появятся они и в будущем. Следовательно, брать западный образец рыночной экономики в качестве ориентира и рекомендации западных консультантов как обязательную программу действий, по меньшей мере, непрактично: в российских условиях они не могут привести к экономическим результатам, аналогичным западным.

Запад переживает глубокий цивилизационный кризис. Так стоит ли и дальше стремиться в западную «цивилизованную семью народов» или нужно развиваться по законам собственной цивилизации? Дж. Арриги, рассматривая альтернативы экономического развития, со всей очевидностью показал, что сегодня «как никогда возросла возможность реализации пророчества Смита о всемирном рыночном обществе на основе будущего равенства мировых цивилизаций». Вместе с тем Дж. Арриги предостерегает нас от чрезмерного оптимизма: до появления такого цивилизационного содружества, хотя оно и возможно, пока еще далеко. До сих пор «не исчезла возможность дальнейшей эскалации насилия и бесконечного мирового хаоса. Какой мировой порядок (или беспорядок) в конце концов установится, зависит главным образом от способности... открыть для себя и мира социально более справедливый и экологически более приемлемый путь развития, чем тот, которым шел к своему богатству Запад» [4, с. 18–20]. Очевидно, что автор предполагает наличие нравственной основы становления нового строя экономики.

Для индустриального строя и быстрого распространения рыночно-капиталистических отношений такой основой стала новая западная система ценностей. Но в XX в. проявились признаки разложения: установление тоталитарных режимов в некоторых государствах, две мировые войны, волны экономических кризисов, упадок морали, непримиримая агрессивная ненависть Запада к несовпадающим с его установками мнениями и образом жизни других народов. Всё это признаки того, что преобладавшая в течение полутысячелетия на Западе нравственная система, по мнению Ю.В. Яковца, должна быть заменена на новую, адекватную условиям постиндустриального общества (общества и экономики, основанных на знании), что на пороге очередная (пятая) нравственная революция. «Её содержанием станет возрождение и развитие гуманистическо-ноосферной этики, возвышение чувства солидарности и ответственности, укрепление нравственных устоев семьи и взаимодействие поколений. Критерий справедливости займёт достойное место как в национальной, так и в глобальной экономике» [37, с. 332]. Российские ученые-экономисты традиционно

рассматривают нравственность как существенный компонент любой цивилизации, тесно связанный с ее экономикой.

Восточноазиатский, некапиталистический, естественный путь развития имманентно нацелен на формирование человека коллективистского, открытого для самореализации и саморазвития в процессе труда и за его пределами. Западный, капиталистический, неестественный путь развития, имея своей целью максимизацию прибыли, напротив, ведет к маргинализации, одиночеству и аномии личности. Успеху Китая содействует обладание не только грамотными и трудолюбивыми рабочими, но и быстро растущей массой инженеров, ученых и техников. «Этот постоянно растущий слой работников, обладающих необходимыми знаниями, был источником не только замены дорогих машин и менеджеров недорогой образованной рабочей силой, но и – как считал необходимым Смит – повышения уровня общественного разделения труда в направлении наукоемкого производства и инноваций» [4, с. 404].

Итак, аргументы Дж. Арриги убедительно доказывают настоятельную необходимость некапиталистического экономического развития. При этом, по мнению американского ученого, такое развитие может быть рыночным, и наличие рыночной экономики не обязательно ведет к капитализму. Тем не менее, на наш взгляд, вопрос о том, возможно ли на основе рынка подлинно гуманистическое развитие экономики, остается открытым и выступает предметом другой, значительно более широкой дискуссии.

Список источников

1. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / пер. с англ. А. Смирнова, Н. Эдельмана. М. : Территория будущего, 2006. 472 с.
2. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университетская книга, 2001. 461 с.
3. *Балацкий Е.* Концепция циклов накопления капитала Дж. Арриги и ее приложения // *Terra Economicus*. 2018. Т. 16, № 1. С. 37–55.
4. *Арриги Дж.* Адам Смит в Пекине: что получил в наследство XXI век / пер. с англ. М., 2009. 456 с.
5. *William I. Robinson.* Giovanni Arrighi: Systemic Cycles of Accumulation, Hegemonic Transitions, and the Rise of China // *New Political Economy*. April 2011. № 16 (2). P. 267–280.
6. *Sung Hee Ru.* Sorry, But G. Arrighi Is Not Almighty: Why Did He Fail to Explain China's Process of Incorporation into the Capitalist World-Economy? State University of New York at Binghamton // *Journal of Asian sociology*. June 2020. Vol. 49, № 2. P. 253–280. doi: 10.21588/jas/2020.49.2.005
7. *Глазьев С.* Мирозыятственные уклады в глобальном экономическом развитии // *Экономика и математические методы*. 2016. Т. 52, № 2. С. 3–29.
8. *Катасонов В.* Дефляция, эта болезнь стагнирующего капитализма добралась до Китая. URL: <https://aurora.network/articles/6-jekonomika/86611-defljatsija-jeta-bolezni-stagnirujushhego-kapitalizma-dobralas-do-kitaja>.
9. *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations : in 2 v. London : Methuen, 1961.
10. *Frank A.G.* ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley : University of California Press, 1998.
11. *Harvey D.* The New Imperialism. New York : Oxford University Press, 2003.

12. *Осокина Н., Казанцева Е.* Современная мир-система и Россия / под общ. ред. Н. Осокиной. Кемерово, 2018. 503 с.
13. *Мегатренды* мирового развития / под ред. М. Ильина, В. Иноземцева. М. : Экономика, 2001. 296 с.
14. *Wong R. Bin.* China Transformed. Historical Change and the Limits of European Experience. Ithaca : Cornell University Press, 1997.
15. *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя: Россия и миросистема. М. : Ультра. Культура, 2004. 528 с.
16. *Политические репрессии XX века.* URL: <https://zolotoe-pero.net/comm.php?id=32879>.
17. *Ivan Szelenyi, Peter Mihalyi.* China, Eastern Europe and Russia // Acta Oeconomica. 2020. № 70. S. 85–93.
18. *Гайдар Е.* Прыжок к рынку // Правда. 16.04.1990. № 106.
19. *Bloomberg* заявил о коллапсе потребительской экономики в России // Корреспондент. 16 июля 2015. URL: <https://korrespondent.net/world/russia/3540227-Bloomberg-zaiavyl-o-kollapse-potrebytelskoi-ekonomyky-v-rossyy>
20. *Островский А.* Китай становится экономической сверхдержавой. М. : Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА», 2020. 496 с.
21. *Китай* будет поддерживать курс юаня на рациональном уровне. URL: https://tass.ru/ekonomika/13972901?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 23.05.2022).
22. *Номинальный ВВП Китая.* URL: <https://svspb.net/danmark/vvp-nominal.php?l=kitaj>
23. *ВВП России* в долларах США по годам, 1992–2021 (в текущих ценах, данные МВФ). URL: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam>
24. *Глобальный ВВП мира: 1980–2021.* URL: <http://global-finances.ru/vvp-mira-po-godam>
25. *ВВП Китая* по годам. URL: <http://global-finances.ru/vvp-kitaya-po-godam>
26. *Численность населения Китая.* URL: <http://svspb.net/danmark/naselenie.php?l=kitaj>
27. *Численность населения России* по годам: 1992–2021. URL: <http://global-finances.ru/chislennost-naseleniya-rossii-po-godam>
28. *Экономика мира* в целом. URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=world&table=pprecia&time=1>
29. *Численность населения Китая.* URL: <http://svspb.net/danmark/naselenie.php?l=kitaj>
30. *Численность населения России* по годам: 1992–2021. URL: <http://global-finances.ru/chislennost-naseleniya-rossii-po-godam>
31. *Численность населения* по странам мира. URL: <http://vseznaesh.ru/chislennost-naseleniya-po-stranam-mira-2020-god>
32. *Ларди, Николас Р.* Роль внешней торговли и инвестиций в экономических преобразованиях Китая // The China Quarterly. Декабрь 1995. Т. 144. С. 1065–1082. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5483a2fb-6296c55c-1573f9de-74722d776562/https/www.cambridge.org/core/journals/china-quarterly/article/abs/role-of-foreign-trade-and-investment-in-chinas-economic-transformation/6057B3B938889879CFA839901BC51F3B
33. *История успеха, или привлечение прямых иностранных инвестиций в Китай.* URL: www.invest-rating.ru
34. *Почему США и Европа в 80-х так много денег вкладывали в экономику Китая?* URL: https://yandex.ru/q/question/pochemu_ssha_i_evropa_v_80_ykh_tak_mnogo_22670426/
35. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 2: Игры обмена. М. : Прогресс, 1988.

36. *Проблемы и перспективы устойчивого экономического развития в XXI веке: глобальные, макроэкономические и региональные аспекты* / Н.В. Осокина [и др.] ; под общ. ред. Н.В. Осокиной, С.В. Березнева. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2011. 298 с.

37. Яковец Ю. Глобальные экономические трансформации XXI века. М. : Экономика, 2011. 382 с.

References

1. Arrighi, G. (2006) *Dolgiy dvadtsatyy vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni* [The Long twentieth century: Money, power and the origins of our time]. Translated from English by A. Smirnov, N. Edel'man. Moscow: Territoriya budushchego.

2. Wallerstein, I. (2001) *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World]. Translated from English. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga.

3. Balatskiy, E. (2018) The Arrighi's concept of capital accumulation cycles and its applications. *Terra Economicus*. 1 (16). pp. 37–55. (In Russian). DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-1-37-55

4. Arrighi, G. (2009) *Adam Smit v Pekine: chto poluchil v nasledstvo XXI vek* [Adam Smith in Beijing: What the 21st century inherited]. Translated from English. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniya.

5. William, I. (2011) Robinson. Giovanni Arrighi: Systemic Cycles of Accumulation, Hegemonic Transitions, and the Rise of China. *New Political Economy*. 16 (2). pp. 267–280.

6. Sung, H.R. (2020) Sorry, But G. Arrighi Is Not Almighty: Why Did He Fail to Explain China's Process of Incorporation into the Capitalist World-Economy? State University of New York at Binghamton. *Journal of Asian sociology*. June 2020. 2 (49). pp. 253–280. DOI: 10.21588/jas/2020.49.2.005

7. Glaz'ev, S. (2016) National economy structures in the global economic development. *Ekonomika i matematicheskie metody – Economics and Mathematical Methods*. 2 (52). pp. 3–29. (In Russian).

8. Katasonov, V. (2020) Deflyatsiya, eta bolezn' stagniruyushchego kapitalizma, dobralas' do Kitaya [Deflation, this disease of stagnating capitalism, has reached China]. *Aurora*. [Online] Available from: <https://aurora.network/articles/6-jekonomika/86611-defljatsiya-jeta-bolezn-stagnirujushhego-kapitalizma-dobralas-do-kitaja>.

9. Smith, A. (1961) *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. London: Methuen.

10. Frank, A.G. (1998) *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press.

11. Harvey, D. (2003) *The New Imperialism*. New York: Oxford University Press.

12. Osokina, N. & Kazantseva, E. (2018) *Sovremennaya mir-sistema i Rossiya* [The Modern World System and Russia]. Kemerovo: Kuzbass State Technical University.

13. Il'in, M. & Inozemtsev, V. (eds) (2001) *Megatrendy mirovogo razvitiya* [Megatrends of World Development]. Moscow: Ekonomika.

14. Wong, R.B. (1997) *China Transformed. Historical Change and the Limits of European Experience*. Ithaca: Cornell University Press.

15. Kagarlitskiy, B. (2004) *Periferiyaya imperiya: Rossiya i mirosistema* [Peripheral Empire: Russia and the World System]. Moscow: Ul'tra. Kul'tura.

16. Zolotoe Pero [Golden Feather]. (2015) *Politicheskie repressii XX veka* [Political repression of the 20th century]. [Online] Available from: <https://zolotoe-pero.net/comm.php?id=32879>.

17. Szelenyi, I. & Mihalyi, P. (2020) China, Eastern Europe and Russia. *Acta Oeconomica*. 70. pp. 85–93.

18. Gaydar, E. (1990) Pryzhok k rynku [Jump to the market]. *Pravda*. 106. 16 March.

19. Korrespondent. (2015) Bloomberg zayavil o kollapse potrebitel'skoy ekonomiki v Rossii [Bloomberg announced the collapse of the consumer economy in Russia]. *Korrespondent*. 16 July. [Online] Available from: <https://korrespondent.net/world/russia/3540227-Bloomberg-zaiavyl-o-kollapse-potrebytel'skoi-ekonomiky-v-rossiy>.
20. Ostrovskiy, A. (2020) *Kitay stanovitsya ekonomicheskoy sverkhderzhavoy* [China is Becoming an Economic Superpower]. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of RAS; OOO "Izdatel'stvo MBA".
21. TASS. (2022) Kitay budet podderzhat' kurs yuanya na ratsional'nom urovne [China will maintain the yuan exchange rate at a rational level]. *TASS*. 5 March. [Online] Available from: https://tass.ru/ekonomika/13972901?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru. (Accessed: 23.05.2022).
22. SVSPB.NET. (n.d.) *Nominal'nyy VVP Kitaya* [Nominal GDP of China]. [Online] Available from: <https://svspb.net/danmark/vvp-nominal.php?l=kitaj>.
23. Mirovye Finansy [Global Finance]. (n.d.) *VVP Rossii v dollarakh SShA po godam, 1992–2021 (v tekushchikh tsenakh, dannye MVF)* [Russia's GDP in US dollars by year, 1992–2021 (in current prices, IMF data)]. [Online] Available from: <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam>.
24. Mirovye Finansy [Global Finance]. (2019) *Global'nyy VVP mira: 1980–2021* [Global GDP of the world: 1980–2021]. [Online] Available from: <http://global-finances.ru/vvp-mira-po-godam>.
25. Mirovye Finansy [Global Finance]. (2018) *VVP Kitaya po godam* [China's GDP by year]. [Online] Available from: <http://global-finances.ru/vvp-kitaya-po-godam>.
26. SVSPB.NET. (n.d.) *Chislennost' naseleniya Kitaya* [The population of China]. [Online] Available from: <http://svspb.net/danmark/naselenie.php?l=kitaj>.
27. Mirovye Finansy [Global Finance]. (n.d.) *Chislennost' naseleniya Rossii po godam: 1992–2021* [Population of Russia by year: 1992–2021]. [Online] Available from: <http://global-finances.ru/chislennost-naseleniya-rossii-po-godam>.
28. Ereport.ru. (n.d.) *Ekonomika mira v tselom* [The economy of the world as a whole]. [Online] Available from: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=world&table=ppesia&time=1>.
29. SVSPB.NET. (n.d.) *Chislennost' naseleniya Kitaya* [The population of China]. [Online] Available from: <http://svspb.net/danmark/naselenie.php?l=kitaj>.
30. Mirovye Finansy [Global Finance]. (n.d.) *Chislennost' naseleniya Rossii po godam: 1992–2021* [Population of Russia by year: 1992–2021]. [Online] Available from: <http://global-finances.ru/chislennost-naseleniya-rossii-po-godam>.
31. VseZnaesh.ru. (2020) *Chislennost' naseleniya po stranam mira* [Population by country of the world]. [Online] Available from: <http://vseznaesh.ru/chislennost-naseleniya-po-stranam-mira-2020-god>.
32. Lardi, N.R. (1995) The Role of Foreign Trade and Investment in China's Economic Transformation. *The China Quarterly*. December. 144. pp. 1065–1082. [Online] Available from: <https://www.cambridge.org/core/journals/china-quarterly/article/abs/role-of-foreign-trade-and-investment-in-chinas-economic-transformation/6057B3B938889879CFA839901BC51F3B>. DOI: 10.1017/S0305741000004732
33. Invest Rating. (n.d.) *Istoriya uspekha, ili privilechie pryamykh inostrannykh investitsiy v Kitay* [A success story, or attracting foreign direct investment to China]. [Online] Available from: www.invest-rating.ru.
34. Yandeks K'yu [Yandex Q]. (2018) *Pochemu SShA i Evropa v 80-kh tak mnogo deneg vkladyvali v ekonomiku Kitaya?* [Why did the USA and Europe invest so much money in China's economy in the 80s?]. [Online] Available from: https://yandex.ru/q/question/pochemu_ssh_a_i_evropa_v_80_ykh_tak_mnogo_22670426/.
35. Braudel, F. (1988) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material Civilization, Economy and Capitalism, 15th – 18th Centuries]. Translated from French. Vol. 2. Moscow: Progress.

36. Osokina, N.V. & Bereznev, S.V. (eds) (2011) *Problemy i perspektivy ustoychivogo ekonomicheskogo razvitiya v XXI veke: global'nye, makroekonomicheskie i regional'nye aspekty* [Problems and prospects of sustainable economic development in the 21st century: global, macroeconomic and regional aspects]. Novosibirsk: SB RAS.

37. Yakovets, Yu. (2011) *Global'nye ekonomicheskie transformatsii XXI veka* [Global Economic Transformations of the 21st Century]. Moscow: Ekonomika.

Сведения об авторах:

Осокина Н.В. – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва (Кемерово, Россия). E-mail: onv.eti@kuzstu.ru

Жернов Е.Е. – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва (Кемерово, Россия). E-mail: zhee.eti@kuzstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.V. Osokina, Dr. Sci. (Economics), professor, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: onv.eti@kuzstu.ru

E.E. Zhernov, Cand. Sci. (Economics), head of the Department of Economics, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zhee.eti@kuzstu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.06.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 06.06.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Экономика труда

Научная статья

УДК 331

doi: 10.17223/19988648/59/12

Методический инструментарий количественного анализа сдвигов в профессионально- квалификационной структуре персонала предприятий

Лариса Григорьевна Миляева¹

¹ *Бийский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова», Бийск, Россия, lgm17@mail.ru*

Аннотация. В статье акцентируется потребность в проведении количественного анализа сдвигов в профессионально-квалификационной структуре персонала. По результатам критического анализа известных профильных методик, применяемых на региональном уровне, обосновывается допустимость использования на локальном уровне (на уровне хозяйствующих субъектов) методики сдвиг-компонент при соблюдении определенных условий (концептуальных моментов). Представляется авторская методика структурно-факторного анализа, сопряженная с разграничением совокупного структурного сдвига на составляющие (прямой и косвенный сдвиги) и обоснованием корректирующего эффекта (смягчающего или усиливающего прямой структурный сдвиг). Для прогнозирования ситуаций, обусловленных изменением численности наемных работников, предлагается Паспорт результатов структурно-факторного анализа персонала предприятий; на условных примерах иллюстрируется реализация предложенного методического инструментария. В заключение обосновывается его потенциал, позволяющий существенно расширить и углубить спектр профильных исследований.

Ключевые слова: количественный анализ, методика сдвиг-компонент, совокупный, прямой и косвенный структурные сдвиги, смягчающий и усиливающий корректирующие эффекты, структурно-функциональный анализ кадров, методический инструментарий

Для цитирования: Миляева Л.Г. Методический инструментарий количественного анализа сдвигов в профессионально-квалификационной структуре персонала предприятий // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 198–211. doi: 10.17223/19988648/59/12

Labour economics

Original article

Methodological tools for quantitative analysis of shifts in the occupational skill structure of enterprise personnel

Larisa G. Milyaeva¹

¹ *Biysk Institute of Technology (Branch) of Polzunov Altai State Technical University,
Biysk, Russian Federation, lgm17@mail.ru*

Abstract. One of the manifestations of the so-called personnel transformations of the last three to five years is a significant change in the personnel structure. A study of the relevant reporting and statistical information of various economic entities made it possible to conclude that the “analysis” is usually limited to stating the most noticeable structural changes identified by comparing the share values of the occupational skill groups of the analyzed and basic periods. A critical analysis of literature on the topic confirmed the dominance in research practice of the shift-share technique used to assess quantitative changes in the regional structure of the employed population and, accordingly, the effectiveness of regional policies. Based on the results of the analysis of the concept of the shift-share method, the appropriateness of its use (under certain conditions) at the local level (at the level of business entities) is justified with the identification of hierarchical structural components: industry; industrial complex; core enterprise. The applied aspects of using the shift-share technique are outlined, including for assessing the effectiveness of the personnel policy of an enterprise. The focus of the work is the presentation of the author’s methodology of structural and factor analysis of changes in the occupational skill structure of personnel. The key points that form the conception of the methodology are emphasized: differentiation of occupational skill groups into three types (conditionally increasing, conditionally permanent, conditionally decreasing); differentiation of the aggregate structural shift into shares (direct and indirect shifts); substantiation of two types of corrective effect (mitigating or enhancing); substantiation of three gradations of structural shift (significant, medium, and small). To predict situations caused by the change in the number of employees, a Passport of the Results of Enterprise Personnel’s Structural and Factor Analysis has been developed. Examples illustrate the steps of implementing the developed methodical toolkit. In conclusion, the toolkit’s potential, which makes it possible to significantly expand and deepen the range of specialized studies, is substantiated.

Keywords: quantitative analysis; shift-share technique; cumulative, direct, and indirect structural shifts; mitigating and enhancing corrective effects; structural and functional analysis of personnel; methodological toolkit

For citation: Milyaeva, L.G. (2022) Methodological tools for quantitative analysis of shifts in the occupational skill structure of enterprise personnel. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 198–211. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/12

Одним из проявлений так называемых кадровых трансформаций последних 3–5 лет выступает существенное изменение в структуре персонала. Очевидно, что пропорциональное сокращение (или, напротив, увеличение) численности работников всех профессионально-квалификационных групп (ПКГ) не приводит к изменению кадровой структуры предприятия. В то же время значительные и разнонаправленные изменения кадровых структур, сопряженные с увеличением долей одних ПКГ и уменьшением других, являются следствием и одновременно индикаторами явных или латентных организационно-управленческих и/или производственно-экономических преобразований, требующих детального количественного анализа. Между тем, по результатам изучения профильной отчетно-статистической информации различных хозяйствующих субъектов правомерно заключить, что «анализ», как правило, ограничивается констатацией наиболее заметных изменений, выявленных сопоставлением долевых значений ПКГ анализируемого и базового периодов.

Не секрет, что для количественной оценки структурных сдвигов в занятости населения региона, начиная с конца 1990-х гг. [1–8] и по настоящее время [9], широко используется метод сдвиг-компонент (сдвиг-составляющих, сдвиг-долей).

Концептуальную основу метода сдвиг-компонент (МСК) формирует представление об общем изменении региональной занятости как результирующей трех составляющих:

$$R = NS + IM + LF,$$

где R – общее изменение региональной занятости, чел.; NS – национальная составляющая, отражающая тенденции развития национальной экономики, чел.; IM – отраслевая составляющая, отражающая тенденции развития отдельной отрасли, чел.; LF – соответственно, региональная составляющая, чел.

Для иллюстрации МСК, предположим, что численность занятых в промышленности региона за анализируемый период сократилась с 90,0 тыс. чел. до 59,4 тыс., т.е. на 30,6 тыс. чел. (или на 34,0%). Установлено, что за тот же период численность занятых в экономике страны снизилась на 8,0%; снижение занятых в промышленном секторе составило 20,0%.

Если бы в промышленности региона сокращение занятых осуществлялось по образцу национальной экономики, оно бы составило:

$$NS = 90000 \times (-0,08) = -7200 \text{ (чел.)}.$$

Отраслевая составляющая, «скорректированная» на национальную компоненту:

$$IM = 90000 \times [-0,20 - (-0,08)] = -10800 \text{ (чел.)}.$$

Соответственно, региональная сдвиг-составляющая, «скорректированная» на отраслевую компоненту:

$$LF = 90000 \times [-0,34 - (-0,20)] = -12600 \text{ (чел.)}.$$

Представляется, что сумма трех сдвиг-компонент равняется величине изменения численности занятых в промышленности региона:

$$R = -7200 - 10800 - 12600 = -30600 \text{ (чел.)}$$

Таким образом, установлено: $|LF| > |IM| > |NS|$. Выявленное соотношение свидетельствует о неэффективности региональной экономической политики.

Если бы при том же снижении занятых в экономике страны и в ее промышленном секторе численность занятых в промышленности региона за анализируемый период сократилась с 90,0 до 73,8 тыс. чел., т.е. на 16,2 тыс. чел. (или на 18,0%), сдвиги долей составили

$$NS = 90000 \times (-0,08) = -7200 \text{ (чел.)}$$

$$IM = 90000 \times [-0,20 - (-0,08)] = -10800 \text{ (чел.)}$$

$$LF = 90000 \times [-0,18 - (-0,20)] = 1800 \text{ (чел.)}$$

Соответственно сумма трех сдвиг-компонент:

$$R = -7200 - 10800 + 1800 = -16200 \text{ (чел.)}$$

В последнем случае, несмотря на восемнадцатипроцентное сокращение числа занятых в промышленности региона, проводимую здесь экономическую политику следует оценить как достаточно эффективную.

Анализ концепции метода сдвиг-компонент [5, с. 11] обосновывает правомерность его использования на уровне хозяйствующих субъектов (предприятий, организаций), безусловно, при соблюдении определенных обстоятельств. Весомым аргументом в пользу отмеченного выступают примеры его успешного применения для обоснования изменений в городской структуре занятых (в частности, Екатеринбурга [4]).

Представляется, что МСК правомерно использовать для анализа изменений в профессионально-квалификационной структуре и оценки эффективности политики (в том числе кадровой), проводимой руководством промышленного предприятия, выделяя три уровня (компоненты):

1. Уровень *отрасли промышленности*, представляющей совокупность предприятий, выпускающих однородную по назначению продукцию, перерабатывающих однородное сырье, характеризующихся одинаковыми технологическими процессами, имеющих схожий профессионально-квалификационный состав персонала.

2. Уровень *промышленного комплекса*, объединяющего группу профильных предприятий со схожим функционалом и профессиональным составом кадров.

3. *Локальный уровень* – уровень анализируемого (профильного) предприятия.

Тогда, в соответствии с концепцией МСК общее изменение численности персонала определенной профессионально-квалификационной группы (ПКГ_{*i*}) анализируемого предприятия (*j*) допустимо рассматривать как алгебраическую сумму трех слагаемых:

$$\Delta\mathcal{C}_{\text{ПКГ}j} = \Delta\mathcal{C}_{\text{ОП}} + \Delta\mathcal{C}_{\text{ПК}} + \Delta\mathcal{C}_{\text{ЛС}}$$

где $\Delta\text{Ч}_{\text{OC}}$ – отраслевая составляющая, отражающая изменение в профессионально-квалификационной структуре отрасли промышленности; $\Delta\text{Ч}_{\text{ПК}}$ – групповая составляющая, отражающая изменение в профессионально-квалификационной структуре профильного промышленного комплекса; $\Delta\text{Ч}_{\text{ЛС}}$ – локальная составляющая, отражающая изменение в профессионально-квалификационной структуре анализируемого предприятия.

Концептуальную основу метода сдвиг-компонент формируют следующие моменты:

1. Отрасль промышленности имеет две структуры, представленные соответственно промышленными комплексами (групповой уровень, определяющий величину групповой сдвиг-компоненты) и профильными предприятиями (локальный уровень).

2. Локальная составляющая сдвиг-компоненты как бы «растворяется» в групповой при структурировании занятых в отрасли промышленности по профессионально-квалификационным группам.

3. Групповая составляющая сдвиг-компоненты аналогично «растворяется» в локальной составляющей при структурировании занятых по ПКГ профильных предприятий.

4. Профильное предприятие по составу профессионально-квалификационных групп должно быть схоже с отраслью промышленности.

5. Профессионально-квалификационная структура (ПКС) профильного предприятия, как правило, отличается от структуры отрасли промышленности.

6. Степень отклонения профессионально-квалификационной структуры профильного предприятия от ПКС отрасли промышленности отражает коэффициент локальной специализации ($K_{\text{ЛС}}$). Представляется, чем выше его величина, тем сильнее влияние локальных факторов, обуславливающих «специфику профильного предприятия».

Для иллюстрации расчета коэффициента локальной специализации условного промышленного предприятия (табл. 1) представляется целесообразным профессионально-квалификационные группы обозначить буквенной символикой (от А до К).

Подчеркнем, что коэффициент локальной специализации условного предприятия представляет совокупность положительных отклонений. Нетрудно подсчитать, что

$$K_{\text{ЛС}} = 15,3 + 0,7 + 0,5 + 1,8 = 18,3 \text{ (п.п.)}$$

Очевидно, что при углублении локальной специализации значение $K_{\text{ЛС}}$ возрастает, в пределе приближаясь к 100. Соответственно по мере снижения локальной специализации значение $K_{\text{ЛС}}$ уменьшается, в пределе приближаясь к нулю. Представляется, что коэффициент локальной специализации имеет широкий спектр прикладного использования. В частности, его можно использовать:

– для ранжирования профильных предприятий отрасли промышленности по величине положительного отклонения от «стандартной» профессионально-квалификационной структуры;

- для выявления предприятий, не имеющих отклонений от «стандартной» профессионально-квалификационной структуры (по сути, моделирующих ПКС отрасли промышленности);
- для выявления предприятий, имеющих значительные отклонения от «стандартной», с целью изучения «локальной специфики».

Таблица 1. Коэффициент специализации профильного предприятия (условный пример)

ПКГ	Профессионально-квалификационная структура, %		Отклонения, п.п.	
	Отрасль промышленности	Промышленное предприятие	Отрицательные	Положительные
А	5,8	1,7	-4,1	
Б	25,5	40,8		+ 15,3
В	4,2	3,0	-1,2	
Г	4,5	5,2		+ 0,7
Д	6,8	5,0	-1,8	
Е	9,5	10,0		+ 0,5
Ж	10,2	12,0		+ 1,8
З	11,8	8,5	-3,3	
И	9,6	4,8	-4,8	
К	12,1	9,0	-3,1	
Итого	100,0	100,0	-18,3	+ 18,3

Итак, при соблюдении определенных обстоятельств, формирующих концепцию метода сдвиг-компонент на локальном уровне, он может быть использован для анализа изменений в профессионально-квалификационной структуре персонала и оценки эффективности кадровой политики предприятия.

В контексте с последним из отмеченных обстоятельств предположим, что численность профессионально-квалификационной группы «Х» за анализируемый период сократилась с 500 до 400 человек, т.е. на 100 человек (или на 20,0%). Установлено, что за тот же период численность ПКГ «Х» профильного промышленного комплекса снизилась на 15,0%; снижение численности ПКГ «Х» в отрасли промышленности составило 25,0%.

Если бы сокращение в анализируемой ПКГ предприятия осуществлялось по образцу отрасли промышленности, оно бы составило

$$\Delta Ч_{\text{оп}} = 500 \times 0,15 = -75 \text{ (чел.)}$$

Групповая (промышленного комплекса) составляющая, «скорректированная» на отраслевую компоненту:

$$\Delta Ч_{\text{ПК}} = 500 \times [-0,25 - (-0,15)] = -50 \text{ (чел.)}$$

Соответственно локальная (профильного предприятия) компонента, «скорректированная» на «групповую» компоненту:

$$\Delta Ч_{\text{ЛК}} = 500 \times [-0,20 - (-0,25)] = 25 \text{ (чел.)}$$

Сумма трех сдвиг-компонент составит

$$\Delta\text{Ч}_{\text{ПКГ}ij} = \Delta\text{Ч}_{\text{ОП}} + \Delta\text{Ч}_{\text{ПК}} + \Delta\text{Ч}_{\text{ЛС}} = -75 - 50 + 25 = -100 \text{ (чел.)}$$

Таким образом, установлено: $|\Delta\text{Ч}_{\text{ОП}}| > |\Delta\text{Ч}_{\text{ПК}}| > |\Delta\text{Ч}_{\text{ЛС}}|$. Выявленное соотношение является убедительным подтверждением эффективности кадровой политики профильного предприятия (по крайней мере, в отношении профессионально-квалификационной группы «Х»).

Важное место в оценке изменений профессионально-квалификационной структуры кадров предприятия, безусловно, отводится анализу, который правомерно позиционировать как структурно-факторный.

Его концептуальную основу формируют следующие моменты:

Первый момент сопряжен с разграничением профессионально-квалификационных групп (в зависимости от характера изменения их удельного веса в совокупной структуре персонала предприятия) на три типа:

а) *условно-убывающие* профессионально-квалификационные группы (ПКГ^{УУ}), доля которых в совокупной структуре кадров за анализируемый период сократилась;

б) *условно-возрастающие* профессионально-квалификационные группы (ПКГ^{УВ}), доля которых в совокупной структуре кадров за анализируемый период увеличилась;

в) *условно-постоянные* профессионально-квалификационные группы (ПКГ^{УП}), доля которых в совокупной структуре кадров за анализируемый период не изменилась.

Предположим, что профессионально-квалификационную структуру модельного предприятия (табл. 2) формируют пять ПКГ, обозначенных буквенной символикой (от А до Д).

Таблица 2. Профессионально-квалификационная структура модельного предприятия (условный пример)

ПКГ	Базовый период		Анализируемый период		Тип ПКГ
	Состав, чел.	Структура, %	Состав, чел.	Структура, %	
А	270	15,0	280	14,0	ПКГ ^{УУ}
Б	450	25,0	500	25,0	ПКГ ^{УП}
В	504	28,0	560	28,0	ПКГ ^{УП}
Г	180	10,0	300	15,0	ПКГ ^{УВ}
Д	396	22,0	360	18,0	ПКГ ^{УУ}
Итого	1800	100,0	2000	100,0	–

Вполне объяснимо, почему в названии всех типов ПКГ фигурирует определение «условно». Например, численность ПКГ «А» за анализируемый период увеличилась на 10 человек, а ее доля в совокупной структуре снизилась на 1,0 п.п. В то же время численность ПКГ «Б» увеличилась на 50 человек, а доля в совокупной структуре кадров не изменилась и т.д.

Второй момент базируется на разграничении совокупного структурного сдвига (общего долевого изменения ПКГ) на две составляющие:

- а) *прямой структурный сдвиг*, обусловленный изменением численности анализируемой ПКГ при неизменной численности персонала прочих ПКГ;
 б) *косвенный структурный сдвиг*, вызванный изменением численности персонала прочих ПКГ.

Проиллюстрируем акцентированный момент на примере А.

Совокупный структурный сдвиг в профессионально-квалификационной группе, рассчитываемый по разности долей ПКГ «А» в анализируемом и базовом периодах (табл. 2), составит

$$\Delta d_A = d_A^{AH} - d_A^B = 14,0 - 15,0 = -1,00 \text{ (п.п.)}.$$

Нетрудно подсчитать, что в базовом периоде численность персонала прочих ПКГ составляла $(1800 - 270) = 1530$ человек. Если бы за анализируемый период численность персонала прочих ПКГ не изменилась, условная численность работников предприятия, обусловленная изменением работников профессионально-квалификационной группы «А», составила $(280 + 1530) = 1810$ человек.

Условная доля персонала ПКГ «А» была бы равна

$$d_A^{УСЛ} = \frac{Л_A^{AH}}{Л_A^{УСЛ}} \times 100 = \frac{280}{1810} \times 100 = 15,47 \text{ (\%)}.$$

Прямой структурный сдвиг в ПКГ «А» составит

$$\Delta d_A^{IP} = d_A^{УСЛ} - d_A^B = 15,47 - 15,00 = 0,47 \text{ (п.п.)}.$$

Соответственно косвенный структурный сдвиг, обусловленный изменением численности персонала прочих ПКГ:

$$\Delta d_A^{KOC} = \Delta d_A - \Delta d_A^{IP} = -1,00 - 0,47 = -1,47 \text{ (п.п.)}.$$

Сводные результаты структурно-факторного анализа целесообразно представить в табличном формате (табл. 3).

Таблица 3. Сводные результаты структурно-факторного анализа (условный пример)

Профессионально-квалификационная группа (ПКГ)	Общее изменение доли (совокупный структурный сдвиг Δd_i), п.п.	В том числе за счет	
		изменения численности анализируемой ПКГ (прямой структурный сдвиг Δd_i^{IP}), п.п.	изменения численности прочих ПКГ (косвенный структурный сдвиг Δd_i^{KOC}), п.п.
А	-1,00	0,47	-1,47
Б	0	2,03	-2,03
В	0	2,17	-2,17
Г	5,00	5,63	-0,63
Д	-4,00	-1,59	-2,41

Представляется (табл. 3), что совокупный структурный сдвиг (результующее доленое изменений анализируемой ПКГ) может быть:

– больше прямого структурного сдвига ($|d_i| > |d_i^{IP}|$);

– равен прямому структурному сдвигу ($|d_i| = |d_i^{PP}|$);

– меньше прямого структурного сдвига ($|d_i| < |d_i^{PP}|$).

Выявленное обстоятельство обосновало следующий концептуальный момент представляемой методики.

Третий момент основывается на разграничении эффектов, оказываемых косвенным структурным сдвигом на прямой структурный сдвиг, на два типа:

а) *смягчающий* (в пределе, нейтрализующий) эффект, в результате которого совокупный структурный сдвиг оказывается меньше прямого структурного сдвига: $|d_i| < |d_i^{PP}|$;

б) *усиливающий* (резонирующий) эффект, в результате которого совокупный структурный сдвиг оказывается больше прямого сдвига: $|d_i| > |d_i^{PP}|$.

В соответствии с отмеченным, опираясь на сводные результаты структурно-факторного анализа (см. табл. 3), правомерно обосновать типы эффектов, оказываемых косвенным структурным сдвигом на прямой структурный сдвиг (табл. 4).

Таблица 4. Обоснование типов эффектов, оказываемых косвенным структурным сдвигом на прямой структурный сдвиг

Профессионально-квалификационная группа (ПКГ)	Выявленная по результатам структурно-факторного анализа ситуация (табл. 3)	Тип эффекта косвенного структурного сдвига
А	$ d_i > d_i^{PP} $	Усиливающий эффект
Б	$ d_i < d_i^{PP} $	Смягчающий эффект
В	$ d_i < d_i^{PP} $	Смягчающий эффект
Г	$ d_i < d_i^{PP} $	Смягчающий эффект
Д	$ d_i > d_i^{PP} $	Усиливающий эффект

Четвертый момент основывается на выделении трех условных градаций структурного сдвига:

- а) значительный сдвиг;
- б) средний сдвиг;
- в) малый сдвиг.

Безусловно, количественная оценка градаций должна стать результатом работы экспертной комиссии. Не секрет, что одинаковые по абсолютной величине структурные сдвиги (при прочих равных условиях) могут позиционироваться в зависимости от специфики кадровой ситуации по-разному.

Допустим, экспертами были обоснованы следующие градации:

- значительный сдвиг ($|\Delta d_i| > 7,00$ п.п.);
- средний сдвиг ($2,00 \leq |\Delta d_i| \leq 7,00$ п.п.);
- малый сдвиг ($|\Delta d_i| < 2,00$ п.п.).

Представляется, что усиливающий эффект компенсационного структурного сдвига может приводить к углублению совокупного структурного сдвига:

1. Без смены градации. Предположим, в результате углубления прямого структурного сдвига, равного 3,5 п.п., совокупный структурный сдвиг возрос до 6,00 п.п. В данном случае углубление не повлекло переход из градации «средний сдвиг» в градацию «значительный сдвиг».

2. Со сменой градации. Например, в результате углубления прямого структурного сдвига, равного 5,5 п.п., совокупный структурный сдвиг возрос до 8,00 п.п. В этом случае углубление обусловило переход из градации «средний сдвиг» в градацию «значительный сдвиг».

Аналогично смягчающий эффект компенсационного структурного сдвига может приводить к уменьшению совокупного структурного сдвига:

1. Без смены градации. Предположим, в результате смягчающего эффекта на прямой структурный сдвиг, равный 4,5 п.п., совокупный структурный сдвиг составил 3,00 п.п. В данном случае смягчение не повлекло переход из градации «средний сдвиг» в градацию «малый сдвиг».

2. Со сменой градации. Например, в результате смягчающего эффекта на прямой структурный сдвиг, равный 3,5 п.п., совокупный структурный сдвиг составил 1,50 п.п. В данном случае смягчение обусловило переход из градации «средний сдвиг» в градацию «малый сдвиг».

Результаты абстрактно-теоретических рассуждений, формирующих концепцию структурно-факторного анализа персонала, логично представить в виде документа, условно именуемого паспортом (табл. 5).

Отдельные ситуации логично проиллюстрировать на условном примере. Допустим, численность персонала предприятия в базовом периоде 4000 человек, в том числе анализируемой ПКГ «X» ($Ч_X^{ПКГ}$) 400 человек.

Ситуация № 3. За анализируемый период численность $Ч_X^{ПКГ}$ снизилась до 360 человек (на 10,0%), а численность $Ч_{ПРОЧ}^{ПКГ}$ увеличилась до 5400 человек (на 50,0%). По ранее представленному алгоритму проводим расчет структурных сдвигов по $Ч_X^{ПКГ}$, позиционируемой как условно-убывающую ПКГ.

Совокупный структурный сдвиг:

$$\Delta d_X = d_X^{АН} - d_X^Б = \left[\frac{360}{(360 + 5400)} - \frac{400}{4000} \right] \times 100 = 6,25 - 10,00 = -3,75 \text{ (п.п.)}$$

Условная доля персонала ПКГ «X» была бы равна

$$d_X^{\text{УСЛ}} = \frac{L_X^{\text{АН}}}{L_X^{\text{УСЛ}}} \times 100 = \frac{360}{(360 + 3600)} \times 100 = 9,09 \text{ (\%)}.$$

Прямой структурный сдвиг в ПКГ «X» составит

$$\Delta d_X^{\text{ПР}} = d_X^{\text{УСЛ}} - d_X^{\text{Б}} = 9,09 - 10,0 = -0,91 \text{ (п.п.)}.$$

Косвенный структурный сдвиг в ПКГ «X»:

$$\Delta d_X^{\text{КОС}} = \Delta d_X - \Delta d_X^{\text{ПР}} = -3,75 - (-0,91) = -2,84 \text{ (п.п.)}.$$

Таблица 5. Паспорт результатов структурно-факторного анализа персонала предприятий

№	Ситуация	Характер изменения за анализируемый период численности персонала прочих профессионально-квалификационных групп ($\chi_{\text{ПРОЧ}}^{\text{ПКГ}}$)	
		Условно-убывающие ПКГ	Условно-возрастающие ПКГ
1	$ \Delta d_i = \Delta d_i^{\text{ПР}} $	$\Delta \chi_{\text{ПРОЧ}}^{\text{ПКГ}} = 0$. Эффект косвенного сдвига отсутствует	
2	$ \Delta d_i > \Delta d_i^{\text{ПР}} $	$\chi_{\text{ПРОЧ}}^{\text{ПКГ}}$ изменилась в меньшей степени, чем сократилась численность $\chi_i^{\text{ПКГ}}$. В результате небольшого резонирующего эффекта происходит «углубление» совокупного сдвига без смены градации	$\chi_{\text{ПРОЧ}}^{\text{ПКГ}}$ изменилась в меньшей степени , чем увеличилась численность $\chi_i^{\text{ПКГ}}$. В результате небольшого резонирующего эффекта происходит «углубление» совокупного сдвига без смены градации
3	$ \Delta d_i \gg \Delta d_i^{\text{ПР}} $	$\chi_{\text{ПРОЧ}}^{\text{ПКГ}}$ существенно увеличилась . В результате сильного резонирующего эффекта происходит «углубление» совокупного сдвига со сменой градации	$\chi_{\text{ПРОЧ}}^{\text{ПКГ}}$ существенно снизилась . В результате сильного резонирующего эффекта происходит «углубление» совокупного сдвига со сменой градации
4	$ \Delta d_i < \Delta d_i^{\text{ПР}} $	Темп сокращения $\chi_{\text{ПРОЧ}}^{\text{ПКГ}}$ (по абсолютной величине) ниже темпа сокращения $\chi_i^{\text{ПКГ}}$. Частичный смягчающий эффект обеспечивается положительным косвенным сдвигом	Темп увеличения $\chi_{\text{ПРОЧ}}^{\text{ПКГ}}$ ниже темпа сокращения $\chi_i^{\text{ПКГ}}$. Частичный смягчающий эффект обеспечивается отрицательным косвенным структурным сдвигом
5	$ \Delta d_i = 0$	Темп изменения персонала одинаков по всем ПКГ. Профессионально-квалификационная структура кадров не меняется	
6	$ \Delta d_i > 0$	Темп сокращения $\chi_{\text{ПРОЧ}}^{\text{ПКГ}}$ выше (по абсолютной величине) темпа сокращения $\chi_i^{\text{ПКГ}}$	
7	$ \Delta d_i < 0$		Темп увеличения $\chi_{\text{ПРОЧ}}^{\text{ПКГ}}$ выше темпа сокращения $\chi_i^{\text{ПКГ}}$

Таким образом, полностью подтвердилось соотношение между совокупным и прямым структурными сдвигами, характерное для ситуации № 3 (табл. 5):

$$|\Delta d_i| \gg |\Delta d_i^{\text{ПР}}|.$$

Если ориентироваться на экспертные оценки градаций сдвигов, очевидно, что усиливающий эффект компенсационного структурного сдвига обусловил углубление, сопряженное с переходом из градации «малый сдвиг» в градацию «средний сдвиг».

Ситуация № 4. За анализируемый период численность $\mathbf{Ч}_X^{\text{ПКГ}}$ снизилась до 200 человек (на 50,0%), а численность $\mathbf{Ч}_{\text{ПРОЧ}}^{\text{ПКГ}}$ сократилась до 3240 человек (на 10,0%).

Совокупный структурный сдвиг:

$$\Delta d_X = d_X^{\text{АН}} - d_X^{\text{Б}} = \left[\frac{200}{(200 + 3240)} - \frac{400}{4000} \right] \times 100 = 5,81 - 10,00 = -4,19 \text{ (п.п.)}.$$

Условная доля персонала ПКГ «X» была бы равна

$$d_X^{\text{УСЛ}} = \frac{L_X^{\text{АН}}}{L_X^{\text{УСЛ}}} \times 100 = \frac{200}{(200 + 3600)} \times 100 = 5,26 \text{ (\%)}.$$

Прямой структурный сдвиг в ПКГ «X» составит

$$\Delta d_X^{\text{ПР}} = d_X^{\text{УСЛ}} - d_X^{\text{Б}} = 5,26 - 10,00 = -4,74 \text{ (п.п.)}.$$

Косвенный структурный сдвиг в ПКГ «X»:

$$\Delta d_X^{\text{КОС}} = \Delta d_X - \Delta d_X^{\text{ПР}} = -4,19 - (-4,74) = 0,55 \text{ (п.п.)}.$$

Представляется очевидным соотношение, характерное для ситуации № 4:

$$|\Delta d_i| < |\Delta d_i^{\text{ПР}}|.$$

Как и следовало ожидать, частичный смягчающий эффект обеспечивается положительным косвенным структурным сдвигом.

В заключение подчеркнем, что представленный и проиллюстрированный на условных примерах методический инструментарий количественного анализа изменений в профессионально-квалификационной структуре персонала предприятий, аккумулирующий две профильные методики (методику сдвиг-компонент и методику структурно-факторного анализа), позволяет существенно расширить горизонт исследования, соответственно, выявить, оценить и проанализировать причины структурных изменений, а главное – минимизировать возможные негативные последствия.

Список источников

1. McLean M., Voytek K. Understanding Your Economy: Using Analysis to Guide Local Strategic Planning. Planners Press, American Planning Association, 1992.
2. Махотаева М., Николаев М. Формирование экономической политики на региональном уровне // Вопросы экономики. 1999. № 9. С. 80–89.
3. Московская А., Московская В. Качественные и количественные сдвиги в сфере занятости // Вопросы экономики. 1999. № 11. С. 114–127.

4. Власова Н.Ю. Структурная модернизация экономики крупнейших городов России. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2000.
5. Милыева Л.Г. Количественный анализ структурных сдвигов в занятости населения. Бийск : Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2000.
6. Милыева Л.Г. Анализ структурных изменений в занятости населения методом сдвиг-составляющих. URL: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/2001-02/19/pap_19.html
7. Сарычева Т.В. Сравнительный анализ структурных сдвигов в занятости населения региона // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2012. № 2. С. 170–176.
8. Сарычева Т.В., Бакуменко Л.П. Статистические подходы к анализу рынка труда и занятости на региональном уровне // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия «Экономика и управление». 2015. № 1 (25). С. 72–84.
9. Бюраева Ю.Г. Структура занятости населения Республики Бурятия: тенденции и сдвиги // Регионалистика. 2021. № 1. С. 68–80.

References

1. McLean, M. & Voytek, K. (1992) *Understanding Your Economy: Using Analysis to Guide Local Strategic Planning*. Planners Press, American Planning Association.
2. Makhotaeva, M. & Nikolaev, M. (1999) Formirovanie ekonomicheskoy politiki na regional'nom urovne [Formation of economic policy at the regional level]. *Voprosy ekonomiki*. 9. pp. 80–89.
3. Moskovskaya, A. & Moskovskaya, V. (1999) Kachestvennye i kolichestvennye sdvigi v sfere zanyatosti [Qualitative and quantitative shifts in employment]. *Voprosy ekonomiki*. 11. pp. 114–127.
4. Vlasova, N.Yu. (2000) *Strukturnaya modernizatsiya ekonomiki krupneyshikh gorodov Rossii* [Structural Modernization of the Economy of the Largest Cities of Russia]. Yekaterinburg: Ural State University of Economics.
5. Milyaeva, L.G. (2000) *Kolichestvennyy analiz strukturnykh sdvigov v zanyatosti naseleniya* [Quantitative Analysis of Structural Shifts in Employment]. Bysk: Altai State Technological University.
6. Milyaeva, L.G. (2001) *Analiz strukturnykh izmeneniy v zanyatosti naseleniya metodom sdivg-sostavlyayushchikh* [Analysis of structural changes in employment by the method of shift components]. [Online] Available from: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/2001-02/19/pap_19.html.
7. Sarycheva, T.V. (2012) Comparative analysis of structural changes in the population employment of the Republic of Mari El. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO – Statistics and Economics*. 2. pp. 170–176. (In Russian).
8. Bakumenko, L.P. & Sarycheva, T.V. (2015) Statistical approaches to the analysis of labor market and employment at the regional level. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie – Vestnik of Volga State University of Technology. Series: Economy and Management*. 1 (25). pp. 72–84. (In Russian).
9. Byuraeva, Yu.G. (2021) Employment structure of the population of the Republic of Buryatia: trends and shifts. *Regionalistika – Regionalistics*. 1 (8). pp. 68–80. (In Russian). DOI: 10.14530/reg.2021.1.68

Сведения об авторе:

Милыева Л.Г. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики предпринимательства, Бийский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова» (Бийск, Россия). E-mail: lgm17@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.G. Milyaeva, Dr. Sci. (Economics), Professor, head of the Department of Entrepreneurship Economics, Biysk Institute of Technology (Branch) of Polzunov Altai State Technical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: lgm17@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.03.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 15.03.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Финансы

Научная статья
УДК 336.748.77
doi: 10.17223/19988648/59/13

Прогноз валютной пары USD/RUB в краткосрочном периоде

Людмила Игоревна Теньковская¹

¹ *Публичное акционерное общество «Московская Биржа ММВБ-ПТС»,
Пермь, Россия, tenkovskaya.lyudmila@gmail.com*

Аннотация. В статье приводится прогноз валютной пары USD/RUB на основе уравнения линейной тенденции снижения. Актуальность вызвана тем, что прогноз валютной пары USD/RUB позволяет определить эффективность внешнеэкономической деятельности России и оценить реальные доходы населения страны в будущем. Валютная пара USD/RUB – это основной макроэкономический индикатор, находящийся под влиянием российских внешнеэкономических факторов: сальдо торгового баланса, инфляции, ключевой процентной ставки, денежной массы, индекса доллара США, индекса Мосбиржи (IMOEX). В краткосрочном периоде ослабла связь валютной пары USD/RUB с представленными макроэкономическими показателями. Поэтому прогноз курса российского рубля по отношению к доллару США должен быть сделан на основе уравнения тенденции. Установлено, что в краткосрочном периоде у валютной пары USD/RUB есть потенциал снижения, что негативно для экспортеров, но позитивно для реальных доходов населения страны.

Ключевые слова: валютная пара USD/RUB, торговый баланс, экспорт, импорт, индекс потребительских цен, ключевая процентная ставка, денежный агрегат M2, индекс доллара США, индекс Мосбиржи (IMOEX)

Для цитирования: Теньковская Л.И. Прогноз валютной пары USD/RUB в краткосрочном периоде // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 212–230. doi: 10.17223/19988648/59/13

Finance

Original article

Forecast of the USD/RUB currency pair in the short term

Lyudmila I. Tenkovskaya¹

¹ Public Joint Stock Company Moscow Exchange MICEX-RTS, Perm, Russian Federation, tenkovskaya.lyudmila@gmail.com

Abstract. The article provides a forecast of the USD/RUB currency pair based on the equation of a linear downward trend. The aim of the research is forecasting the USD/RUB currency pair to determine the effectiveness of Russia's foreign economic activity and the real incomes of the country's population in the future, which makes the research relevant. The research is carried out using the following scientific methods: analysis, synthesis, monographic (description of Russian macroeconomics), statistical (identification of trends, calculation of correlation coefficients, graphic). The research is based on statistical data on the economic indicators of the Russian Federation: the USD/RUB currency pair, exports, imports, trade balance, the consumer price index, the key rate of the Central Bank of the Russian Federation, the M2 monetary aggregate, the US dollar index, the Moscow Exchange Index (IMOEX). The USD/RUB currency pair is the main macroeconomic indicator influenced by Russian foreign economic factors: trade balance, inflation, key interest rate, money supply, US dollar index, Moscow Exchange Index (IMOEX). In the short term, the connection of the USD/RUB currency pair with the presented macroeconomic indicators has weakened. Therefore, the forecast of the exchange rate of the Russian ruble against the US dollar should be made on the basis of the trend equation. It has been established that, in the short term, the USD/RUB currency pair has the potential to decline, which is negative for exporters, but positive for the real incomes of the country's population. The sharp decline in the USD/RUB currency pair in recent months has been caused by the regulatory and legal currency regulation in the Russian Federation. It implies the following measures: restrictions on the issuance of US dollars from foreign currency deposits and accounts of citizens, on the sale of US dollars by banks to the public, on the transfer of US dollars abroad; high commissions for the purchase of US dollars on the stock exchange; restrictions on short sales of currencies on the stock exchange; mandatory sale of foreign exchange earnings by exporters; the use of Russian rubles in settlements for natural gas supplied to unfriendly countries; tight monetary policy of the Central Bank of the Russian Federation. The cancellation of these regulatory and legal measures of currency regulation will return the long-term trend of weakening of the Russian ruble against the US dollar.

Keywords: USD/RUB currency pair, trade balance, export, import, consumer price index, key interest rate, M2 monetary aggregate, US dollar index, Moscow Exchange index (IMOEX)

For citation: Tenkovskaya, L.I. (2022) Forecast of the USD/RUB currency pair in the short term. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 212–230. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/13

Введение. Исследование и прогнозирование валютной пары USD/RUB являются актуальными, потому что она представляет собой макроэкономический индикатор, сигнализирующий об эффективности внешнеэкономической деятельности России, изменении реальных доходов населения страны, целесообразности применения инструментов денежно-кредитной политики. В настоящее время на валютном рынке России имеются две проблемы: 1) необходимость дедолларизации в условиях дефицита валюты Соединенных Штатов и повышенного спроса на нее как на защитный актив; 2) зависимость выручки экспортеров от курса российского рубля по отношению к доллару США. Для населения нашей страны крепкий российский рубль более предпочтителен, потому что он не вызывает высокой инфляции. Но для экспортеров страны выгоден слабый курс российского рубля по отношению к доллару США, так как он способствует увеличению выручки. В связи с этим целью научного исследования является прогнозирование валютной пары USD/RUB для определения перспектив деятельности экспортеров в Российской Федерации и реальных доходов населения страны в будущем.

Обзор литературы. *Нормативно-правовой характер регулирования валютной пары USD/RUB в России.* В условиях экономического кризиса в России необходимо решать вопрос, который касается спекулятивных покупок долларов США за российские рубли, так как данные действия подрывают экономическую стабильность в нашей стране. В результате таких действий курс российского рубля существенно слабеет, что плохо отражается на макроэкономических индикаторах в Российской Федерации: большая доля импорта в экономике оказывает влияние на повышение цен; реальные доходы снижаются; возникают дополнительные риски социальных конфликтов, преступности, ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки.

Решение проблемы перелива капитала из российских рублей в доллары США осуществлялось многими способами. Соединенные Штаты и Европейский союз запретили поставки своей национальной валюты в Россию. Чтобы сократить отток валюты за рубеж и ослабить давление на российский рубль, в России ввели следующие ограничения. В период с 9 марта по 9 сентября 2022 г. Банк России установил определенный порядок выдачи средств с валютных вкладов и счетов граждан: со своего валютного счета или вклада клиент может снять только до 10 тыс. долл. США в наличной валюте, остальные средства можно снять в российских рублях по рыночному курсу на день выдачи; граждане могут открывать новые валютные счета и вклады, но снять с них средства, пока действует временный порядок операций с наличной валютой, можно будет в рублях по рыночному курсу на день выдачи; банки не продают наличную валюту гражданам в течение срока действия временного порядка [1]. Затем приведенный временный порядок выдачи средств с валютных вкладов и счетов граждан смягчился: граждане, у которых были открыты валютные счета или вклады до 9 марта 2022 г. и которые еще не выбрали установленный лимит полу-

чения наличной валюты со своих счетов, с 11 апреля 2022 г. смогут получить наличными не только доллары США, но и евро; с 18 апреля 2022 г. банки могут продавать наличную валюту гражданам, но только ту, которая поступила в кассы банков с 9 апреля 2022 г. [2]. Безусловно, представленные меры повлияли на значительное укрепление курса российского рубля по отношению к доллару США.

Центральный банк РФ установил лимит по валюте, который можно перевести за рубеж: в соответствии с Указом Президента РФ от 28 февраля 2022 г. запрещено с 1 марта 2022 г. зачисление резидентами иностранной валюты на свои счета (вклады), открытые в расположенных за пределами территории Российской Федерации банках и иных организациях [3, 4]; с 1 апреля 2022 г. Банк России установил новые пороги по суммам переводов средств за рубеж в течение месяца для граждан, физические лица имеют право перевести за пределы Российской Федерации со своего счета в российском банке на свой счет или другому физическому лицу за рубежом не более 10 тыс. долл. США или в эквиваленте в другой валюте через компании, оказывающие услуги по переводу денежных средств без открытия счета, можно перевести в месяц не более 5 тыс. долл. США или в эквиваленте в другой валюте, в то же время переводы за рубеж с банковских счетов нерезидентов-физических лиц из стран, поддерживающих санкции и не работающих в России, а также юридических лиц из этих государств приостановлены на 6 месяцев, на такой же срок приостановлены переводы за рубеж средств физических и юридических лиц-нерезидентов из стран, поддерживающих санкции, со счетов российских брокеров [5]; с 16 мая 2022 г. резиденты России, а также нерезиденты из дружественных стран имеют право перевести со своего счета в российском банке на свой счет или другому физическому лицу за рубежом не более 50 тыс. долл. США или эквивалент в другой иностранной валюте, физические лица-нерезиденты из дружественных стран, работающие в России по трудовым или гражданско-правовым договорам, дополнительно могут также переводить средства с российских счетов за рубеж в рублях и валюте в размере зарплаты или платы за выполнение работ и оказание услуг и делать такие же перечисления без открытия счета, нерезидентам из недружественных стран, работающим в России по трудовым или гражданско-правовым договорам, разрешено переводить средства с российских счетов за рубеж в рублях и валюте в размере зарплаты или платы за выполнение работ и оказание услуг и перечислять за рубеж эти средства без открытия счета [6]; с 8 июня 2022 г. российские резиденты-физические лица имеют право в течение календарного месяца перевести со своего счета в российском банке на свой счет за рубежом или другому человеку не более 150 тыс. долл. США или эквивалент в другой иностранной валюте, такую же сумму могут перечислять на зарубежные счета нерезиденты-физические лица из дружественных стран через компании, оказывающие услуги по переводу денежных средств без открытия счета, резиденты и нерезиденты из дружественных стран в течение месяца смогут перевести не более 10 тыс. долл. США или эквивалент в другой иностранной

валюте, ограничения действуют до 30 сентября 2022 г. [7]. Ограничения на указанные транзакции в долларах США повлияли на укрепление курса российского рубля по отношению к доллару США.

Для ограничения транзакций с долларами США, евро и фунтами стерлингов взималась повышенная комиссия на покупку данных валют на бирже. Так, в целях финансовой стабильности на финансовом рынке Банк России предписал брокерам с 3 марта 2022 г. и до отмены указанных предписаний при исполнении поручений физических лиц на покупку иностранной валюты (долларов США, евро и фунтов стерлингов) взимать комиссию в размере не менее 30% от суммы сделки, заключенной на основании такого поручения [8]. Затем Центральный банк РФ данную комиссию снизил. «Банк России, дополнительно проанализировав ситуацию, для выравнивания конкурентных условий на рынке и поддержания финансовой стабильности с 4 марта 2022 г. снизил комиссию для физических лиц на операции по покупке иностранной валюты через брокеров с 30 до 12% и установил комиссию для юридических лиц на уровне 12% от суммы операции» [9]. В настоящее время она отменена. Дополнительная комиссия при покупке долларов США укрепила курс российского рубля по отношению к доллару США.

С 24 февраля 2022 г. Центральный банк РФ запретил короткие продажи валюты. «В связи со сложившейся ситуацией на финансовом рынке и в целях обеспечения защиты прав и законных интересов инвесторов на финансовых рынках, снижения рисков и ограничения чрезмерной волатильности Банк России предписал брокерам с 24 февраля 2022 г. и до отмены указанных предписаний приостановить короткие продажи на биржевом и внебиржевом рынке» [10]. Впоследствии такие ограничения были отменены. «С 1 июня 2022 года отменяются запреты на совершение коротких продаж ценных бумаг и покупку валюты «с плечом» в связи с уменьшением волатильности на финансовых рынках и для повышения ликвидности торгов». Также Банк России решил временно уменьшить размер «кредитного плеча» (заемных средств), который брокер может предоставить клиенту для совершения необеспеченных сделок с финансовыми инструментами. Эта мера принимается для защиты клиентов и будет действовать с 1 июня до 31 декабря 2022 г. [11].

В соответствии с Указом Президента РФ от 28.02.2022 № 79 (ред. от 09.06.2022) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» резидентам-участникам внешнеэкономической деятельности необходимо осуществлять обязательную продажу иностранной валюты в размере 80% суммы иностранной валюты, зачисленной начиная с 1 января 2022 г. на их счета в уполномоченных банках на основании внешнеторговых контрактов, заключенных с нерезидентами и предусматривающих передачу нерезидентам товаров, оказание нерезидентам услуг, выполнение для нерезидентов работ, передачу нерезидентам результатов интеллектуальной дея-

тельности, в том числе исключительных прав на них, не позднее трех рабочих дней со дня вступления в силу настоящего Указа. Это еще одна мера по ограничению использования долларов США в российской экономике. В апреле срок продажи выручки для экспортеров несырьевого неэнергетического сектора увеличили с трех до шестидесяти рабочих дней. Регулятор разрешил им продавать валюту на счета своих уполномоченных банков. Затем время, за которое экспортеры должны продать часть своей валютной выручки, выросло до ста двадцати рабочих дней [12]. В конце мая была снижена доля обязательной продажи валютной выручки экспортерами с 80 до 50% [13]. Такие решения были приняты в связи со стабилизацией курса российского рубля и «достижением достаточного уровня ликвидности в иностранной валюте на внутреннем валютном рынке». Затем президент Владимир Путин отменил требование об обязательной продаже 50% экспортной выручки в иностранной валюте [3].

Президент России Владимир Путин постановил, что Россия переходит от евро и долларов США к российским рублям в расчетах за поставки природного газа покупателям из недружественных стран [14]. Это необходимо, потому что западные валюты, традиционно использовавшиеся в расчетах за российский газ, себя «скомпрометировали» и являются ненадежными валютами в расчетах с Россией. Скорее всего, это начало торговли ресурсами нашей страны в российских рублях на международных рынках.

Резкое повышение валютной пары USD/RUB, последовавшее с началом военной операции России в Украине 24 февраля 2022 г., вынудило Центральный банк РФ повысить ключевую ставку до 20% [15]. Эта мера необходима для снижения уровня инфляции в стране, резкое повышение которой является причиной слабого российского рубля. В результате такого решения курс российского рубля по отношению к доллару США значительно окреп. После повышения ключевой ставки Центральным банком РФ последовали этапы значительного снижения уровня данного инструмента денежно-кредитной политики [16].

Таким образом, можно заключить, что снижение валютной пары USD/RUB в краткосрочном периоде обусловлено нормативно-правовым валютным регулированием.

Методы исследования. В процессе исследования использовались следующие научные методы: анализ; синтез; монографический (описание макроэкономики России); статистические – выявление тенденций, расчет коэффициентов корреляции, графический.

Результаты исследования. Факторы валютной пары USD/RUB в новых реалиях. Валютная пара USD/RUB показывает курс российского рубля по отношению к доллару США. Она демонстрирует спрос на доллары США среди российских экономических субъектов. Как правило, спрос на доллары США в России постоянно увеличивался. Такое положение дел было выгодно Соединенным Штатам, осуществляющим денежную эмиссию. В противном случае доллары США не пользовались бы спросом и американская национальная валюта пострадала бы в ходе девальвации.

Однако этого не происходило, потому что доллар США – это мировая резервная валюта и объект инвестиций, защищающий от многочисленных рисков, а Соединенные Штаты для многих экономических субъектов – это надежная в экономической, социальной и политической сфере страна, выполняющая свои обязательства. Поскольку макроэкономическая среда в России относительно макроэкономической ситуации в развитых странах всегда характеризовалась кризисными явлениями, доллары США в нашей стране пользовались спросом. Такие закономерности привели к значительному росту валютной пары USD/RUB в период военной операции России по демилитаризации и денацификации Украины. Валютная пара USD/RUB превышала 150 российских рублей за доллар США. Для нашей страны такое явления негативно, так как все это приводит к росту цен на импорт, доля которого в экономике России большая, повышает цены на продукты питания, потому что спрос на них неэластичен по цене, сокращает реальные доходы населения страны, объясняется это тем, что номинальные доходы увеличиваются медленными темпами по сравнению с темпами роста инфляции. Указанные негативные тенденции могут создать напряженную обстановку в Российской Федерации. В связи с этим необходимы меры по ограничению использования доллара США в транзакциях [17] (рис. 1).

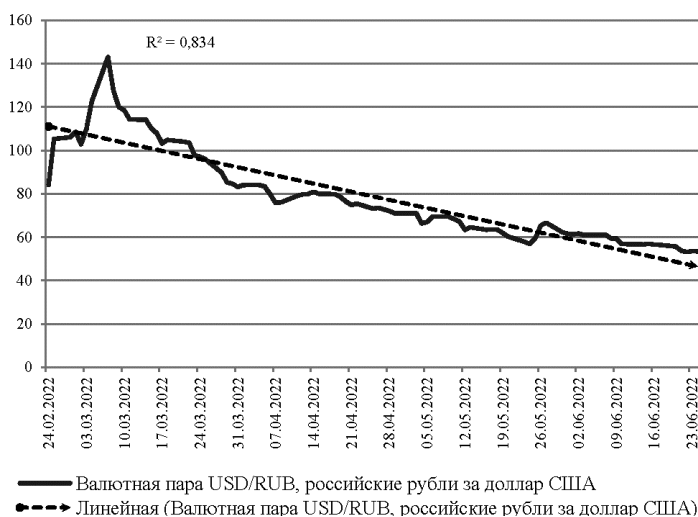

Рис. 1. Валютная пара USD/RUB, российские рубли за доллар США

Ограничения в использовании доллара США в транзакциях на фоне монетарного стимулирования экономики в Соединенных Штатах привели к укреплению национальной валюты России [18]. Это оправданный шаг, поскольку из трудов российских экономистов известно, что долларизация ограничивает национальные финансовые системы в выстраивании самостоятельной денежно-кредитной политики, мешает бороться с инфляцией и безработицей, приводит к макроэкономической нестабильности [19].

На курс российского рубля по отношению к доллару США влияет сальдо торгового баланса Российской Федерации. Превышение стоимостных объемов экспорта над стоимостными объемами импорта в результате формирует положительное сальдо торгового баланса, которое позитивно влияет на национальную валюту. Исследованы показатели торгового баланса Российской Федерации за краткосрочный отрезок времени январь 2021 г. – январь 2022 г., выраженные в американской национальной валюте и представленные на графике. График демонстрирует следующие тенденции внешней торговли России. Стоимостные объемы экспорта превышают стоимостные объемы импорта. В январе 2022 г. стоимостные объемы экспорта значительно уменьшились. Это следствие сезонного фактора, потому что в преддверии новогодних праздников показатели торгового баланса значительно увеличиваются, а после праздников – уменьшаются. Стоимостные объемы экспорта из России имеют восходящую динамику. Динамика стоимостных объемов импорта в Россию не имеет ярко выраженной направленности, но в последнее время стоимостные объемы импорта в нашу страну тоже сократились. Указанные тенденции объясняют причины увеличения сальдо торгового баланса Российской Федерации. В будущем в России экспорт вырастет, импорт сформирует тенденцию к уменьшению, сальдо торгового баланса еще вырастет, что во многом будет вызвано повышением цен и сокращением импорта в связи с санкциями и импортозамещением. Это объясняет причины существенного укрепления курса российского рубля по отношению к доллару США [20] (рис. 2).

В российской экономике существует закономерность: экономика нашей страны по сравнению с экономиками развитых стран находится в кризисном состоянии, потому что доходы населения сравнительно низкие, качество жизни людей невысокое; в связи с этим российские рубли обменивались на доллары США, которые представляют собой защитный от многочисленных рисков актив; как следствие этого российский рубль ослабевал; большая доля импорта в российской экономике способствовала росту цен; в особенности росли цены на продукты питания, потому что их доля в расходах населения довольно-таки высока, спрос на продукты питания неэластичен по цене; все это оказывало влияние на дальнейшее резкое сокращение реальных доходов населения страны. Таким образом, повышенная инфляция в России замедляла темпы роста в условиях жесткой денежно-кредитной политики Центрального банка РФ. Данная политика способствовала и снижению цен, и укреплению курса российского рубля по отношению к доллару США. В настоящее время наблюдается следующая ситуация: в связи с приведенными закономерностями валютная пара USD/RUB значительно выросла; инфляция в России имеет исторические максимальные темпы прироста; хотя цель по инфляции Центрального банка РФ составляет 4% [21]; ключевая процентная ставка Банка России повышалась до 20% [15]; в нашей стране имело место валютное регулирование с помощью нормативно-правовых актов; удалось остановить прирост инфляции в России; создались условия для укрепления курса российского

рубля по отношению к доллару США; экономическая ситуация позволила снизить процентные ставки.

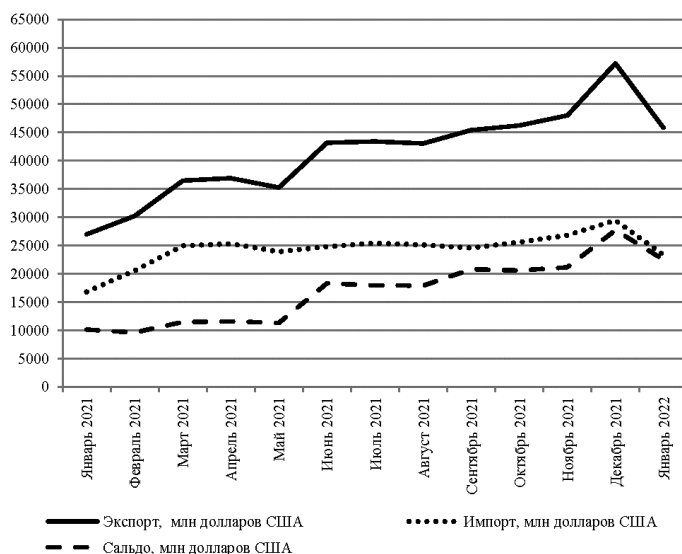

Рис. 2. Торговый баланс России, млн долл. США

Если учесть тот факт, что инфляция в России все еще является повышенной, можно сделать вывод, что валютная пара USD/RUB будет ослабевать. В противном случае ослабление российского рубля по отношению к доллару США будет ускорять темпы прироста цен в России. Таким образом, пока инфляция высока в нашей стране, валютная пара USD/RUB будет снижаться [22] (рис. 3).

В условиях плавающих курсов валют наиболее эффективной является денежно-кредитная политика. Как правило, она предполагает использование в качестве инструмента ключевой процентной ставки. Изменения процентных ставок регулируют темпы прироста инфляции, курс национальной валюты, объем денежной массы. Как показано на графике, в период резкого повышения валютной пары USD/RUB Банк России повысил ключевую ставку до 20% – это исторические максимальные уровни. После этого шага курс российского рубля по отношению к доллару США начал укрепляться. Таким образом, жесткая денежно-кредитная политика может стабилизировать курс российского рубля, но этого недостаточно, необходимо нормативно-правовое валютное регулирование. В настоящее время с помощью нормативно-правового регулирования российский рубль значительно укрепился, что позволило перейти к поэтапному снижению ключевой ставки Центральным банком РФ. Низкие процентные ставки позитивно влияют на стимулирование экономической активности: это хорошо для кредитования экономических субъектов, расширения производства, фор-

мирования потребительского спроса, перелива капитала с банковских вкладов в реальную экономику.

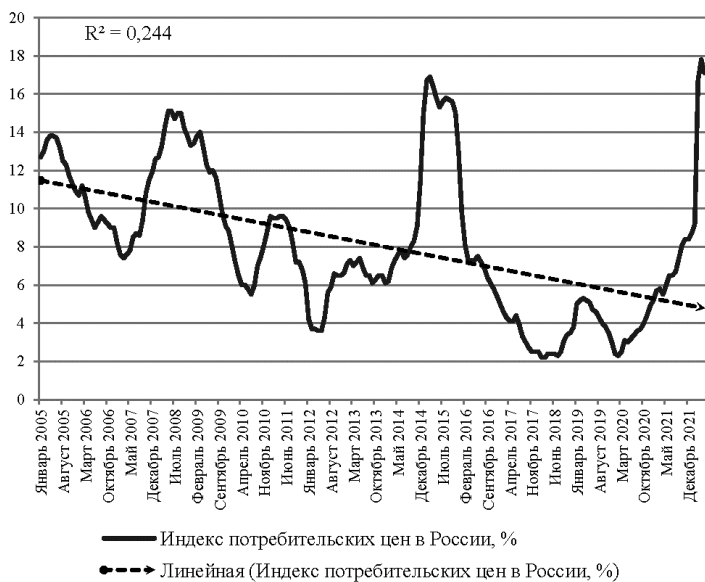

Рис. 3. Индекс потребительских цен в России, %

Таким образом, сейчас курс российского рубля по отношению к доллару США укрепляется за счет нормативно-правового регулирования и имеются предпосылки для мягкой денежно-кредитной политики, стимулирующей экономическое развитие [23, 24] (рис. 4).

Денежная масса представляет собой наличные деньги и безналичные денежные средства резидентов Российской Федерации. В составе денежной массы выделяются денежные агрегаты, которые различаются по степени ликвидности. Наиболее ликвидным является денежный агрегат M_0 – наличные деньги в обращении. Денежный агрегат M_1 – это денежный агрегат M_0 ; переводные депозиты в рублях финансовых и нефинансовых организаций; переводные депозиты в рублях населения. Денежный агрегат M_2 – это денежный агрегат M_1 ; другие депозиты в рублях других финансовых и нефинансовых организаций; другие депозиты в рублях населения [25]. На рис. 5 представлен денежный агрегат M_2 в России, имеющий ярко выраженную тенденцию роста. Как известно, увеличение денежной массы способствует ослаблению национальной валюты страны [26–28]. Однако в России денежная масса увеличивается на фоне сильного укрепления российского рубля по отношению к мировым резервным валютам. На основании этого можно предположить, что дальнейший прирост денежной массы в России может не оказать сильного влияния на ослабление курса российского рубля по отношению к доллару США.

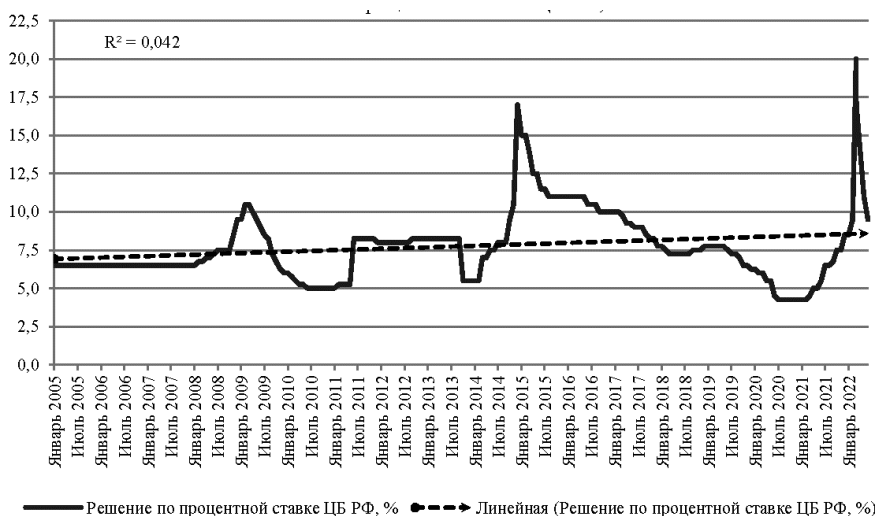

Рис. 4. Решение по процентной ставке Центрального банка РФ, %

Таким образом, скорее всего тенденция увеличения денежного предложения в Российской Федерации продолжится, но российский рубль, находясь под влиянием нормативно-правового валютного регулирования, не ослабнет в валютной паре USD/RUB в краткосрочном периоде [29] (рис. 5).

Валютная пара USD/RUB может быть связана с международной стоимостью доллара США, которую отражает индекс доллара США. Индекс доллара США представляет собой отношение американского доллара к евро, японской иене, фунту стерлингов, канадскому доллару, шведской кроне, швейцарскому франку. Тесная связь международной стоимости доллара США и валютной пары USD/RUB прослеживалась в течение длительного отрезка времени, охватывающего январь 2008 г. – сентябрь 2020 г. Коэффициент корреляции, рассчитанный за этот промежуток времени, составил 0,934, что сигнализирует об очень сильной положительной связи между указанными факторами. График демонстрирует, что индекс доллара США в результате монетарного стимулирования экономики во время пандемии коронавируса COVID-19 сформировал восходящую тенденцию. Указанная тенденция роста приведенного индикатора связана с тем, что после экономического кризиса, осложненного пандемией коронавируса COVID-19, американская экономика начала восстанавливаться. Как известно, восстановление экономики Соединенных Штатов, сопровождающееся повышением инфляции, улучшением ситуации на рынке труда, восстановлением темпов прироста валового внутреннего продукта, положительно сказывается на укреплении американской национальной валюты. Таким образом, в последние месяцы международная стоимость доллара США увеличивается на фоне укрепления курса российского рубля по отношению к доллару США [30] (рис. 6).

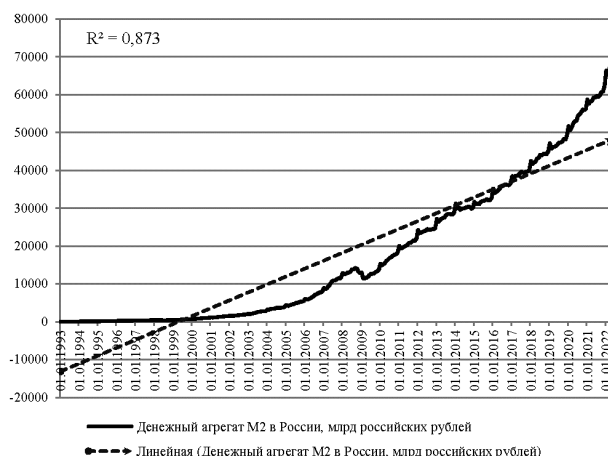

Рис. 5. Денежный агрегат М2 в России, млрд российских рублей

Основным индексом фондовой биржи России является индекс Мосбиржи (IMOEX). Индекс Мосбиржи (IMOEX) представляет собой фондовый индекс, включающий ликвидные акции крупнейших российских компаний, которые функционируют в основных отраслях экономики нашей страны, является индикатором экономического роста и благополучия экономики России. Раньше прослеживалась обратная связь между валютной парой USD/RUB и индексом Мосбиржи (IMOEX), потому что в периоды экономических кризисов курс доллара США по отношению к российскому рублю укреплялся, а индекс Мосбиржи (IMOEX) снижался, в периоды экономических подъемов курс доллара США по отношению к российскому рублю падал, а индекс Мосбиржи (IMOEX) повышался. Однако в настоящее время многое изменилось. Так, сейчас снижается и валютная пара USD/RUB, и индекс Мосбиржи (IMOEX). Причины такой динамики известны.

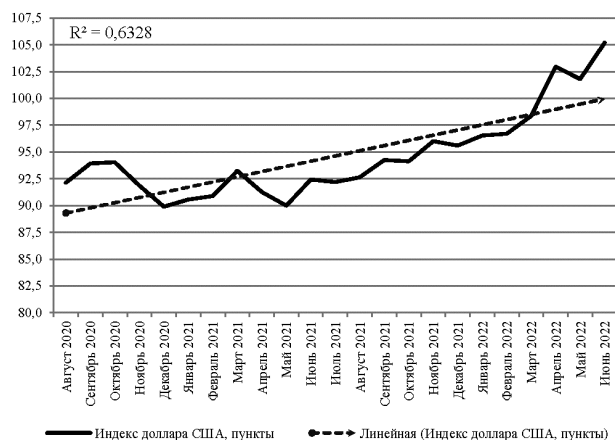

Рис. 6. Индекс доллара США, пункты

Это нормативно-правовое валютное регулирование в нашей стране и последствия экономического кризиса в России и мире, который вызван пандемией коронавируса COVID-19, напряженной геополитической обстановкой, санкциями, контрсанкциями, военными факторами. График показывает нисходящую тенденцию индекса Мосбиржи (IMOEX) в последние месяцы [31] (рис. 7).

Таким образом, в настоящее время трудно спрогнозировать значения валютной пары USD/RUB в будущем краткосрочном периоде, потому что этот индикатор утратил связи со своими основными факторами. Об укреплении курса российского рубля по отношению к доллару США говорит увеличивающееся сальдо торгового баланса России. Однако это негативный результат сокращения объемов импорта в нашу страну. Инфляция в России, скорее всего, будет снижаться, потому что ожидается расширение предложения продукции на фоне привлекательных для производителей высоких цен. В Центральном банке РФ тоже ожидают замедление темпов роста инфляции в стране к осени 2022 г. В связи с этим не предвидится повышение процентных ставок, укрепляющее национальную валюту. Напротив, ожидается мягкая денежно-кредитная политика. Итак, связей у российского рубля с инфляцией и процентными ставками в краткосрочном периоде пока нет. Денежная масса в стране увеличивается, что негативно для курса российского рубля по отношению к доллару США.

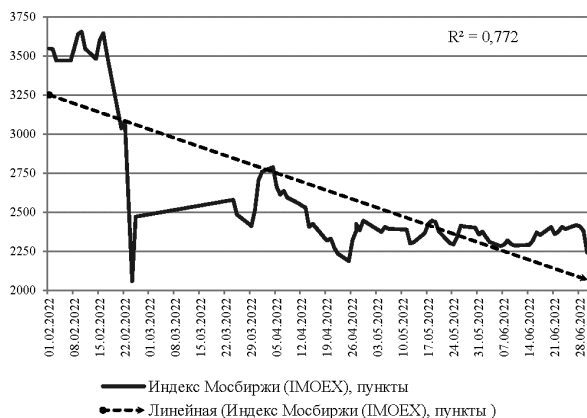

Рис. 7. Индекс Мосбиржи (IMOEX), пункты

Однако в коротком периоде рост денежной массы в Российской Федерации происходит на фоне укрепления российского рубля по отношению к доллару США. Индекс доллара США пока тоже растет на фоне укрепления российского рубля, что говорит о раскорреляции между факторами. Также необходимо отметить одновременное снижение валютной пары USD/RUB и индекса Мосбиржи (IMOEX). Поскольку сильных связей российского рубля с представленными макроэкономическими индикаторами не выявлено, можно предположить, что в настоящее время валютная пара USD/RUB зави-

сит от рассмотренных в тексте данной научной статьи нормативно-правовых актов, которые будут действовать минимум до сентября 2022 г.

Прогнозирование валютной пары USD/RUB целесообразно осуществлять с использованием уравнения линейной тенденции ее снижения в краткосрочном периоде. Прогноз валютной пары USD/RUB должен быть сделан до сентября 2022 г. При этом используются данные с 26 мая 2022 г. по 24 июня 2022 г., потому что в этот период скорость снижения приведенного индикатора существенно замедлилась в связи со смягчением валютного регулирования. Уравнение тенденции снижения валютной пары USD/RUB выглядит следующим образом:

$$y = -1,223 \cdot t + 70,111,$$

где y – прогнозные значения валютной пары USD/RUB, выраженные в российских рублях за доллар США; t – порядковый номер прогнозного периода, охватывающего период 27.06.2022 г. – 31.08.2022 г., равный одному рабочему дню на бирже.

Коэффициент тренда $b = -1,223$ показывает среднее изменение результативного показателя (в единицах измерения y) с изменением периода времени t на единицу его измерения. В данном случае с увеличением t на 1 единицу, y изменится в среднем на $-1,223$.

Ошибка аппроксимации \bar{A} составляет 6,17%, это свидетельствует о хорошем подборе уравнения тренда к исходным данным. Поскольку ошибка аппроксимации меньше 7%, то данное уравнение можно использовать в качестве тренда.

Коэффициент эластичности $E = -0,251$, он меньше 1. Следовательно, при изменении t на 1% y изменится менее чем на 1%. Другими словами, влияние t на y несущественно.

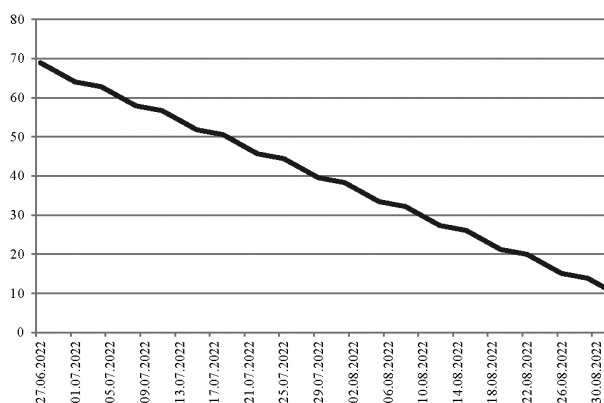

Рис. 8. Прогноз валютной пары USD/RUB, российские рубли за доллар США

Коэффициент детерминации $R^2 = 0,3685$; критерий Фишера $F = 11,67$ больше $F_{\text{табл.}} = 4,35$. Коэффициент детерминации и уравнение в целом статистически значимы.

На основе представленного уравнения тенденции рассчитаны прогнозные значения валютной пары USD/RUB до сентября 2022 г. Установлено, что к сентябрю 2022 г. валютная пара USD/RUB может еще существенно снизиться. Прогнозные значения не показывают определенные уровни, они лишь свидетельствуют о значительном снижении данной валютной пары (см. рис. 8).

Таким образом, можно ожидать дальнейшего укрепления курса российского рубля по отношению к доллару США.

Заключение

Проведенное научное исследование позволило сделать следующие выводы. Валютная пара USD/RUB зависит от многих макроэкономических индикаторов Российской Федерации, среди которых сальдо торгового баланса, индекс потребительских цен, ключевая ставка Центрального банка РФ, денежная масса, международная стоимость доллара США, индекс Мосбиржи (IMOEX). Однако в краткосрочном периоде явной связи валютной пары USD/RUB с перечисленными макроэкономическими индикаторами не прослеживается. Так, курс российского рубля по отношению к доллару США растет на фоне сжатия внешнеэкономической деятельности, повышенной, но снижающейся инфляции, мягкой денежно-кредитной политики Центрального банка РФ, увеличивающейся денежной массы, укрепления международной стоимости доллара США, снижения индекса Мосбиржи (IMOEX). Такие тенденции свидетельствуют о раскорреляции валютной пары USD/RUB с приведенными макроэкономическими индикаторами. В связи с этим прогнозирование валютной пары USD/RUB на ближайшие месяцы должно быть основано на тенденции укрепления национальной валюты страны. Прогнозирование позволило определить, что у валютной пары USD/RUB имеется потенциал дальнейшего снижения в краткосрочном периоде.

Список источников

1. Банк России вводит временный порядок операций с наличной валютой. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12738>

2. Банк России смягчил временный порядок операций с наличной валютой. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12801>

3. Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 (ред. от 09.06.2022) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410417/

4. Официальное разъяснение о применении отдельных положений Указа Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 года № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций». URL: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/5867>

5. Банк России смягчает ограничения на переводы средств за рубеж для физических лиц. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12783>

6. Установлены новые пороги на переводы средств за рубеж для физических лиц. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12878>

7. *Повышены пороги переводов средств за рубеж для физических лиц.* URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12929>
8. *С 03.03.2022 комиссия брокера за покупку иностранной валюты на биржевых торгах установлена в размере 30% от суммы сделки.* URL: <https://www.ubrr.ru/o-banke/press-centr/novosti-banka/>
9. *Информация о комиссиях при покупке валюты через брокеров.* URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=03032022_232829SUP_MEAS03032022_232925.htm
10. *Банк России вводит запрет коротких продаж на российском финансовом рынке.* URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12712>
11. *Банк России ограничивает риски инвесторов при маржинальной торговле.* URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12892>
12. *Банк России увеличил срок продажи валютной выручки экспортерами до 120 рабочих дней.* URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12906>
13. *Указ Президента РФ от 23.05.2022 N 303 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций».* URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_417442/
14. *Указ Президента РФ от 31.03.2022 № 172 (с изм. от 04.05.2022) «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа».* URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413296/
15. *Банк России принял решение повысить ключевую ставку до 20% годовых.* URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=28022022_094500Key.htm
16. *Банк России принял решение снизить ключевую ставку на 150 б.п., до 9,50% годовых.* URL: <https://cbr.ru/press/keypr/>
17. *USD/RUB – Доллар США Российский рубль. Прошлые данные – USD/RUB.* // investing.com. URL: <https://ru.investing.com/currencies/usd-rub-historical-data>
18. *Tenkovskaya L.I. The Essence of Optimism of The Economists and Investors with Regard to the Economy of Russia // Journal of Economic Science Research. 2019. Vol. 53, iss. 4. P. 1–9.*
19. *Хоботова С.Н., Долгонос И.Н. Проблемы расчета и инструменты снижения долларизации в государствах – членах ЕАЭС // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2021. Т. 19, № 1. С. 20–31.*
20. *Внешняя торговля Российской Федерации // Федеральная таможенная служба: офиц. сайт.* URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg>
21. *Цель по инфляции 4% // Центральный банк РФ.* URL: <https://cbr.ru/>
22. *Цены // Федеральная служба государственной статистики РФ.* URL: <https://rosstat.gov.ru/price>
23. *Matres JOG, Le TV The Impact of Money Supply on the Economy: A Panel Study on Selected Countries // Journal of Economic Science Research. 2021. Vol. 4, iss 4. P. 48–53.*
24. *Ключевая ставка Банка России // Центральный банк РФ.* URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/
25. *Денежные агрегаты // Центральный банк Российской Федерации: офиц. сайт.* URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/monetary_agg/
26. *Palamalai S., Mariappan K., Devakumar C. On the Temporal Causal Relationship Between Macroeconomic Variables: Empirical Evidence From India // SAGE Open. 2014. Vol. 4, № 1. P. 1–14.*
27. *Chaitip P. et al. Money Supply Influencing on Economic Growth-Wide Phenomena of AEC Open Region // International Conference of Applied Economics. 2015. Vol. 24. P. 108–115.*
28. *Majid M.Z.A. Causal Link between Money, Output and Prices in Malaysia: An Empirical Re-Examination // Applied Econometrics and International Development. 2007. Vol. 7-1.*

29. *Денежно-кредитная* и финансовая статистика // Центральный банк Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/#a_128613file

30. *Фьючерс* на индекс доллара США – Сент. '22 (DXU2). Прошлые данные – Фьючерс на индекс USD // investing.com. URL: <https://ru.investing.com/currencies/us-dollar-index-historical-data>

31. *ММВБ* – Индекс Мосбиржи (ИМОЕХ). Прошлые данные – ММВБ – Индекс Мосбиржи // investing.com. URL: <https://ru.investing.com/indices/mcx-historical-data>

References

1. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Bank Rossii vvodit vremenny poryadok operatsiy s nalichnoy valyutoy* [The Bank of Russia introduces a temporary procedure for operations with cash currency]. [Online] Available from: <https://cbr.ru/press/event/?id=12738>.

2. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Bank Rossii smyagchil vremenny poryadok operatsiy s nalichnoy valyutoy* [The Bank of Russia has relaxed the temporary procedure for operations with cash currency]. [Online] Available from: <https://cbr.ru/press/event/?id=12801>.

3. Consultant Plus. (2022) *On the application of special economic measures in connection with the unfriendly actions of the United States of America and foreign states and international organizations that have joined them. Decree of the President of the Russian Federation No. 79 of February 28, 2022 (ed. of June 09, 2022)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410417/. (In Russian).

4. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Ofitsial'noe raz'yasnenie o primeneni otidel'nykh polozheniy Ukaza Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 28 fevralya 2022 goda № 79 "O primeneni spetsial'nykh ekonomicheskikh mer v svyazi s nedruzhestvennymi deystviyami Soedinennykh Shtatov Ameriki i primknuvshikh k nim inostrannykh gosudarstv i mezhdunarodnykh organizatsiy"* [Official explanation of the application of certain provisions of the Decree of the President of the Russian Federation No. 79 of February 28, 2022, "On the application of special economic measures in connection with the unfriendly actions of the United States of America and foreign States and international organizations that have joined them"]. [Online] Available from: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/5867>.

5. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Bank Rossii smyagchaet ograniicheniya na perevody sredstv za rubezh dlya fizicheskikh lits* [The Bank of Russia eases restrictions on transfers of funds abroad for individuals]. [Online] Available from: <https://cbr.ru/press/event/?id=12783>.

6. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Ustanovleny novye porogi na perevody sredstv za rubezh dlya fizicheskikh lits* [New limits have been set for transfers of funds abroad for individuals]. [Online] Available from: <https://cbr.ru/press/event/?id=12878>.

7. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Povysheny porogi perevodov sredstv za rubezh dlya fizicheskikh lits* [The limits for transferring funds abroad for individuals have been raised]. [Online] Available from: <https://cbr.ru/press/event/?id=12929>.

8. Ural'skiy bank rekonstruktssii i razvitiya [The Ural Bank for Reconstruction and Development]. (2022) *S 03.03.2022 komissiya brokera za pokupku inostrannoy valyuty na birzhevykh torgakh ustanovlena v razmere 30% ot summy sdelki* [From 03.03.2022, the broker's commission for the purchase of foreign currency at exchange trading is set at 30% of the transaction amount]. [Online] Available from: <https://www.ubrr.ru/o-banke/press-centr/novosti-banka/>.

9. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Informatsiya o komissiyakh pri pokupke valyuty cherez brokerov* [Information about commissions when buying currency through brokers]. [Online] Available from: https://cbr.ru/press/pr/?file=03032022_232829SUP_MEAS03032022_232925.htm.

10. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Bank Rossii vvodit zapret korotkikh prodazh na rossiyskom finansovom rynke* [The Bank of Russia introduces a ban on short sales in the Russian financial market]. [Online] Available from: <https://cbr.ru/press/event/?id=12712>.

11. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Bank Rossii ogranichivaet riski investorov pri marzhinal'noy trgovle* [The Bank of Russia limits investors' risks in margin trading]. [Online] Available from: <https://cbr.ru/press/event/?id=12892>.
12. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Bank Rossii uvelichil srok prodazhi valyutnoy vyruchki eksporterami do 120 rabochikh dney* [The Bank of Russia has extended the period for the sale of foreign exchange earnings by exporters to 120 working days]. [Online] Available from: <https://cbr.ru/press/event/?id=12906>.
13. Consultant Plus. (2022) *On amendments to the Decree of the President of the Russian Federation No. 79 of February 28, 2022, "On the application of special economic measures in connection with the unfriendly actions of the United States of America and foreign states and international organizations that have joined them."* Decree of the President of the Russian Federation No. 303 of May 23, 2022. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_417442/. (In Russian).
14. Consultant Plus. (2022) *On the special procedure for the fulfillment by foreign buyers of obligations to Russian suppliers of natural gas. Decree of the President of the Russian Federation No. 172 of March 31, 2022 (with amendments of May 04, 2022).* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413296/. (In Russian).
15. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Bank Rossii prinyal reshenie povysit' klyuchevuyu stavku do 20% godovykh* [The Bank of Russia has decided to raise the key rate to 20% per annum]. [Online] Available from: https://cbr.ru/press/pr/?file=28022022_094500Key.htm.
16. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Bank Rossii prinyal reshenie snizit' klyuchevuyu stavku na 150 b.p., do 9,50% godovykh* [The Bank of Russia has decided to reduce the key rate by 150 bp, to 9.50% per annum]. [Online] Available from: <https://cbr.ru/press/keypr/>.
17. Investing.com. (n.d.) *USD/RUB – Dollar SShA Rossiyskiy rubl'. Proshlye dannye – USD/RUB* [USD/RUB – US Dollar Russian Ruble. Past data – USD/RUB]. [Online] Available from: <https://ru.investing.com/currencies/usd-rub-historical-data>.
18. Tenkovskaya, L.I. (2019) The Essence of Optimism of the Economists and Investors with Regard to the Economy of Russia. *Journal of Economic Science Research*. 4 (53). pp. 1–9. DOI: 10.30564/jesr.v2i4.1080
19. Khobotova, S.N. & Dolgonos, I.N. (2021) Problems of calculation and tools for reducing dollarization in the EAEU member states. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Ekonomika" – Herald of Omsk University. Series: Economics*. 1 (19). pp. 20–31. (In Russian). DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(1).20-31
20. Federal'naya tamozhennaya sluzhba [Federal Customs Service]. (2017) *Vneshnyaya trgovlya Rossiyskoy Federatsii* [Foreign trade of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg>.
21. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Tsel' po inflyatsii 4%* [The inflation target of 4%]. [Online] Available from: <https://cbr.ru/>.
22. Rosstat. (n.d.) *Tseny* [Prices]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/price>.
23. Matres, J.O.G. & Le, T.V. (2021) The Impact of Money Supply on the Economy: A Panel Study on Selected Countries. *Journal of Economic Science Research*. 4 (4). pp. 48–53. DOI: 10.30564/jesr.v4i4.3782
24. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Klyuchevaya stavka Banka Rossii* [Key Rate of the Bank of Russia]. [Online] Available from: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/.
25. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Denezhnye agregaty* [Monetary aggregates]. [Online] Available from: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/monetary_agg/.
26. Palamalai, S., Mariappan, K. & Devakumar, C. (2014) On the Temporal Causal Relationship between Macroeconomic Variables: Empirical Evidence from India. *SAGE Open*. 4, 1 (4). pp. 1–14. DOI: 10.1177/2158244014525419
27. Chaitip, P. et al. (2015) Money Supply Influencing on Economic Growth-Wide Phenomena of AEC Open Region. *International Conference of Applied Economics*. 24. pp. 108–115. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)00626-7

28. Majid, M.Z.A. (2007) Causal Link between Money, Output and Prices in Malaysia: An Empirical Re-Examination. *Applied Econometrics and International Development*. 7-1.

29. Bank Rossii [Bank of Russia]. (2022) *Denezhno-kreditnaya i finansovaya statistika* [Monetary and Financial Statistics]. [Online] Available from: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/#a_128613file.

30. Investing.com. (n.d.) *F'yuchers na indeks dollara SShA – Sent. '22 (DXU2). Proshlye dannye – F'yuchers na indeks USD* [Futures on the US dollar index – Sept. '22 (DXU2). Past Data – USD Index Futures]. [Online] Available from: <https://ru.investing.com/currencies/us-dollar-index-historical-data>.

31. Investing.com. (n.d.) *MMVB – Indeks Mosbirzhi (IMOEX). Proshlye dannye – MMVB – Indeks Mosbirzhi* [MICEX – The Moscow Exchange Index (IMOEX). Past data – MICEX – Mosbirzha Index]. [Online] Available from: <https://ru.investing.com/indices/mcx-historical-data>.

Сведения об авторе:

Теньковская Л.И. – аналитик фондового рынка, ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС» (Пермь, Россия). E-mail: tenkovskaya.lyudmila@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.I. Tenkovskaya, stock market analyst, Public Joint Stock Company Moscow Exchange MICEX-RTS (Perm, Russian Federation). E-mail: tenkovskaya.lyudmila@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.07.2022;
одобрена после рецензирования 31.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 06.07.2022;
approved after reviewing 31.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Научная статья
УДК 336.2
doi: 10.17223/19988648/59/14

Влияние уклонения от уплаты налогов предприятиями лесопромышленного комплекса на развитие их имущественного и технического потенциала

Игорь Анатольевич Майбуров¹, Юлия Евгеньевна Лабунец²

^{1,2} *Уральский федеральный университет имени первого Президента России*

Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ *mayburov.home@gmail.com*

² *ulya.ev_84@mail.ru*

Аннотация. Имущественный комплекс, состоящий главным образом из движимого и недвижимого имущества, являющегося объектом налогообложения транспортного налога и налога на имущество организаций, представляет собой основу функционирования любого производственного предприятия. Расширение данного комплекса и эффективное использование имущества способствуют успешному развитию предприятия и увеличению налоговых поступлений по имущественным налогам в бюджетную систему РФ. Статья посвящена изучению имущественного и технического потенциала микро, малых и средних предприятий, осуществляющих предпринимательскую деятельность в области лесозаготовок, распиловке и строгании древесины, оптовой торговле лесоматериалами, а также установлению взаимосвязи между налоговым поведением по уклонению от уплаты налогов и эффективностью использования предприятиями ЛПК имущественных активов. В своем исследовании мы исходим из предположения о том, что склонность предприятия к уклонению от уплаты налогов в налоговом поведении является основным фактором, негативно влияющим на развитие его потенциала, следовательно, на объем налоговых платежей, перечисляемых в бюджетную систему РФ. В работе были определены и проанализированы значения показателей фондовооруженности, фондоотдачи и фондоемкости по данным деятельности предприятий репрезентативной выборки, установлена взаимосвязь между неэффективным использованием средними, малыми, микропредприятиями ЛПК их активов и уклонением от уплаты налогов в налоговом поведении данных предприятий. Для решения проблем уклонения от уплаты налогов в целях дальнейшего увеличения имущественного и технического потенциала предприятиям лесного сектора предложены основные направления развития, а методом теории игр (игры с природой) определены оптимальные из предложенных направлений.

Ключевые слова: налоговое поведение, уклонение от уплаты налогов, лесопромышленный комплекс, решение, теория игр, развитие, эффективность, имущественный потенциал

Для цитирования: Майбуров И.А., Лабунец Ю.Е. Влияние уклонения от уплаты налогов предприятиями лесопромышленного комплекса на развитие их имущественного и технического потенциала // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 231–247. doi: 10.17223/19988648/59/14

The impact of tax evasion in tax behavior of forestry complex enterprises on the development of their property and technical potential

Igor A. Mayburov¹, Iulia E. Labunets²

^{1,2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ mayburov.home@gmail.com

² ulya.ev_84@mail.ru

Abstract. The basis for the functioning of any manufacturing enterprise is a property complex, consisting mainly of movable and immovable property as an object of transport tax and corporate property tax. The expansion of this complex and the efficient use of property contributes to the successful development of the enterprise and an increase in tax revenues from property tax to the budget system of the Russian Federation. The article studies the property and technical potential of micro-, small and medium-sized enterprises engaged in entrepreneurial activities in the field of logging, sawing and planing of wood, wholesale trade in timber, and also establishes the relationship between tax evasion behavior and the efficiency of the use of property assets by forestry enterprises. A representative sample of 4,134 enterprises was formed for the study. From the total set of economic entities engaged in entrepreneurial activities in the branches of the timber industry complex of Russia, only respondents registered before 01 January 2017 were selected. The level of tax risk for each enterprise of the representative sample for the period 2017–2020 is defined as a violation of the normative value of the tax burden criterion. The return on assets is taken as an indicator that characterizes the efficiency of the use of assets and the efficiency of the enterprise as a whole. Indicators of return on assets and tax burden are set in accordance with the provisions of the Concept for Planning Field Tax Audits. Statistical methods (correlation-regression analysis) were used to establish the relationship between the return on assets and the level of tax risk of forestry enterprises. In our research, we proceed from the assumption that the propensity of an enterprise to avoid paying taxes in tax behavior is the main factor that negatively affects the development of its potential and therefore the volume of tax payments transferred to the budget system of the Russian Federation. We determined and analyzed the values of indicators of capital-labor ratio, capital productivity and capital intensity according to the activities of enterprises of the representative sample; established the relationship between the inefficient use by medium, small, micro-enterprises of the forestry complex of their assets and tax evasion in the tax behavior of these enterprises. To solve the problems of tax evasion in order to further increase the property and technical potential of the enterprises of the forestry sector, the main directions of development are proposed, and the optimal of the proposed directions are determined by the method of game theory (games with nature). The Bayes criterion was used to determine the optimal strategy.

Keywords: tax behavior, tax evasion, forestry industry, solution, game theory, development, efficiency, property potential

For citation: Mayburov, I.A. & Labunets, Iu.E. (2022) The impact of tax evasion in tax behavior of forestry complex enterprises on the development of their property and technical potential. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 231–247. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/14

Введение

Лесопромышленный комплекс – один из важнейших секторов экономики страны. Следовательно, его регулирование и дальнейшее развитие является одной из приоритетных задач государства.

Стратегией развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 г. (Распоряжение Правительства РФ от 11.02.2021 № 312-р, далее – Стратегия развития лесного комплекса РФ до 2030 г.) [1] заложены основные направления совершенствования и определены результаты, которые должны достигнуть отрасли ЛПК к 2030 г. для увеличения вклада лесного комплекса в социально-экономическое развитие России. Для достижения целей Стратегии необходимо изучение текущего потенциала предприятий лесного сектора и определение объема планируемых налоговых поступлений от его развития.

Важнейшее значение для развития предприятий отраслей ЛПК имеет состояние и расширение их имущественного и технического потенциала, что также способствует увеличению налоговых поступлений по имущественным налогам в бюджетную систему РФ.

При этом проблемы налогового уклонения и высокой доли теневой экономики в отраслях ЛПК РФ остаются весьма актуальными. Так, за период 2012–2021 гг. объем налоговых поступлений от лесного сектора не превысил 0,5% от общего объема налоговых платежей в бюджетную систему страны [2]. А объем поступлений по имущественным налогам за этот же период уменьшился с 20,7 до 4,77% от общих налоговых поступлений по лесному сектору.

Причиной низких налоговых поступлений является высокий уровень уклонения от уплаты налогов, который характерен главным образом для налогового поведения микро, малых и средних предприятий ЛПК ввиду отсутствия у них реакции, обратной связи и заинтересованности в создании прозрачной конкурентоспособной среды предпринимательской деятельности.

Настоящее исследование проводилось на примере данных деятельности микро, малых и средних предприятий, осуществляющих предпринимательскую деятельность в области лесозаготовок, распиловки и строгания древесины, оптовой торговле лесоматериалами.

Целью научной статьи является установление взаимосвязи между налоговым поведением по уклонению от уплаты налогов и эффективностью использования предприятиями ЛПК имущественных активов.

Гипотеза исследования заключается в том, что склонность предприятия к уклонению от уплаты налогов в налоговом поведении является основным фактором, негативно влияющим на развитие его имущественного потенциала, следовательно, на объем налоговых платежей, перечисляемых в бюджетную систему РФ.

Объектом исследования являются микро, малые и средние предприятия, осуществляющие предпринимательскую деятельность в области лесозаго-

товок, распиловке и строгании древесины, оптовой торговле лесоматериалами.

Предмет исследования – влияние налогового поведения по уклонению от уплаты налогов на развитие имущественного потенциала предприятий ЛПК и на объем налоговых поступлений в бюджетную систему РФ.

Для проведения исследования применялись теоретические методы, метод сравнительного анализа, систематизации, методы эмпирического обобщения и конкретизации, статистические методы, экономико-математические методы (метод теории игр – игры с природой).

Методика исследования

Для исследования были выбраны объекты из всей совокупности хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в отраслях лесопромышленного комплекса России.

Объектами исследования являются юридические лица – коммерческие организации любой организационно-правовой формы в соответствии с положениями Гражданского кодекса РФ по следующим основным видам деятельности, составляющим деятельность в отраслях ЛПК РФ:

- 02. Лесозаготовка (ОКВЭД 02.20, ОКВЭД 02.40.2);
- 16. Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения (ОКВЭД 16.1, ОКВЭД 16.2);
- 46. Торговля оптовая, кроме оптовой торговли автотранспортными средствами и мотоциклами (ОКВЭД 46.13, ОКВЭД 46.73).

Для каждого вида экономической деятельности хозяйствующие субъекты – организации, образующие репрезентативную выборку для исследования, выбирались по категориям микро, малого и среднего предпринимательства. Категории микро, малого и среднего предпринимательства для отраслей ЛПК РФ определялись на основании критериев, установленных положениями Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»[3].

Периодом исследования организаций отраслей ЛПК по категориям микро, малые и средние были выбраны годы с 2017-го по 2020 включительно.

Формирование перечня объектов исследования: организации по каждому виду экономической деятельности выбирались рандомно по категориям микро, малые и средние.

Из сформированного перечня объектов исследования были исключены организации, дата регистрации которых позднее 01.01.2017, а также организации, у которых отсутствовали сведения о среднесписочной численности. Кроме того, были исключены организации, в настоящее время имеющие статус ликвидированных, которые также не вели деятельность в период исследования с 2017 по 2020 г.

В результате вышеуказанных исключений объем репрезентативной выборки объектов исследования составил в целом 4 134 единицы, или 13,3%

от генеральной совокупности предприятий ЛПК по состоянию на 01.01.2021.

Исследование применения имущества микро, малыми и средними предприятиями отраслей ЛПК осуществлялось по следующим направлениям:

1) оценка имущественного потенциала предприятий ЛПК. В рамках первого направления определялась стоимостная оценка имущественного потенциала предприятий ЛПК, проводился анализ динамики активов:

2) анализ эффективности использования имущественного потенциала предприятий ЛПК. В рамках второго направления по данным деятельности предприятий ЛПК репрезентативной выборки был произведен расчет показателей фондовооруженности, фондоотдачи и фондоемкости. За исследуемый период изучалась динамика показателя фондоотдачи и проводился анализ рентабельности активов. Рентабельность активов характеризует эффективность применения активов и эффективность деятельности предприятия в целом.

Показатель рентабельности активов определялся как один из критериев, установленных Приказом ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» (далее – Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@) [4], расчет показателя для каждого предприятия осуществлялся согласно положениям данного Приказа. Нормативное значение показателя рентабельности активов применялось согласно данным Приложения № 4 к Приказу ФНС России от 30.05.07 № ММ-3-06/333@. Рентабельность активов характеризует эффективность применения активов и эффективность деятельности предприятия в целом.

Уклонение от уплаты налогов в налоговом поведении предприятий ЛПК оценивалось уровнем налогового риска. Уровень налогового риска для каждого предприятия репрезентативной выборки за период 2017–2020 гг. определялся как нарушение нормативного значения критерия налоговой нагрузки, который является основным из 12 критериев, установленных Приказом ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@. Нормативное значение критерия налоговой нагрузки для каждого предприятия ЛПК устанавливалось с помощью данных электронного налогового сервиса – калькулятора по расчету налоговой нагрузки.

Для выявления взаимосвязи между показателем рентабельности активов и уровнем налогового риска предприятий ЛПК применялись статистические методы (корреляционно-регрессионный анализ).

С помощью метода теории игр моделировалось поведение хозяйствующих субъектов ЛПК в долгосрочной перспективе под воздействием реализации государственной стратегии развития лесного комплекса РФ до 2030 г. Соответственно в исследовании выбран вид игры – игры с природой, предполагающий моделирование действий игрока под влиянием внешних факторов.

Определено три стратегии поведения предприятий ЛПК как направления принятия решений об изменении уровня уклонения от уплаты налогов

в налоговом поведении. Соответственно сформировано три направления изменения качества продукции и технологии производства у предприятия ЛПК в долгосрочной перспективе. Для выбора оптимального направления применялся критерий Байеса [5].

Характеристика имущественного и технического потенциала предприятий

Репрезентативная выборка предприятий по категориям и видам деятельности в настоящем исследовании представлена в табл. 1.

Таблица 1. Репрезентативная выборка предприятий [6]

Масштаб деятельности по категориям	Лесозаготовки	Распиловка и строгание древесины	Оптовая торговля лесоматериалами	Всего
Средние предприятия	24	31	5	60
Малые предприятия	331	755	95	1 181
Микропредприятия	976	960	957	2 893
Всего	1 331	1 746	1 057	4 134

Средние предприятия по всем исследуемым видам деятельности ЛПК – самая малочисленная категория масштаба, микропредприятия – это преобладающая категория масштаба в репрезентативной выборке.

Таблица 2. Имущественный потенциал микро, малых и средних предприятий, ведущих деятельность в области лесозаготовок, распиловке и строгании древесины, оптовой торговле лесоматериалами по состоянию на 01.01.2021 [6]

Стоимость активов по группам, тыс. руб.	Лесозаготовка, %			Распиловка и строгание древесины, %			Оптовая торговля лесоматериалами, %		
	Средние	Малые	Микро	Средние	Малые	Микро	Средние	Малые	Микро
От 0 до 100	–	–	4,2	–	0,53	5,21	–	–	2,82
От 101 до 1000	–	0,6	11,37	–	0,79	18,75	–	–	9,82
От 1001 до 5000	–	4,53	26,54	–	6,36	32,5	–	3,16	22,88
От 5001 до 10 000	–	3,63	16,5	3,2	11,66	15,21	–	4,21	16,5
Свыше 10 000	100	91,24	41,39	96,8	80,66	28,33	100	92,63	47,98

В целях исследования имущественный комплекс микро, малых и средних предприятий, ведущих деятельность в области лесозаготовок, распиловке и строгании древесины, оптовой торговле лесоматериалами, был разделен на пять групп по стоимости активов.

По каждой категории масштаба и вида деятельности определена доля предприятий от общего количества их в репрезентативной выборке.

Таким образом, следует отметить, что практически у всех средних предприятий исследуемых видов деятельности ЛПК в выборке общая стоимость активов превышает 10 млн руб., за исключением 3,2% предприятий, занятых распиловкой и строганием древесины, имущественный комплекс по общей стоимости находится группе от 5 до 10 млн руб.

Имущество большинства малых предприятий также по общей стоимости находится в группе свыше 10 млн руб. При этом среди малых предприятий оптовой торговли лесоматериалами отсутствуют предприятия со стоимостью имущества ниже 1 млн руб. (3,16% всех выбранных малых предприятий оптовой торговли лесоматериалов), среди малых лесозаготовительных предприятий – предприятия со стоимостью от 100 тыс. руб. (0,6% всех выбранных малых лесозаготовительных предприятий). У малых предприятий, занятых распиловкой и строганием древесины, присутствуют предприятия, обладающие малоценным имуществом, не являющимся объектом налогообложения по налогу на имущество и транспортному налогу.

Имущество большинства микропредприятий репрезентативной выборки находится в группе от 1 млн руб. При этом также у микропредприятий всех видов деятельности присутствуют предприятия с малоценным имуществом: 2,82% микропредприятий оптовой торговли лесоматериалами, 4,2% микролесозаготовительных предприятий и 5,21% микропредприятий, занятых распиловкой и строганием древесины.

Таким образом, необходимо сделать вывод, что значительная часть микро, малых и средних предприятий ЛПК достаточно обеспечена собственным имуществом для осуществления предпринимательской деятельности.

Изменение активов по категориям масштаба и видам деятельности предприятий ЛПК в процентных долях представлено в табл. 3.

Таблица 3. Изменение величины активов предприятий ЛПК за период 2017–2020 гг. [6]

Изменение величины активов	Лесозаготовки, %			Распиловка и строгание древесины, %			Оптовая торговля лесоматериалами, %		
	Средние	Малые	Микро	Средние	Малые	Микро	Средние	Малые	Микро
Приобретение активов	83,33	72,81	64,96	67,74	68,74	60,94	100	74,74	63,43
Выбытие активов	16,67	27,19	35,04	32,26	31,26	39,06	–	25,26	36,57

В динамике изменения активов за период 2017–2020 гг. можно выделить две тенденции: приобретение и выбытие активов. При этом следует отметить, что в указанный период более 60% предприятий всех категорий масштаба в репрезентативной выборке увеличили свои активы, главным образом это средние и малые предприятия, осуществляющие лесозаготовительную деятельность и деятельность по оптовой торговле лесоматериалами.

**Анализ эффективности использования
имущественного потенциала предприятий ЛПК**

Изменение показателя фондоотдачи в динамике за период 2017–2020 гг. по категориям масштаба и видам деятельности предприятий ЛПК в процентных долях представлено в табл. 4.

Таблица 4. Динамика показателя фондоотдачи предприятий ЛПК за период 2017–2020 гг. [6]

Изменение значения показателя фондоотдачи	Лесозаготовки, %			Распиловка и строгание древесины, %			Оптовая торговля лесоматериалами, %		
	Средние	Малые	Микро	Средние	Малые	Микро	Средние	Малые	Микро
Увеличение	29,17	42,6	43,12	51,62	44,24	41,14	38,25	40	37,61
Уменьшение	70,83	57,4	56,88	48,38	55,76	58,86	61,75	60	62,39

Динамика показателя фондоотдачи за период 2017–2020 гг. указывает на преобладание тенденции уменьшения данного показателя. Следовательно, фондоемкость предприятий ЛПК за период 2017–2020 гг., напротив, увеличилась.

Снижение фондоотдачи микро, малых и средних предприятий ЛПК, главным образом в лесозаготовительной деятельности и в оптовой торговле лесоматериалами, свидетельствует об уменьшении эффективности организации основных факторов производства на данных предприятиях.

Значение показателя фондовооруженности определено по состоянию на 01.01.2021. Изменение показателя фондоотдачи в динамике за период 2017–2020 гг. по категориям масштаба и видам деятельности предприятий ЛПК в процентных долях представлено в табл. 5.

Таблица 5. Фондовооруженность предприятий ЛПК по состоянию на 01.01.2021 [6]

Значение показателя фондовооруженности, тыс. руб./чел.	Лесозаготовки, %			Распиловка и строгание древесины, %			Оптовая торговля лесоматериалами, %		
	Средние	Малые	Микро	Средние	Малые	Микро	Средние	Малые	Микро
От 0 до 100	–	1,5	11,28	6,05	4,24	11,46	–	–	3,78
От 101 до 1000	15,5	38,07	25,61	19,32	54,03	33,19	4,8	24,55	19,81
От 1001 до 5000	63,67	45,62	38,22	61,69	34,57	37,84	74,1	57,9	41,24
Свыше 5 000	20,83	14,81	24,89	12,94	7,16	17,51	21,1	17,55	35,17

По показателю фондовооруженности необходимо отметить, что у малых и средних предприятий, ведущих деятельность по лесозаготовке, распиловке и строганию древесины, по оптовой торговле лесоматериалами, на каждого сотрудника для осуществления производства приходится в среднем имущества стоимостью от 100 до 5000 тыс. руб.

Среди микропредприятий данных видов деятельности наблюдалась высокая доля предприятий со среднесписочной численностью от 0 до 1 чело-

века: 24,89% от всего количества выбранных лесозаготовительных предприятий, 17,51% среди микропредприятий, занятых в распиловке и строгании древесины, 35,17% среди микропредприятий оптовой торговли лесоматериалами. Следовательно, существенная доля таких микропредприятий присутствует (табл. 5) в категории значений фондовооруженности свыше 5000 тыс. руб./чел.

За каждый год исследуемого периода определено количество предприятий ЛПК видов деятельности с нарушением нормы критерия налоговой нагрузки. Динамика нарушений нормы критерия налоговой нагрузки представлена графически (рис. 1).

Рис. 1. Динамика нарушений нормы критерия налоговой нагрузки по исследуемым видам деятельности предприятий ЛПК

При этом необходимо отметить, что значительная часть предприятий ЛПК по каждому виду деятельности функционирует с нарушением нормы критерия налоговой нагрузки, а именно: 70,7% лесозаготовительных предприятий; 60,6% предприятий, занятых распиловкой древесины; 66,98% предприятий оптовой торговли лесоматериалами. И за исследуемый период количество предприятий с нарушением данного критерия менялось незначительно.

По каждому предприятию выборки определено соответствие значения критерия рентабельности активов установленной норме данного критерия по годам исследуемого периода.

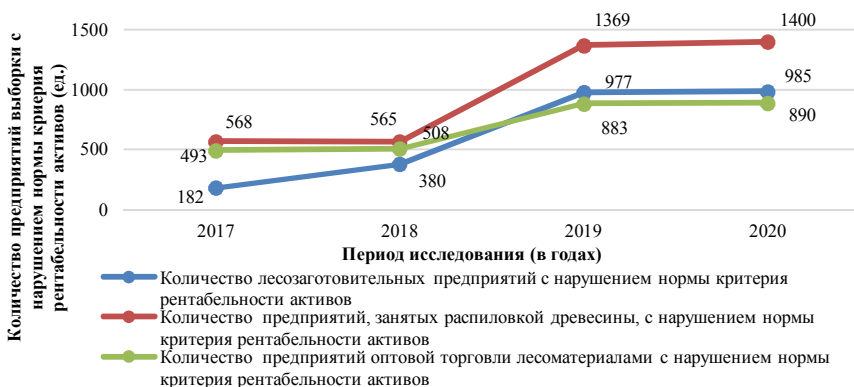

Рис. 2. Динамика нарушений нормы критерия рентабельности активов по исследуемым видам деятельности предприятий ЛПК

Согласно представленному графику (рис. 2) наблюдается значительное увеличение количества предприятий с нарушением критерия рентабельности активов за исследуемый период.

По результатам корреляционного анализа установлена сильная прямая связь между данными критериями для каждого исследуемого вида деятельности (рис. 3–5).

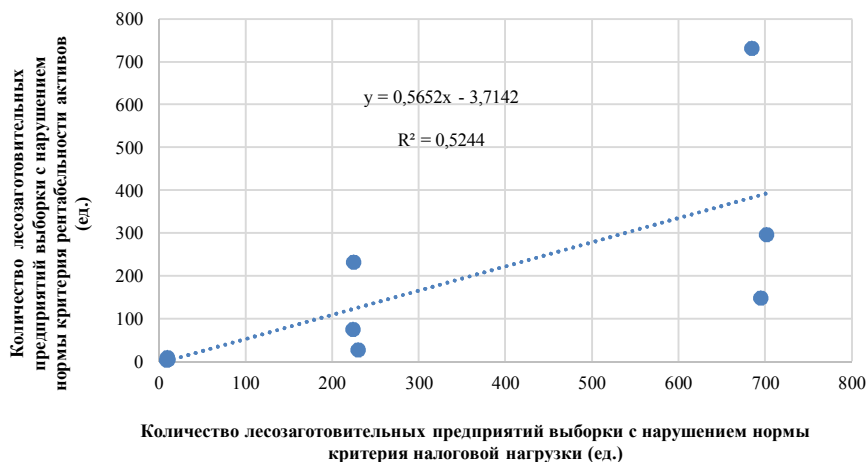

Рис. 3. Взаимосвязь критериев налоговой нагрузки и рентабельности активов у лесозаготовительных предприятий

Для лесозаготовительных предприятий коэффициент детерминации по взаимосвязи критериев налоговой нагрузки и рентабельности активов составил 0,5244 (рис. 3). Таким образом, нарушение нормы критерия налоговой нагрузки в 52,44% случаев вызывает нарушение нормы критерия рентабельности активов.

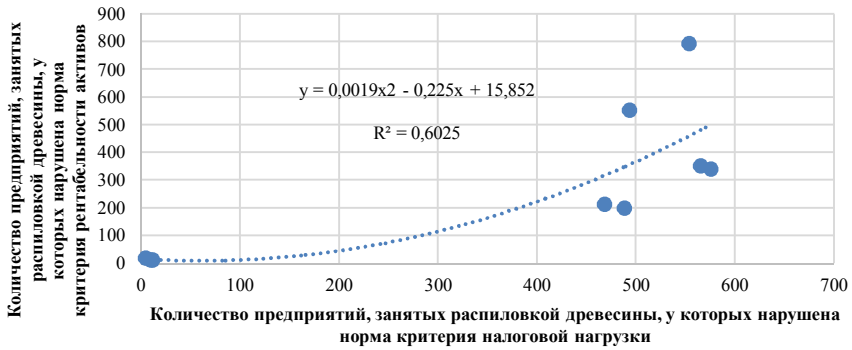

Рис. 4. Взаимосвязь критериев налоговой нагрузки и рентабельности активов у предприятий ЛПК, занятых распиловкой древесины

Для предприятий ЛПК, занятых распиловкой древесины, коэффициент детерминации по взаимосвязи критериев налоговой нагрузки и рентабельности активов составил 0,6025 (рис. 4). Таким образом, нарушение нормы критерия налоговой нагрузки в 60,25% случаев вызывает нарушение нормы критерия рентабельности активов.

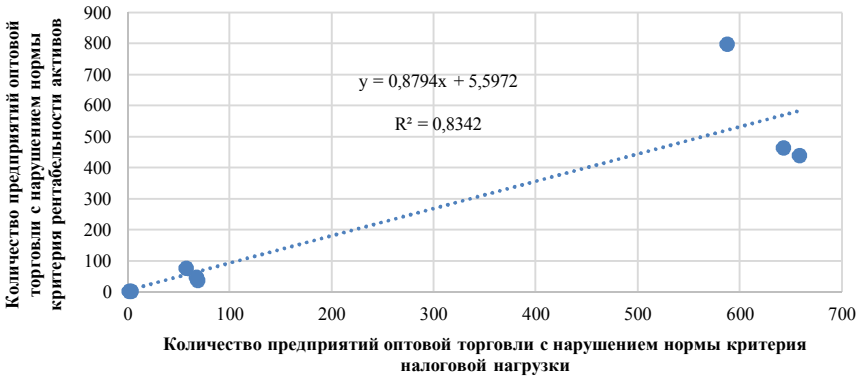

Рис. 5. Взаимосвязь критериев налоговой нагрузки и рентабельности активов у предприятий ЛПК в оптовой торговле лесоматериалами

Для предприятий оптовой торговли лесоматериалами коэффициент детерминации по взаимосвязи критериев налоговой нагрузки и рентабельности активов составил 0,8342 (рис. 5). Таким образом, нарушение нормы критерия налоговой нагрузки в 83,42% случаев вызывает нарушение нормы критерия рентабельности активов.

Итак, наиболее сильная корреляция между критериями наблюдается в налоговом поведении предприятий оптовой торговли лесоматериалами; наименьшее значение корреляции в исследуемой выборке – у предприятий лесозаготовки.

По результатам ранее проведенных нами исследований установлено, что уклонение от уплаты налогов проявляется в налоговом поведении предприятий ЛПК в различных устойчивых формах [7]. При этом наиболее часто встречающиеся формы, в том числе в целях уклонения от уплаты имущественных налогов: вертикальная и горизонтальная структуры взаимодействий предприятий с оппортунистическим поведением [8].

Вертикальная структура представлена схематично (рис. 6). Она характерна главным образом для малых и средних предприятий ЛПК. Суть функционирования такой структуры: производственную деятельность осуществляет среднее или малое предприятие – основатель на общем режиме налогообложения, созданные микропредприятия, связанные и не связанные с ЛПК на специальном режиме применяются для «хранения» имущественных активов [9]. В случае если микропредприятия регистрируются с ОКВЭД для ЛПК, они также могут применять для заключения договоров аренды лесных участков.

Рис. 6. Вертикальная структура предприятий ЛПК с оппортунистическим поведением

Очевидно, что наличие такой структуры предприятий ЛПК является причиной высокого значения показателя фондовооруженности у микропредприятий, преобладания тенденции снижения показателя фондоотдачи с одновременным наращиванием величины имущественных активов, причиной нарушения критерия рентабельности активов, снижения эффективности применения активов предприятий и их деятельности в целом.

Горизонтальная структура взаимодействия предприятий с оппортунистическим поведением также представлена схематично (рис. 7). Она харак-

терна главным образом для микропредприятий. Подобная структура состоит из микропредприятий, осуществляющих отдельные этапы производственного процесса, и зарегистрированных в качестве ИП собственников (чаще всего это только единственный учредитель, он же одновременно и директор предприятий). Данные предприятия применяют одни и те же трудовые, финансовые и материальные ресурсы.

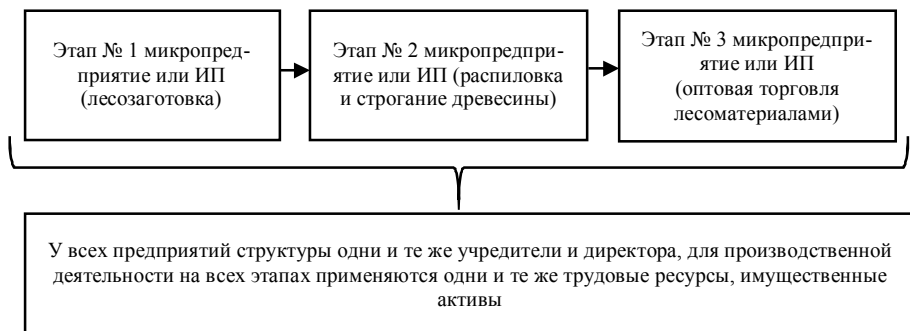

Рис. 7. Горизонтальная структура предприятий ЛПК с оппортунистическим поведением

В обеих структурах представлена фактически деятельность одного предприятия, собственники которого больше всего заинтересованы в максимизации индивидуальных выгод, создавая множество предприятий, функционирующих с высоким уровнем налогового риска и искажающих данные о реальной деятельности и имущественном состоянии отраслей ЛПК.

Формирование стратегий деятельности для предприятий ЛПК с оппортунистическим налоговым поведением

Положения Стратегии развития лесного комплекса РФ до 2030 г. предусматривают поощрение и государственную поддержку предприятиям ЛПК, стремящимся к развитию и расширению масштабов своей деятельности, улучшению качества своей продукции, совершенствованию и усложнению технологии производства и при этом функционирующих с низким налоговым риском и (или) с уровнем налогового риска в диапазоне от низкого к среднему за определенный трехлетний период деятельности.

В связи с этим в долгосрочной перспективе оппортунистическое поведение предприятий, проявляющееся в формах создания вышеуказанных структур, приведет к потере ими конкурентоспособности и сведению к минимуму личных выгод их собственников также благодаря смещению на них фокуса контрольных мероприятий, ужесточению ответственности за правонарушения и принятию ряда государственных мер, ограничивающих последующее создание таких структур.

Следовательно, для любого предприятия определенного вида деятельности в рамках ЛПК в условиях неопределенности информации о том, как будут действовать другие предприятия-конкуренты при функционировании обозначенной государственной стратегии в долгосрочной перспективе, принятие решений об изменении уровня оппортунистического поведения возможно оценить с помощью метода теории игр.

При этом можно выделить три основные стратегии поведения предприятия ЛПК:

1. Сохранить уровень оппортунистического поведения (стратегия A_1).
2. Одновременно с иными предприятиями-конкурентами снизить уровень оппортунистического поведения (например, преобразование структуры путем либо укрупнения производственной деятельности, преобразовав микропредприятия в дочерние со 100% участием предприятия-основателя в их капитале, либо с помощью реорганизации в форме присоединения к предприятию-основателю) (стратегия A_2).
3. Снизить уровень оппортунистического поведения после снижения его уровня предприятиями-конкурентами (стратегия A_3).

Кроме того, в долгосрочной перспективе качество продукции и технология производства у предприятия ЛПК может также изменяться в рамках трех общих направлений:

1. Качество продукции и технология производства останутся на прежнем уровне и будут ниже, чем у конкурентов (B_1).
2. Качество продукции и технология производства будут на уровне конкурентов (B_2).
3. Качество продукции и технология производства будут выше уровня конкурентов (B_3).

Обозначим среднюю прибыль предприятия ЛПК с оппортунистическим поведением как p . Улучшение технологии и качества производства будет увеличивать p на 1 балл, уменьшение технологии и качества производства – сокращать p на 1 балл. Сохранение уровня оппортунистического поведения увеличивает вероятность возникновения штрафных санкций и доначислений налоговых платежей, которое обозначим как x .

С учетом вышеизложенного сформируем платежную матрицу решений.

Таблица 6. Платежная матрица решений в условиях неопределенности

	B_1	B_2	B_3
A_1	$(p-1)-x$	$(p-1)-x$	$(p+1)-x$
A_2	$p-1$	p	$p+1$
A_3	$(p-1)-x$	$p-x$	$(p+1)-x$

Для определения оптимальной стратегии, соответствующей условию $\max \sum q * i$, применим критерий Байеса:

$$A_1 = 0,33*((p-1)-x) + 0,33*((p-1)-x) + 0,33*((p+1)-x) = 0,99p - 0,99x - 0,33,$$

$$A_2 = 0,33*(p-1) + 0,33p + 0,33(p+1) = 0,99p,$$

$$A_3 = 0,33*((p-1)-x) + 0,33*(p-x) + 0,33*((p+1)-x) = 0,99p - 0,99x.$$

Таким образом, для предприятий ЛПК предпочтительнее снижать уровень оппортунистического поведения для обеспечения конкурентоспособности и осуществления деятельности в долгосрочной перспективе. Оптимально, если снижение уровня оппортунистического поведения будет происходить одновременно со снижением уровня оппортунистического поведения у конкурентов предприятия ЛПК или после снижения конкурентами уровня такого поведения с одновременным совершенствованием технологии производства.

Реализация стратегий A_2 и A_3 для предприятий ЛПК даст возможность им увеличить их имущественный и технологический потенциал, более эффективно применять активы, улучшить качество продукции для выхода на внешние рынки сбыта. Для государства реализация предприятиями ЛПК указанных стратегий повысит уровень налоговых поступлений, в том числе по имущественным налогам бюджетную систему РФ.

Заключение

При исследовании имущественного потенциала микро, малых и средних предприятий, осуществляющих деятельность в области лесозаготовки, распиловки и строгания древесины, а также в оптовой торговле лесоматериалами, выявлено, что значительная часть предприятий ЛПК всех категорий масштаба обеспечены имущественными активами, необходимыми для осуществления производства, и продолжают наращивать свой имущественный потенциал. При этом динамика значений показателя фондоотдачи, фондоемкости за период 2017–2020 гг., значения показателей фондовооруженности свидетельствуют о неэффективном применении активов в производственных процессах. Снижение эффективности производства связано с наличием существенной доли микро, малых и средних предприятий ЛПК с оппортунистическим поведением. Корреляционно-регрессионный анализ данных предприятий ЛПК репрезентативной выборки показал наличие прямой взаимосвязи между уровнем налогового риска предприятий исследуемых категорий масштаба и данных о соблюдении нормативных значений критерия рентабельности активов. При этом чем выше нарушение нормативного значения по данному критерию, тем выше уровень налогового риска предприятия. Оппортунистическое поведение предприятий ЛПК проявляется в формах создания вертикальных и горизонтальных структур, представляющих собой фактически деятельность одного предприятия, собственники которого заинтересованы главным образом в максимизации индивидуальных выгод, создавая множество предприятий, функционирующих с высоким уровнем налогового риска и искажающих данные о реальной деятельности и имущественном состоянии отраслей ЛПК.

Для предприятий ЛПК с оппортунистическим поведением сформированы стратегии деятельности, методом теории игр оптимальной установлена стратегия укрупнения предпринимательской деятельности в целях дальнейшего развития имущественного и технологического потенциала пред-

приятый в соответствии с положениями Стратегии развития лесного комплекса РФ до 2030 г., повышения качества продукции и обеспечения бюджетной системы РФ дополнительными налоговыми поступлениями, в том числе по имущественным налогам.

Список источников

1. *Распоряжение* Правительства РФ от 11.02.2021 № 312-р. Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года (ред. 18.02.2021).
2. *Официальный сайт* ФНС России. URL: <https://www.nalog.ru>
3. *Федеральный закон* от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. 02.07.2021).
4. *Приказ* ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» (ред. 10.05.2012).
5. *Захаров А.В.* Теория игр в общественных науках : учеб. для вузов. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. (Учебники Высшей школы экономики). 304 с.
6. *Информационная система* СПАРК. URL: <https://spark-interfax.ru/>
7. Labunets Iu.E., Mayburov I.A. The Impact of the Size of Enterprises on Tax Evasion in the Forestry Industry of Russia // *Journal of Tax Reform*. 2022. Vol. 8, № 1. P. 88–101. doi: 10.15826/jtr.2022.8.1.110
8. *Уклонение от уплаты налогов. Проблемы и решения: монография для магистрантов, обучающихся по программам направления «Финансы и кредит»* / [И.А. Майбуров и др.] ; под ред. И.А. Майбунова, А.П. Киреевко, Ю.Б. Иванова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 463 с.
9. *Налоговый кодекс* Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 01.09.2020 №1334-ФЗ).

References

1. Russian Federation. (2021) *Order of the Government of the Russian Federation No. 312-r of February 11, 2021. Strategy for the development of the forest complex of the Russian Federation until 2030 (ed. February 18, 2021)*. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
2. FNS Rossii [Federal Tax Service of Russia]. [Online] Available from: <https://www.nalog.ru>.
3. Russian Federation. (2007) *On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation. Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007 (ed. July 02, 2021)*. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
4. Federal Tax Service of Russia. (2007) *On approval of the concept of the system of planning on-site tax audits. Order of the Federal Tax Service of Russia No. MM-3-06/333@ of May 30, 2007 (ed. May 10, 2012)*. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
5. Zakharov, A.V. (2015) *Teoriya igr v obshchestvennykh naukakh* [Game Theory in Social Sciences]. Moscow: HSE.
6. *Informatsionnaya sistema SPARK* [SPARK Information System]. (n.d.) [Online] Available from: <https://spark-interfax.ru/>.
7. Labunets, Iu.E. & Mayburov, I.A. (2022) The Impact of the Size of Enterprises on Tax Evasion in the Forestry Industry of Russia. *Journal of Tax Reform*. 1 (8). pp. 88–101. DOI: 10.15826/jtr.2022.8.1.110
8. Mayburov, I.A., Kireenko, A.P. & Ivanova, Yu.B. (eds) (2013) *Ukloneniye ot uplaty nalogov. Problemy i resheniya* [Tax Evasion. Problems and solutions]. Moscow: YUNITI-DANA.
9. Russian Federation. (2000) *The Tax Code of the Russian Federation (Part Two) No. 117-FZ of August 05, 2000 (as amended on September 01, 2020, No. 1334-FZ)*. Moscow: [s.n.].

Сведения об авторах:

Майбуров И.А. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой финансового и налогового менеджмента, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: mayburov.home@gmail.com

Лабунец Ю.Е. – аспирант кафедры финансового и налогового менеджмента, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: ulya.ev_84@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Mayburov, Dr. Sci. (Economics), Professor, head of the Department of Financial and Tax Management, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: mayburov.home@gmail.com

Iu.E. Labunets, postgraduate student, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ulya.ev_84@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.06.2022;
одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 22.06.2022;
approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Научная статья
УДК 657.6
doi: 10.17223/19988648/59/15

Оценка эффективности внутреннего контроля в риск-ориентированных проверках

Тарас Анатольевич Земцов¹, Максим Александрович Сорокин²

¹ ООО «Газпром трансгаз Томск», Томск, Россия

² ООО «НалогИнфо», Томск, Россия

¹ zetaan@mail.ru

² paiytchne@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена объединению нормативно закрепленных в российском законодательстве принципов внутреннего контроля с целями внутреннего аудита по оценке эффективности внутреннего контроля организаций. Одной из главных задач внутренних риск-ориентированных аудиторских проверок является оценка эффективности внутреннего контроля организаций, осуществляемая внутренними аудиторами для получения уверенности о наличии в обществе достаточного по количеству и масштабу комплекса контрольных процедур, способных минимизировать идентифицированные риски, наличия нормативно закрепленного контроля за их выполнением, а также полноты их выполнения сотрудниками Организации. Общеизвестно, что внутренний контроль и управление рисками взаимосвязаны. В российских нормативных документах процедуры управления рисками входят в элементы внутреннего контроля. При практическом внедрении в производственную деятельность российские организации аналогично либо объединяют системы внутреннего контроля и управления рисками, либо выделяют в параллельные механизмы управления Организацией. Описываемая в нормативных документах МФ РФ и ФНС России система внутреннего контроля достаточна для интуитивного понимания принципов ее построения. Но не дает внутренним аудиторам ответов, каким образом качественно и количественно оценивать системы внутреннего контроля. При проведении внутреннего аудита бизнес-процессов авторами изначально делался упор на выявление и оценку рисков событий и только затем на организацию внутреннего контроля в целом, что и обусловило рассматриваемый в статье подход к оценке внутреннего контроля организаций. Таким образом, в статье механизм оценки эффективности внутреннего контроля построен на основе анализа полноты регламентации и качества выполнения Контрольной процедуры, авторское определение которой отличается от понятия процедур внутреннего контроля, представленных в российском законодательстве. Проанализирована сущность и практическое проявление понятия «Контрольная процедура», охватывающая, по нашему мнению, все элементы внутреннего контроля. Предлагается достаточный для проведения качественного риск-ориентированного внутреннего аудита алгоритм оценки эффективности внутреннего контроля путем определения эффективности дизайна Контрольной процедуры, степени выполнения Контрольной процедуры, значимости события, значимости Контрольной процедуры, результативности Контрольной процедуры. Предложены качественные и количественные критерии определения показателей эффективности внутреннего кон-

троля, позволяющие практически оценить систему внутреннего контроля в Организации. На основе практического опыта оценки внутреннего контроля авторами представлен пример расчета эффективности внутреннего контроля.

Ключевые слова: эффективность внутреннего контроля, эффективность дизайна Контрольной процедуры, степень выполнения Контрольной процедуры, значимость события, значимость Контрольной процедуры, результативность Контрольной процедуры

Для цитирования: Земцов Т.А., Сорокин М.А. Оценка эффективности внутреннего контроля в риск-ориентированных проверках // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 248–260. doi: 10.17223/19988648/59/15

Original article

Evaluation of the effectiveness of internal control in risk-oriented audits

Taras A. Zemtsov¹, Maksim A. Sorokin²

¹ *Gazprom Transgaz Tomsk OOO, Tomsk, Russian Federation*

² *NalogInfo OOO, Tomsk, Russian Federation*

¹ *zetaan@mail.ru*

² *paiytchne@mail.ru*

Abstract. The article aims to integrate the principles of internal control, established in the Russian legislation, with the objectives of internal audit and evaluation of the effectiveness of organizations' internal control. One of the main tasks of internal risk-oriented audits is to assess the effectiveness of organizations' internal control by internal auditors to gain confidence about the presence in the company of a sufficient number of control procedures for minimizing identified risks, the presence of regulatory control over their implementation, as well as the completeness of their implementation by employees of the organization. It is well known that internal control and risk management are interrelated. In Russian regulatory documents, risk management procedures are part of internal control. When practically implementing them into production activities, Russian organizations either combine internal control and risk management systems, or separate them into parallel organization management mechanisms. The internal control system described in the regulatory documents of the Ministry of Finance of the Russian Federation and the Federal Tax Service of Russia is sufficient for an intuitive understanding of the principles of its construction, but it does not give internal auditors answers on how to evaluate internal control systems qualitatively and quantitatively. When conducting an internal audit of business processes, the authors initially focused on the identification and evaluation of risk events, and only further on the organization of internal control as a whole, which led to the approach to the evaluation of organizations' internal control the article discusses. Thus, the mechanism for evaluating the effectiveness of internal control is based on an analysis of the completeness of regulation and the quality of the control procedure (the authorial definition of control procedure differs from the concept of internal control procedures presented in Russian legislation). The essence and practical manifestation of the concept "control procedure", which, in the authors' opinion, covers all elements of internal control, is analyzed. An algorithm sufficient for conducting a quali-

tative risk-based internal audit is proposed to evaluate the effectiveness of internal control by determining the effectiveness of the design of the control procedure, the degree of implementation of the control procedure, the significance of the event, the significance of the control procedure, the effectiveness of the control procedure. Qualitative and quantitative criteria for determining the effectiveness of internal control indicators are proposed; they make it possible to practically evaluate the internal control system in an organization. Based on the practical experience of evaluating internal control, the authors present an example of calculating its effectiveness.

Keywords: effectiveness of internal control, effectiveness of design of control procedure, degree of implementation of control procedure, significance of risk event, significance of control procedure, effectiveness of control procedure

For citation: Zemtsov, T.A. & Sorokin, M.A. (2022) Evaluation of the effectiveness of internal control in risk-oriented audits. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 248–260. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/15

В настоящее время крупными российскими организациями уделяется огромное внимание созданию системы внутреннего контроля. Но при его организации имеется возможность ориентироваться только на международные и российские стандарты по менеджменту риска и аудиту [1–3] или выполнять требования двух нормативных документов Министерства финансов РФ (далее – МФ РФ) и Федеральной налоговой службы России (далее – ФНС) [4, 5]. При этом следует отметить, что международные стандарты имеют содержание общего характера по организации внутреннего контроля (далее – ВК), а нормативные документы МФ РФ, ФНС в первую очередь ориентированы на обеспечение полноты и своевременности уплаты (перечисления) налогов, сборов, страховых взносов и по детализации информации об организации ВК организаций сопоставимы с международными стандартами.

Исходя из этого, в условиях недостаточности информации и практических рекомендаций, необходимых для организации ВК, существует проблема достижения целей внутреннего аудита по оценке эффективности ВК и разработке мероприятий по совершенствованию ВК организаций.

Оценка эффективности ВК в рамках внутренних аудиторских проверок осуществляется внутренними аудиторами в целях получения уверенности о наличии в Организациях достаточного по количеству и масштабам комплекса Контрольных процедур, способных минимизировать идентифицированные риски. Эффективность внутреннего контроля определяется для событий, процессов и бизнес-процесса в целом.

В Информации МФ РФ № ПЗ-11/2013 [5] и иных документах, раскрывающих суть системы ВК, используется термин «процедуры внутреннего контроля» как одного из основных элементов ВК экономического субъекта, тогда как в настоящей статье применяется термин «Контрольные процедуры», несмотря на то, что данные термины фактически являются синонимами.

Различие терминов заключается в том, что в рамках данной статьи под термином «Контрольные процедуры» подразумевается не только действия,

направленные на минимизацию рисков, влияющих на достижение целей экономического субъекта в рамках осуществления ВК, но и действия, осуществляемые при реализации в организациях всех элементов внутреннего контроля.

В вышеуказанной Информации МФ РФ, по нашему мнению, недостаточно точно определено понятие «процедуры внутреннего контроля», которые описываются как действия, направленные на минимизацию рисков, влияющих на достижение целей экономического субъекта.

Следует отметить, что любые действия сотрудников влияют на достижение целей экономического субъекта, вопрос в том, в какой мере и какого характера влияние, позитивное или негативное.

Второй вопрос в том, что бездействия также влияют на достижение целей экономического субъекта и их влияние зачастую более значимое, чем у действий.

Третий вопрос заключается в том, что все элементы внутреннего контроля – это системы упорядоченных и нормативно закрепленных действий, выполняемых ответственными сотрудниками организаций.

И четвертый вопрос состоит в том, что цель не минимизировать риск, но оптимизировать, в отдельных случаях даже игнорировать.

Вкладываемый нами смысл в термин «Контрольные процедуры» также не совпадает с аналогичным термином из Приказа ФНС № ЕД-7-23/518@ [4] вследствие того, что в рассматриваемом Приказе ФНС в качестве контрольных процедур предусмотрен широкий, но тем не менее закрытый список также только действий.

В качестве примера рассмотрим такой элемент внутреннего контроля, как оценка рисков. Оценка рисков представляет собой процесс выявления и анализа рисков, который состоит из процедур, напрямую направленных именно на минимизацию рисков влияющих на достижение целей экономического субъекта.

Другим элементом ВК является оценка внутреннего контроля, которая таким же образом состоит из процедур, напрямую направленных на минимизацию рисков, влияющих на достижение целей экономического субъекта.

Учитывая, что на протяжении последних нескольких лет в крупных организациях системы ВК организовывается по модели трех линий защиты [6, 7], согласно которой внутренний аудит является третьей линией защиты, т.е. осуществляет надзор за системой управления рисками и внутреннего контроля, то и процедуры оценки внутреннего контроля в рамках настоящей статьи являются контрольными процедурами, тестирование которых необходимо для оценки эффективности внутреннего контроля.

Исходя из вышеизложенного, рассмотрим осуществляемый в ходе проведения риск-ориентированных проверок подход к оценке эффективности внутреннего контроля через определение основных понятий ВК и определение эффективности дизайна Контрольной процедуры, степени выполнения Контрольной процедуры, значимости события, значимости Контрольной процедуры, результативности Контрольной процедуры. Термины, использу-

емые в настоящей статье, раскрыты в ранее изданных статьях «Планирование внутренних риск-ориентированных проверок», «Оценка рисков в риск-ориентированных проверках подразделениями внутреннего аудита» [8, 9].

При оценке эффективности ВК в рамках внутренних аудиторских проверок следует учитывать, что:

– по отобраным для проведения оценки процессам бизнес-процесса определяются составляющие их контрольные процедуры, для контрольных процедур устанавливаются события, влекущие реализацию рисков.

– по каждому риску выполнение 100% контрольных процедур, предусмотренных нормативной документацией Организации, подзаконными актами органов власти, законодательством РФ, позволяет снизить риск до несущественного уровня (при отсутствии фактов выявления внутренними аудиторами контрольных процедур, необходимых для достижения целей бизнес-процесса, но не предусмотренных вышеуказанными нормативными документами);

– особенности порядка оценки эффективности внутреннего контроля по каждому из бизнес-процессов необходимо уточнять конкретной Методикой проведения риск-ориентированной проверки бизнес-процесса [8].

Проанализировав сущность и практическое проявление понятия «Контрольная процедура», мы пришли к выводу, что наиболее точным в целях проведения аудита будет следующее определение: Контрольная процедура – это способы исключения (снижения) вероятности реализации риска и предотвращения (смягчения) последствий наступления неблагоприятных событий, возникающих вследствие реализации риска. В целом следует отметить, что нами в рамках проводимого исследования в качестве контрольных процедур рассматриваются любые действия и бездействия, регламентируемые и не регламентируемые нормативной документацией и учредительными документами Организации, которые влияют на вероятность реализации риска и значимость последствий реализации риска.

Оценка эффективности внутреннего контроля складывается из оценок:

- 1) значимости события;
- 2) значимости каждой Контрольной процедуры;
- 3) результативности Контрольной процедуры в соответствующей системе контрольных процедур.

Оценка значимости события осуществляется исходя из степени его значимости (в %) в достижении целей процесса или бизнес-процесса в целом с учетом следующих принципов:

– если на достижение целей влияет одно событие, степень его влияния составит 100%;

– если на достижение целей влияет несколько событий одновременно, то степень влияния каждого будет пропорциональна их количеству (т.е. $=100\%/n$, где n – количество влияющих событий). При разной значимости событий степень влияния каждого определяется экспертным путем;

– при оценке степени влияния учитываются также неконтролируемые события (не охваченные комплексом контрольных процедур);

– общий вес всех событий соответствующего процесса/бизнес-процесса в целом составляет 100%;

– источник риска является событием в рамках оценки значимости события.

Оценка значимости Контрольной процедуры в системе контрольных процедур осуществляется исходя из степени влияния (в %) оцениваемой Контрольной процедуры на предотвращение соответствующего события:

– если определенное событие становится возможным при отсутствии (нерезультативности) нескольких контрольных процедур, степень влияния каждой Контрольной процедуры будет пропорциональна их количеству (т.е. $= 100\%/n$, где n – количество необходимых контрольных процедур для данного события). Если при этом отдельные контрольные процедуры представляются более существенными среди прочих контрольных процедур, определение степени влияния производится экспертным путем;

– при оценке степени влияния учитываются также дополнительно внесенные в карту проверки отсутствующие, но необходимые контрольные процедуры;

– общий вес всех контрольных процедур соответствующей оцениваемой системы контрольных процедур составляет 100%.

Оценка результативности Контрольной процедуры складывается из оценок:

1) эффективности дизайна Контрольной процедуры;

2) степени выполнения Контрольной процедуры.

Оценка эффективности дизайна Контрольной процедуры осуществляется в целях получения уверенности о качестве организации Контрольной процедуры и ее способности минимизировать риски при условии, что контрольные процедуры будут выполняться в полном объеме и в полном соответствии с нормативной документацией головной организации и Организации. Эффективность дизайна контрольных процедур оценивается по следующим параметрам:

1. Наличие нормативно зафиксированного требования о необходимости проведения Контрольной процедуры.

2. Описание порядка организации Контрольной процедуры в нормативной документации Организации.

3. Достаточность детализации Контрольной процедуры в нормативной документации Организации.

Контрольная процедура признается достаточно детализированной, если в нормативной документации Организации закреплены:

– лица, ответственные за выполнение каждой из контрольных процедур (указано ли в нормативной документации Организации лицо (подразделение), ответственное за выполнение Контрольной процедуры), назначен ли сотрудник (и его дублер), ответственный за выполнение Контрольной процедуры, если нормативная документация Организации не утверждает лиц, ответственных за выполнение);

– порядок выполнения Контрольной процедуры (по какому принципу, с помощью каких инструментов, программного обеспечения, установленных

схем или алгоритмов выполняется Контрольная процедура или же должно быть указано или должно быть однозначно понятно, что степень выполнения Контрольной процедуры зависит только от компетентности исполнителя (например, оценочная деятельность);

– необходимость выполнения Контрольной процедуры для всех осуществляемых операций или же имеются исключения, для которых проведение Контрольной процедуры не обязательно, обоснованы ли такие исключения, не несут ли дополнительных рисков для Организации;

– правила фиксирования документальных подтверждений выполнения Контрольной процедуры (документирование факта осуществления Контрольной процедуры);

– порядок осуществления контроля за качеством выполнения Контрольной процедуры, в том числе:

а) правила фиксирования документальных подтверждений осуществления контроля (документирование факта проведения контроля, визирование результатов контролером);

б) ответственность конкретных лиц (по должностному уровню, кадровой позиции, функциональной роли или конкретному исполнителю) за качественное выполнение Контрольной процедуры;

с) периодичность осуществления контроля (по факту выполнения, ежедневно, еженедельно, ежемесячно);

д) ответственность конкретных лиц (по должностному уровню, кадровой позиции, функциональной роли или конкретному лицу) за проведение контроля выполнения Контрольной процедуры и качества выполнения Контрольной процедуры.

4. Актуальность описания в нормативной документации Организации порядка функционирования Контрольной процедуры с учетом действующей организационной и кадровой структуры, замены ответственных лиц и исполнителей на период их отсутствия и т.п.

5. Ограничение вероятности возникновения конфликта интересов (применяется ли принцип разделения обязанностей и предупреждения конфликта интересов).

6. Компетентность ответственных исполнителей. Если из нормативной документации следует, что качество выполнения Контрольной процедуры зависит от компетентности исполнителей, следует выяснить, назначено ли для выполнения отдельных функциональных обязанностей лицо (и его дублер), обладающее достаточной компетенцией или опытом работы в своей области, или соответствующий должностной уровень контролера и исполнителя, или предусмотрено ли нормативной документацией Организации проведение внутреннего обучения и аттестации, проводятся ли фактически такие обучение и аттестация и т.д.

7. Надежность информации, используемой в рамках Контрольной процедуры. Оценивается возможность использования ненадежной информации, когда исполнитель имеет возможность передавать результаты своего труда на следующий этап процесса, если эти результаты предварительно

не проверяются или не контролируются должным образом или если факт проведения контроля не задокументирован.

Оценка эффективности дизайна Контрольной процедуры осуществляется по возможности с применением всех 7 приведенных выше параметров. Допускается оценка по части приведенных параметров в зависимости от применимости отдельных параметров к конкретной Контрольной процедуре, количества контрольных процедур, процессов, особенностей построения бизнес-процессов.

Оценка эффективности дизайна Контрольной процедуры по приведенным параметрам осуществляется на этапе подготовки (актуализации) Карты проверки или на этапе проведения проверки на основании требований об организации Контрольной процедуры, содержащихся в нормативной документации головной организации и Организации.

Оценка эффективности дизайна Контрольной процедуры по приведенным параметрам осуществляется в баллах с применением шкалы, приведенной в табл. 1.

Таблица 1. Шкала оценки эффективности дизайна Контрольной процедуры

Качество дизайна	Баллы	Характеристика оценки качества дизайна
Плохое	0	Контрольная процедура не предусмотрена нормативной документацией Организации
Неудовлетворительное	1	Контрольная процедура предусмотрена нормативной документацией Организации, но не детализируется процедура ее выполнения
С недостатками	2	Контрольная процедура предусмотрена, но недостаточно детализирована в нормативной документации Организации
Хорошее	3	Контрольная процедура предусмотрена и достаточно детализирована в нормативной документации Организации для текущего и последующего контроля

Оценка эффективности дизайна Контрольной процедуры по приведенным параметрам осуществляется также на этапе непосредственно проведения проверки, если отдельные контрольные процедуры организованы и выполняются на практике, но не задокументированы в нормативной документации Организации. В этом случае по вышеуказанным параметрам оценивается фактическая организация выполнения Контрольной процедуры и при необходимости указывается на недостаточность детализации Контрольной процедуры в нормативной документации Организации. При наличии таких процедур в отчетных документах по результатам риск-ориентированной проверки также отмечают данный факт с рекомендацией внести изменения и дополнения в нормативную документацию Организации с целью перевода указанных Контрольных процедур из разряда добровольно выполняемых в разряд обязательных.

Оценка эффективности дизайна Контрольной процедуры, полученная в ходе проведения проверки, может снизить ранее присвоенную (при составлении или актуализации Карты проверки) оценку эффективности дизайна Контрольной процедуры, но до уровня не ниже «Дизайн Контрольной процедуры с недостатками». Снижение оценки применяется в том случае, когда в части задокументированных параметров присвоена высокая оценка, а в части незадокументированных параметров фактическая организация процедуры имеет недостатки.

Оценка эффективности дизайна Контрольной процедуры, полученная в ходе проведения проверки, может повысить ранее присвоенную (при составлении или актуализации Карты проверки) оценку эффективности дизайна Контрольной процедуры, но до уровня не выше «Дизайн Контрольной процедуры с недостатками». Повышение оценки применяется в том случае, когда в части задокументированных параметров присвоена низкая оценка, а в части незадокументированных параметров фактическая организация процедуры не имеет замечаний.

Оценка степени выполнения Контрольной процедуры осуществляется в целях получения уверенности о качественном выполнении предусмотренного комплекса контрольных процедур, способных минимизировать идентифицированные риски. Оценка осуществляется путем сопоставления фактического выполнения Контрольной процедуры с предусмотренным дизайном Контрольной процедуры.

В ходе анализа степени выполнения Контрольной процедуры необходимо дать оценку выполнения Контрольной процедуры в объеме, порядке и в соответствии с предусмотренным для этой процедуры дизайном с учетом следующего:

- в части параметров, описанных в нормативной документации Организации, оценка степени выполнения Контрольной процедуры осуществляется путем сопоставления с требованиями нормативной документации Организации;

- если какие-либо параметры Контрольной процедуры не регламентированы нормативной документацией Организации, однако организованы на практике, степень выполнения таких параметров Контрольной процедуры оценивается в соответствии с фактически заявленной Организацией Контрольной процедурой;

- если отдельные значимые параметры Контрольной процедуры не регламентированы нормативной документацией Организации и не организованы на практике, степень выполнения Контрольной процедуры оценивается исходя из того, что указанные значимые параметры должны являться составной частью дизайна Контрольной процедуры и должны выполняться.

Оценка степени выполнения Контрольной процедуры осуществляется в баллах с применением шкалы, приведенной в табл. 2, и с учетом требований 7 приведенных выше параметров.

Таблица 2. Шкала оценки степени выполнения Контрольной процедуры

Степень выполнения Контрольной процедуры	Баллы	Характеристика оценки качества дизайна
Плохое	0	Контрольная процедура не выполняется или выполняется менее чем на 30%
Неудовлетворительное	1	Контрольная процедура практически не выполняется или выполняется с несоблюдением большинства требований (выполняется на 30–60%)
Недостаточное	2	Контрольная процедура выполняется не всегда или выполняется с несоблюдением отдельных требований (выполняется на 60–90%)
Хорошее	3	Контрольная процедура выполняется в основном всегда или с соблюдением всех требований (выполняется более 90%)

Оценка степени выполнения Контрольной процедуры по каждой единице Выборки отображается в рабочих таблицах.

Оценка результативности Контрольной процедуры определяется путем умножения результатов оценки показателей эффективности дизайна Контрольной процедуры и степени выполнения Контрольной процедуры в баллах, с применением шкалы, приведенной в табл. 3.

Таблица 3. Шкала оценки результативности Контрольной процедуры

Общая оценка результативности Контрольной процедуры	Интервал баллов
Низкая	0,0–3,9
Средняя	4,0–6,9
Высокая	7,0–9,0

Рассмотрим оценку результативности Контрольной процедуры на примере риска «Нарушение сроков поставок газа вследствие отсутствия МТР для проведения работ по восстановлению работоспособности магистральных газопроводов в результате аварий». В рамках данного риска можно выделить событие «Невыполнение процедур обновления аварийного запаса МТР». Для снижения вероятности возникновения вышеуказанного события одной из контрольных процедур будет являться КП «Выявление МТР АЗ с истекающими сроками хранения при смене лица, ответственного за хранение и техническое состояние МТР».

Далее предположим, что в ходе аудиторских процедур:

- при оценке дизайна Контрольной процедуры выявлено, что в нормативной документации Организации отсутствуют положения, регулирующие порядок смены лица, ответственного за хранение и техническое состояние материально-технических ресурсов аварийного запаса;

- при оценке степени выполнения Контрольной процедуры выявлено, что при смене вышеуказанного ответственного лица фактическая передача дел не осуществлялась, и как следствие, многие материально-технических ресурсы аварийного запаса оказались непригодными для дальнейшего использования по причине истекшего срока годности.

Исходя из предложенной ситуации, производится оценка Результативности контрольной процедуры. Пример оценки результативности контрольной процедуры представлен в табл. 4.

Таблица 4. Пример оценки результативности контрольной процедуры, баллы

Эффективность дизайна Контрольной процедуры	Степень выполнения Контрольной процедуры	Результативность Контрольной процедуры	Выводы
0	0	0	Результативность контрольной процедуры на низком уровне, требуется регламентация контрольной процедуры, риск реализован по причине истекшего срока годности МТР

Итоговая оценка эффективности внутреннего контроля определяется на основании оцененных значений:

- результативности Контрольной процедуры (гр. 1 в табл. 5);
- влияния Контрольной процедуры на риск (гр. 2 в табл. 5);
- влияния события на риск (гр. 4 в табл. 5).

Пример оценки эффективности внутреннего контроля представлен в табл. 5.

Таблица 5. Пример оценки эффективности внутреннего контроля

	Результативность Контрольной процедуры (РКП), баллы	Влияние Контрольной процедуры на риск	Эффективность контроля события (гр. 4 = гр. 1×гр. 2)	Влияние события на риск	Эффективность внутреннего контроля процесса (гр. 6 = гр. 4×гр. 5)
1	2	3	4	5	6
<i>Процесс 1</i>					
Событие № 1					
Контрольная процедура № 1	Средняя (5)	33% (0,33)	48% =(5*0,33+8*0,33+0*0,33)/9 (max РКП)	70%	54,3% =48%*70% +69%*30%
Контрольная процедура № 2	Высокая (8)	33% (0,33)			
Контрольная процедура № 3	Низкая (0)	33 % (0,33)			
Событие № 2					
КП № 1	Высокая (9)	30% (0,3)	69% =(9*0,3+5*0,7)/9 (max РКП)	30%	
КП № 2	Средняя (5)	70% (0,7)			

Значение уровня эффективности внутреннего контроля процесса определяется в соответствии со шкалой:

- 1) высокая эффективность внутреннего контроля – более 90%;
- 2) средняя эффективность внутреннего контроля – в диапазоне от 60 до 90%;

- 3) низкая эффективность внутреннего контроля – в диапазоне от 30 до 60%;
- 4) неудовлетворительная эффективность внутреннего контроля – менее 30%.

Список источников

1. *О введении в действие международных стандартов аудита на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов Министерства финансов Российской Федерации*: утв. приказом Минфина России от 09.01.2019 № 2н // БД КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

2. *ГОСТ Р ИСО 31000-2019 Менеджмент риска. Принципы и руководство*: утв. приказом Росстандарта от 10.12.2019 № 1379-ст // БД КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

3. *ГОСТ Р 51897-2011/Руководство ИСО 73:2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Термины и определения*: утв. приказом Росстандарта от 16.11.2011 № 548-ст // БД КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

4. *Об утверждении требований к организации системы внутреннего контроля, а также форм и форматов документов, представляемых организациями при раскрытии информации о системе внутреннего контроля*: утв. приказом ФНС России от 25.05.2021 № ЕД-7-23/518@ // БД КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

5. *Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности*: Информация Минфина России № ПЗ-11/2013 // БД КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

6. *О рекомендациях руководителям службы внутреннего контроля, службы внутреннего аудита, службы управления рисками финансовых организаций*: Информационное письмо Банка России от 24.12.2020 № ИН-06-14/180 // БД КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

7. *О рекомендациях по организации управления рисками, внутреннего контроля, внутреннего аудита, работы комитета совета директоров (наблюдательного совета) по аудиту в публичных акционерных обществах*: Информационное письмо Банка России от 01.10.2020 № ИН-06-28/143 // БД КонсультантПлюс: справ.-правовая система.

8. Земцов Т.А., Сорокин М.А. Планирование внутренних риск-ориентированных проверок // Аудит. 2019. № 5. С. 19–24.

9. Земцов Т.А., Сорокин М.А. Оценка рисков в риск-ориентированных проверках подразделениями внутреннего аудита // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 130–144.

References

1. Consultant Plus. (2019) *On the introduction of international auditing standards in the territory of the Russian Federation and on the invalidation of certain orders of the Ministry of Finance of the Russian Federation: approved by Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 2n of January 09, 2019*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

2. Consultant Plus. (2019) *GOST R ISO 31000-2019 Risk management. Principles and guidelines: approved by the order of Rosstandart No. 1379-st of December 10, 2019*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

3. Consultant Plus. (2011) *GOST R 51897-2011/ISO 73:2009 Manual. National Standard of the Russian Federation. Risk management. Terms and definitions: approved by the order of Rosstandart No. 548-st of November 16, 2011*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

4. Consultant Plus. (2021) *On approval of the requirements for the organization of the internal control system, as well as the forms and formats of documents submitted by*

organizations when disclosing information about the internal control system: approved by Order of the Federal Tax Service of Russia No. ED-7-23/518@ of May 25, 2021. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

5. Consultant Plus. (2013) *Organization and implementation by an economic entity of internal control of the facts of economic life, accounting and preparation of accounting (financial) statements: Information of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. PZ-11/2013*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

6. Consultant Plus. (2020) *On recommendations to the heads of the Internal Control Service, Internal Audit Service, Risk Management Service of financial organizations: Information Letter of the Bank of Russia No. IN-06-14/180 of December 24, 2020*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

7. Consultant Plus. (2020) *On recommendations on the organization of risk management, internal control, internal audit, the work of the Audit Committee of the Board of Directors (Supervisory Board) in public joint stock companies: Information Letter of the Bank of Russia No. IN-06-28/143 of October 01, 2020*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

8. Zemtsov, T.A. & Sorokin, M.A. (2019) Planning internal risk oriented audits. *Audit*. 5. pp. 19–24. (In Russian).

9. Zemtsov, T.A. & Sorokin, M.A. (2022) Risk assessment in risk-oriented audits by internal audit units. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 130–144. (In Russian). DOI: 10.17223/19988648/57/9

Сведения об авторах:

Земцов Т.А. – консультант, ООО «Газпром трансгаз Томск» (Томск, Россия). E-mail: zetaan@mail.ru

Сорокин М.А. – аудитор, ООО «НалогИнфо» (Томск, Россия). E-mail: pai-tchne@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.A. Zemtsov, consultant, Gazprom Transgaz Tomsk OOO (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zetaan@mail.ru

M.A. Sorokin, auditor, NalogInfo OOO (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pai-tchne@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.05.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 16.05.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Научная статья
УДК 330.322.54
doi: 10.17223/19988648/59/16

Календарное планирование инвестиционных проектов в условиях ограниченности ресурсов и неопределённости

Александр Михайлович Булавчук¹,
Дарья Владиславовна Семенова²

^{1,2} *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

¹ *ABulavchuk@sfu-kras.ru*

² *DVSemenova@sfu-kras.ru*

Аннотация. В работе рассматривается задача календарного планирования инвестиционного проекта с ограниченными ресурсами в денежной форме и критерием максимума чистой приведённой стоимости. Задача предполагает поиск оптимального расписания выполнения множества взаимосвязанных работ. Ресурсами проекта выступают собственные средства организации, а также реинвестированная прибыль от реализации проекта. Кроме того, учитывается возможность привлечения заёмных средств. Компоненты потоков платежей представляют собой случайные величины, характеризующие доходы и расходы по проекту. В работе представлен обзор подходов к оценке рисков проектов для разных способов учета фактора неопределённости. В ходе вычислительных экспериментов с использованием разработанного ранее генетического алгоритма произведена оценка распределения критерия оптимальности. Были проанализированы случаи дискретного и непрерывного распределения параметров проекта. Найденные оптимальные расписания сравнивались по уровню риска и размеру прибыли.

Ключевые слова: задача календарного планирования, инвестиционный проект, NPV, риск, оценка риска

Источник финансирования: работа поддержана Красноярским математическим центром, финансируемым Минобрнауки РФ в рамках мероприятий по созданию и развитию региональных НОМЦ (Соглашение 075-02-2020-1534/1).

Для цитирования: Булавчук А.М., Семенова Д.В. Календарное планирование инвестиционных проектов в условиях ограниченности ресурсов и неопределённости // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 261–274. doi: 10.17223/19988648/59/16

Resource-constrained project scheduling problem under uncertainty of cash flows

Aleksandr M. Bulavchuk¹, Darya V. Semenova²

^{1,2} Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

¹ ABulavchuk@sfu-kras.ru

² DVSeменова@sfu-kras.ru

Abstract. Investment project scheduling problem is an important problem in the field of production management. Determining the optimal start time for activity allows ensuring a higher level of project's profit. The article considers an investment project that involves the implementation of a given number of activities for a certain period of time. Each of the activities is characterized by the duration of its implementation, the cost of resources and the income that it provides. In addition, the technological and organizational relationships between the activities are known. This, in particular, can be expressed in the need to complete one activity before doing another. The sources of project financing are the organization's own funds, as well as income received when performing activities. The article considers a situation when all project resources can be presented in monetary form. The project budget is assumed to be known in advance. The planning of the budget, as well as income and expenses for the project, is carried out by years. The net present value (*NPV*) was used to evaluate the results of the project implementation. This indicator represents the value of the profit from all planned activities, discounted to the time the investment started. Thus, the investment project scheduling problem that we are considering is to find the optimal start time for each of the activities, at which the restrictions on the sufficiency of funds, the interconnection of activities are met and the maximum *NPV* is ensured. In the proposed statement of the resource-constrained project scheduling problem, the only parameters expressing the uncertainty of the conditions for the implementation of the project are the components of the payment flow. We considered a situation in which the timing of the project and individual activities, as well as the company's own funds, are not subject to fluctuations. Random project parameters were considered independent. The article presents an overview of approaches to project risk assessment for different ways of taking into account the uncertainty factor. In particular, options for scenario analysis, outcome tree construction and simulation were considered. Using the genetic algorithm developed by the authors, a series of computational experiments was carried out. The analysis was carried out for cases of discrete and continuous distribution of project parameters. Based on the results of the experiments, schedules were found that are optimal for various values of random project parameters. For each schedule, the risk of stopping the project due to lack of funds was determined. The found schedules were compared by average *NPV* values, as well as by risk level. Conclusions were drawn about the choice of schedule, taking into account the cost of raising borrowed funds.

Keywords: scheduling problem, investment project, *NPV*, risk, risk assessment

For citation: Bulavchuk, A.M. & Semenova, D.V. (2022) Resource-constrained project scheduling problem under uncertainty of cash flows. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 261–274. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/16

Введение

Календарное планирование как метод управления проектами возник сравнительно недавно. Потребность в планировании этапов работ, объемов необходимых ресурсов и сроков строительства существовала с древнейших времен. Однако подходы к решению этих задач сформировались только в XX в. Одной из первых форм описания проектных работ с привязкой ко времени выполнения считают диаграммы Ганта, появившиеся в 1910-х гг. [1]. Предложенные инженером Генри Гантом ленточные графики первоначально использовались при разработке крупномасштабных военных и инфраструктурных проектов в США. Появление удобного метода визуализации привело к тому, что этап расстановки проектных работ во времени, получивший название календарного планирования, стал неотъемлемой частью инвестиционного проектирования.

В 1930-е гг. в СССР разрабатывались методы поточного выполнения строительных работ. Были созданы новые инструменты визуализации, приспособленные для проектов высокой сложности. Начало активного использования математических моделей календарного планирования пришлось на 1950-е гг. Это было связано с потребностью планирования и управления сложными проектами, состоящими из большого числа взаимосвязанных работ. Такие проекты требовали объединения усилий многих исполнителей и значительных ресурсов. В этот период укрепилось понимание важности календарного планирования и оперативного управления в обеспечении высокого качества принимаемых решений. Моделирование позволяло также уменьшить сроки выработки решения и обеспечить возможность его корректировки в изменяющихся условиях. Подходы к календарному планированию, существовавшие в тот период времени, не соответствовали сложности решаемых задач. Это привело к возникновению и развитию математического аппарата, а также активному применению вычислительной техники. В этот период появились такие формы представления календарных планов, как CRM (Critical Path Method) и PERT (Project Evaluation and Review Technique). Вместе с новыми формами записи были разработаны и методы решения задач календарного планирования, например метод критического пути.

Разнообразие рассматриваемых ситуаций привело к тому, что изучение задач календарного планирования (ЗКП) велось в рамках различных научных дисциплин. В теории сетевого планирования, например, решались задачи оптимального распределения ресурсов при выполнении комплекса работ. Теория расписаний рассматривала процессы обработки изделий и транспортировки продукции, в которых задействованы ресурсы оборудования и других видов основных средств. Кроме того, задачи планирования деятельности по оказанию услуг, а также распределения поступающих клиентских заявок изучались в рамках теории массового обслуживания.

Календарное планирование играет важную роль в процессах организации и управления инвестиционным проектом. Календарный план – это

проектно-технологический документ, определяющий порядок работ, их продолжительность и объем задействованных в каждый момент производственных ресурсов разных видов [2]. Качество календарного плана определяется также полнотой учета технологических особенностей конкретного проекта. Основная цель календарного планирования состоит в составлении таких расписаний выполнения работ, которые удовлетворяют всем технологическим ограничениям, а также обеспечивают рациональное использование производственных ресурсов. Критерий оптимальности расписания должен отражать наиболее существенную характеристику плана (например, длительность реализации проекта, совокупные затраты, прибыль, эффективность использования ресурсов, экологичность производства). Кроме того, могут быть использованы и комплексные критерии. В практике численного решения из-за сложности учета большого числа факторов обычно рассматриваются задачи с укрупненными параметрами и единственным критерием оптимальности.

Постановка задачи

Рассмотрим инвестиционный проект, предполагающий выполнение заданного количества работ за определенный промежуток времени. Каждая из работ характеризуется длительностью её выполнения, затратами ресурсов и доходами, которые она генерирует. Кроме того, известны технологические и организационные взаимосвязи между работами. Это, в частности, может выражаться в необходимости завершения одной работы до выполнения другой.

Источниками финансирования проекта являются собственные средства организации, а также доходы, полученные в процессе его реализации. Для простоты будем считать, что все ресурсы проекта могут быть сведены к денежным. Бюджет проекта известен заранее. Будем считать, что в отсутствие достаточного объема средств на выполнение любой из работ проект должен быть остановлен. Планирование бюджета, а также доходов и расходов по проекту будем вести по годам.

Для оценки результатов реализации проекта воспользуемся показателем чистой приведенной стоимости (NPV). Данный показатель представляет собой стоимость прибыли от всех запланированных работ, дисконтированную к моменту начала инвестирования.

Таким образом, рассматриваемая нами задача календарного планирования инвестиционного проекта заключается в нахождении оптимального времени начала для каждой из работ, при котором выполняются ограничения на достаточность средств, взаимосвязь работ и обеспечивается максимум NPV .

Основными проявлениями факторов неопределенности, действующих в процессе реализации проекта, будут недополучение запланированных доходов и рост издержек реализации проекта. Таким образом, возникает необходимость рассматривать затраты и доходы по проекту в качестве

случайных величин, а их прогноз осуществлять, делая предположения о характеристиках распределений этих случайных величин.

Сформулируем математическую постановку описанной оптимизационной задачи. Пусть $V = \{1, 2, \dots, N\}$ – множество запланированных работ, связанных друг с другом отношением частичного порядка E . Каждая из работ характеризуется сроками $Q = (q_1, q_2, \dots, q_N)$, необходимыми для ее выполнения. Обозначим через $c_j(\tau)$ случайные величины поступлений от j -й работы в момент времени τ . Для отрицательных значений $c_j(\tau)$ речь будет идти о расходах на выполнение работы. Бюджет проекта в момент t обозначим через $K(t)$, а ставку дисконтирования – через r_0 . Кроме того, обозначим через N_t множество работ, выполняемых в интервале $[t; t+1)$. Будем искать оптимальные сроки начала каждой из работ, которые образуют расписание выполнения проекта $S = (s_1, s_2, \dots, s_N)$.

Чистый приведенный доход от j -й работы рассчитывается по формуле

$$NPV_j = \sum_{\tau=0}^{q_j} \frac{c_j(\tau)}{(1+r_0)^\tau}. \quad (1)$$

Ниже представлен итоговый вид оптимизационной модели.

$$NPV(S) = \max_S \left[\sum_{j \in V} \frac{NPV_j}{(1+r_0)^{s_j}} \right], \quad (2)$$

$$s_i + q_i \leq s_j, \quad (i, j) \in E, \quad (3)$$

$$\sum_{t=0}^{t^*} \frac{K(t)}{(1+r_0)^t} + \sum_{t=0}^{t^*} \sum_{j \in N_t} \frac{c_j(t-s_j)}{(1+r_0)^t} \geq 0, \quad t^* = 1, 2, \dots, T-1. \quad (4)$$

Рассматриваемая модель предложена Е.А. Казаковцевой и В.В. Сервахом [3, 4].

Очевидно, что целевая функция модели представляет собой случайную величину, распределение которой зависит от распределений случайных характеристик работ. Отметим также, что при заданном допустимом расписании S целевая функция $NPV(S)$ есть линейная комбинация величин поступлений от каждой из работ:

$$NPV(S) = \sum_{j=1}^N \sum_{\tau=0}^{q_j} \alpha_j(\tau) \cdot c_j(\tau), \quad (5)$$

где $\alpha_j(\tau) = (1+r_0)^{-(\tau+s_j)}$.

Подходы к оценке рисков проекта

Даже самое упрощенное описание инвестиционного проекта будет содержать параметры, значения которых могут со временем измениться. В особенности это касается долгосрочных проектов со сложной внутренней структурой. Планирование таких проектов и прогнозирование целевых

показателей ведутся в условиях неопределенности. Под неопределенностью в проектном анализе принято понимать неполноту и неточность информации об условиях реализации проекта.

С неопределенностью тесно связано понятие инвестиционного риска. В разных источниках риск определяется по-разному. Наиболее существенным отличием нам представляется учет «знака» последствий. Так, например, в рекомендациях по стандартизации менеджмента риска [5] он определяется как следствие влияния неопределенности на достижение поставленных целей. Под влиянием понимается положительное или отрицательное отклонение от ожидаемого результата или события. Характеризуя риск, как правило, описывают возможные события или их результаты.

Другие авторы при характеристике риска делают акцент на ухудшении положения. Например, П.Л. Виленский называет риском возможность возникновения таких условий, которые приведут к негативным последствиям для всех или некоторых участников проекта [6]. При этом автор замечает, что, в отличие от неопределенности, понятие риска субъективно. Разные участники проекта могут видеть в одних и тех же событиях как угрозы, так и возможности для себя.

В предложенной нами постановке ЗКП единственными параметрами, выражающими неопределенность условий реализации проекта, выступают компоненты потока платежей. Далее будем считать, что временные характеристики проекта, а также запасы собственных средств компании не подвержены колебаниям. Рассмотрим, как могут быть адаптированы популярные на практике методы количественной оценки рисков к сформулированной модели.

Если при реализации проекта могут возникнуть условия, существенным образом влияющие на основные его характеристики, имеет смысл оценивать изменения параметров в совокупности. Для каждого сценария развития событий мы будем иметь дело с набором фиксированных характеристик проекта. Такой подход, в частности, позволяет учитывать взаимное влияние параметров.

Как правило, число рассматриваемых сценариев невелико. Не нарушая общности подхода, можно остановиться на трёх сценариях: пессимистическом, оптимистическом и нейтральном, которым соответствуют потоки платежей C^- , C^+ и C^0 . Поскольку все параметры модели для каждого из сценариев известны, могут быть найдены расписания S^- , S^+ и S^0 , обеспечивающие максимум NPV . При описании сценариев оцениваются также вероятности развития событий по каждому из них: p^- , p^+ и p^0 . По этим данным может быть оценено среднее значение прибыли для выбранного расписания. Например, для нейтрального сценария имеем

$$NPV(S^0) = p^- \cdot NPV(S^0, C^-) + p^0 \cdot NPV(S^0, C^0) + p^+ \cdot NPV(S^0, C^+).$$

При проведении экспертной оценки вариантов развития проекта неопределенные параметры часто задаются в виде дискретных случайных

величин. Ввиду сложности прогнозирования обычно рассматривается небольшое число исходов. Например, компоненты потока платежей для j -й работы в каждый момент времени τ могут быть представлены следующим образом:

$$\begin{aligned} c_j^-(\tau) & \text{ с вероятностью } p_j^-(\tau); \\ c_j^0(\tau) & \text{ с вероятностью } p_j^0(\tau); \\ c_j^+(\tau) & \text{ с вероятностью } p_j^+(\tau). \end{aligned}$$

Тот или иной исход создает новые условия для последующих работ по проекту. При этом последовательности исходов, позволяющие завершить проект, могут отличаться значением целевой функции. Кроме того, часть реализаций приведет к приостановке проекта раньше срока по причине недостаточности средств. Визуальной моделью такого развития событий может служить дерево исходов. Двигаясь вдоль ветвей такого дерева, можно построить все возможные векторы параметров проекта. Для каждого из этих векторов и любого из расписаний, соответствующих условиям частичного порядка, можно проверить выполнение бюджетных ограничений. Если ограничения выполняются, можно определить значение NPV . В противном случае можно определить вероятность того, что проект не будет реализован.

Если компоненты потока платежей характеризуются непрерывными случайными величинами или же имеют значительное число дискретных исходов, применение сценарных методов затруднено. В такой ситуации оценку рисков можно производить, моделируя распределение NPV методом Монте-Карло. Тип и характеристики распределения NPV в некоторых случаях можно получить аналитически. Пусть, например, все компоненты потока платежей представляют собой независимые случайные величины, которые подчиняются нормальному закону распределения $c_j(\tau) \in N(\mu_j(\tau), \sigma_j(\tau))$. Тогда для каждого допустимого расписания S верно, что $NPV(S) \in N(\mu(S), \sigma(S))$, где

$$\mu(S) = \sum_{j=1}^N \sum_{\tau=0}^{q_j} \alpha_j(\tau) \cdot \mu_j(\tau), \text{ а } \sigma(S) = \sqrt{\sum_{j=1}^N \sum_{\tau=0}^{q_j} \alpha_j^2(\tau) \cdot \sigma_j^2(\tau)}.$$

Устойчивостью относительно композиции случайных величин обладают, например, биномиальное распределение и распределение Пуассона [7, 8]. Эти свойства позволяют анализировать свойства закона распределения $NPV(S)$ для выбранного допустимого расписания без моделирования распределения в ходе испытаний.

Для сравнения расписаний можно использовать такие характеристики распределений, как среднее значение NPV , дисперсия и коэффициент вариации прибыли [9]. Две последние характеристики часто используют для сравнения риска проектов. Однако рассмотренные ранее определения риска показывают, что отклонения целевого показателя в большую сторону с полным основанием могут не считаться риском. В этом случае характеристики колеблемости случайной величины для оценки риска подходят пло-

хо. В качестве альтернативы предлагается оценивать вероятность получения прибыли не ниже заданного уровня и по этой характеристике сравнивать уровень риска расписаний [10].

При расчете характеристик распределения $NPV(S)$ возникает необходимость учитывать также риск того, что при определенных сочетаниях случайных характеристик проект не будет реализован. Чтобы иметь возможность продолжить работы по проекту, можно привлечь заёмные средства. В каждый момент времени, когда ограничение на достаточность средств не выполняется, мы будем компенсировать разницу за счет кредита, плата за пользование которым взимается по ставке r^* . Расходы на привлечение кредитных ресурсов будут уменьшать размер NPV .

Случай дискретного распределения параметров проекта

Продemonстрируем применение описанных выше метрик риска к задаче календарного планирования. Рассмотрим условный проект, состоящий из 6 работ. На рис. 1 приведен сетевой график проекта. Стрелками на графике соединены работы, связанные отношениями частичного порядка. Для j -й работы на графике приведено значение параметра q_j – число лет реализации. Работы с номерами (0) и (7) представляют собой моменты начала и конца проекта и имеют длительность 0.

Предельный срок реализации проекта составляет 8 лет. Будем считать размер бюджета проекта постоянным и равным 5 единицам на начало каждого года. Примем ставку дисконтирования r_0 равной 10 % годовых.

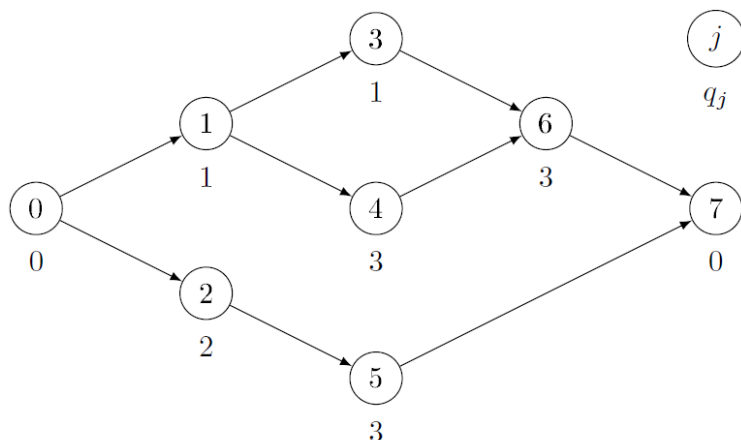

Рис. 1. Сетевой график проекта

Рассмотрим несколько вариантов представления случайных характеристик проекта. Для случая дискретного распределения компонентов потока платежей зададим для каждой величины $c_j(\tau)$ два возможных значения $\{c_j^-(\tau), c_j^+(\tau)\}$, которые будем считать равновероятными. Указанные величины приведены в табл. 1.

Таблица 1. Дискретные параметры потока платежей

j	τ			
	0	1	2	3
1	{-5,5, -4,4}	{-2,2, -1,76}		
2	{-5,5, -4,4}	{-1,65, -1,32}	{4,5, 5,4}	
3	{-1,65, -1,32}	{9, 10,8}		
4	{-5,5, -4,4}	{-5,5, -4,4}	{1,8, 2,16}	{7,2, 8,64}
5	{4,95, 5,94}	{5,4, 6,48}	{4,05, 4,86}	{1,8, 2,16}
6	{-5,5, -4,4}	{-2,2, -1,76}	{-3,3, -2,64}	{7,2, 8,64}

Учитывая, что общее число параметров работ равно 19, число ветвей дерева исходов равно $2^{19} = 524288$. Для моделирования распределений NPV в зависимости от расписания проведем 10000 вычислительных экспериментов. В ходе каждого эксперимента будем случайно выбирать вариант потока платежей и находить оптимальное расписание и значение NPV . Поиск оптимальных расписаний выполнялся с помощью ранее разработанного авторами генетического алгоритма [11].

В зависимости от случайной реализации потока платежей оптимальным оказывалось одно из четырёх расписаний (табл. 2).

Среднее значение максимума NPV свидетельствует о предпочтительности расписания (1, 0, 2, 2, 2, 5) перед другими в ситуации, когда это расписание допустимо. Однако необходимо учитывать также риск невозможности завершить проект без привлечения дополнительных средств. Этот риск можно определить как долю числа экспериментов, для которых выбранное расписание оказывалось недопустимым из-за ограниченности бюджета проекта. Таким образом, для наиболее выгодного расписания мы сталкиваемся с наибольшим риском остановки проекта.

Таблица 2. Оптимальные расписания проекта (дискретный случай)

Расписание	Число экспериментов	Среднее значение NPV	Доля случаев недопустимости
(1, 3, 2, 2, 5, 5)	4867	6,904	0
(1, 0, 2, 2, 2, 5)	2434	12,166	0,756
(0, 2, 1, 2, 4, 5)	2561	8,811	0,5
(1, 2, 4, 2, 4, 5)	138	8,596	0,251

Если для какого-либо эксперимента расписание оказывается недопустимым, мы можем рассчитать скорректированную величину NPV_D по формуле

$$NPV_D(S) = NPV(S) - D(S) \cdot (1+r)^*$$

где $D(S)$ – размер суммарного дефицита средств. NPV_D показывает текущую стоимость прибыли с учетом затрат на привлечение заёмных средств. Для распределения NPV_D могут быть найдены характеристики, по которым можно сравнивать уровень риска для различных расписаний. На рис. 2 приведены графики плотности распределения NPV_D для различных расписаний при $r^* = 0$.

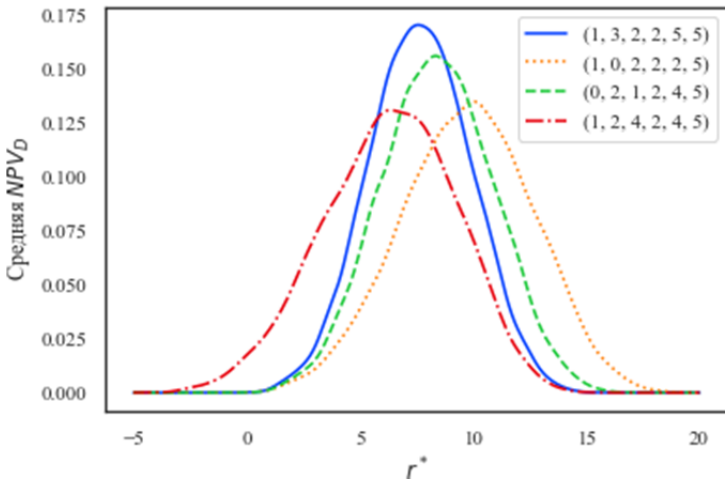

Рис. 2. Плотности распределения NPV_D

В табл. 3 представлены величины скорректированной прибыли, а также оценки риска выбора каждого из расписаний.

Таблица 3. Характеристики прибыли и риска проекта (дискретный случай)

Расписание	Средняя NPV_D	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации	Вероятность того, что $NPV_D < 8$
(1, 3, 2, 2, 5, 5)	7,644	2,234	0,292	0,561
(1, 0, 2, 2, 2, 5)	9,720	2,893	0,298	0,277
(0, 2, 1, 2, 4, 5)	8,399	2,467	0,294	0,436
(1, 2, 4, 2, 4, 5)	6,279	2,920	0,465	0,706

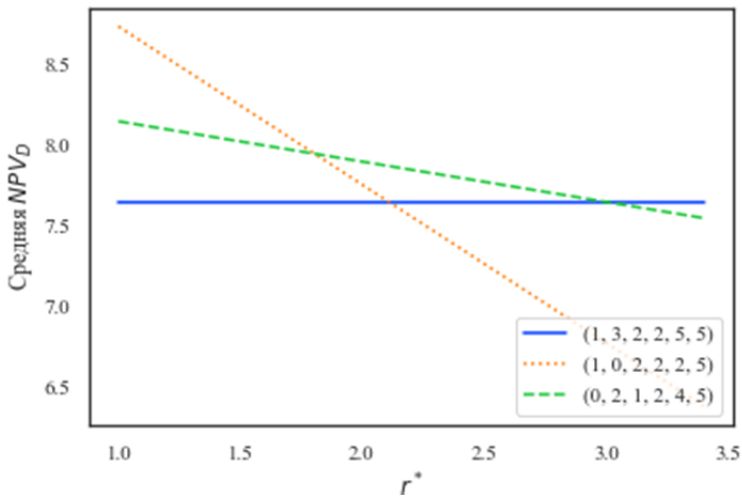

Рис. 3. Зависимость средней NPV_D от стоимости кредита

Расписание (1, 0, 2, 2, 2, 5) характеризуется наибольшим риском по стандартному отклонению и коэффициенту вариации, но даже с учетом затрат на ликвидацию дефицита средств позволяет получить наибольшую среднюю прибыль.

Среднее значение NPV_D для всех расписаний, кроме расписания (1, 3, 2, 2, 5, 5), зависит от размера r^* . На рис. 3 графически представлены указанные зависимости для тех расписаний, относительно которых нельзя сделать однозначный выбор по характеристикам дохода и риска.

Таким образом, при $r^* \leq 2,133$ наибольшую среднюю прибыль обеспечивает расписание (1, 0, 2, 2, 2, 5), при $2,133 \leq r^* \leq 3,016$ – расписание (0, 2, 1, 2, 4, 5), а при $r^* \geq 3,016$ – расписание (1, 3, 2, 2, 5, 5), для которого риск нехватки средств отсутствует.

Случай непрерывного распределения параметров проекта

Пусть теперь компоненты потоков платежей будут распределены по нормальному закону с параметрами $c_j(\tau) \in \mathcal{N}(\mu_j(\tau), \sigma_j(\tau))$. Для расчёта параметров распределений воспользуемся формулами:

$$\mu_j(\tau) = \frac{c_j^-(\tau) + c_j^+(\tau)}{2}, \quad \sigma_j(\tau) = \frac{\mu_j(\tau) - c_j^-(\tau)}{3},$$

компоненты которых приведены в табл. 1.

В непрерывном случае число различных векторов параметров является бесконечно большим, однако мы можем получить представление о распределении NPV , проведя вычислительные эксперименты. В табл. 4 приведены результаты экспериментов.

В отличие от дискретного случая, когда крайние значения параметров потока платежей выбирались с вероятностью 0,5, при нормальном распределении $c_j(\tau)$ большинство исходов соответствует середине интервала. Число оптимальных расписаний уменьшилось до трёх, а расписание с наибольшей средней NPV имеет очень высокий риск дефицита средств.

Таблица 4. Оптимальные расписания проекта (непрерывный случай)

Расписание	Число экспериментов	Среднее значение NPV	Доля случаев недопустимости
(1, 3, 2, 2, 5, 5)	1502	7,332	0
(1, 0, 2, 2, 2, 5)	82	11,683	0,992
(0, 2, 1, 2, 4, 5)	8416	8,737	0,150

В табл. 5 приведены характеристики риска и скорректированной прибыли для случая $r^* = 0$. В данном случае расписание (0, 2, 1, 2, 4, 5) лучше расписания (1, 3, 2, 2, 5, 5) и по среднему значению прибыли, и по уровню риска.

На рис. 4 представлены графики плотности распределения NPV_D для различных расписаний.

Таблица 5. Характеристики прибыли и риска проекта (непрерывный случай)

Расписание	Средняя NPV_D	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации	Вероятность того, что $NPV_D < 8$
(1, 3, 2, 2, 5, 5)	7,671	0,738	0,096	0,671
(1, 0, 2, 2, 2, 5)	9,913	1,000	0,101	0,028
(0, 2, 1, 2, 4, 5)	8,659	0,799	0,092	0,207

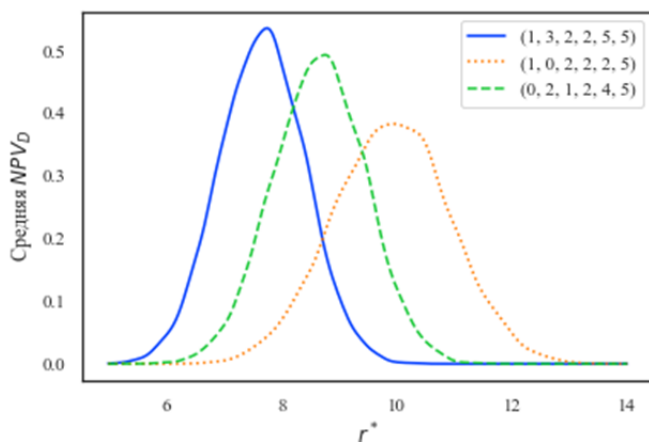

Рис. 4. Плотности распределения NPV_D

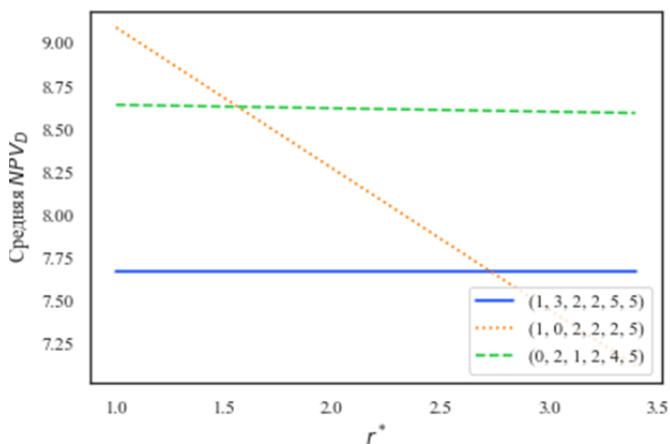

Рис. 5. Зависимость средней NPV_D от стоимости кредита

Для непрерывного случая также могут быть найдены интервалы r^* , на которых какое-либо из расписаний обеспечивает максимум средней NPV_D . Соответствующие графики приведены на рис. 5. При $r^* \leq 1,571$ наибольшую среднюю прибыль обеспечивает расписание (1, 0, 2, 2, 2, 5), при $1,571 \leq r^* \leq 49,471$ – расписание (0, 2, 1, 2, 4, 5), а при $r^* \geq 49,471$ – расписание (1, 3, 2, 2, 5, 5), реализуемое без привлечения кредита во всех случаях.

Заключение

Рассмотренная задача календарного планирования инвестиционного проекта представляет важную проблему в сфере управления производством. Определение оптимальных сроков начала работ позволяет обеспечить более высокий уровень прибыли от проекта. Решение задачи осложняется неопределенностью отдельных характеристик проекта. К числу таких характеристик относятся потоки платежей для отдельных работ. Способ учета неопределенности параметров проекта влияет на выбор подхода к оценке рисков. Проведенный анализ демонстрирует способы выбора расписаний на основе вычислительных экспериментов. Для нахождения оптимальных расписаний использовался предложенный авторами генетический алгоритм. Для случаев дискретного и непрерывного распределения были рассчитаны оценки рисков и сделаны выводы о выборе расписания. В работе рассматривался случай независимости случайных параметров проекта друг от друга. В ходе дальнейшего исследования предполагается рассмотрение задачи многокритериальной оптимизации, а также учет взаимного влияния случайных параметров проекта.

Список источников

1. Павлов А.С., Гинзбург А.В., Гусакова Е.А., Каган П.Б. Управление крупномасштабными проектами строительства промышленных объектов. М. : Изд-во МИСИ – МГСУ, 2019. 188 с.
2. Леонтьев А.А. Управление строительством : учеб. пособие. СПб., 2009. 202 с.
3. Казаковцева Е.А., Сервах В.В. Сложность задачи календарного планирования с кредитованием // Дискретный анализ и исслед. опер. 2015. Т. 22, № 4. С. 35–49.
4. Сервах В.В., Сухих С.Л. Гибридный алгоритм для задачи календарного планирования с учетом реинвестирования прибыли // Автоматика и телемеханика. 2004. Вып. 3. С. 100–107.
5. ГОСТ Р 50.1.094-2014 Менеджмент риска. Идентификация, оценка и обработка риска проекта на прединвестиционном, инвестиционном и эксплуатационном этапах. Введ. 01.12.2015. М. : Стандартинформ, 2012. 20 с.
6. Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов: Теория и практика. 3-е изд., испр. и доп. М. : Дело, 2004. 888 с.
7. Ширяев А.Н. Вероятность : в 2 кн. 4-е изд., перераб. и доп. М. : МЦНМО, 2007. 416 с.
8. Джонсон Н.Л., Коц С., Балакришнан Н. Одномерные непрерывные распределения: справочник : в 2 ч. М. : Лаборатория знаний, 2017. Ч. 1. 706 с.
9. Уразаева Т.А. Алгебраические методы анализа риска в развивающихся экономиках. Йошкар-Ола : Поволжский государственный технологический университет, 2017. 276 с.
10. Подиновский В.В. Меры риска как критерии выбора при вероятностной неопределенности // Искусственный интеллект и принятие решений. 2015. № 2. С. 60–74.
11. Bulavchuk A.M., Semenova D.V. Genetic Algorithm Based on Idempotent Algebra Methods for RCPSPP // 2021 IEEE 15th International Conference on Application of Information and Communication Technologies (AICT). 2021. P. 1–4.

References

1. Pavlov, A.S. et al. (2019) *Upravlenie krupnomasshtabnymi proektami stroitel'stva promyshlennykh ob'ektov* [Management of Large-Scale Projects for the Construction of Industrial Facilities]. Moscow: Moscow State University of Civil Engineering.

2. Leont'ev, A.A. (2009) *Upravlenie stroitel'stvom* [Construction Management]. Saint Petersburg: International Institute of Economics and Law.
3. Kazakovtseva, E.A. & Servakh, V.V. (2015) Complexity of the project scheduling problem with credits. *Diskretnyi Analiz i Issledovanie Operatsii*. 4 (22). pp. 35–49. (In Russian).
4. Servakh, V.V. & Sukhikh, S.L. (2004) Hybrid algorithm for scheduling with regard for reinvestment of profits. *Avtomatika i telemekhanika – Automation and Remote Control*. 3. pp. 100–107. (In Russian).
5. Russkoe obshchestvo upravleniya riskami [Russian Risk Management Society]. (2015) *GOST R 50.1.094-2014. Risk management. Project risk identification, assessment and handling at the pre-investment, investment and operational stages. Introduced 01.12.2015*. Moscow: Standartinform. (In Russian).
6. Vilenskiy, P.L., Livshits, V.N. & Smolyak, S.A. (2004) *Otsenka effektivnosti investitsionnykh proektov: Teoriya i praktika* [Evaluation of the Effectiveness of Investment Projects: Theory and practice]. 3rd ed. Moscow: Delo.
7. Shiryaev, A.N. (2007) *Veroyatnost'* [Probability]. 4th ed. Moscow: Moscow Center for Continuous Mathematical Education.
8. Johnson, N.L., Kotz, S. & Balakrishnan, N. (2017) *Odnomernye nepreryvnye raspredeleniya* [Continuous Univariate Distributions]. Translated from English by O.I. Volkova, M.S. Strigunova & N.A. Shikhova. Part 1. Moscow: Laboratoriya znaniy.
9. Urazaeva, T.A. (2017) *Algebraicheskie metody analiza riska v razvivayushchikhsya ekonomikakh* [Algebraic Methods of Risk Analysis in Developing Economies]. Yoshkar-Ola: Volga State University of Technology.
10. Podinovskiy, V.V. (2015) Measures of risk as criteria for choice under probabilistic uncertainty. *Iskusstvennyy intellekt i prinyatie resheniy – Artificial Intelligence and Decision Making*. 2. pp. 60–74. (In Russian).
11. Bulavchuk, A.M. & Semenova, D.V. (2021) Genetic Algorithm Based on Idempotent Algebra Methods for RCPSP. *AICT 2021*. Proceedings of the 15th International Conference on Application of Information and Communication Technologies. Online. 13–15 October 2021. IEEE. pp. 1–4.

Сведения об авторах:

Булавчук А.М. – старший преподаватель кафедры социально-экономического планирования, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия). E-mail: ABulavchuk@sfu-kras.ru

Семенова Д.В. – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей и прикладной математики, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия). E-mail: DVSeменова@sfu-kras.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.M. Bulavchuk, senior lecturer, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ABulavchuk@sfu-kras.ru

D.V. Semenova, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: DVSeменова@sfu-kras.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.05.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 14.05.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Научная статья
УДК 338.2
doi: 10.17223/19988648/59/17

Оценка влияния «углеродного» риска на российскую финансовую систему

Роман Михайлович Качалов¹, Ольга Владимировна Кудрявцева²,
Сергей Владимирович Чернявский³, Лилия Темуровна Альчикова⁴

^{1,3} *Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия*

^{2,4} *МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

¹ *kachalovlya@yandex.ru*

² *olgakud@mail.ru*

³ *vols85-85@mail.ru*

⁴ *olgakud@mail.ru*

Аннотация. Глобальное изменение климата и переход стран к низкоуглеродной модели экономики ставят перед компаниями вызовы, связанные с климатическими рисками. Некорректная оценка рисков и неготовность компаний функционировать в новых условиях могут привести к крупным финансовым потерям. Цель данной работы – оценить влияние «углеродного» риска на российский финансовый рынок, а также определить наличие премии за данный риск с помощью регрессионных моделей и методов портфельного анализа. Полученные авторами оценки чувствительности секторов российской экономики к «углеродному» риску сигнализируют о том, что все секторы в той или иной степени подвержены риску, связанному с переходом к низкоуглеродной экономике. Наибольший вклад в чувствительность российской экономики к данному риску составляют нефтегазовая и энергетическая отрасли. Наименее чувствительны к риску компании, занимающиеся производством товаров широкого потребления, сферы здравоохранения и недвижимости. Авторами не было найдено статистически значимой премии за «углеродный» риск для российского финансового рынка. При интерпретации результатов необходимо принимать во внимание, что в силу недостатка данных о деятельности российских компаний при оценке моделей использовались факторы, отражающие тренды в мировой экономике. Несмотря на то, что полученные до настоящего момента оценки не учитывают региональных особенностей России, использованный авторами подход может представлять интерес для инвесторов и исследователей, занимающихся анализом ситуации на рынках, в которых также наблюдается недостаток или отсутствуют нефинансовые данные о компаниях.

Ключевые слова: изменение климата, антропогенное воздействие, низкоуглеродная экономика, климатические риски, «углеродный» риск, портфельный анализ

Источник финансирования: данное исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-010-00403-А).

Для цитирования: Качалов Р.М., Кудрявцева О.В., Чернявский С.В., Альчикова Л.Т. Оценка влияния «углеродного» риска на российскую финансовую систему // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 275–289. doi: 10.17223/19988648/59/17

Original article

Assessment of the influence of carbon risk on the Russian financial system

Roman M. Kachalov¹, Olga V. Kudryavtseva²,
Sergey V. Chernyavskiy³, Lilia T. Alchikova⁴

^{1,3} *Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

^{2,4} *Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *kachalovlya@yandex.ru*

² *olgakud@mail.ru*

³ *vols85-85@mail.ru*

⁴ *olgakud@mail.ru*

Abstract. Global climate change and the transition of countries to a low-carbon model of the economy pose challenges for companies to quantify factors associated with climate risks. Incorrect risk assessment and companies' unwillingness to function in the new conditions can lead to large financial losses. Carbon pricing drives down the value of shares of carbon-intensive companies, forcing them to lower production volumes, which challenges investors who are increasingly concerned about climate change risks to assess climate risks in order to manage them in their portfolios. The aim of this article is to assess the impact of carbon risk on the Russian financial market, as well as to determine the presence of a premium for this risk, which is a compensation that investors can already currently demand for their exposure to carbon risk, using regression models and portfolio analysis methods. The assessments of the sensitivity of sectors of the Russian economy to carbon risk obtained by the authors indicate that all sectors are more or less exposed to the risk associated with the transition to a low-carbon economy. The largest contribution to the sensitivity of the Russian economy to this risk is made by enterprises in the oil and gas and energy industries. Companies in the consumer goods, healthcare and real estate sectors are the least risk sensitive. The authors did not find a statistically significant premium for the carbon risk for the Russian financial market, which is consistent with the data of other researchers about the absence of a similar premium in other regions of the world (USA, Europe and Asia). When interpreting the results, it should be taken into account that, due to the lack of data on the activities of Russian companies, the models were evaluated using factors that reflect trends in the global economy. Despite the fact that the estimates obtained so far do not take into account the regional characteristics of Russia, the approach used by the authors may be of interest to investors and researchers involved in the analysis of the situation in markets that also lack non-financial data on companies. The results obtained indicate that the transition to a low-carbon economy can have a significant impact on the activities of various industries, which confirms the importance of research in this direction. Already, international companies are actively setting themselves the goal of achieving full carbon neutrality by using renewable energy sources in the production of their products.

Keywords: climate change, anthropogenic exposure, low carbon economy, climatic risks, “carbon” risk, portfolio analysis

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-010-00403-A.

For citation: Kachalov, R.M., Kudryavtseva, O.V., Chernyavskiy, S.V. & Alchikova, L.T. (2022) Assessment of the influence of carbon risk on the Russian financial system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 275–289. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/17

Переход к низкоуглеродной экономике и сопутствующие ему «углеродные» риски

Переход к низкоуглеродной экономике несет для компаний финансовые риски, связанные с необходимостью адаптации к новым условиям. Таким образом, «углеродный» риск «...представляет собой оценку риска, который субъект экономической деятельности должен нести, делая свой стратегический выбор в отношении учета внешних факторов окружающей среды, связанных с его деятельностью» [1]. Введение цены на углерод влечет за собой снижение стоимости акций углеродоемких компаний, вынуждая снижать объемы производства, что ставит перед инвесторами задачу оценки климатических рисков с целью их контроля в своих портфелях. Одним из классических подходов для оценки финансовых рисков являются регрессионные многофакторные модели. Из наиболее известных работ, посвященных этим вопросам, является работа Ю. Фамы и К. Френча, описывающая построение трехфакторной модели, которая позволила объяснить разницу в доходностях активов не только с помощью рыночного риска, как было принято до этого в модели CAPM, но и с помощью двух других ранее не учтенных факторов, связанных с риском из-за капитализации компании и ее стоимости, опубликованная в 1992 г. [3]. Ю. Фама и К. Френч заметили, что для акций, на которых проводилось исследование¹, лучший объясняющий эффект имеет комбинация двух переменных – величина рыночной капитализации компании и показатель, отражающий отношение цены актива к его рыночной стоимости.

Многофакторная модель Фамы–Френча

Акции компаний были сгруппированы в 25 портфелей исходя из их размера и отношения балансовой стоимости к рыночной. Компании были независимо разделены на две равные группы по медиане капитализации (small и big), а также на три группы по показателю book-to-market equity: нижние – 30% (low), средние – 40% (medium) и верхние – 30% (high). Получившиеся портфели представлены в табл. 1.

¹ Акции компаний (за исключением финансовых), торгуемых на NYSE, Amex, NASDAQ с 1963 по 1990 г.

Таблица 1. Портфели, составленные по рыночной капитализации и соотношению book-to-market

	Low	Medium	High
Small	S/L	S/M	S/H
Big	B/L	B/M	B/H

Источник: составлено авторами на основе статьи Fama, French (1993).

В этих условиях уравнение трехфакторной модели Фамы–Френча имеет следующий вид:

$$R_i(t) = R_f(t) + \beta_{mkt,i} * MKT(t) + \beta_{smb,i} * SMB(t) + \beta_{hml,i} * HML(t), \quad (1)$$

где R_i – ожидаемая доходность актива; R_f – доходность безрискового актива; MKT (market) – премия за рыночный риск; $\beta_{mkt,i}$, $\beta_{smb,i}$, $\beta_{hml,i}$ – коэффициенты чувствительности к соответствующим факторам.

Фактор SMB (small minus big) по своей сути представляет имитирующий портфель (портфель безрискового заимствования) для отражения риска, связанного с размером компании. Он рассчитывается как разница средних доходностей портфелей с маленькой и большой капитализацией и примерно одинаковым отношением book-to-market:

$$SMB = 1/3 * (S/L + S/M + S/H) - 1/3 * (B/L + B/M + B/H). \quad (2)$$

Фактор HML (high minus low) отражает риск, связанный с оценкой компании рынком. Рассчитывается аналогично предыдущему фактору – как разница средних доходностей портфелей акций с самой высокой и самой низкой стоимостью к рыночной:

$$HML = 1/2 * (S/H + B/H) - 1/2 * (S/L + B/L). \quad (3)$$

Таким образом, имитирующий портфель – это портфель активов, построенный для отражения чувствительности актива к какому-либо фактору риска.

Методика построения BMG-фактора

Процесс построения BMG-фактора, предложенный в рамках проекта CARIMA (carbon risk management) для анализа чувствительности доходностей активов к «углеродному» риску [3], представлял собой доходности имитирующего портфеля и основывался на общедоступных рыночных данных о ценах акций компаний. Для определения составляющих портфеля предварительно необходимо разделить компании на группы по степени их экологичности, для чего авторы составили собственный экологический рейтинг, вычислив для каждой компании индивидуальный BGS (brown-green-score)-фактор. В рейтинг были включены только те компании, акции которых размещены на локальном рынке (т.е. выполнено условие первичного листинга), также компании с высокой капитализацией (т.е. обеспечено условие ликвидности активов) и компании нефинансового сектора (финансовый сектор меньше других отраслей подвержен «углеродному» риску). Исползованные данные были получены из 4 основных баз данных

ESG¹ за период с января 2010 г. по декабрь 2017 г. Из 785 ESG-переменных авторы исключили факторы, отвечающие за социальные и управленческие аспекты, получив 363 фундаментальные переменные, потенциально описывающие экологические риски. Среди них только 131 переменная напрямую относится к углероду и проблеме изменения климата.

Для построения BGS было выбрано 10 экологических переменных, потенциально имеющих наибольшее влияние на финансовый рынок. Эти переменные были разделены на три группы, являющиеся факторами подверженности компании «углеродному» риску: «цепочка ценности» (value chain), «общественная оценка экологичности» (public perception) и «адаптационная гибкость производства» (adaptability). При вычислении BGS выделение переменных в разные группы позволило установить различные весовые коэффициенты для каждой из групп, считая переменные внутри группы в равной степени весовыми друг относительно друга.

Под «цепочкой ценности» авторы понимают переменные, отражающие текущий уровень выбросов углерода в производственном цикле и в последней цепочке поставок компании. Снижение текущего уровня выбросов компаний является основной целью потенциального введения мер регулирования выбросов.

«Адаптационная гибкость производства» объединяет переменные, отражающие способность компании быстро приспосабливать производство к новым условиям, в частности при введении ограничений на выбросы углерода.

Каждой из 10 отобранных переменных авторы присвоили бинарные значения, сравнивая величину для отдельной компании с медианой среди всех компаний (больше, чем медиана, – 1, меньше – 0) и усредняя для каждого месяца внутри трех групп, получили показатели каждой группы для каждой компании за обозначенный период времени. Эти показатели используются в уравнении (4) для оценки BGS для каждой компании. Уравнение представляет собой взвешенную сумму полученных показателей, где веса отражают силу влияния конкретного фактора на подверженность компании риску. Предполагалось, что наибольший вес должна иметь «цепочка ценности» (value chain), так как именно она в первую очередь связана с финансовыми потерями от введения мер регулирования. Остальным показателям присвоены равные веса²:

$$BGS_{i,t} = 0,70 \text{ Value Chain}_{i,t} + 0,15 \text{ Public Perception}_{i,t} + 0,15 \text{ Adaptability}_{i,t}. \quad (4)$$

Полученные для каждой компании значения BGS лежат в интервале от нуля до единицы, где 0 – это «зеленые» компании, а 1 – «коричневые».

После определения уровня экологичности отдельно взятых компаний авторы делят их на портфели, чтобы впоследствии получить BMG-фактор. Это соответствует подходу Фамы-Френча, в рамках которого с помощью

¹ The Carbon Disclosure Project (CDP) Climate Change questionnaire dataset; the MSCI ESG Stats and the IVA ratings; the Sustainalytics ESG Ratings data and carbon emissions datasets; the Thomson Reuters ESG dataset.

² По предварительным оценкам, результаты устойчивы к изменению весов.

независимых сортировок компаний по двум признакам выделяется 6 портфелей: две равные группы, разделенные по медиане капитализации (small и big), а также на три группы по показателю book-to-market equity: нижние – 30% (low), средние – 40% (medium) и верхние – 30% (high).

Таблица 2. Портфели, составленные по рыночной капитализации и уровню экологичности компании

	Green	Neutral	Brown
Small	S/G	S/N	S/B
Big	B/G	B/N	B/B

Источник: составлено авторами на основе статьи Gorgen (2019).

Выделив акции в 6 портфелей (табл. 2), авторы посчитали их доходности, а затем определили сам BMG-фактор:

$$BMG = \frac{1}{2} * (S/B + B/B) - \frac{1}{2} * (S/G + B/G), \quad (5)$$

где доходности каждого портфеля одинаковым образом средневзвешены по рыночной капитализации компаний, что, в отличие от равных весов, лучше отражает ситуацию на рынке. Так, BMG-фактор является имитирующим портфелем, который отражает риск, связанный с уровнем экологичности компании, и может быть включен в качестве дополнительного фактора риска для лучшего объяснения доходности акций. Данные представлены в виде месячных доходностей с января 2010 г. по декабрь 2018 г.

Учет и анализ чувствительности к «углеродному» риску

Для учета BMG-фактора нами были загружены месячные доходности факторных портфелей для глобальной модели Фамы–Френча, опубликованные на сайте К. Френча. Рыночные котировки акций российских компаний, торгуемых на Московской бирже, были получены с помощью сервиса Yahoo Finance. Рыночные цены были конвертированы в американский доллар по биржевому курсу. Всего котировки были получены для 206 компаний, из которых было отобрано 100 самых ликвидных.

Будем использовать модель Фамы–Френча с добавлением BMG-фактора:

$$R_i(t) = \alpha_i + \beta_{mkt,i} * MKT(t) + \beta_{smb,i} * SMB(t) + \beta_{hml,i} * HML(t) + \beta_{bmg,i} * BMG(t) + \varepsilon_i. \quad (6)$$

Под оценкой подверженности и чувствительности к «углеродному» риску будем понимать β_{bmg} – оценку коэффициента при BMG-факторе в модели (6).

Отметим, что нами используются факторы, составленные по выборке компаний со всего мира. Согласно статье Фамы и Френча глобальные многофакторные модели имеют худшую объясняющую способность по сравнению с моделями, индивидуально построенными для имеющейся выборки [4]. Тем не менее для корректного использования BMG-фактора необходимо, чтобы все факторы риска в модели были построены с применени-

ем одинаковой выборки данных, что обязывает нас учитывать глобальные факторы Фамы–Френча. Также в связи с тем, что нами используются глобальные факторы риска, соответствующие коэффициенты в модели имеют смысл чувствительности к глобальным экономическим явлениям, которые, согласно нашим предположениям, должны оказывать эффект и на российские компании.

Начнем анализ с объяснения доходностей фондового индекса MSCI Russia с помощью модели (6). Индекс торгуется в американских долларах и представляет взвешенный по капитализации портфель 24 крупнейших российских компаний, составляющих 85% капитализации рынка России.

При оценке классической модели Фамы–Френча (1) значимыми оказываются только факторы, связанные с рынком и стоимостью компании. В модели (6) также значим рыночный фактор (на 1% уровне) и BMG-фактор (на 1% уровне) с коэффициентом β_{bmg} , равным 1,55, но при этом не значим ни один из факторов модели Фамы–Френча. Исправленный R^2 у модели (6) больше на 0,1, критерий Акаике меньше на 18 единиц, что позволяет заключить об относительно лучшей объясняющей способности модели, включающей в себя BMG-фактор.

Таблица 3. Сравнение моделей Фамы–Френча с BMG-фактором и без него

	Зависимая переменная:	
	MSCI Russia	
	(1)	(2)
MKT	1,519*** (0,188)	1,445*** (0,171)
SMB	0,479 (0,502)	-0,113 (0,472)
HML	0,678* (0,378)	0,178 (0,359)
BMG		1,555*** (0,339)
Constant	-0,008 (0,007)	-0,004 (0,006)
Observations	95	95
R ²	0,435	0,542
Adjusted R ²	0,417	0,522
AIC	-252,033	-269,953
Residual Std. Error	0,062 (df = 91)	0,056 (df = 90)
F Statistic	23,398*** (df = 3; 91)	26,653*** (df = 4; 90)

Источник: составлено авторами. * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Далее приведем численные оценки чувствительности к «углеродному» риску секторов российского рынка в виде диаграммы размаха. Данные оценки получены путем регрессий доходностей отдельных компаний с помощью модели (6), выделения значимых (по F-статистике) моделей и объединения полученных оценок β_{bmg} по секторам. Результаты приведены на рис. 1. Секторы отсортированы по возрастанию медианы β_{bmg} , посчитанной

внутри каждого сектора. Пунктирная черта обозначает медианное значение коэффициента β_{BMG} среди всех компаний в выборке.

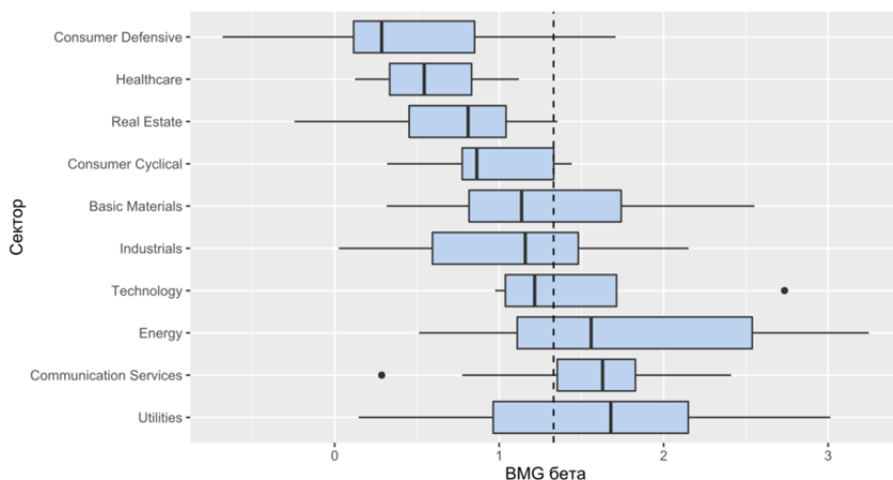

Рис. 1. Чувствительность секторов к «углеродному» риску.

Источник: составлено авторами

Заметим, что все сектора имеют медиану β_{BMG} больше нуля, что означает, что компании всех секторов в той или иной степени подвержены риску, связанному с процессом перехода к низкоуглеродной экономике. Три сектора имеют медианы выше, чем медиана по всем компаниям: Utilities, Communication Services и Energy. При этом Energy имеет самые высокие значения в рамках интерквартильного размаха. Данные наблюдения ожидаемы для Utilities и Energy секторов, так как они представляют поставщиков и независимых производителей электроэнергетики, а также нефтегазовый сектор соответственно, для которых характерны большие объемы выбросов углерода. Самые низкие медианы β_{BMG} соответствуют секторам Consumer Defensive, Healthcare и Real Estate.

На следующем этапе рассмотрим связи между будущими доходностями компаний и чувствительностью к BMG-фактору. Данный этап будет включать построение регрессий по формуле (6) для доходностей отдельных компаний, поперечный (cross-sectional) анализ полученных оценок β_{BMG} , проверку их стабильности при оценивании на непересекающихся интервалах времени, а также применение портфельного анализа для выявления связи между чувствительностью к BMG-фактору и будущими доходностями компании, т.е. для выявления премии за риск фактора, основанного на β_{BMG} .

Для полноты анализа будем получать оценки β_{BMG} , используя интервалы времени различной длины, исходя из соображений, что экологичность компании непостоянна и меняется со временем в зависимости от деятельности компании. В таком случае выбор слишком длинного интервала для

оценивания захватил бы различные состояния деятельности компании, это привело бы к тому, что оценка перестала бы быть релевантной, что важно для анализа связи с будущими доходностями. При этом слишком короткий интервал, наоборот, может быть недостаточен для того, чтобы получить достаточно устойчивую оценку.

Будем рассматривать интервалы промежутком 3, 4 и 5 лет. В рамках поперечного анализа вычислим минимум, максимум, квартили, среднее арифметическое, медиану и стандартное отклонение. Для этого в первую очередь вычислим оценки для всевозможных интервалов заданной длины. Затем в рамках каждого интервала вычислим указанные выше характеристики и после этого возьмем их среднее значение по всем интервалам. Результаты приведены в табл. 4.

Таблица 4. Описательная статистика оценок β_{bmg}

Промежуток	Min.	1st Qu.	Median	Mean	3rd Qu.	Max.	SD
3 года	-0,2699	0,8953	1,4158	1,4323	1,9710	3,2553	0,9416
4 года	0,0096	0,9599	1,4676	1,5031	1,9841	3,2351	0,8606
5 лет	0,2740	1,0100	1,5031	1,5423	1,9776	3,1518	0,7815

Источник: составлено авторами.

Заметим, что с ростом длины рассматриваемых интервалов падает стандартное отклонение оценок, становится меньше интерквартильный размах, а минимумы и максимумы принимают менее экстремальные значения. Среднее значение оценок β_{bmg} имеет магнитуду порядка 1,5, что согласуется с полученным нами результатом при построении модели (6) для доходностей индекса MSCI Russia.

Далее для каждого из промежутков (3, 4, 5 лет) проверим стабильность оценок β_{bmg} . Получим набор оценок на непересекающихся интервалах времени и вычислим корреляции между ними. Сначала оценки вычисляются для первого доступного интервала заданной длины, а затем для интервалов такой же длины, получаемых с помощью последовательных сдвигов данных на год. Далее последовательно вычисляются корреляции между оценками, полученными на первом интервале, и оценками, полученными на каждом последующем. При этом все интервалы, пересекающиеся с первым, игнорируются с целью исключить корреляцию, возникающую из-за использования одинаковых наблюдений. При расчете корреляций выбираются только те компании, у которых доступны необходимые наблюдения для оценки β_{bmg} на двух соответствующих интервалах.

Ожидается, что для каждого промежутка (3, 4, 5 лет) максимальная корреляция будет наблюдаться в строке с ближайшим доступным интервалом (наименьшим сдвигом) и монотонно падать с каждым последующим интервалом, так как за большие промежутки времени изменение характеристик компаний более вероятно, из чего и следует уменьшение корреляции с оценками, произведенными на самом первом доступном интервале.

Таблица 5. Корреляции между оценками, посчитанными на различных промежутках

Сдвиг	3 года	Промежуток	
		4 года	5 лет
1 год			
2 года			
3 года	0,3387		
4 года	0,4419	0,4245	
5 лет	0,4066	0,2945	0,2850

Источник: составлено авторами.

Заметим, что ожидаемое поведение не выполняется для первого столбца, соответствующего трехлетнему промежутку времени. Предположительно эта особенность связана с выбросами в данных и шумностью оценок, что сигнализирует о том, что интервал в три года недостаточен. Уменьшение корреляции при использовании промежутка в 5 лет предположительно связано либо с тем, что данный интервал слишком велик, либо с тем, что после сдвига интервала на 5 лет доступными остаются 4 года, что включает меньше информации, чем в рассматриваемом промежутке. В целом приведенные в таблице значения от 0,29 до 0,44, с учетом изначального предположения об изменчивости уровня экологичности компании, говорят о том, что данная характеристика относительно стабильна и может быть использована для анализа связи с будущими доходностями компаний.

Премия за «углеродный» риск

В общем случае премия за риск представляет собой прибыль, которую инвестор может рассчитывать сверх уровня дохода от инвестиций с нулевыми рисками, т.е. представляет собой оценку уровня риска предполагаемых инвестиций, выраженную в деньгах. Таким образом, премия за углеродный риск – это компенсация, которую инвесторы уже в настоящее время могут требовать за подверженность их вложений риску выбросов углерода.

При помощи методики портфельного анализа проверим, есть ли связь между оцененной нами β_{bmg} и будущими доходностями компаний. Данный подход аналогичен подходу, который был использован Фамой и Френчем для построения имитирующих портфелей, за исключением того, что сортировка производится по одной переменной. В зарубежной литературе данный метод называется univariate portfolio analysis, а при сортировке по двум переменным, как при построении факторов в модели Фамы–Френча, – bivariate. Портфельный анализ позволяет сделать вывод о связи двух переменных без дополнительных предположений о характере функциональной зависимости между ними, что является преимуществом по сравнению с классическими параметрическими методами, такими как регрессия.

Проведем сортировку компаний по оцененной для них β_{BMG} , разделим их на равные части с помощью квантилей и рассчитаем доходности соответствующих этим частям портфелей. Основным интерес представляет доходность портфеля, полученного как разность портфеля, соответствующего наибольшей квантили β_{BMG} , и портфеля, соответствующего наименьшей квантили β_{BMG} . По построению доходности данного разностного портфеля будут выражать разницу между доходностями компаний с высокой β_{BMG} и компаниями с низкой β_{BMG} , что и означает премию за риск. Например, если доходности нулевые или статистически незначимы, то премия за риск отсутствует, а если значимо положительны, то инвестор может ожидать дополнительный доход за взятие на себя риска, связанного с высокой β_{BMG} .

Отметим, что портфельный анализ в нашей работе несколько отличается от классического подхода тем, что величиной, представляющей наш интерес, является не непосредственно наблюдаемая характеристика компаний, такая как интенсивность выбросов или позиция в экологическом рейтинге, а мера, зависящая от изменения анализируемых доходностей и доходностей портфеля, имитирующего фактор (т.е. β_{BMG}). Наше предположение заключается в том, что если доходность наиболее неэкологичных компаний в среднем выше, чем наиболее экологичных, т.е. положительна доходность BMG-фактора, то в том случае, если анализируемые доходности принадлежат неэкологичной компании, ее доходности должны, при прочих равных, испытывать больший прирост за счет роста фактора, чем доходности более экологичной компании, из чего следует большая величина «углеродной» беты для более неэкологичных компаний. Таким образом, следуя нашим рассуждениям, сортировка компаний по возрастанию «углеродной» беты в теории должна соответствовать сортировке согласно фундаментальной оценке экологичности компании (BGS в случае BMG-фактора).

В работе «Почему высокая подверженность бета-факторам не приносит ожидаемую прибыль?» [5] сравниваются доходности факторов, построенных по характеристикам компаний, с доходностями факторов, построенных по оцененным бетам, аналогично нашему портфельному анализу β_{BMG} . Авторы приходят к выводу, что в большинстве случаев факторы, оценивающие влияние общей ситуации на рынке, не имеют премии за риск, но полезны для управления рисками в портфеле. Также показано, что в случае высокой корреляции между оценками общей ситуации на рынке и характеристикой, лежащей в основе оригинального фактора, результаты сортировок по бетам и характеристике схожи, что приводит к построению идентичных портфелей и, как следствие, идентичным доходностям факторов. В таком случае фактор, построенный по бетам, и фактор, построенный по характеристике компаний, можно считать взаимозаменяемыми.

В [3] была проведена оценка премии за «углеродный» риск для мирового рынка, а также США, Европы и Азии. Во всех случаях авторами не было найдено статистически значимой премии за риск. Согласно авторам, одним из возможных объяснений является то, что в рассматриваемый пе-

риод инвесторы не были способны адекватно оценить «углеродный» риск. Далее мы дополним их результаты, применив оценки β_{bmg} для поиска премии за риск на российском рынке.

В табл. 6 приведены результаты построения разностных портфелей для рассматриваемых промежутков. Оценки β_{bmg} рассчитываются на первом доступном интервале, формируется соответствующий разностный портфель, доходности которого рассматриваются на оставшемся интервале данных, не включающем интервал, использованный для оценок β_{bmg} . Данная процедура выполняется для каждого из 3 промежутков. В таблице приведены средние доходности полученных портфелей, а также р-значения для проверки гипотезы о том, что средние доходности отличны от нуля.

Таблица 6. Будущие доходности разностных портфелей

Промежуток для оценки β_{bmg}	Средняя доходность	р-значение
3 года	0,0034	0,6393
4 года	0,009	0,2339
5 лет	0,0094	0,2584

Источник: составлено авторами.

Таким образом, вне зависимости от используемого для оценки промежутка мы не находим статистически значимой отличной от нуля доходности фактора, построенного на основе оценок β_{bmg} . Средние доходности, полученные при использовании промежутков в 4 года и 5 лет, немного выше, чем средняя доходность, соответствующая промежутку в 3 года. Тем не менее в силу незначимости результатов нельзя сделать выводы о том, является ли это действительным трендом или следствием шума в оценках. Кроме того, в случае значимости результатов дополнительно потребовалось бы провести поправку доходностей на систематические риски, чтобы выяснить, связана ли доходность рассматриваемого портфеля с анализируемой переменной или же зависит от других факторов.

Заключение

Отсутствие премии за «углеродный» риск для российского финансового рынка согласуется с результатами [3] об отсутствии аналогичной премии в других регионах, а также глобальной выборке. Для более точного ответа на этот вопрос для российского рынка необходимо провести исследование, анализирующее фактор, связанный с экологичностью компаний, построенный на основе фундаментальных характеристик, а не косвенно оцениваемых коэффициентов чувствительности. Тем не менее К. Брайтман и др. приходят к выводу, что факторы, построенные на основе коэффициентов чувствительности, не менее важны для управления рисками, чем их фундаментальные аналоги [5].

Таким образом, рассматриваемый подход может представлять интерес для инвесторов и исследователей, занимающихся анализом ситуации на рынках, в которых наблюдается недостаток требуемых нефинансовых данных о компаниях. Так как, согласно исследованиям, инвесторы все больше

обеспокоены рисками, связанными с изменением климата, то данный подход может позволить им получить численную оценку подверженности их портфеля «углеродному» риску, например, с целью его хеджирования. Принимая во внимание полученную нами значимость фактора при объяснении доходностей российских компаний, мы получаем эмпирическое подтверждение существенности данного риска для российской экономики в целом, а также ее секторов.

Переход к низкоуглеродной экономике может оказать значительное влияние на деятельность различных отраслей [6, 7], что подтверждает значимость исследований в данном направлении. Международные компании активно ставят перед собой цели достижения полной углеродной нейтральности, используя в производстве своей продукции возобновляемые источники энергии (например, известная компания по производству продуктов питания и напитков Нестле и др.).

Полученные оценки чувствительности секторов российской экономики к «углеродному» риску сигнализируют о том, что все они в той или иной мере подвержены рискам, связанным с переходом к низкоуглеродной экономике. Наибольший вклад в чувствительность российской экономики к данному риску составляют нефтегазовая и энергетическая отрасли. Наименее чувствительны к риску компании, занимающиеся производством товаров широкого потребления, сферы здравоохранения и недвижимости.

Для интерпретации данных результатов следует учитывать, что при оценке моделей использовались факторы, отражающие тренды в мировой экономике, поэтому полученные оценки не учитывают региональных особенностей России. К сожалению, предложенный в [3] подход принципиально не может разрешить эту проблему, поэтому в рамках будущих исследований было бы оправдано построение региональной модели, основанной на выборке исключительно из российских компаний. Необходимым условием для подобного исследования является наличие нефинансовых данных об экологичности на уровне отдельно взятых компаний. На данный момент все больше российских компаний публикуют соответствующие отчеты, а также появляются перспективные экологические рейтинги, которые можно было бы использовать для исследований в будущем и впоследствии отказаться от компромиссных подходов, связанных с недостатком данных.

Список источников

1. *Углеродный риск* // frwiki.wiki. URL: http://ru.frwiki.wiki/wiki/Risque_carbone
2. Brightman C., Henslee F., Kalesnik V., Feifei Li, Linnainmaa Ju. Why Are High Exposures to Factor Betas Unlikely to Deliver Anticipated Returns? // The Journal of Portfolio Management QES Special Issue. 2022. № 48 (2). P. 144–163. doi: 10.3905/jpm.2021.1.310
3. Fama E.F., French K.R. The cross-section of expected stock returns // The Journal of Finance. 1992. № 47 (2). P. 427–465. doi: 10.1111/j.1540-6261.1992.tb04398.x
4. Fama E.F., French K.R. Size, value, and momentum in international stock returns. // Journal of financial economics. 2012. № 105 (3). P. 457–472. doi: 10.1016/j.jfineco.2012.05.011

5. Görgen M., Jacob A., Nerlinger M., Riordan R., Rohleder M., Wilkens M. Carbon risk. // SSRN Electronic Journal. 2019. doi: 10.2139/ssrn.2930897

6. Kudryavtseva O.V., Baraboshkina A.V. Low-carbon development: challenges for Russia // International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM. 2021. № 5.1. P. 301–306. doi: 10.5593/sgem2021/5.1/s20.038

7. Тулунов А.С. Оценка риска загрязнения окружающей среды: обзор и систематизация методологических подходов и методического обеспечения // Вестник Московского университета. Экономика. 2021. № 4. С. 3–27.

References

1. Frwiki.wiki. (n.d.) *Uglerodnyy risk* [Carbon risk]. [Online] Available from: http://ru.frwiki.wiki/wiki/Risque_carbone.

2. Brightman, C. et al. (2022) Why Are High Exposures to Factor Betas Unlikely to Deliver Anticipated Returns? *The Journal of Portfolio Management QES Special Issue*. 48 (2). pp. 144–163. DOI: 10.3905/jpm.2021.1.310

3. Fama, E.F. & French, K.R. (1992) The cross-section of expected stock returns. *The Journal of Finance*. 47 (2). pp. 427–465. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1992.tb04398.x

4. Fama, E.F. & French, K.R. (2012) Size, value, and momentum in international stock returns. *Journal of Financial Economics*. 105 (3). pp. 457–472. DOI: 10.1016/j.jfineco.2012.05.011

5. Görgen, M. et al. (2019) Carbon risk. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.2930897

6. Kudryavtseva, O.V. & Baraboshkina, A.V. (2021) [Low-carbon development: challenges for Russia]. *International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM*. Proceedings of the International Conference. 5.1. Albena. 26 June – 5 July 2021. Albena: SGEM. pp. 301–306. DOI: 10.5593/sgem2021/5.1/s20.038

7. Tulupov, A.S. (2021) Environmental risk assessment: review and systematization of methodology and methodical support. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ekonomika – Moscow University Economics Bulletin*. 6. pp. 3–27. (In Russian). DOI: 10.38050/0130010520216.1

Сведения об авторах:

Качалов Р.М. – доктор экономических наук, профессор, Центральный экономико-математический институт РАН (Москва, Россия). E-mail: kachalovlya@yandex.ru

Кудрявцева О.В. – доктор экономических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: olgakud@mail.ru

Чернявский С.В. – доктор экономических наук, профессор, Центральный экономико-математический институт РАН (Москва, Россия). E-mail: vols85-85@mail.ru

Альчикова Л.Т. – экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: olgakud@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.M. Kachalov, Dr. Sci. (Economics), Professor. Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS) (Moscow, Russian Federation). E-mail: kachalovlya@yandex.ru

O.V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgakud@mail.ru

S.V. Chernyavskiy, Dr. Sci. (Economics), Professor. Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS) (Moscow, Russian Federation). E-mail: vols85-85@mail.ru

L.T. Alchikova, Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgakud@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.06.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 14.06.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Менеджмент

Научная статья

УДК 331.1

doi: 10.17223/19988648/59/18

Корпоративная социальная ответственность: сравнительный анализ методических подходов

Ольга Васильевна Зонова¹, Оксана Борисовна Шевелева²

^{1,2} Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
Кемерово, Россия

¹ zov.fk@kuzstu.ru

² shob.fk@kuzstu.ru

Аннотация. Корпоративная социальная ответственность становится важным условием успешного бизнеса. В связи с чем является актуальной оценка уровня развития корпоративной социальной ответственности, в том числе с точки зрения социальной полезности результатов деятельности организации. Разработка методического инструментария требуется по причине необходимости проведения оценки текущего состояния, планирования и прогнозирования, а также в целом управления корпоративной социальной ответственностью для снижения социальной напряженности в ареоле хозяйствования организации. В ходе исследования применялся метод сравнительного анализа. В статье проведен анализ методических подходов к оценке уровня развития корпоративной социальной ответственности как рекомендованных представителями органов власти, так и авторских. В результате проведенного анализа выделены достоинства методических подходов, сформулированы ограничения их применимости. Проведенный анализ закладывает основу для разработки методического подхода с учетом устранения выявленных ограничений.

Ключевые слова: ответственность, корпорация, развитие, методика, индикаторы

Для цитирования: Зонова О.В., Шевелева О.Б. Корпоративная социальная ответственность: сравнительный анализ методических подходов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 290–303. doi: 10.17223/19988648/59/18

Management

Original article

Corporate social responsibility: A comparative analysis of methodological approaches

Olga V. Zonova¹, Oksana B. Sheveleva²

^{1,2} T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation
¹ zov.fk@kuzstu.ru
² shob.fk@kuzstu.ru

Abstract. Corporate social responsibility is becoming an important condition for a successful business. In this connection, it becomes relevant to assess the level of development of corporate social responsibility, including from the perspective of the social usefulness of the results of the organization's activities. The development of methodological tools is required in connection with the need to assess the current state, planning and forecasting, and generally the management of corporate social responsibility in order to reduce social tension in the organization's management. The study uses the method of comparative analysis. We analyze the methodological approaches to assessing the level of development of corporate social responsibility, both those recommended by representatives of the authorities and those we developed. As a result of the analysis, we identified the advantages and disadvantages of the methodological approaches. In most cases, the limitation of the applicability of the analyzed methodological approaches was the fact that the ongoing qualitative assessment of the level of corporate social responsibility development is reduced to the analysis of indicators depending on the presence or absence of certain criteria. In addition, there is no universal methodological approach for assessing the level of development of corporate social responsibility for organizations at different stages of the life cycle. The analysis lays the foundation for the development of a methodological approach that takes into account the elimination of all identified limitations. We believe that the system of indicators should be invariant depending on the aim and objectives of the study. For example, the system of indicators of corporate social responsibility may include groups of indicators of responsibility to employees, to shareholders, to society. Undoubtedly, any rating system is subjective; nevertheless, the issues of measuring the level of development of corporate social responsibility are as complex as they are relevant. At present, socially responsible organizations are viewed as financially stable and competitive in the market, and their social reports complement the indicators of investment attractiveness. Awareness of this has contributed and promotes: (1) establishment of consensus between representatives of stakeholders; (2) establishment of forms of interaction within the framework of corporate social responsibility; (3) creation of a strong basis for further development and implementation of corporate social responsibility programs.

Keywords: responsibility, corporation, development, methodology, indicators

For citation: Zonova, O.V. & Sheveleva, O.B. (2022) Corporate social responsibility: A comparative analysis of methodological approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 290–303. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/18

Введение

Концепция корпоративной социальной ответственности получила развитие в середине XX в. и до текущего момента остается предметом дискуссий как в научной среде, так и среди широкого круга лиц. Одни считают эту концепцию результатом глобализации и влияния транснациональных корпораций [1], другие видят ее как стратегию ведения бизнеса, отмечая, что реализация социальных программ положительно влияет на конкурентоспособность и деловую репутацию организаций [2, 3]. На наш взгляд, оба подхода имеют право на существование. Причем с течением времени происходит постепенная смена ориентиров в бизнес-среде: стремление не только к максимизации прибыли, но и к улучшению общественного благосостояния, снижению экологической нагрузки. Считаем, что концепция корпоративной социальной ответственности является составной частью более масштабной концепции устойчивого развития, определяющей цели развития всего человечества.

Для выявления сущности понятия «корпоративная социальная ответственность» целесообразно определиться с базовой терминологией. Понятие «ответственность» является схожим с такими терминами, как «благоусмотрение», «совесть», или выступает синонимом слов «долг» и «обязанность». В первом случае корпоративную социальную ответственность можно трактовать как добровольную благородную деятельность, во втором, напротив, организация ставится в подчиненное, подотчетное положение перед обществом, государством, акционерами [4, с. 27–28]. Считаем, что первый подход является более удачным. Тем не менее относительно сущности самого анализируемого понятия разделяем точку зрения Н.А. Кричевского и С.Ф. Гончарова в том, что корпоративная социальная ответственность – это система добровольных партнерских взаимоотношений между работником, работодателем и обществом, направленная на совершенствование социально-трудовых отношений, поддержание социальной стабильности в трудовом коллективе и окружающем сообществе, развитие социальной и природоохранной деятельности на национальном и международном уровнях [5, с. 11].

В процессе становления концепция социальной ответственности бизнеса прошла путь от механизма финансирования разовых социальных мероприятий отдельными организациями до неотъемлемой составляющей современного менеджмента крупной корпорации, занимающей некое пограничное состояние в теориях «корпоративного эгоизма» [6] и «корпоративного альтруизма».

Методы

В работе применен метод сравнительного анализа различных методических подходов к оценке уровня развития корпоративной социальной ответственности.

Результаты исследования

С течением времени все большее количество компаний показывает свою деятельность как социально ответственную. В данной связи становится актуальным измерение уровня развития корпоративной социальной ответственности на основе системы качественных и (или) количественных показателей. При этом информационная база должна быть доступной для всех заинтересованных сторон.

В настоящее время нет единства мнений относительно методического подхода к оценке уровня корпоративной социальной ответственности. Методы оценки иногда разнятся очень существенно. По мнению авторов, целесообразно рассмотреть методические подходы к оценке уровня развития корпоративной социальной ответственности по двум направлениям: 1) рекомендованные представителями органов власти; 2) авторские.

В рамках первого направления рассмотрим индикаторы и системы показателей оценки уровня развития корпоративной социальной ответственности на примере отдельных административно-территориальных образований. В качестве информативной основы для анализа был использован опыт Воронежской, Саратовской, Ростовской и Ульяновской областей.

Так, в Воронежской области принят «Стандарт корпоративной социальной ответственности организаций Воронежской области»¹, ведется реестр предприятий, осуществляющих деятельность на территории области и принявших обязательства по исполнению данного стандарта. Однако количество организаций, присоединившихся к реализации указанного стандарта, в настоящее время составляет лишь 0,11% от числа действующих на территории области субъектов хозяйствования². Организации, принимающие на себя возложенные обязательства, формируют нефинансовую отчетность по индикаторам корпоративной социальной ответственности (табл. 1).

Оценка уровня развития корпоративной социальной ответственности на предприятиях Воронежской области осуществляется путем сопоставления фактических значений индикаторов с рекомендуемыми, указанными в Стандарте. Результатом применения методического подхода является определение уровня развития корпоративной социальной ответственности: организация признается либо социально ответственной, либо социально безответственной.

В качестве безусловных достоинств данного методического подхода можно отметить: 1) лаконичность и простоту использования; 2) возможность сопоставления достигнутых результатов с результатами деятельно-

¹ Стандарт корпоративной социальной ответственности организаций Воронежской области. URL: <https://www.govrn.ru/standart-korporativnoj-social-noj-otvetstvennosti-organizacij-voronezskoj-oblasti> (дата обращения: 23.03.2022).

² Федеральная служба государственной статистики по Воронежской области. URL: <https://voronezhstat.gks.ru/> (дата обращения: 23.03.2022).

сти других организаций, так как большинство показателей являются относительными; 3) система показателей включает как качественные, так и количественные индикаторы, что позволяет получить более адекватную оценку различных составляющих корпоративной социальной ответственности; 4) возможность определения уровня корпоративной социальной ответственности на основе балльной оценки вышепредставленных показателей. Однако при всем этом в системе показателей не уделяется должного внимания состоянию среды хозяйствования.

Таблица 1. Индикаторы корпоративной социальной ответственности предприятий Воронежской области

Технологическая сфера	Организационно-экономическая сфера	Внепроизводственная результативность
<p>1. Коэффициент обновления основных фондов, %.</p> <p>2. Объем затрат на мероприятия по улучшению условий и охраны труда, тыс. руб. на 1 работника в год.</p> <p>3. Количество неустраненных нарушений в сфере безопасности производства и охраны окружающей среды, выявленных регулятивными органами в течение года, случаев.</p> <p>4. Количество пострадавших от несчастных случаев на производстве, % от среднесписочной численности.</p> <p>5. Количество работников, у которых выявлены профессиональные заболевания, % от ССЧ.</p> <p>6. Наличие документов, подтверждающих соответствие качества продукции, работ, услуг требованиям, установленным ГОСТом, ТУ или иным документом, шт.</p> <p>7. Наличие принятых рекламаций по качеству продукции, работ, услуг в течение года, ед.</p>	<p>1. Наличие коллективного договора.</p> <p>2. Среднемесячная заработная плата, руб.</p> <p>3. Минимальный размер начисленной оплаты труда работника в организации, руб.</p> <p>4. Коэффициент дифференциации заработной платы в организации, раз.</p> <p>5. Выплата и индексация заработной платы</p> <p>6. Коэффициент текучести, %</p> <p>7. Количество работников, прошедших в течение года профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации за счет средств работодателя, % от среднесписочной численности работников.</p> <p>8. Наличие нарушений налогового законодательства.</p> <p>9. Сохранение рабочих мест, % от количества рабочих мест на начало года.</p> <p>10. Наличие нарушений уставных и договорных обязательств перед поставщиками материальных и финансовых ресурсов.</p> <p>11. Наличие случаев необоснованного завышения цен</p>	<p>1. Выплаты социального характера без учета обязательных страховых платежей, руб. в месяц на 1 работника.</p> <p>2. Количество работников, прошедших лечение и оздоровление за счет средств организации, % от среднесписочной численности работников.</p> <p>3. Количество детей работников (в возрасте до 18 лет), прошедших обучение, лечение, оздоровление и др. за счет средств организации, % от количества детей работников на конец года.</p> <p>4. Расходы на социальную поддержку общества, включая благотворительность, руб.</p> <p>5. Взаимодействие с общественными объединениями и некоммерческими организациями.</p> <p>6. Взаимодействие с органами власти и местного самоуправления в решении общественно значимых задач.</p> <p>7. Объем и доступность раскрываемой информации о деятельности организации, в том числе социальной</p>

В Саратовской области до недавнего времени применялась методика оценки добровольной корпоративной социальной ответственности организаций, утвержденная Постановлением Правительства Саратовской области от 07.03.2008 г. № 88-П «О добровольной корпоративной социальной ответственности организаций в Саратовской области»¹ (табл. 2). В рамках проводимого исследования считаем необходимым изучить этот опыт, так как работа в данном направлении в регионе была продолжена, и далее с учетом изменения формата. Так, с 2010 г. на территории Саратовской области ежегодно проводится региональный этап² всероссийского конкурса «Российская организация высокой социальной ответственности»³.

Таблица 2. Индикаторы количественной оценки добровольной корпоративной социальной ответственности организаций Саратовской области

Общая и общеэкономическая информация	Затраты на решение социальных вопросов работников и членов их семей в организации	Затраты на социальные программы вне организации
1. Наличие коллективного договора. 2. Наличие профсоюзной организации. 3. Объем реализации (услуг), тыс. руб. 4. Недоимка по налоговым и другим обязательным платежам по состоянию на 1 января предшествующего года, тыс. руб. 5. Темпы роста налогов и обязательных платежей, %. 6. Среднесписочная численность работников – всего, чел. 7. Текучесть кадров, %. 8. Среднемесячная заработная плата, тыс. руб. 9. Отклонение сред-	1. Расходы на содержание медпунктов, профилакториев, домов отдыха, находящихся на балансе организации или финансируемых в порядке долевого участия, тыс. руб. В том числе: затраты на санаторно-курортное лечение (оплата путевок, проезда к месту лечения и отдыха), тыс. руб. 1.1. Страховые платежи, уплачиваемые организацией по договорам добровольного медицинского страхования работников и членов их семей, тыс. руб. 1.2. Затраты на спортивно-оздоровительные мероприятия, тыс. руб., в том числе расходы на содержание спортивных сооружений, тыс. руб. 1.3. Затраты на культурно-массовую работу, тыс. руб. 2. Социальная поддержка семьи и льготы работникам – всего, тыс. руб. 2.1. Затраты на питание, тыс. руб. 2.2. Затраты за содержание детей работников в дошкольных и общеобразовательных учреждениях, тыс. руб.	1. Расходы на реализацию социальных программ в рамках двусторонних соглашений организации и правительства области – всего, тыс. руб., в том числе на программы: – здравоохранения, тыс. руб.; – образования, тыс. руб.; – спортивно-массовых мероприятий, тыс. руб.; – охраны памятников истории и культуры, тыс. руб.; – другие, тыс. руб. 2. Расходы на социальные программы вне организации сверх двусторонних соглашений с правительством области – всего, тыс. руб. В том числе на про-

¹ Постановлением Правительства Саратовской области от 07.03.2008 г. № 88-П «О добровольной корпоративной социальной ответственности организаций в Саратовской области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/933009877> (дата обращения: 23.03.2022).

² Постановление Правительства Саратовской области от 01.06.2010 г. № 198-П «О проведении регионального этапа всероссийского конкурса “Российская организация высокой социальной эффективности”».

³ Распоряжение Правительства РФ 04.03.2009 г. № 265-р «О всероссийском конкурсе “Российская организация высокой социальной эффективности”».

Общая и общеэкономическая информация	Затраты на решение социальных вопросов работников и членов их семей в организации	Затраты на социальные программы вне организации
<p>немесячной заработной платы от среднеотраслевого значения, %.</p> <p>10. Доля работников, получающих заработную плату ниже прожиточного минимума трудоспособного населения области в среднесписочной численности работников организации, %.</p> <p>11. Соотношение заработной платы 10% высокооплачиваемых работников организации и 10% низкооплачиваемых, раз.</p> <p>12. Минимальный размер оплаты труда в организации, тыс. руб.</p> <p>13. Количество дополнительно созданных рабочих мест, ед.</p>	<p>2.3. Оплата стоимости проезда к месту работы и обратно, тыс. руб.</p> <p>2.4. Материальная помощь, подарки и др., тыс. руб.</p> <p>2.5. Взносы в негосударственные пенсионные фонды в пользу работников, тыс. руб.</p> <p>2.6 Взносы по договорам личного, имущественного и иного страхования в пользу работников, тыс. руб.</p> <p>3. Помощь по обеспечению работников жильем – всего, тыс. руб.</p> <p>3.1. Расходы на приобретение жилья за счет предприятия, ежегодная экономия работником средств за счет получения беспроцентной ссуды от организации под строительство и приобретение квартир, затраты на компенсацию ипотечного кредитования, тыс. руб.</p> <p>3.2. Затраты на содержание и проживание в общежитиях, тыс. руб.</p> <p>4. Поддержка работающих ветеранов – всего, тыс. руб.</p> <p>4.1. Затраты на ежемесячные доплаты работникам к основным пенсиям из фонда организации, взносы в негосударственные пенсионные фонды и др., тыс. руб.</p> <p>4.2. Средства, направляемые на компенсацию работникам за медицинское обслуживание, тыс. руб.</p> <p>4.3. Средства, затраченные на оплату путевок работникам в дома отдыха, профилактории, санатории и др., тыс. руб.</p> <p>4.4. Материальная помощь работникам к праздникам, юбилейным датам, тыс. руб.</p> <p>5. Расходы на подготовку кадров и работу с персоналом – всего, тыс. руб.</p> <p>5.1. Расходы на подготовку рабочих массовых профессий, затраты на обучение работников в учебных заведениях начального, среднего, высшего профессионального образования, тыс. руб.</p> <p>5.2. Расходы на переподготовку кадров, тыс. руб.</p> <p>5.3. Расходы по укреплению материально-технической базы образовательных учреждений, тыс. руб.</p> <p>6. Охрана труда и экологическая безопасность – всего тыс. руб.</p>	<p>граммы:</p> <p>– здравоохранения, тыс. руб.;</p> <p>– образования, тыс. руб.;</p> <p>– спортивно-массовых мероприятий, тыс. руб.;</p> <p>– на поддержку неработающих ветеранов, тыс. руб.;</p> <p>– другие, тыс. руб.</p>

Общая и общеэкономическая информация	Затраты на решение социальных вопросов работников и членов их семей в организации	Затраты на социальные программы вне организации
	6.1. Затраты на охрану труда – всего, тыс. руб., в том числе на 1 работающего, тыс. руб. 6.2. Затраты на реализацию экологических программ, тыс. руб.	

Достоинствами применяемого методического подхода выступают: 1) комплексный подход, учитывающий различные направления корпоративной социальной ответственности, в том числе и экологического характера; 2) система показателей построена на анализе как количественных, так и качественных показателей; 3) интегральный показатель корпоративной социальной ответственности, получаемый путем суммирования индивидуальных показателей, позволяет ранжировать организацию по уровню корпоративной социальной ответственности; 4) представленный методический подход позволяет агрегировать упрощенный вариант нефинансовой отчетности.

Однако сопоставление хозяйствующих субъектов по уровню корпоративной социальной ответственности, на взгляд авторов, будет недостаточно информативным, например в случае проведения сравнительного анализа организаций малого и крупного бизнеса, так как большинство рассчитываемых показателей выражено в абсолютных единицах.

Кроме того, вызывает вопрос и определение баллов по каждому из показателей, в частности, показатель «Среднемесячная заработная плата работников организации» сопоставляется с уровнем зарплаты за месяц работников соответствующего вида экономической деятельности. Если эти показатели сопоставимы, то субъекту хозяйствования присваивается 1 балл¹. Если же в организации выявлено превышение на 500 руб. над уровнем среднемесячной заработной платы по виду экономической деятельности, то ей присваивается 2 балла. Таким образом, организации, выплачивающие среднемесячную заработную плату выше среднеотраслевого уровня, имеют одинаковые баллы, хотя величина превышения может существенно варьироваться.

В Ростовской области Союзом работодателей и региональным отделением Российского союза промышленников и предпринимателей разработан и принят «Кодекс социально ответственного бизнеса Ростовской области»². Принципиальным отличием данного подхода к определению уровня развития корпоративной социальной ответственности от ранее рассмотренных методик является его декларативный характер.

¹ Постановлением Правительства Саратовской области от 07.03.2008 г. № 88-П «О добровольной корпоративной социальной ответственности организаций в Саратовской области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/933009877> (дата обращения: 23.03.2022).

² Кодекс социально ответственного бизнеса Ростовской области. URL: <http://stro.ru/files/doc/kodeks.doc> (дата обращения: 23.03.2022).

Если органы власти Воронежской и Саратовской областей делали акцент на разработке методических подходов к оценке уровня корпоративной социальной ответственности, то органы власти Ростовской области ограничились декларированием основных положений социально ответственного бизнеса. Соответственно, указанный подход: 1) не позволяет осуществлять сопоставление предприятий по уровню развития корпоративной социальной ответственности внутри региона, а также проводить межрегиональное сравнение; 2) не имеет измеримых параметров, задающих цели развития корпоративной социальной ответственности. Однако, несмотря на это, предложенный подход имеет существенные достоинства – он ориентирован: 1) на достижение высоких долгосрочных экономических и социальных результатов; 2) на формирование солидарной ответственности государства, бизнеса и гражданина.

В Ульяновской области в 2014 г. принят Стандарт корпоративной социальной ответственности предприятий и организаций¹. По аналогии с Воронежской областью ведется реестр организаций, принявших обязательства по исполнению данного стандарта. В настоящее время 1,2% из общего числа хозяйствующих субъектов Ульяновской области приняли на себя эти обязательства². Бесспорно, это положительный опыт.

Оценка корпоративной социальной ответственности бизнеса осуществляется на основе комплексной системы показателей, включающей как количественные, так и качественные индикаторы (табл. 3).

Среди достоинств предложенного методического подхода можно выделить следующие: 1) возможность сопоставления организаций по уровню развития корпоративной социальной ответственности путем расчета рейтинга, получаемого на основе произведения значений количественных показателей; 2) лаконичность, универсальность и простота применения; 3) наличие показателя, отражающего уровень экологической ответственности организации.

Однако большинство количественных показателей указанной методики предполагает расчет цепных индексов, получаемых путем деления значений отчетного периода на базовый, что существенно ограничивает возможность применения методического подхода для оценки уровня развития корпоративной социальной ответственности вновь созданных организаций.

Далее согласно выбранной логике исследования приводится анализ авторских методических подходов к уровню развития корпоративной социальной ответственности организации. В табл. 4 представлена система показателей, предложенная Н.А. Кричевским и С.Ф. Гончаровым [5].

¹ Стандарт корпоративной социальной ответственности предприятий и организаций Ульяновской области. URL: <https://ulyanovsk-zan.ru/Documents/Detail/85e873c4-d0b8-4185-a472-76b7086099af/> (дата обращения: 23.03.2022).

² О внедрении Стандарта социальной ответственности работодателей Ульяновской области в 2020 году. URL: <https://ulyanovsk-zan.ru/news/detail/da736c61-82d9-4c79-b16c-3d832eb48e4f/> (дата обращения: 23.03.2022).

Таблица 3. Показатели оценки добровольной корпоративной социальной ответственности организаций Ульяновской области

Качественные показатели	Количественные показатели
1. Наличие программы (плана мероприятий) развития кадрового потенциала. 2. Отсутствие просроченной задолженности по заработной плате, налоговым и иным обязательным (в ПФРФ, ФСС) платежам. 3. Наличие факта повышения заработной платы за прошедший год. 4. Отсутствие фактов производственного травматизма в организации за прошедший год. 5. Наличие программы (плана мероприятий) по улучшению условий труда и охраны труда. 6. Наличие коллективного договора (сроки его действия). 7. Наличие профсоюзной организации. 8. Наличие кодекса корпоративной этики. 9. Проведение мероприятий по благоустройству территорий и улучшению экологии муниципального образования. 10. Участие в областных конкурсах и социальных программах	1. Коэффициент роста заработной платы, %. 2. Текучесть кадров, %. 3. Коэффициент приема молодых специалистов, %. 4. Коэффициент роста образовательного уровня, % (затраченные средства на 1 работника). 5. Коэффициент уровня соблюдения правил охраны труда и техники безопасности. 6. Социальные расходы на 1 работника, руб. 7. Коэффициент отношения социальных расходов к чистой прибыли. 8. Коэффициент расходов на социальную поддержку вне организации. 9. Коэффициент затрат на охрану окружающей среды

Таблица 4. Оценка уровня развития корпоративной социальной ответственности по методике Н.А. Кричевского, С.Ф. Гончарова

Количественные показатели	Качественные показатели	Справочные показатели
1. Коэффициент роста заработной платы, %. 2. Коэффициент текучести кадров, %. 3. Коэффициент приема молодых сотрудников, %. 4. Коэффициент роста образовательного уровня сотрудников, %. 5. Коэффициент производственного травматизма, %. 6. Коэффициент социальных расходов на 1 работника, %. 7. Коэффициент отношения социальных расходов к чистой прибыли, %. 8. Коэффициент расходов на социальную поддержку сообщества, %. 9. Коэффициент отношения расходов на поддержку сообщества к чистой прибыли, %	1. Коллективный договор (есть/нет). 2. Организационная структура по социальной политике (есть/нет). 3. Ежегодный социальный отчет (есть/нет). 4. Социологические исследования (есть/нет). 5. Добросовестная деловая практика (есть/нет)	1. Коэффициент затрат на охрану окружающей среды к себестоимости. 2. Коэффициент затрат на охрану окружающей среды к чистой прибыли

Использование предложенной методики позволяет проводить ранжирование организаций путем определения рейтинговой оценки. На основе количественных показателей рассчитываются средний количественный и средний качественный показатели. Затем средний количественный показатель корректируется на основе значения среднего качественного показателя.

Достоинства данного методического подхода: 1) комплексность, включает в себя показатели социальной ответственности перед работниками, перед окружающим сообществом, и что немаловажно – показатели экологической ответственности; 2) универсальность, в связи с чем система показателей может найти применение при оценке уровня корпоративной социальной ответственности организации как крупного, так и малого бизнеса; 3) простота.

Наряду с этим многие показатели предполагают соотношение значений текущего отчетного периода к базисному, это делает невозможным применение данной методики организацией, начинающей свой жизненный цикл. Кроме того, авторы вводят в методику показатели экологической ответственности, но не используют их в расчетах при определении рейтинга корпоративной социальной ответственности, мотивируя это тем, что не все организации осуществляют производственную деятельность и наносят ущерб окружающей среде. Считаем, что в связи с общепланетарным признанием концепции устойчивого развития и провозглашенными целями тысячелетия использование указанных выше показателей при оценке корпоративной социальной ответственности субъектов хозяйствования является необходимым.

Качественная оценка предполагает выставление балла в случае, если есть коллективный договор, социальный отчет и пр. Авторам данного исследования такой подход к оценке корпоративной социальной ответственности кажется не учитывающим все возможные нюансы проведения анализа в данной сфере, так как, например, коллективный договор может лишь дублировать нормы Трудового кодекса РФ и не всегда или не в полной мере удовлетворять потребности работающих.

Методический подход к определению уровня развития корпоративной социальной ответственности на основе расчета индекса социальных инвестиций предложен В.А. Бахметьевым. Оценка проводится в три этапа: 1) сбор и анализ данных в соответствии с информационной картой социальной ответственности; 2) определение частных показателей (табл. 5); 3) определение рейтинга социальных инвестиций корпорации [7].

В рамках отдельных составляющих В.А. Бахметьев предлагает проведение оценки как по количественным, так и по качественным показателям. Например, наличие в коллективном договоре обязательств работодателя по улучшению условий труда, охраны труда; наличие службы охраны труда и пр. В связи с тем, что система показателей включает индикаторы, имеющие различные единицы измерения, производится нормализация показателей на основе линейного масштабирования. Затем осуществляется суммирование показателей с учетом их значимости.

Таблица 5. Система показателей по основным направлениям социальных инвестиций

Направление социальных инвестиций	Составляющая по основному направлению социальных инвестиций
Оплата труда и социальные выплаты	1. Уровень заработной платы. 2. Уровень постоянных социальных выплат. 3. Уровень временных социальных выплат
Развитие персонала	1. Повышение квалификации и переподготовки кадров. 2. Уровень кадрового потенциала. 3. Удовлетворенность условиями работы
Организация условий и охраны труда	1. Профилактика профессиональных заболеваний. 2. Мероприятия по улучшению условий и охране труда. 3. Медико-профилактические мероприятия. 4. Профилактика аварийности производства. 5. Соответствие производства санитарно-гигиеническим нормам. 6. Организационные мероприятия
Реализация социальных проектов	1. Собственные социальные программы. 2. Программы, реализуемые в регионах присутствия. 3. Благотворительность

Достоинствами данного методического подхода являются: 1) возможность сопоставления организаций по уровню корпоративной социальной ответственности; 2) возможность оценить эффект деятельности по отношению к социуму. Однако оценка уровня корпоративной социальной ответственности на основе данного методического подхода сталкивается с рядом проблем: 1) обработка значительного массива данных; 2) снижается информативность анализа в результате применения метода линейного масштабирования. Кроме того, считаем, что трактовка корпоративной социальной ответственности только через социальные инвестиции не позволяет учитывать всю широту и сложность этого понятия.

Таким образом, во всех рассмотренных методиках проводится качественная оценка уровня развития корпоративной социальной ответственности на основе анализа показателей в зависимости от наличия либо отсутствия определенных критериев, что является ограничением применимости предложенных методических подходов к тем или иным организациям. Кроме того, нет универсального методического подхода для оценки уровня развития корпоративной социальной ответственности для организаций, находящихся на разных этапах жизненного цикла. Проведенный анализ закладывает основу для разработки методического подхода с учетом устранения выявленных ограничений.

Обсуждение

Оценка уровня развития корпоративной социальной ответственности – непростая задача. Считаем, что система показателей должна быть инвариантной в зависимости от целей и задач исследования. Так, например, си-

стема показателей корпоративной социальной ответственности может включать группы показателей ответственности перед работниками, перед акционерами, перед обществом.

Бесспорно, любая система оценок субъективна. Тем не менее вопросы измерения уровня развития корпоративной социальной ответственности настолько же сложны, насколько и актуальны.

В заключение хотелось бы подчеркнуть тот факт, что за последние двадцать лет социальная ответственность бизнеса превратилась из абстрактного понятия в жизненно важный и общепризнанный фактор конкуренции [8]. А социальные отчеты компаний стали инструментом инвестирования и связи с общественностью. Осознание этого способствовало и способствует: 1) установлению консенсуса между представителями заинтересованных сторон; 2) разработке форм взаимодействия в рамках корпоративной социальной ответственности; 3) созданию мощного базиса для дальнейшего развития и внедрения программ корпоративной социальной ответственности.

Список источников

1. *Конарева Л.А.* Стратегия реализации социальной ответственности в XXI веке // США и Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 2. С. 117–127.
2. *Благов Ю.Е.* Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление // Российский журнал менеджмента. 2004. № 3. С. 17–34.
3. *Аврамова Е. С.* Корпоративная социальная ответственность как управленческая прибыль компании // Мотивация и оплата труда. 2009. № 4 (20). С. 254–257.
4. *Завьялова Е. Б.* Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей // Финансовый бизнес. 2018. № 2 (193). С. 26–31.
5. *Кричевский Н.А., Гончаров С.Ф.* Корпоративная социальная ответственность. М. : Дашков и К°, 2007. 215 с.
6. *Friedman M.* The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits // Corporate Ethics and Corporate Governance. Berlin, Heidelberg : Springer, 2007.
7. *Бахметьев В.А.* Оценка эффективности социальной работы в организации // Микроэкономика. 2009. № 6. С. 232–238.
8. *Костин А.* Корпоративная социальная ответственность и устойчивое развитие: мировой опыт и концепция для РФ. URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2005/3/3735.html> (дата обращения: 23.03.2022).

References

1. Konareva, L.A. (2009) Strategy of social responsibility in the 21st century. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura – USA & Canada: Economics, Polinics, Culture*. 2 (470). pp. 117–127. (In Russian).
2. Blagov, Yu.E. (2004) Kontseptsiya korporativnoy sotsial'noy otvetstvennosti i strategicheskoe upravlenie [The concept of corporate social responsibility and strategic management]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta – Russian Management Journal*. 3 (2). pp. 17–34.
3. Avramova, E.S. (2009) Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' kak upravlencheskaya pribyl' kompanii [Corporate social responsibility as a company's managerial profit]. *Motivatsiya i oplata truda*. 4 (20). pp. 254–257.
4. Zav'yalova, E.B. (2018) Corporate social responsibility: evolution of approaches and ideas. *Finansovyy biznes – Financial Business*. 2 (193). pp. 26–31. (In Russian).

5. Krichevskiy, N.A. & Goncharov, S.F. (2007) *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost'* [Corporate Social Responsibility]. Moscow: Dashkov i K°.

6. Friedman, M. (2007) The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits. In: Zimmerli, W.C., Holzinger, M. & Richter, K. (eds) *Corporate Ethics and Corporate Governance*. Berlin, Heidelberg.

7. Bakhmet'ev, V.A. (2009) Otsenka effektivnosti sotsial'noy raboty v organizatsii [Evaluation of the effectiveness of social work in the organization]. *Mikroekonomika*. 6. pp. 232–238. (In Russian).

8. Kostin, A. (2005) Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' i ustoychivoe razvitie: mirovoy opyt i kontseptsiya dlya RF. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*. 3. [Online] Available from: <http://www.mevriz.ru/articles/2005/3/3735.html>. (Accessed: 23.03.2022).

Сведения об авторах:

Зонова О.В. – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева (Кемерово, Россия). E-mail: zov.fk@kuzstu.ru

Шевелева О.Б. – канд. экон. наук доцент кафедры финансов и кредита, Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева (Кемерово, Россия). E-mail: shob.fk@kuzstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Zonova, Cand. Sci. (Economics), associate professor, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zov.fk@kuzstu.ru

O.B. Sheveleva, Cand. Sci. (Economics), associate professor, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: shob.fk@kuzstu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.04.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 02.04.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Научная статья
УДК 338.48
doi: 10.17223/19988648/59/19

Проблемы и перспективы управления развитием лесного туризма в Российской Федерации

Наталья Николаевна Яшалова¹, Дмитрий Александрович Рубан²

¹ *Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, natalij2005@mail.ru*
² *Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, ruban-d@mail.ru*

Аннотация. Развитие национальной туристической индустрии предполагает разработку и продвижение новых туристических направлений внутри страны. Целью настоящей статьи является разработка практических рекомендаций по развитию лесного туризма на особо охраняемых природных территориях. В работе обозначены основные тенденции по развитию туристической деятельности на лесных массивах особо охраняемых природных территорий, проведен SWOT-анализ, который демонстрирует преимущества и угрозы от данного вида внутреннего туризма для Российской Федерации. Основное внимание уделено вопросам развития, продвижения, повышения привлекательности лесного туризма в стране. Теоретические положения, представленные в статье, могут найти применение в научно-образовательной деятельности, а практические рекомендации станут полезными для муниципальных и региональных органов власти, разрабатывающих и реализующих программы по развитию новых видов внутреннего туризма в связи с выполнением целевых индикаторов национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства».

Ключевые слова: лесной туризм, особо охраняемые природные территории, Северо-Западный федеральный округ, прогнозирование, национальный проект

Для цитирования: Яшалова Н.Н., Рубан Д.А. Проблемы и перспективы управления развитием лесного туризма в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 304–318. doi: 10.17223/19988648/59/19

Original article

Forest tourism development management in the Russian Federation: Problems and prospects

Natalya N. Yashalova¹, Dmitry A. Ruban²

¹ *Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation, natalij2005@mail.ru*

² *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, ruban-d@mail.ru*

Abstract. The development of the national tourism industry involves the development and promotion of new tourist destinations within the country. The aim of this work is to develop practical recommendations for the development of forest tourism in spe-

cially protected natural areas. The article identifies the main trends in the development of tourism activities in the forests of specially protected natural areas. The author conducted a SWOT analysis that demonstrated the advantages and threats of this type of domestic tourism for the Russian Federation. The main attention is paid to the issues of development, promotion, and increasing of the attractiveness of forest tourism in the country. The theoretical provisions presented in the article can be applied in scientific and educational activities, and practical recommendations will be useful for municipal and regional authorities developing and implementing programs for the development of new types of domestic tourism in order to meet the target indicators of the Tourism and the Hospitality Industry national project.

Keywords: forest tourism, specially protected natural areas, Northwestern Federal District, forecasting, national project

For citation: Yashalova, N.N. & Ruban, D.A. (2022) Forest tourism development management in the Russian Federation: Problems and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 304–318. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/19

Введение

Внутренний туризм на территории Российской Федерации активизировался в 2014 г., когда стало очевидным исчерпание потенциала развития ранее преваляровавшей модели турбизнеса, ориентированного на выездные потоки, и при этом усилился государственный интерес к стимулированию путешествий и отдыха внутри страны. Пандемия COVID-19 оказала двойное влияние на отрасль: с одной стороны, ранее востребованные туристические направления по выездному туризму оказались недоступны или ограничены, а с другой – резко вырос спрос на внутренний туризм, при этом связанный не только с популярными дестинациями Черноморского побережья Крыма и Кавказа, но и с другими территориями, обладающими значительными туристическими ресурсами. «Свежие» санкции в отношении российских авиакомпаний (2022 г.) при сохранении ограничений, связанных с пандемией, в очередной раз актуализируют задачу по повсеместному развитию внутреннего туризма. В действительности все регионы страны способны внести существенный вклад в импортозамещение в данной отрасли экономики, т.е. привлечь российских туристов. При этом стоит отметить, что сохранение туристической мобильности населения исключительно необходимо по таким трем причинам, как оздоровление и эмоциональная «разгрузка» (это важно в том числе для сохранения качества трудовых ресурсов и восстановления в пандемийный период), внутристрановой культурный обмен и самопросвещение, а также наполнение федерального, регионального и муниципальных бюджетов за счет использования богатых туристических ресурсов.

Согласно данным Росстата, количество турпакетов, реализованных по территории Российской Федерации в 2019 и 2020 гг., примерно одинаково и составляет порядка 2,1 млн ед.¹ Ввиду ограничений, связанных с короно-

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Розничная торговля, услуги населению, туризм. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/23457>

вирусной инфекцией, доля турпакетов, приходящихся на внутренний туризм, составила в 2020 г. 67%, что на 25% больше, чем в 2019 г. При этом статистика не учитывает неорганизованных (т.н. самодельных) туристов, на которых приходится значительная (подчас резко преобладающая) доля внутренних потоков. Логично предполагать, что рост внутреннего туризма в 2020–2021 гг. был намного большим, чем может быть зафиксировано в отчетности туристического бизнеса. Очевидно, что в условиях нестабильной геополитической ситуации интерес к внутренним путешествиям у россиян в ближайшие годы не снизится. Сложившаяся ситуация может быть интерпретирована таким образом, что у жителей Российской Федерации появились уникальные возможности для знакомства с собственной страной. Лесные ландшафты исключительно широко распространены на территории последней, а потому актуальным видится рассмотрение состояния и перспектив развития лесного туризма.

Потребность общества в лесах постепенно смещается от традиционного производства древесины к их использованию в целях рекреации и туризма [1]. Прежде всего, это касается особо охраняемых природных территорий (ООПТ), площадь которых в Российской Федерации составляет 165 млн га (9,6% от территории страны), имеется высокий потенциал для их использования в туристических целях. В рамках настоящей работы под лесным туризмом будем понимать совокупность туристических, рекреационных, а также развлекательно-познавательных мероприятий, которые проводятся с использованием лесных ресурсов и в контексте лесных ландшафтов. В целом общая площадь лесов в Российской Федерации на начало 2020 г. составляла 815 млн га, или 20% от всех лесов мира. На одного россиянина приходится в среднем 5,6 га, что почти в 11 раз выше общемирового показателя (0,52 га)¹. Лесистость, или доля покрытых лесом земель, от площади страны составляет порядка 46%. Общая площадь лесов, расположенных на землях особо охраняемых природных территорий составляет 28,2 млн га² (17%). Ценность лесов отражается как в виде экономических выгод, связанных с производством древесины, так и в обеспечении экологических функций (охрана почв и водных ресурсов, регулирование климата). Также лесные территории выступают в качестве пространства для отдыха.

Лесной туризм нельзя назвать самым распространенным видом туризма, однако в современных условиях наблюдается всё больший интерес населения к различным видам отдыха на природе. Точную оценку реальных масштабов лесного туризма дать затруднительно из-за отсутствия статистической информации (прежде всего касательно неорганизованных туристов). Однако с учетом увеличения количества экотроп и маршрутов на

¹ Глобальная оценка лесных ресурсов 2020 года. Основные выводы. Рим. ФАО. 2020 г. URL: <https://www.fao.org/3/ca8753ru/CA8753RU.pdf>

² Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/rosleskhoz_kazhdoe_trete_derevo_v_rossiyskom_lesu_listvennitsa/?special_version=Y

территориях государственных природных заповедников и национальных парков в период с 2001 по 2020 г. с 550 до 1 520, числа музеев – с 65 до 135, числа визит-центров – с 67 до 290 (данные Росстата) можно говорить об устойчивом развитии эколого-просветительской деятельности и познавательного туризма, включая лесной туризм на территории Российской Федерации. Также отметим, что в 2020 г. ООПТ посетило 6,4 млн чел., что более чем в 7 раз превышает показатель 2001 г.¹ Учитывая, что в настоящее время Российская Федерация приступает к реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства»², одной из основных целей которого является увеличение внутренних туристических поездок с 65 млн в 2019 г. до 140 млн в 2030 г., продвижение перспективных видов туризма и создание новых туристических маршрутов весьма актуальны.

Настоящая статья направлена на изучение проблем, связанных с туристической деятельностью в лесных зонах, что позволит создать современную базу знаний, необходимых для разработки программ по развитию лесного туризма. Акцент при этом сделан на регионах Северо-Западного федерального округа, которые обладают значительными ресурсами для развития лесного туризма и при этом хорошо доступны для отечественных туристов. В связи с этим данный вид туризма может стать одним из драйверов социально-экономического развития территорий этого округа.

Теоретический обзор

Существенным теоретическим основанием для разработки представлений о лесном туризме является концепция экосистемных услуг. В ставшей уже классической классификации MEA³ в особую группу выделяются культурные экосистемные услуги, к числу которых отнесены услуги эстетические, духовные, образовательные, рекреационные. Механизмы их оказания и взаимоотношения с цивилизационными (не только социально-экономическими) процессами подробно рассмотрены в работах Р. Костанцы и его коллег, которые, являясь основателями данной концепции, постоянно дорабатывают её [2]. Многочисленными исследованиями установлено, что лесные экосистемы обладают исключительными эстетическими свойствами [3], служат основой для духовного обогащения [4], представляют значительный интерес для реализации образовательных программ [5] и при этом формируют большой потенциал для отдыха и оздоровления [6] (см. также ниже). Безусловно, лесной туризм неразрывно связан со всем

¹ Рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13209>

² Паспорт национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». URL: <https://tourism.gov.ru/contents/documenty/plan-deyatelnosti/natsionalnyy-proekt-turizm-i-industriya-gostepriimstva/pasport-natsionalnogo-proekta-turizm-i-industriya-gostepriimstva/>

³ Millennium Ecosystem Assessment. Ecosystems and Human Well Being: Synthesis. Washington : Island Press, 2005. 137 p.

спектром культурных экосистемных услуг и к тому же результаты отмеченных исследований однозначно свидетельствуют в пользу актуальности данного направления туристической деятельности.

Во многих странах лесные районы обладают богатыми туристическими ресурсами и являются достаточно популярными дестинациями, что подробно освещается в научных трудах иностранных ученых. Так, американские специалисты под руководством Э.П.Д. Коселки доказывают, что лесная терапия важна в области профилактической медицины: прогулки по лесу приводят к устойчивым улучшениям психологического состояния человека [7]. Особое внимание инновационным терапевтическим программам уделяют исследователи из Восточной Азии: в частности, Ц. Ли обосновывает одно из направлений – синрин-йоку (купание в лесу) [8]. Научные сотрудники из Великобритании Е. Фаркич, Г. Исайлович, С. Тейлор придерживаются мнения, что так называемое «купание в лесу» должно занять более видное место в туристической практике, особенно в условиях пандемии COVID-19, которая способствовала обращению гражданами большего внимания на собственное здоровье [9].

Недревесная продукция также играет положительную роль для улучшения благосостояния и качества жизни населения. К примеру, Х. Кону из университета Восточной Финляндии считает, что услуги лесного оздоровительного туризма могут быть связаны с физической активностью, отдыхом и снятием стресса, использованием природных ресурсов (ягоды, грибы, материалы для рукоделия), а также обучающими мероприятиями по их применению [10]. Однако здесь также следует учитывать, что сбор дикорастущих грибов не должен превращаться в коммерческий сбор [11].

Группа ученых из Института природных ресурсов Финляндии исследовала роль и качество лесного ландшафта для развития экологического туризма [12]. Ф. Сгррой из Италии на примере лесных ландшафтов проследил взаимосвязь между моделями устойчивого туризма и управлением природными ресурсами [13].

Возможности использования лесных рекреаций в туризме изучаются и российскими учеными, которые делают акцент на влиянии ландшафтных комплексов на психоэмоциональный статус отдыхающих [14], перспективы туристической деятельности в лесах [15], целесообразность использования активных форм лесной рекреации [16] и др.

Предпринятый обзор литературных источников позволяет концептуализировать лесной туризм следующим образом. Прежде всего, это направление туристической деятельности выделено на ресурсной основе, что означает его «пересечение» с видами туризма, выделенными по направленности турпотоков, форме организации, целеполаганию и т.д. Если говорить о лесном туризме на ООПТ, что анализируется в настоящей работе, то он в определенной мере соответствует экологическому туризму. Однако в случае отсутствия в значительном количестве просветительского или эко-волонтерского компонента, которые обязательны для экологического туризма, лесной туризм может проявляться в виде природной рекреации.

Лес нередко представляет собой фрагмент дикой природы, нахождение в которой вызывает особые эмоции у туристов, а подчас требует достаточных физических усилий. В этом проявляется пересечение лесного туризма с приключенческим, спортивным и даже экстремальным туризмом. Сбор грибов, ягод или потребление блюд, приготовленных с использованием лесных продуктов, указывает на связь с соответствующими узкоспециализированными видами туризма (например, бакатуризм – ягодный туризм), а в более общем виде – с гастрономическим (кулинарным) и отчасти этническим туризмом. В свете вышесказанного также стоит обратить внимание на пересечение с оздоровительным туризмом. Кроме того, речь может идти и об академическом туризме, когда леса посещаются с целью проведения учебных мероприятий или обмена опытом между исследователями. В целом лесной туризм может быть определен как совокупность туристических практик различной направленности, которые объединены использованием лесных ресурсов. Стоит при этом уточнить, что туристы могут посещать лес без интереса к нему самому, т.е. просто находиться в лесной среде (в данном случае лесной ландшафт выступает фоном туристической деятельности), либо же цель их путешествий может быть связана с лесом, но не предполагать его посещение, как, например, при интересе к специфической кухне лесной местности, знакомство с которой происходит в ресторане (в таких случаях ресурс – это скорее лесная тематика). Наконец, не стоит забывать, что в ряде случаев лесные уголья располагаются на высокоурбанизированных территориях.

Материалы и методы

Для изучения возможностей развития лесного туризма на ООПТ в Российской Федерации предварительно составим краткосрочный прогноз на 2024 г. по экологическому туризму в стране в целом. Для этого на первом этапе осуществим сбор статистических данных за двадцатилетний период (2001–2020 гг.). На втором этапе с помощью метода аналитического выравнивания осуществим подбор линии тренда и математической модели, описывающей изучаемый процесс. Также рассчитаем коэффициент достоверности аппроксимации (R^2), показывающий адекватность полученного уравнения тренда для изучаемого процесса. При обосновании выбора уравнения тренда учитываем, что чем ближе R^2 к единице, тем более точно линия тренда описывает изучаемый процесс. На третьем этапе на основании полученного уравнения тренда рассчитаем «точный» прогноз на 2024 г., который получается путем подстановки в уравнение тренда значения $t = 24$ (уровень для 2024 г.).

Результаты исследования

Статистические данные по количеству посетителей государственных природных заповедников и национальных парков представлены в табл. 1.

Таблица 1. Эколого-просветительская и туристическая деятельность на территории государственных природных заповедников и национальных парков в Российской Федерации

Год	Количество посетителей в государственных природных заповедниках, чел.			Количество посетителей национальных парков, чел.			Суммарное количество посещений, ед.
	Музеи	Визит-центры	Экологические тропы и маршруты	Музеи	Визит-центры	Экологические тропы и маршруты	
2001	170 919	58 065	184 219	45 364	23 927	419 731	902 225
2002	216 452	95 132	168 977	48 501	42 989	582 855	1 154 906
2003	264 494	115 674	200 426	51 795	59 863	805 203	1 497 455
2004	250 748	128 394	377 839	54 277	98 150	301 970	1 211 378
2005	343 776	159 004	397 714	44 931	101 049	403 147	1 449 621
2006	363 838	171 982	247 448	84 564	140 707	1 198 654	2 207 193
2007	364 532	179 629	384 724	86 394	237 220	1 472 056	2 724 555
2008	413 324	388 898	632 219	157 876	157 757	1 489 406	3 239 480
2009	375 862	314 954	444 110	130 428	154 064	840 359	2 259 777
2010	391 224	404 889	617 172	104 392	176 840	1 302 730	2 997 247
2011	398 337	1 049 740	1 200 427	211 239	257 606	1 111 013	4 228 362
2012	364 801	1 090 856	1 325 615	151 472	270 209	738 827	3 941 780
2013	412 055	1 104 074	1 451 050	232 264	336 123	1 706 627	5 242 193
2014	462 113	475 937	965 497	205 605	488 772	1 201 087	3 799 011
2015	525 774	503 065	1 173 778	170 663	592 693	1 906 003	4 871 976
2016	522 836	651 943	1 262 852	164 946	606 549	2 149 611	5 358 737
2017	509 660	1 178 222	1 543 533	170 691	544 534	2 470 204	6 416 844
2018	536 719	1 215 339	1 814 655	237 501	581 900	2 000 315	6 386 429
2019	602 577	425 622	958 861	223 581	1 704 266	4 442 375	8 357 283
2020	544 249	358 480	921 633	116 246	703 339	3 773 692	6 417 639

Источник: составлено и рассчитано автором по данным федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>.

Из данных табл. 1 видим, что наибольшее количество посетителей ООПТ пришлось на 2019 г. В основном это произошло за счет существенного роста посещения экологических троп и маршрутов в национальных парках, что указывает на востребованность такого вида отдыха у туристов. Что касается снижения показателей в 2020 г., то это стало следствием пандемийных ограничений.

В табл. 2 представлен краткосрочный прогноз на 2024 г. по количеству посещений музеев, визит-центров, экологических троп и маршрутов в особо охраняемых природных территориях Российской Федерации.

Все прогнозные показатели на 2024 г., рассчитанные в табл. 2, демонстрируют положительную динамику. Наибольший прирост посетителей следует ожидать в визит-центрах национальных парков и государственных природных заповедниках, наименьший – в музеях государственных природных заповедников. Существенный прирост туристов ожидается среди посетителей экологических троп и маршрутов.

Таблица 2. Прогноз посетителей государственных природных заповедников и национальных парков на 2024 г. по Российской Федерации

Показатель	Вид уравнения тренда	Значение R^2	Фактическое значение показателя за 2020 г.	Точечный прогноз на 2024 г. ($t = 24$)	Темп прироста 2024 к 2020 г.
Количество посетителей экологических троп и маршрутов в государственных природных заповедниках	$Y = 106\,388 * t^{0,8465}$	0,801	921 633	1 567 622	+ 70,1%
Количество посетителей экологических троп и маршрутов в национальных парках	$Y = 11\,701 * t^2 - 95\,563 * t + 840\,055$	0,785	3 773 692	5 286 319	+40,1%
Количество посетителей музеев в государственных природных заповедниках	$Y = 166\,196 * t^{0,3945}$	0,938	544 249	582 255	+7,0%
Количество посетителей музеев в национальных парках	$Y = 30\,477 * t^{0,6318}$	0,750	116 246	226 981	+95,3%
Количество посетителей визит-центров в государственных природных заповедниках	$Y = 44\,103 * t^{0,9815}$	0,743	358 480	998 034	+178,4%
Количество посетителей визит-центров в национальных парках	$Y = 37\,965 * e^{0,1705 * t}$	0,911	703 339	2 272 565	+223,1%
Суммарное количество посещений	$y = 475265 * t^{0,8717}$	0,937	6 417 639	7 586 928	+ 18,2%

Источник: рассчитано автором.

Северо-Западный федеральный округ Российской Федерации составляет около 10% территории страны. Здесь также проживают порядка 10% россиян. Географическое положение СЗФО можно назвать достаточно выгодным. Хвойные леса – это одна из главных отличительных природных черт и при этом достопримечательностей округа. В них произрастает большое количество ягод и грибов. Количество ООПТ в 2020 г. составляло 1143 ед., или 9,7% от российского показателя. Наибольшее количество охраняемых территорий сосредоточено в Республике Коми, Вологодской области и Республике Карелия. В табл. 3 представлены общие сведения об особо охраняемых природных территориях СЗФО, на которых целесообразно развивать лесной туризм. Представленные виды особо охраняемых природных территорий имеют возможность для их рекреационного использования.

Очевидно, СЗФО обладает природно-рекреационными территориями, что предоставляет возможность формировать к ним туристический инте-

рес. Более 20 государственных природных заповедников, национальных парков и заказников, расположенных во всех регионах СЗФО, позволяют развивать относительно новый для жителей Российской Федерации отдых в лесу. Для продвижения лесного туризма как одного из видов внутреннего туризма проведем SWOT-анализ, с помощью которого выявим преимущества и недостатки данного вида туризма, а также обозначим риски и препятствия по его развитию в Северо-Западном федеральном округе (табл. 4).

Таблица 3. Общие сведения об особо охраняемых территориях Северо-Западного федерального округа Российской Федерации (за исключением г. Санкт-Петербурга)

Субъект СЗФО	Количество ООПТ, ед.	Общая площадь ООПТ, тыс. га	Государственные природные заповедники, заказники, национальные парки
Республика Карелия	153	567,9	Кивач, государственный природный заповедник; Костомукшский государственный природный заповедник; Водлозерский национальный парк; Паанаярви, национальный парк; Калевальский национальный парк
Республика Коми	234	2 672,3	Югыдва, национальный парк
Архангельская область	126	10 137,8	Пинежский государственный природный заповедник; Русская Арктика, национальный парк; Онежское Поморье, национальный парк; Сийский заказник; Кенозерский национальный парк
Вологодская область	193	229,5	Русский Север, национальный парк
Калининградская область	119	6,6	Куршская коса, национальный парк
Ленинградская область	54	116,9	Нижне-Свирский государственный природный заповедник
Мурманская область	75	851,4	Канозерский заказник; Кандалакшский государственный природный заповедник; Пасвик, государственный природный заповедник
Новгородская область	131	196,0	Рдейский государственный природный заповедник; Валдайский национальный парк
Псковская область	41	163,6	Ремдовский государственный природный заказник; Полистовский государственный природный заповедник; Себежский национальный парк

Источники: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>; данные Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: <https://www.mnr.gov.ru/activity/oopt/>

Таблица 4. SWOT-анализ лесного туризма в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации

Сильные стороны (Strengths)	Возможности (Opportunities)
<ul style="list-style-type: none"> ✓ Развитие внутреннего туризма является национальным приоритетом (национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства»). ✓ Наличие ООПТ с уникальными природно-ландшафтными условиями, с высокой долей хвойных лесов, имеющих богатое биологическое разнообразие. ✓ Прогноз роста посещаемости туристами ООПТ. ✓ Дорожно-транспортная доступность, близость к крупным городам-мегаполисам (Москва и Санкт-Петербург) 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Создание рабочих мест для привлечения местного сообщества к развитию туризма (продажа сувенирной продукции, организация фотосессии и т.д.). ✓ Разработка туристических мастер-планов охраняемых территорий. ✓ Знакомство с историей местности. ✓ Продвижение брэндов субъектов СЗФО, что положительно скажется на их инвестиционной привлекательности. ✓ Развитие государственно-частного партнерства в границах ООПТ с целью привлечения инвестиций и создания инфраструктуры
Слабые стороны (Weaknesses)	Угрозы (Threats)
<ul style="list-style-type: none"> ✓ Недостаток отечественных научных исследований по лесному туризму. ✓ Использование лесных территорий в хозяйственных целях. ✓ Отсутствие инфраструктуры (средств размещения, питания, развлечения, медпунктов) для организации лесного туризма. ✓ Ограниченность финансовых ресурсов на охрану биоразнообразия и развитие охраняемых территорий. ✓ Сезонность туристического спроса 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Антропогенная нагрузка на лесные территории. ✓ Вмешательство в быт и уникальную культуру коренных малочисленных народов СЗФО. ✓ Недостаток квалифицированных кадров, способных развивать лесной туризм. ✓ Отсутствие комфортабельных средств размещения и питания. ✓ Усиление конкуренции на туристическом рынке. ✓ Сложность обеспечения безопасности здоровья туристов ввиду несвоевременного оказания медицинских услуг. ✓ Обилие клещей, комаров, гадюк в лесах СЗФО. ✓ Зависимость от погодных условий

Источник: составлено автором.

Обсуждение и заключение

Субъекты СЗФО, имея богатое природное наследие, могут получить значительные социально-экономические выгоды от развития лесного туризма. Природными экскурсионными объектами могут выступать лесные массивы в целом, а также участки произрастания различных видов деревьев, грибов, ягод, редких растений и др. (их эстетические свойства компенсируют ограничения или запреты их сбора на ООПТ). В рамках лесного туризма могут проходить научно-исследовательские экспедиции, а также полевые практики у студентов. Создание природозащитающих территорий является одним из основных управленческих подходов, связанных с охраной природы, включая сохранность лесных ландшафтов и биоразнообразия.

Треккинг, так называемая продолжительная пешеходная прогулка по запланированному маршруту, становится все более популярным у туристов. Однако походы и кемпинги на ООПТ могут оказать как положительное влияние, в частности пополнение бюджета национального парка или заповедника, существенная поддержка местных жителей и т.д., так и негативное воздействие, которое проявляется в физической деградации за счет вытаптывания растительности и деструкции верхних слоев почвенного покрова, накопления мусора, случайном повреждении деревьев и т.п. [17]. В связи с этим важными направлениями в развитии лесного туризма является инвентаризация, строительство и обслуживание лесных троп, т.е. их обустройство в качестве туристической инфраструктуры, не препятствующей целям устойчивого развития. Предельно важно планировать маршруты трекинга таким образом, чтобы использовать уже сложившуюся сеть троп, но при этом на наименее ценных или слабоподверженных деградации участках. При этом исключительно важное значение приобретают инструменты определения несущей способности ландшафтов и краудин-менеджмента. Первые позволяют лимитировать туристическую нагрузку до безопасных для природы уровней, а вторые – делать пребывание туристов в лесу комфортным, избегая неоправданной концентрации на отдельных участках (например, смотровых площадках или узких тропах), которая сама по себе способствует антропогенной нагрузке на ландшафт.

Для реализуемого в настоящее время национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии 29.12.2021 г. были утверждены обновленные стандарты ГОСТ Р 56642-2021 «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования» и ГОСТ Р 57287-2021 «Туристские услуги, предоставляемые на особо охраняемых природных территориях. Требования». Данные стандарты устанавливают требования к туристским услугам, которые будут предоставляться на особо охраняемых природных территориях Российской Федерации. Все эти положения также касаются лесного туризма.

Очевидно, что прирост туристов, посещающих лесные ландшафты, будет негативным образом влиять на биоразнообразие и природную среду. К примеру, группа китайских ученых предложила рассчитывать индекс тенденции конфликта между развитием туризма и защитой окружающей среды [18]. Задача данного показателя связана с количественным выявлением распределения конфликтных тенденций в пространственном разрезе и обеспечением пространственной ориентации для поддержки принятия решений и корректирующих действий для предотвращения конфликта. Индикатор конфликтной тенденции между развитием туризма и защитой окружающей среды, основанный на сочетании ландшафтной привлекательности и экологической чувствительности, разработан Ц. Юйси и Ч. Линьшэн [19]. С увеличением нагрузки на окружающую среду могут возникать так называемые экологические ловушки. Здесь важно, чтобы были механизмы стимулирования охраны окружающей среды, позволяющие их избежать.

Важным шагом для развития лесного туризма стала цифровая трансформация туристической отрасли. К примеру, «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года»¹ особое внимание уделяет развитию цифровых технологий в туристической сфере. Уже несколько последних лет многие туристы активно используют онлайн-сервисы для бронирования туров и их оплаты. Помощь туристам в составлении туристического маршрута может оказывать искусственный интеллект (чат-боты), заранее «запрограммированный» на соблюдение норм экологической устойчивости. В продвижении лесных троп и маршрутов также следует применять технологию виртуальной реальности. Обзорные фильмы об ООПТ и красивых природных ландшафтах также могли бы стимулировать поток экотуристов на посещение этих природных территорий. Особое внимание при этом следует уделить геобрендингу, так как имидж места отдыха является одной из важных причин посещения туристического направления.

Еще одним существенным моментом в развитии лесного туризма является подготовка гидов и инструкторов-проводников. Так, согласно российскому законодательству² с 1 июля 2022 г. они должны иметь обязательную аттестацию, которая будет проводиться каждые пять лет. Важно, чтобы гид «передал» путешественникам собственное патриотическое отношение к местным природным ландшафтам и повышал экологическую культуру туристов. Отметим, что в настоящее время во всех крупных городах СЗФО осуществляется подготовка кадров по направлению «Туризм». В случае ООПТ важное значение имеет координация действий их сотрудников, внешних гидов/инструкторов и самих туристов. Идеальным видится случай, когда услуги лесного туризма формируются и распространяются самими ООПТ с привлечением консультантов (технологов, маркетологов, представителей бизнес-сообщества).

Природный капитал является важным фактором устойчивого развития туристического сектора. В современной ситуации россияне трансформируют географию своей мобильности, ориентируясь на предложение в сфере внутреннего туризма, что является совершенно оправданным для столь большой и богатой туристическими ресурсами страны, как Россия. Более того, это вполне соответствует национальным интересам, связанным в том числе с поощрением оздоровления и культурных процессов в обществе, а также сохранением доходов от туристической деятельности внутри страны. В Северо-Западном федеральном округе на ООПТ сконцентрированы

¹ Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации № 2129-р от 20.09.2019 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPAshEulYxmWSpB4lrM.pdf>

² Федеральный закон от 20.04.2021 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в части правового регулирования деятельности экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382527/

большие природные ресурсы, которые подходят для развития лесного туризма. При этом важно учитывать возникающее противоречие между задачами по охране окружающей среды и развитием туристического бизнеса. Экономические выгоды от использования лесных ресурсов в туристических целях и благополучие людей не должны сопровождаться угрозами для окружающей среды, особенно в высокий сезон. Поэтому к разработке планов по развитию лесного туризма важно привлекать муниципальные органы власти. Последние могут также сыграть роль основного звена между собственно туристическим бизнесом и местным предпринимательским сообществом, а также выделять пространство под ярмарки, фестивали, площадки для торговли сувенирной продукцией.

В целом перспективы развития лесного туризма на ООПТ в СЗФО связаны с интеграцией усилий туристического бизнеса, природоохранных организаций и государственных органов. При этом важно качественное обновление самой основы для их взаимодействия. Во-первых, принципиальное значение имеет реализация соответствующих усилий в рамках государственных (федеральных и региональных) программ. Во-вторых, стратегическим приоритетом должна выступать устойчивость развития территорий, а не «механическое» удовлетворение текущего спроса на туристические услуги. Наконец, в-третьих, принципиальное значение имеет качественное, высокопрофессиональное обоснование всех реализуемых инициатив: лесной туризм, несмотря на всю свою очевидность для СЗФО, является инновационным направлением, развитие которого требует привлечения значительного количества интеллектуального капитала, который сконцентрирован прежде всего в академической (университетской, исследовательской) среде, а его грамотное использование находится в зависимости от уровня участия государства в данном сегменте туристического рынка.

Список источников

1. Gao Y. *et al.* The spatial cognition of a forest landscape and its relationship with tourist viewing intention in different walking passage stages // *Urban Forestry & Urban Greening*. 2021. Vol. 58. P. 126975.
2. Costanza R. *et al.* Twenty years of ecosystem services: How far have we come and how far do we still need to go? // *Ecosystem Services*. 2017. Vol. 28. P. 1–16.
3. Fuger F. *et al.* Can visual aesthetic components and acceptance be traced back to forest structure? // *Forests*. 2021. Vol. 12. P. 71.
4. Lowman M.D., Sinu P.A. Can the spiritual values of forests inspire effective conservation? // *BioScience*. 2017. Vol. 67. P. 688–690.
5. Korcz N., Janeczko E. Forest Education with the Use of Educational Infrastructure in the Opinion of the Public-Experience from Poland // *Sustainability*. 2022. Vol. 14. P. 1915.
6. Lee J.-H., Lee D.-J. Nature experience, recreation activity and health benefits of visitors in mountain and urban forests in Vienna, Zurich and Freiburg // *Journal of Mountain Science*. 2015. Vol. 12. P. 1551–1561.
7. Koselka E.P.D. *et al.* Walking green: Developing an evidence base for nature prescriptions // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. Vol. 16 (22). P. 4338.
8. Li Q. Effect of forest bathing trips on human immune function // *Environmental Health and Preventive Medicine*. 2010. Vol. 15. P. 9–17.

9. Farkic J. et al. Forest bathing as a mindful tourism practice // *Annals of Tourism Research Empirical Insights*. 2021. Vol. 2 (2). P. 100028.
10. Konu H. Developing a forest-based wellbeing tourism product together with customers – An ethnographic approach // *Tourism Management*. 2015. Vol. 49. P. 1–16.
11. Gorriz-Mifsud E. et al. What to do with mushroom pickers in my forest? Policy tools from the landowners' perspective // *Land Use Policy*. 2017. Vol. 63. P. 450–460.
12. Mäntymaa E. et al. Importance of forest landscape quality for companies operating in nature tourism areas // *Land Use Policy*. 2021. Vol. 107. P. 104095.
13. Sgroi F. Forest resources and sustainable tourism, a combination for the resilience of the landscape and development of mountain areas // *Science of The Total Environment*. 2020. Vol. 736. P. 139539.
14. Оборин М.С. Анализ лесных ландшафтных комплексов курортных территорий Пермского края и их роль в развитии лечебного туризма // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 5. С. 55–60.
15. Сидоров И.В. Лесная рекреация как форма оздоровительного туризма: некоторые подходы // *Физическое воспитание и детско-юношеский спорт*. 2016. № 4. С. 35–40.
16. Sahani N., Ghosh T. GIS-based spatial prediction of recreational trail susceptibility in protected area of Sikkim Himalaya using logistic regression, decision tree and random forest model // *Ecological Informatics*. 2021. P. 64.
17. Zeng Y. et al. The role of seasonality in assessments of conflict tendency between tourism development and ecological preservation in protected areas: The case of protected areas in China // *Journal of Environmental Management*. 2022. Vol. 304. P. 114275.
18. Yuxi Z., Linsheng Z. Identifying conflicts tendency between nature-based tourism development and ecological protection in China // *Ecological Indicators*. 2020. Vol. 109. P. 105791.
19. Liu S. et al. Ecological trap in tourism-urbanization: Simulating the stagnation and restoration of urbanization from the perspective of government incentives // *Ecological Economics*. 2021. Vol. 185. P. 107054.

References

1. Gao, Y. et al. (2021) The spatial cognition of a forest landscape and its relationship with tourist viewing intention in different walking passage stages. *Urban Forestry & Urban Greening*. 58. P. 126975. DOI: 10.1016/J.UFUG.2020.126975
2. Costanza, R. et al. (2017) Twenty years of ecosystem services: How far have we come and how far do we still need to go? *Ecosystem Services*. 28. pp. 1–16. DOI: 10.1016/j.ecoser.2017.09.008
3. Fuger, F. et al. (2021) Can visual aesthetic components and acceptance be traced back to forest structure? *Forests*. 12. P. 71. DOI: 10.3390/F12060701
4. Lowman, M.D. & Sinu, P.A. (2017) Can the spiritual values of forests inspire effective conservation? *BioScience*. 67. pp. 688–690. DOI: 10.1093/biosci/bix057
5. Korcz, N. & Janeczko, E. (2022) Forest Education with the Use of Educational Infrastructure in the Opinion of the Public-Experience from Poland. *Sustainability*. 14 (1915). DOI: 10.3390/su14031915
6. Lee, J.-H. & Lee, D.-J. (2015) Nature experience, recreation activity and health benefits of visitors in mountain and urban forests in Vienna, Zurich and Freiburg. *Journal of Mountain Science*. 12. pp. 1551–1561. DOI: 10.1007/s11629-014-3246-3
7. Koselka, E.P.D. (2019) et al. Walking green: Developing an evidence base for nature prescriptions. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 22 (16). P. 4338. DOI: 10.3390/ijerph16224338
8. Li, Q. (2010) Effect of forest bathing trips on human immune function. *Environmental Health and Preventive Medicine*. 15. pp. 9–17. DOI: 10.1007/s12199-008-0068-3
9. Farkic, J. et al. (2021) Forest bathing as a mindful tourism practice. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*. 2 (2). P. 100028. DOI: 10.1016/j.annale.2021.100028

10. Konu, H. (2015) Developing a forest-based wellbeing tourism product together with customers – An ethnographic approach. *Tourism Management*. 49. pp. 1–16. DOI: 10.1016/j.tourman.2015.02.006
11. Gorriz-Mifsud, E. et al. (2017) What to do with mushroom pickers in my forest? Policy tools from the landowners' perspective. *Land Use Policy*. 63. pp. 450–460. DOI: 10.1016/j.landusepol.2017.02.003
12. Mäntymaa, E. et al. (2021) Importance of forest landscape quality for companies operating in nature tourism areas. *Land Use Policy*. 107. pp. 104095. DOI: 10.1016/j.landusepol.2019.104095
13. Sgroi, F. (2020) Forest resources and sustainable tourism, a combination for the resilience of the landscape and development of mountain areas. *Science of the Total Environment*. 736 (139539). DOI: 10.1016/j.scitotenv.2020.139539
14. Oborin, M.S. (2011) Analiz lesnykh landshaftnykh kompleksov kurortnykh territoriy Permskogo kraya i ikh rol' v razvitiі lechebnogo turizma [Analysis of forest landscape complexes of resort territories of Perm Krai and their role in the development of medical tourism]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 5 (220). pp. 55–60.
15. Sidorov, I.V. (2016) Forest recreation as form of improving tourism: some approaches. *Fizicheskoe vospitanie i detsko-yunosheskiy sport*. 4. pp. 35–40. (In Russian).
16. Sahani, N. & Ghosh, T. (2021) GIS-based spatial prediction of recreational trail susceptibility in protected area of Sikkim Himalaya using logistic regression, decision tree and random forest model. *Ecological Informatics*. DOI: 10.1016/J.ECOINF.2021.101352
17. Zeng, Y. et al. (2022) The role of seasonality in assessments of conflict tendency between tourism development and ecological preservation in protected areas: The case of protected areas in China. *Journal of Environmental Management*. 304. P. 114275. DOI: 10.1016/j.jenvman.2021.114275
18. Yuxi, Z. & Linsheng, Z. (2020) Identifying conflicts tendency between nature-based tourism development and ecological protection in China. *Ecological Indicators*. 109. pp. 105791. DOI: 10.1016/j.ecolind.2019.105791
19. Liu, S. et al. (2021) Ecological trap in tourism-urbanization: Simulating the stagnation and restoration of urbanization from the perspective of government incentives. *Ecological Economics*. 185. P. 107054. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2021.107054

Сведения об авторе:

Яшалова Н.Н. – доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономики и управления, Череповецкий государственный университет (Череповец, Россия). E-mail: natalij2005@mail.ru

Рубан Д.А. – Philosophiae Doctor (Университет Претории, ЮАР), кандидат геолого-минералогических наук, доцент Высшей школы бизнеса, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: ruban-d@mail.ru

Information about the author:

N.N. Yashalova, Dr. Sci. (Economics), head of the Department of Economics and Management, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: natalij2005@mail.ru

Ruban D.A., Ph.D. (University of Pretoria, South Africa), Cand. Sci. (Geology and Mineralogy), associate professor of the Higher School of Business, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: ruban-d@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.05.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 13.05.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Мировая экономика

Original article

UDC

doi: 10.17223/19988648/59/20

The current development of audit market in China

Liu Yali

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
18193158922@163.com*

Abstract. The subject matter of this article is the stages of development of the audit market in China, including the four stages of wild development, regulated development, institutional innovation, and international development. The objective of this article is to analyse the characteristics and different strategies of the Chinese audit market at each stage of development, and to propose feasible recommendations for maintaining a stable development trend of the Chinese audit market in the future. In the course of the research, the author used general scientific methods such as analytical evaluation, comparative analysis, comprehensive evaluation and generalization. Through a comparative analysis of the indicators related to the development of the audit market in China from 1980 to 2020, the results of this article show that each stage of the audit market in China has a focus of development and different strategies. This is mainly reflected in the establishment of industry legislation, the development and growth of accounting firms, exchanges and cooperation with international and regional related organizations, the growth of the audit team, and the rapid growth of audit organizations' business revenues. The conclusion of this article is that the audit market in China has a trend of stable and rapid development. However, in order to maintain the stable and rapid development of the audit market in the future, Chinese small and medium-sized accounting firms need to improve the quality of audit services, enhance brand building, strengthen the professionalism of the audit team, as well as improve the international competitiveness of Chinese local firms.

Keywords: audit market, audit business revenue, auditor, CPA firms, audit market structure

For citation Liu Yali. (2022) The current development of audit market in China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 319–328. doi: 10.17223/19988648/59/20

Introduction

With the continuous development of the socialist market economy, China's audit market has developed rapidly. As of December 31, 2020, there are more than 9,800 CPA firms in China, the total number of Chinese auditors is close to 280,000, and the audit industry revenue has grown from 6 billion yuan in 1998 to 110.8 billion yuan in 2020, with an average annual growth rate of more than

10%¹. With the emergence of the new coronavirus pandemic, which has intensified the global economic recession, a new round of scientific and technological revolution and industrial change in depth, resulting in the development of the audit industry, is also facing a complex development environment. This has also brought new opportunities and challenges for the development of the audit industry. Studying the development history of the audit market enables us to grasp the development trend of the audit market.

This paper uses the comprehensive evaluation information of CPA firms from 2003 to 2020 released by the Chinese Institute of Certified Public Accountants, using business revenue and the number of certified public accountants as measurement indicators, to analyze the current situation of the development of China's audit market, study the current size structure of China's audit market, and explore the future development path of China's audit market.

Research methods and results

At present, the number of CPA firms in China is growing fast, but the share of international "Big Four" firms in the China's audit market is growing rapidly in terms of audit market size structure. The number of small CPA firms in China is relatively large, but many of them have lost their main source of income due to the abolition of annual audits and capital inspections in China, so financial audits of companies have become the main source of income that small CPA firms are relying on again [1].

Regarding the research on China's audit market structure and firm scale, most scholars believe that China's small CPA firms are not competent enough, and the market development direction should be tilted towards the international "Big Four" accounting firms (Deloitte, Ernst & Young, KPMG and PwC) [2–5]. Scholars Liu Minghui and Xu Zhenggang believe that the reason why large CPA firms can occupy the vast majority of client resources in the auditing market is that they gain an advantage in the competition by virtue of their high reputation, while small CPA firms are in the competition Not dominant, so the market share is relatively small [6]. The authors argue that with the continuous improvement of laws and regulations, the development of China's audit market is becoming more and more international, and the more concentrated audit market is conducive to the healthy development of the audit industry, the size of the firm will affect the competitiveness in the market, which in turn leads to the differentiation of the market structure.

The evolution of the audit market

The earliest Chinese audit system can be traced back to the establishment of the post of "宰父" (Zaifu) in the Western Zhou Dynasty, and audit institutions were set up in the Tang, Song, Ming and Qing dynasties. In 1918, Xie Lin

¹ Notice of the Chinese Institute of Certified Public Accountants on the issuance of the Development Plan for the CPA Profession (2021–2025), https://www.cicpa.org.cn/xxfb/news/202104/t20210408_56087.html (Accessed: 21.05.2022).

founded the first CPA firm in China's history – 正则会计师事务所(zhengze kuaijishi shiwusuo), which marked the emergence of the CPA system in China [7]. With the establishment of the People's Republic of China, the restoration and reconstruction of the audit market was also completed. In the existing research, most scholars believe that the development of China's audit market has gone through five stages: Before China's reform and opening-up policy (before 1979)¹, the period of restoration and reconstruction (1979–1986), and the period of standardized development (1986–1993), the period of institutional innovation (1993–2005) and the period of international development (2005 – present) [8–10].

Periodization. In studying the issue of the development of the audit market in modern China, by analogy with Yuri N. Guzov's research on the development history of auditing in Russia, the author is guided by the development time of Chinese auditing norms and technical methods, and, with addition of the considered chronological order of factors, presents the development of China's audit market in the following four stages [11–12].

The first stage, the “wild” development period (1979–1986). From the establishment of the first certified public accounting firm to the promulgation of the first auditing legislation, China's auditing market experienced a lot: from the Great Depression before the reform and opening up to the normative development after the promulgation of the auditing regulations. Before the reform and opening up in 1979, due to China's highly centralized planned economy, auditing was replaced by financial inspection. With the implementation of the reform and opening-up policy, in December 1980, the Ministry of Finance issued the Interim Regulations on the Establishment of an Accounting Consultant Office, which is an important sign of the restoration and reconstruction of China's auditing system [13–14]. During this period, the audit market was dominated by the government, and the CPA firm was attached under the administrative unit and supervised by the administrative unit. There existed certified public accountants and certified public auditors, certified public accounting firms and certified public auditors' firms in the audit market, and therefore this led to a situation where there was no unified supervision of the audit market. As of 1986, there were 2,100 certified public accountants and certified public auditors in China, and 269 certified public accounting firms and certified public auditors' firms, while the main business income developed from simple auditing of financial statements to auditing and providing accounting consulting services to foreign-invested enterprises [15]. The development of China's audit market was still in its infancy. Therefore, the implementation of audit legislation and standards was a key factor in the development of the audit market to the next stage.

¹ The Chinese economic reform or reform and opening-up, known in the West as the opening of China, is the program of economic reforms termed “Socialism with Chinese characteristics” and “socialist market economy” in the People's Republic of China (PRC). Led by Deng Xiaoping, often credited as the “General Architect”, the reforms were launched by reformists within the Chinese Communist Party (CCP) on December 18, 1978, during the “Boluan Fanzheng” period. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Chinese_economic_reform (Accessed: 21. 05.2022).

The second stage, the period of standardized development (1986–1993).

On July 3, 1986, the State Council promulgated the Regulations of the People’s Republic of China on Certified Public Accountants, which established the legal status of CPA for the first time¹. By 1988, the number of CPAs had grown to 3,000 and 250 CPA firms, with business areas still dominated by foreign-invested enterprises. In 1991, the rules of admission of CPAs were in accordance with international examination methods, and a national unified examination for CPAs was held, and only those who passed the examination were qualified to practice. In 1992, the international “Big Six” accounting firms (now the “Big Four”) and Chinese CPA firms set up a Sino-foreign cooperative CPA firm [15]. With the promulgation of the Law of the People’s Republic of China on Certified Public Accountants on October 31, 1993,² and the merger of certified public accountants and certified auditors, China’s auditing market entered a period of standardized development. The statistics on the audit market for the period 1986–1993 are shown in Table 1:

Table 1. The audit market in China from 1986 to 1993

Years	Organizational business revenue	Certified Public Accountants	Certified Public Auditors	Number of Certified Public Accounting Firms	Number of Certified Public Auditors’ Firms
1986	-	500	1,600	80	189
1987	-	-	-	-	-
1988	-	3,000	-	250	-
1989	-	4,200	-	325	-
1990	-	-	7,273	468	2,322
1991	-	6,700	-	510	-
1992	-	10,000	-	2,400	-
1993	-	15,000	-	2,500	-

Source: developed by the author. <https://www.cicpa.org.cn/xxcx/>

As can be seen from Table 1, the number of Chinese CPA firms increased rapidly from 1986 to 1993, CPA firms and certified public auditors’ firms increased from 269 to 2,500 (an increase by 9.3 times), and the number of certified public accountants and certified public auditors increased from 2,100 to 15,000 (an increase by 7.1 times), which shows that, with the development of China’s national economy, China’s audit market was also developing rapidly. With the implementation of the strict assessment system and the standardization

¹ Regulations of the People’s Republic of China on Certified Public Accountants. It was promulgated by the State Council on July 3, 1986 and abolished on January 1, 1994. <https://baike.so.com/doc/7493699-7765552.html> (Accessed: 24. 05.2022).

² The Law of the People’s Republic of China on Certified Public Accountants. Adopted by the 4th session of the 8th Standing Committee of the National People’s Congress on October 31, 1993 and promulgated by Presidential Decree No. 13 on October 31, 1993, it became effective on January 1, 1994. <https://asia-business.ru/law/law2/accounting/accountant/> (Accessed: 24. 05.2022).

of laws and regulations, this ensured the professional quality of auditors and laid a solid foundation for the professional and standardized development of certified public accountants.

The third stage, the period of institutional innovation (1993–2005). With the deepening of the economic reform, the original dependency system of certified public accounting firms seriously undermined the order of fair competition in the market. In order to eliminate the drawbacks of the dependency system, from 1998 to the end of 1999, the audit industry had to carry out and complete the work of decoupling and restructuring, specifically in the “personnel, financial, business, name” four aspects, to become a real sense of the market intermediary organizations [16]. On February 4, 1999, the Ministry of Finance issued a total of 11 Independent Auditing Standards for Chinese Certified Public Accountants,¹ which initially established the framework of China’s independent auditing standards. In addition, in the construction of the industry system, the integrity construction and professional ethics construction of auditors were comprehensively strengthened. Statistical data on the audit market for the period 1994–2005 are shown in Table 2:

Table 2. The audit market in China from 1994 to 2005

Years	Organizational business revenue (billion RMB)	Certified Public Accountants (thousand)	Number of Certified Public Accounting Firms
1994	-	-	-
1998	6.0	57.4 (practicing ²)	-
1999	5.2		
2000	8.0	-	4,287
2001	10.7		
2002	11.0	-	-
2003	13.0	61.3 (practicing)	4,627
2004	16.9	66.6 (practicing)	-
2005	-	69.0 (practicing)	-

Source: developed by the author. <https://www.cicpa.org.cn/xxcx/>

From Table 1 and Table 2, it can be concluded that from 1993 to 2005, the number of practicing CPAs increased from 15 thousand in 1993 to 66.6 thousand, and the number of certified public accounting firms increased from

¹ Independent Auditing Standards for Chinese Certified Public Accountants. On April 2, 1999, the Ministry of Finance issued a notice on the third batch of "Independent Auditing Standards for Chinese Certified Public Accountants", which was repealed on March 1, 2008. http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=14323&page=2 (Accessed: 24.01.2022).

² The members of the Institute of Certified Public Accountants mainly include practicing members (CPA) and non-practicing members. After passing the CPA examination and working in an accounting firm for a certain period of time, they can become a practicing CPA only after being registered with the Institute of Certified Public Accountants. Just by passing the exam, you can apply to become a non-practicing member. <https://baike.baidu.com/item/注册会计师/212405> (Accessed: 26.05.2022).

2.5 thousand in 1993 to 4.627 thousand, the business income in 2003 also increased from RMB 6 billion in 1998 to RMB 13 billion, the growth rate of the audit market development is relatively large, because China's continuous policies promoted the development of the audit industry, especially the implementation of decoupling in 1999. After the restructuring, the audit industry achieved unprecedented development. The relatively large growth in the development of the audit market was due to the policies that China continuously introduced to promote the audit industry. The development of the CPA profession, especially after the implementation of decoupling and restructuring in 1999, achieved unprecedented development.

The fourth stage, the international development period (2005 – present). Since the beginning of the new century, China's economy has continued to develop rapidly, and enterprises have actively participated in international competition. The characteristics of China's economic international development have become more and more obvious. In 2005, the audit industry established an internationalization-oriented industry development strategy. In February 15, 2006, the Chinese Institute of Certified Public Accountants (CICPA) issued 48 auditing standards for CPAs of China,¹ realizing the convergence of Chinese auditing standards and international standards [17–18]. On December 6, 2007, mainland China and Hong Kong signed a joint statement on the equivalence of auditing standards, which marked the convergence of auditing standards with international standards on equivalence. On this basis, the China Auditing Standards Committee actively promotes the revision of auditing standards in accordance with the principle of international convergence. The latest revision of Chinese auditing standards on November 10, 2010, achieved continuous and comprehensive convergence with international auditing standards [19]. This provides strong technical support for the international development of China's audit profession. The main quantitative indicators related to the development of China's audit market for this period are shown in Table 3.

As can be seen from Table 2 and Table 3, the number of CPA firms is rapidly increasing in this period from 2005 to 2020, especially from 4,627 in 2003 to 9,800 in 2020, which is a relatively large growth rate, twice as large as in 2003. Such a rapid development of CPA firms is due to the increasing number of listed companies in China after joining the WTO and the continuous development of the market economy, which has led to an increasing demand for firms, resulting in the emergence of a large number of small and medium-sized firms.

In terms of changes in the number of CPAs, the number of CPAs in China had been growing year by year, and, at the end of 2020, the number of CPAs nationwide totaled 285.8 thousand. The national CPA firms achieved business

¹ Auditing Standards Certified Public Accountants of China. On February 15, 2006, the Chinese Institute of Certified Public Accountants issued the auditing standards for Chinese certified public accountants. and revised on November 1, 2010, December 23, 2016, February 20, 2019, May 7, 2021, and January 5, 2022, respectively. https://www.cicpa.org.cn/ztzl1/Professional_standards/xxztx/zyzz/sjzz/index.html (Accessed: 26.05.2022).

revenue of RMB 110.8 billion in 2020, which exceeded the scale of RMB 100 billion for the first time. Compared with 2018, it increased by 28.43%.

Table 3. The audit market in China from 2006 to 2020

Years	Organizational business revenue (billion.RMB)	Certified Public Accountants (thousand)	Number of Certified Public Accounting Firms
2006	-	69.8 (practicing)	-
2007	-	82.2 (practicing)	7,011
2008	31.0	153.0	7,284
2009	31.7	155.0	7,602
2010	37.5	186.2	7,785
2011	44.0	197.1	7,976
2012	51.0	193.7	8,149
2013	55.5	202.6	8,208
2014	58.9	215.1	8,295
2015	69.0	225.1	8,374
2016	70.0	232.1	8,460
2017	71.1	237.2	8,605
2018	79.3	250.6	9,005
2019	-	267.7	9,055
2020	110.8	285.8	9,800

Source: developed by the author. <https://www.cicpa.org.cn/xxcx/>

In July 2021, the Chinese Institute of Certified Public Accountants (CICPA) released Information on the Top 100 Certified Public Accounting Firms in terms of business revenue in 2020,¹ according to the information of the top 100 firms, in 2020, the highest business revenue of Chinese certified public accounting firms was PricewaterhouseCoopers, achieving business revenue of RMB 6.12 billion; Ernst & Young and Deloitte followed, ranking second and third, with business income of RMB 4.76 billion and RMB 3.97 billion respectively. KPMG ranked fourth with business income of RMB 3.417 billion. For a long time, the big four international accounting firms have had strong control and influence in the Chinese audit market, and occupied a large share of the market.

Conclusions and Recommendations

In the 21st century, in the era of rapid economic development of information technology, the development of China's audit market has also made brilliant achievements. This is specifically demonstrated in the stages of "wild" development, standardized development, institutional innovation, and international

¹ Notice of the Chinese Institute of Certified Public Accountants on the Release of the Information on the Ranking of the Top 100 CPA Firms in the Comprehensive Evaluation of 2020, 14.07.2021 URL: https://www.cicpa.org.cn/xxfb/news/202107/t20210716_62682.html (Accessed: 05. 06.2022).

development of the audit market, each with a focus on development and different strategies, as shown in the following areas.

Establishment of audit legislation. From the 1986 Regulations on Certified Public Accountants to the 1993 Law of the People's Republic of China on Certified Public Accountants, the legal status of auditing in China was established. Another is the system of industry regulation for CPAs in China, including admission rules, examination system, etc. These systems played an important role in regulating the operation and management of accounting firms.

The development and growth of accounting firms. The development of Chinese certified public accounting firms increased from 269 in 1986 to 9,800 in 2020. During this time they experienced major institutional innovations of decoupling and restructuring, the merger of certified public accounting firms and certified public auditor firms, and the reform of the dependency system, all of which played an important role in promoting the development of the audit market.

Exchange and cooperation with international and regional organizations. After joining the WTO, China has actively established friendly relations with international and regional organizations, and the convergence of Chinese auditing standards with international auditing standards has strengthened friendly international cooperation relations and facilitated business transactions.

The growth of the audit team. In the past 30 years, the number of auditors increased from 2.1 thousand in 1986 to 285.8 thousand in 2020. From passing the assessment, the requirement to obtain auditor qualifications was updated by means of international examinations. This improved the professional quality of auditors and better served the development of the audit market at the corresponding stage.

The rapid growth of the audit organization's business income. In the past 22 years, audit revenue has increased from RMB 66.1 billion yuan in 1998 to RMB 110.8 billion in 2020, a growth rate of 94.58%. This shows that China's audit market is in a situation of stable and rapid development. Among them, the business income of the international "Big Four" accounting firms in 2020 is RMB 18.26 billion yuan, accounting for 16.48% of the total business income.

Therefore, in order to maintain a stable development trend in China's audit market in the future, it is necessary (1) to improve the service quality of small and medium-sized accounting firms in China, and, based on localization, strengthen the brand building of the firm and increase the audit market share; (2) to strengthen the construction of audit team and improve the professional quality of auditors; (3) to strengthen international exchanges and cooperation, enhance the reputation of accounting firms, and enhance international competitiveness.

References

1. Xu, J., Sun, Zh. (2021) CPA Audit, Market Structure and Audit Quality. *Research on Financial and Economic Issues*. 4. pp. 90–97. DOI: 10.19654/j.cnki.cjwtyj.2021.04.009.
2. Xu, F. Rynok "bol'shoy chetverki" auditorskikh kompaniy v Kitae [The market of the "Big Four" audit companies in China]. In: Petrovskaya, M.V., Chaplyuk, V.Z. & Sorokina, L.N. (eds) (2017) *Aktual'nye problemy ekonomiki, ucheta, audita i analiza v sovremennykh usloviyakh*

[Actual Problems of Economics, Accounting, Auditing and Analysis in Modern Conditions]. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Nauchnyy konsul'tant". pp. 427–432.

3. Wang, M., Li, Y. & Li, Y. (2015) Optimization of the business structure of Chinese certified public accountants. *Modern Business Trade Industry*. 36 (11). pp. 81–83. DOI: 10.19311/j.cnki.1672-3198.2015.11.038

4. Wang, Y. (2019) Analysis of the changes in market power of the four major international institutes. *Modern Business Trade Industry*. 40 (15). pp. 37–39. DOI: 10.19311/j.cnki.1672-3198.2019.15.018

5. Lin, J. (2018) 2003–2016 China Audit Market Concentration Research. *Business Research*. 25 (4). pp. 66–73. [Online] Available from: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?FileName=HSXY201804008&DbName=CJFQ2018>. (Accessed: 21.05.2022). (In Chinese).

6. Liu, M. & Xu, Zh. (2006). The Effective Structure of Audit Market: An Analysis Based on the Perspective of Industrial Organization. *Audit Research*. 2. pp. 69–73. [Online] Available from: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?FileName=SJYZ200602014&DbName=CJFQ2006>. (Accessed: 25.05.2022). (In Chinese).

7. Chen, S. & Han, X. (2017) The evolution of private auditing development in China. *Business Accounting*. 7. pp. 6–12. [Online] Available from: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?FileName=SYKI201707008&DbName=CJFQ2017>. (Accessed: 25.05.2022). (In Chinese).

8. Yang, Sh. (1995) Evolution and Development of the CPA System in China. *Finance and Accounting Communications*. 1. pp. 11–13. DOI: 10.16144/j.cnki.issn1002-8072.1995.01.008

9. Yang, Sh. (1995) Evolution and Development of the CPA System in China. *Finance and Accounting Communications*. 2. pp. 21–23. DOI: 10.16144/j.cnki.issn1002-8072.1995.02.014

10. Yang, Sh. (1995) Evolution and Development of China's Chartered Accountant System. *Finance and Accounting Communications*. 3. pp. 14–16. DOI: 10.16144/j.cnki.issn1002-8072.1995.03.006

11. Zhu, T. & Xu, J. (2011) Preliminary Outline of Research on the Development History of China's CPA Industry. *China CPA*. 11. pp. 84–89. [Online] Available from: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?FileName=JKJS201111023&DbName=CJFQ2011>. (Accessed: 25.05.2022). (In Chinese).

12. Guzov, I., Strelnikova, O. & Iaremchuk, V. (2016) [History and Future of Auditing in Russia]. *ICAAT 2016*. Proceedings of the International Conference on Accounting, Auditing, and Taxation. Tallinn. 8 December 2016. Tallinn: Atlantis Press. pp. 99–107.

13. Guzov, Yu.N. Audit v Rossii: etapy i faktory razvitiya [Audit in Russia: stages and factors of development]. In: Ryazanov, V.T. & Cheng, E. (eds) (2019) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii i Kitaya glazami rossiyskikh i kitayskikh ekonomistov* [Socio-Economic Development of Russia and China Through the Eyes of Russian and Chinese Economists]. Saint Petersburg, Beijing: Skifiya-Print. pp. 159–174.

14. Li, X., Wang, J. & Zhang, H. (2018) Research on the Policy Goal and Current Status of Chinese CPA Industry – An Analysis Based on CPA Industry Policy Introduced by General Office of the State Council in 2009. *Accounting Research*. 5. pp. 3–12. [Online] Available from: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?FileName=KJYJ201805001&DbName=CJFQ2018>. (Accessed: 25.05.2022). (In Chinese).

15. Du, X. (2008) The CPA in Modern China. *Shi Lin*. 2. pp. 1–17. [Online] Available from: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?FileName=LWBI200802000&DbName=CJFQ2008>. (In Chinese).

16. Xu, R. (2012) Several Issues in China's Emerging Independent Audit Market. *Economic Research Guide*. 173(27). pp. 133–134. [Online] Available from:

<https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?FileName=JJYD201227058&DbName=CJFQ2012>. (Accessed: 25.05.2022). (In Chinese).

17. Huang, Y. & Li, Y. (2015) Research on the Convergence of Chinese CPA Auditing Standards and International Auditing Standards. *Science and Technology Vision*. 5. pp. 66–67. (In Chinese). DOI: 10.19694/j.cnki.issn2095-2457.2015.05.051

18. Lu, M. & Li, X. (2019) The Necessity of Chinese CPA Auditing Standards and International Convergence. *Guangxi Quality Supervision Herald*. 8. pp. 250–251. [Online] Available from: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?FileName=GXZL201908164&DbName=CJFQ2019>. (Accessed: 25.05.2022). (In Chinese).

19. The Chinese Institute of Certified Public Accountants. (2010) *International auditing standard-setters spoke highly of the international convergence of Chinese auditing standards in a joint statement with the China Auditing Standards Committee*. [Online] Available from: https://www.cicpa.org.cn/tztl1/Professional_standards/International_norms/201011/t20101112_60795.html. (Accessed: 25.05.2022). (In Chinese).

Information about the author:

Liu Yali, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: 18193158922@163.com

The author declares no conflicts of interests.

*The article was submitted 01.07.2022;
approved after reviewing 31.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Научная статья
УДК 336.14
doi: 10.17223/19988648/59/21

Особенности формирования налоговых доходов стран – членов ЕАЭС

Елена Александровна Гречишкина¹, Мария Павловна Самоховец²

^{1,2} *Полесский государственный университет, Пинск, Россия*

¹ *samkhvec@rambler.ru*

² *samkhvec@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются количественные характеристики налоговых систем стран-членов ЕАЭС. Проведен анализ состава, структуры и динамики налоговых доходов консолидированных бюджетов стран – членов ЕАЭС (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России). Осуществлено ранжирование налоговых доходов стран – членов ЕАЭС в 2020 г. По результатам анализа сформулированы выводы о национальных особенностях и схожих чертах формирования доходов государственного бюджета за счет налоговых поступлений в этих странах.

Ключевые слова: консолидированный бюджет, налоговые доходы, межстрановой анализ, ЕАЭС

Для цитирования: Гречишкина Е.А., Самоховец М.П. Особенности формирования налоговых доходов стран – членов ЕАЭС // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 329–341. doi: 10.17223/19988648/59/21

Original article

Features of the formation of tax revenues of the EAEU member states

Elena A. Grechishkina¹, Maria P. Samokhovets²

^{1,2} *Polesky State University, Pinsk, Belarus*

¹ *samkhvec@rambler.ru*

² *samkhvec@rambler.ru*

Abstract. The article discusses the quantitative characteristics of the tax systems of the EAEU member states. The authors analyze the composition, structure and dynamics of tax revenues of the consolidated budgets of the EAEU member states (Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia) and rank the tax revenues of the EAEU member states in 2020. Based on the results of the analysis, the authors draw conclusions about national characteristics and similar features of the formation of state budget revenues from tax revenues in these countries.

Keywords: consolidated budget, tax revenues, cross-country analysis, EAEU

For citation: Grechishkina, E.A. & Samokhovets, M.P. (2022) Features of the formation of tax revenues of the EAEU member states. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 359–341. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/21

Государственный бюджет современных стран формируется главным образом за счет налоговых поступлений. Под налогами понимается обязательная и безвозмездная плата, взимаемая с физических и юридических лиц в законодательно установленном порядке, размере и в срок. Налоги в этом смысле выполняют свою основную функцию – фискальную, а необходимость уплаты налогов традиционно объясняется необходимостью удовлетворения государственных и общественных нужд. Поэтому налоги можно рассматривать как цену, уплачиваемую за пользование государственными услугами, и как стоимостное выражение всех оказываемых государством услуг. Следовательно, чем больше денежных средств аккумулируется в государственном бюджете, тем большими финансовыми возможностями обладает государство по предоставлению необходимого объема качественных государственных услуг (как правило, эти услуги носят неделимый социальный характер и оказываются в сфере обороны, здравоохранения, образования и т.д.) [1].

ЕАЭС (в него входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация) создан в 2014 г. как интеграционное объединение, где обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики.

В этой связи актуальным представляется изучение количественных характеристик налоговых систем стран-членов ЕАЭС с целью выявления национальных особенностей и схожих черт формирования доходов государственного бюджета за счет налоговых поступлений.

Доходы консолидированных бюджетов стран ЕАЭС существенно разнятся друг от друга, что связано с различиями социально-экономических систем и осуществляемыми экономическими реформами. В табл. 1 приводятся данные об изменении общей суммы доходов консолидированных бюджетов стран-членов ЕАЭС за 2015–2020 гг.

Приведенные в табл. 1 данные показывают, что с 2015 по 2019 г. по ЕАЭС в целом практически по всем странам ЕАЭС наблюдалась положительная динамика. В 2019 г. по сравнению с 2015 г. доходы консолидированного бюджета ЕАЭС увеличились на 314,79 млрд долл. США (на 79,16%), в том числе доходы Армении увеличились на 0,88 млрд долл. США (на 35,52%), доходы Беларуси – на 7,45 млрд долл. США (на 36,77%), доходы Казахстана – на 13,58 млрд долл. США (на 63,99%), доходы Кыргызстана – на 1,23 млрд долл. США (на 72,82%), доходы РФ – на 291,65 млрд долл. США (на 79,29%).

Таблица 1. Динамика доходов консолидированных бюджетов стран – членов ЕАЭС

Страна	Доходы, млрд долл. США										Темпы роста, %										Доля доходов в ВВП, %									
											Год																			
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020	2016	2017	2018	2019	2020	2015	2016	2017	2018	2019	2020								
Армения	2,48	2,49	2,64	2,86	3,37	3,08	100,30	105,85	108,51	117,63	91,44	23,44	23,73	22,93	23,08	24,75	24,24													
Беларусь	20,25	20,42	23,36	25,30	27,70	23,21	100,82	114,39	108,32	109,48	83,79	36,62	42,99	42,70	42,17	42,95	38,82													
Казахстан	21,22	24,84	32,66	31,78	34,81	26,24	117,03	131,51	97,30	109,51	75,39	11,51	18,09	19,58	17,73	19,15	15,33													
Кыргызстан	1,69	1,89	2,56	2,65	2,92	2,26	111,59	135,59	103,49	110,36	77,35	25,23	27,74	33,21	31,89	32,82	29,34													
Россия	367,82	479,01	539,40	538,88	659,47	519,48	130,23	112,61	99,90	122,38	78,77	26,85	37,43	34,26	32,45	39,08	34,94													
ЕАЭС	413,47	528,64	600,62	601,48	728,26	574,26	127,86	113,61	100,14	121,08	78,85	25,42	35,67	33,09	31,32	37,22	33,04													

Источники: составлено авторами по данным [2, 3].

Однако в 2020 г. произошло существенное уменьшение доходов консолидированного бюджета ЕАЭС по сравнению с 2019 г. – на 154 млрд долл. США (на 21,15%), в том числе доходы Армении уменьшились на 0,29 млрд долл. США (на 8,56%), доходы Беларуси – на 4,49 млрд долл. США (на 16,21%), доходы Казахстана – на 8,57 млрд долл. США (на 24,61%), доходы Кыргызстана – на 0,66 млрд долл. США (на 22,65%), доходы РФ на – 139,99 млрд долл. США (на 21,23%). Данные негативные изменения были обусловлены ухудшением фискальных показателей стран ЕАЭС в 2020 г. Это связано с социально-экономическими последствиями пандемии COVID-19. В результате введения ограничительных мер для бизнеса произошло снижение объемов налоговых поступлений. Также увеличились объемы бюджетных расходов, что связано с реализацией мер государственной поддержки населения и бизнеса. В Казахстане и России на снижение доходов бюджета дополнительно повлияло падение мировых цен на нефть на фоне резкого сокращения мировой экономической активности и спроса на нефть [4].

Следует отметить, что правительства Беларуси, Кыргызстана и РФ стремятся сохранить достаточно высокую долю финансовых ресурсов, аккумулируемых государством. Об этом свидетельствует доля доходов консолидированного бюджета в ВВП этих стран. В структуре доходов консолидированных бюджетов стран-членов ЕАЭС существенная доля приходится на налоговые доходы. По данным Всемирного банка, налоговые поступления, превышающие 15% валового внутреннего продукта (ВВП) страны, являются ключевым компонентом экономического роста и в конечном итоге сокращения бедности [5]. На рис. 1 приводится динамика доли налоговых доходов консолидированных бюджетов в ВВП стран ЕАЭС за 2015–2020 гг.

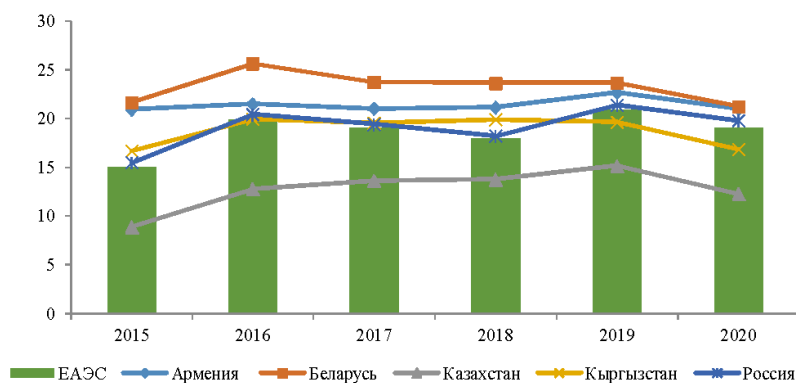

Рис. 1. Динамика доли налоговых доходов консолидированных бюджетов в ВВП стран ЕАЭС, %.

Источник: составлено по данным [2, 3]

Изменения доли налоговых доходов в ВВП стран ЕАЭС обусловлены изменениями номинальных налоговых поступлений и номинального ВВП.

При этом по сравнению с развитыми странами приведенные значения (рис. 1) являются достаточно низкими. Например, средний показатель среди членов Организации экономического сотрудничества и развития в 2019 г. составил 33,4% [6].

Рассмотрим изменения налоговых доходов консолидированных бюджетов, произошедшие в странах ЕАЭС.

Доля налоговых доходов Армении в структуре доходов консолидированного бюджета возросла с 89,22% в 2015 г. до 91,44% в 2019 г., однако в 2020 г. снизилась до 86,48%. Налоговая система Республики Армения является двухуровневой, все налоги и другие платежи уплачиваются в государственный и муниципальные бюджеты. Изменения в структуре налоговых доходов консолидированного бюджета Армении представлены на рис. 2.

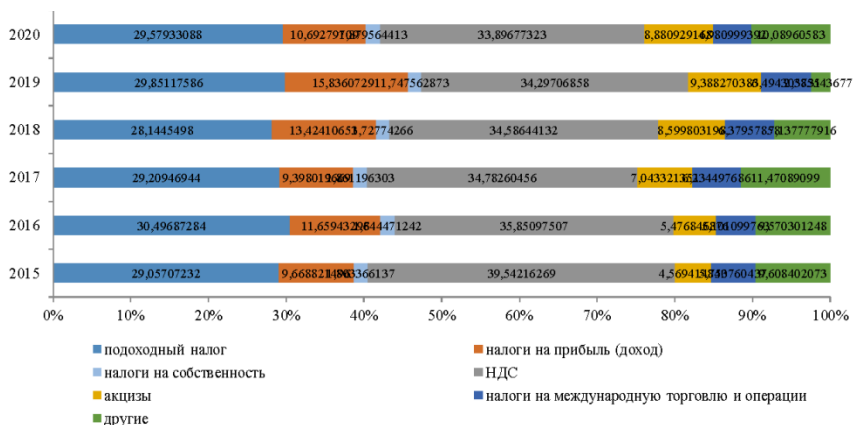

Рис. 2. Структура налоговых доходов консолидированного бюджета Армении.

Источник: составлено по данным [2, 3]

В 2020 г. по сравнению с 2015 г. доля подоходного налога увеличилась на 0,52%, доля налогов на прибыль – на 1,02%, доля акцизов – на 4,31%, доля налогов на собственность – на 0,08% и других налогов – на 0,48%. В то же время произошло сокращение доли НДС на 5,65%, налогов на международную торговлю и операции – на 0,77%. Из числа основных налогов в 2020 г. наибольший удельный вес в структуре налоговых доходов занимал НДС (33,90%), а наименьший – налоги на собственность (1,88%). При этом доля НДС на товары, работы и услуги, реализуемые на внутреннем рынке, составила 13,50%, а доля НДС на товары, ввозимые на территорию страны, составила 20,40%. Налоговые поступления от международной торговли и операций главным образом обеспечиваются таможенными и другими импортными пошлинами.

За исследуемый период произошли изменения в динамике поступлений налоговых доходов консолидированного бюджета Армении, которые интенсивно увеличивались на протяжении 2015–2019 гг. с 2,216 млрд долл. США до 3,078 млрд долл. США. Однако в 2020 г. произошло снижение

объема налоговых поступлений на 0,416 млрд долл. США (на 13,52%), который составил в 2020 г. 2,662 млрд долл. США. В целом за период 2015–2020 гг. налоговые поступления возросли на 0,446 млрд долл. США (на 20,12%), в том числе значительно возросли подоходный налог на 0,143 млрд долл. США (на 22,28%), налоги на прибыль – на 0,070 млрд долл. США (на 32,84%), акцизы – на 0,135 млрд долл. США (на 133,47%).

Доля налоговых доходов Беларуси в структуре доходов консолидированного бюджета с 2015 по 2020 г. снизилась на 4,45% и составила 54,68% в 2020 г. Налоговая система Республики Беларусь также имеет двухуровневую структуру: республиканский и местный бюджеты. Изменения в структуре налоговых доходов консолидированного бюджета Беларуси представлены на рис. 3.

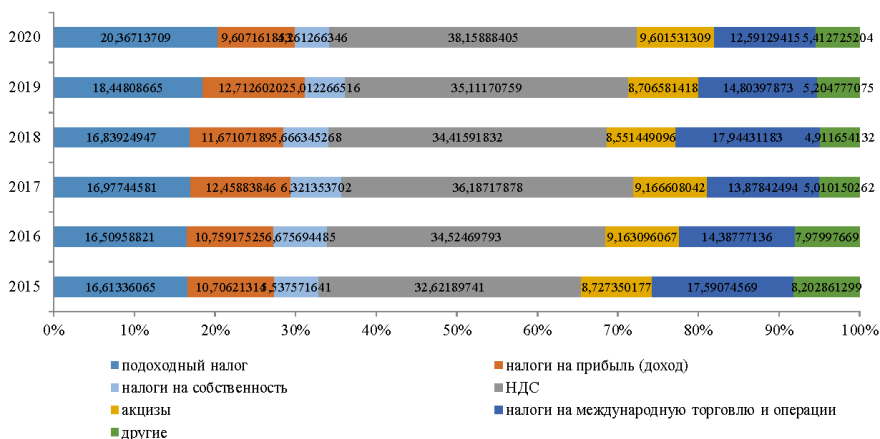

Рис. 3. Структура налоговых доходов консолидированного бюджета Беларуси.

Источник: составлено по данным [2, 3]

В 2020 г. по сравнению с 2015 г. доля подоходного налога увеличилась на 3,75%, доля НДС – на 5,54%, доля акцизов – на 0,87%. В то же время произошло сокращение по другим видам налогов: доли налогов на прибыль – на 1,10%, доли налогов на международную торговлю и операции – на 5,00%, доли налогов на собственность – на 1,28% и доли других налогов – на 2,79%. В 2020 г. наибольший удельный вес в структуре налоговых доходов занимал НДС (38,16%), а наименьший – налоги на собственность (4,26%). При этом поступления НДС обеспечиваются в основном за счет НДС на товары, ввозимые на территорию страны, их доля в 2020 г. составила 37,31%. Поступления акцизов обеспечиваются преимущественно за счет поступлений акцизов на спиртосодержащую, алкогольную продукцию, реализуемую на внутреннем рынке (2,87%), и акцизов на табачную продукцию, реализуемую на внутреннем рынке (3,74%). Налоговые поступления от международной торговли и операций включают таможенные и другие импортные пошлины (4,75%), налоги на экспорт (7,27%) и другие налоги на международную торговлю и операции (0,56%) [7, 8].

Поступления налоговых доходов консолидированного бюджета Беларуси увеличивались на протяжении 2015–2019 гг. с 11,977 млрд долл. США до 15,270 млрд долл. США. Однако в 2020 г. произошло снижение объема налоговых поступлений на 2,577 млрд долл. США (на 16,88%), который составил 12,692 млрд долл. США. В целом за период 2015–2020 гг. налоговые поступления возросли на 0,716 млрд долл. США (на 5,98%), в том числе возросли подоходный налог на 0,595 млрд долл. США (на 29,92%), НДС – на 0,936 млрд долл. США (на 23,96%), акцизы – на 0,173 млрд долл. США (на 16,59%).

Доля налоговых доходов Казахстана в структуре доходов консолидированного бюджета с 2015 по 2020 г. увеличилась на 2,94% и составила 79,99%. Налоговая система Республики Казахстан включает общегосударственные и местные налоги. Произшедшие за 2015–2020 гг. изменения в структуре налоговых доходов консолидированного бюджета Казахстана показаны на рис. 4.

В 2020 г. по сравнению с 2015 г. увеличилась доля НДС на 11,65% и доля акцизов на 2,00%, при этом сократилась доля подоходного налога на 0,26%, доля налогов на фонд зарплаты и рабочую силу – на 0,14%, доля налогов на прибыль (доход) – на 4,57%, доля налогов на международную торговлю и операции – на 7,55%, доля налогов на собственность – на 0,55% и доля других налогов – на 0,57%. В 2020 г. наибольший удельный вес в структуре налоговых доходов консолидированного бюджета занимали налоги на прибыль (доход) (29,10%) и НДС (28,67%), а наименьший – налоги на собственность (3,50%). В доходах консолидированного бюджета Казахстана, в отличие от других стран ЕАЭС, есть статья «Налоги на фонд зарплаты и рабочую силу», которая также является существенной. Поступления НДС обеспечиваются НДС на товары, ввозимые на территорию страны, их доля составила 15,0%, и НДС на товары, работы и услуги, реализуемые на внутреннем рынке, их доля составила 13,66%. Налоговые поступления от международной торговли и операций включают таможенные и другие импортные пошлины (3,89%) и налоги на экспорт (8,54%).

За анализируемый период времени наблюдался существенный рост налоговых поступлений до 2019 г. с 16,352 млрд долл. США до 27,492 млрд долл. США. Однако в 2020 г. произошло снижение объема налоговых поступлений на 6,504 млрд долл. США (на 23,66%), который составил 20,988 млрд долл. США. В целом за период 2015–2020 гг. налоговые поступления возросли на 4,635 млрд долл. США (на 28,35%), в том числе возросли поступления практически по всем статьям: подоходного налога – на 0,445 млрд долл. США (на 25,20%), налогов на фонд зарплаты и рабочую силу – на 0,359 млрд долл. США (на 26,21%), налогов на прибыль (доход) – на 0,601 млрд долл. США (на 10,92%), НДС – на 3,235 млрд долл. США (на 116,27%), акцизов – на 0,553 млрд долл. США (на 116,24%), налогов на собственность – на 0,073 млрд долл. США (на 11,03%) и других налогов – на 0,029 млрд долл. США (на 5,47%).

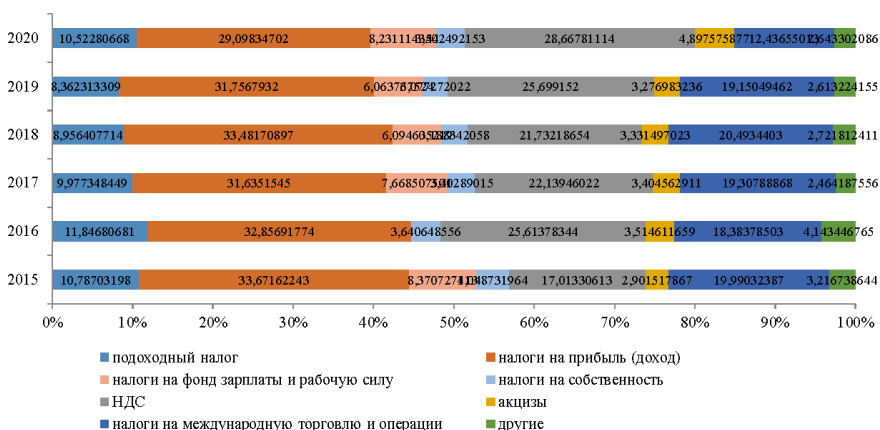

Рис. 4. Структура налоговых доходов консолидированного бюджета Казахстана.
 Источник: составлено по данным [2, 3]

Доля налоговых доходов в консолидированном бюджете Кыргызстана снизилась с 2015 г. на 8,72% и составила 57,26% в 2020 г. Налоговая система Кыргызской Республики также является двухуровневой и состоит из общегосударственных и местных налогов. Изменения в структуре доходов консолидированного бюджета Кыргызстана были минимальными (рис. 5). В 2020 г. по сравнению с 2015 г. увеличилась доля налогов на прибыль (доходы) на 8,74% и налогов на международную торговлю и операции на 4,75%. По остальным статьям произошло сокращение поступлений: сократилась доля подоходного налога на 6,26%, доля НДС – на 2,34%, доля акцизов – на 0,75% и доля других налогов – на 4,14%. В 2020 г. наибольший удельный вес в структуре налоговых доходов консолидированного бюджета занимал НДС (36,90%), а наименьший – налоги на собственность (1,89%). Поступления НДС обеспечиваются в основном НДС на товары, ввозимые на территорию страны (26,94%), доля НДС на товары, работы и услуги, реализуемые на внутреннем рынке, составила 9,96% в 2020 г.

Как и в других странах ЕАЭС, рост налоговых поступлений наблюдался до 2019 г. с 1,115 млрд долл. США до 1,745 млрд долл. США. Однако в 2020 г. произошло снижение объема налоговых поступлений на 0,451 млрд долл. США (на 25,86%), который составил 1,294 млрд долл. США. В целом за период 2015–2020 гг. налоговые поступления возросли незначительно – на 0,180 млрд долл. США (на 16,00%). Изменения по статьям налоговых поступлений также были незначительными.

Доля налоговых доходов в консолидированном бюджете России снизилась на 1,02% с 2015 г. и составила 56,51% в 2020 г. Налоговая система Российской Федерации отличается от других стран-членов ЕАЭС и имеет три уровня: федеральный, региональный и местный. Изменения в структуре налоговых доходов консолидированного бюджета России представлены на рис. 6. В 2020 г. по сравнению с 2015 г. увеличилась доля подоходного налога на 1,48%, доля

налогов на прибыль (доходы) – на 1,68%, доля НДС – на 5,76%, доля акцизов – на 2,00% и доля других налогов – на 2,29%. Сократилась доля налогов на международную торговлю и операции на 12,75% и доля налогов на собственность – на 0,63%. В 2020 г. наибольший удельный вес в структуре налоговых доходов консолидированного бюджета занимали акцизы (50,70%) и НДС (33,21%), а наименьший – налоги на собственность (5,39%).

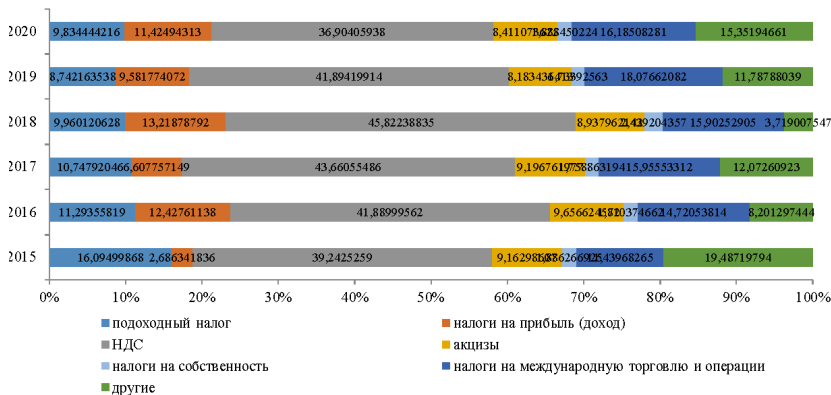

Рис. 5. Структура налоговых доходов консолидированного бюджета Кыргызстана.
Источник: составлено по данным [2, 3]

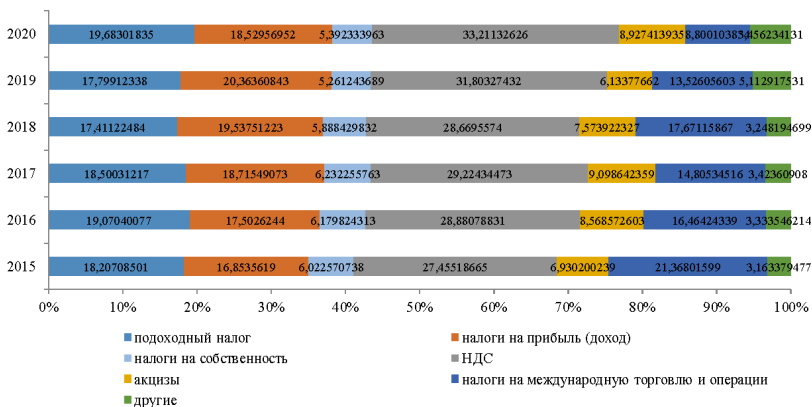

Рис. 6. Структура налоговых доходов консолидированного бюджета России.
Источник: составлено по данным [2; 3]

Поступления НДС обеспечиваются НДС на товары, работы и услуги, реализуемые на внутреннем рынке, их доля составила 19,68%, и НДС на товары, ввозимые на территорию страны, их доля составила 13,53%. Налоговые поступления от международной торговли и операций включают таможенные и другие импортные пошлины (3,37%), налоги на экспорт (5,29%) и другие налоги на международную торговлю и операции (0,13%).

В 2020 г. произошло существенное снижение объема налоговых поступлений на 66,834 млрд долл. США (на 18,55%) по сравнению с 2019 г.,

который составил 293,534 млрд долл. США. В целом за период 2015–2020 гг. налоговые поступления возросли на 81,93 млрд долл. США (на 38,72%), в том числе возросли поступления практически по все статьям: подоходного налога – на 19,25 млрд долл. США (на 49,97%), налогов на прибыль (доход) – на 18,73 млрд долл. США (на 52,52%), НДС – на 39,39 млрд долл. США (на 67,80%), акцизов – на 11,54 млрд долл. США (на 78,70%), налогов на собственность – на 3,08 млрд долл. США (на 24,20%) и других налогов – на 9,32 млрд долл. США (на 139,27%). Снизилась поступления налогов на международную торговлю и операции на 19,38 млрд долл. США (на 42,87%).

В табл. 2 приводится ранжирование налоговых доходов стран – членов ЕАЭС в 2020 г.

Таблица 2. Ранжирование налоговых доходов стран – членов ЕАЭС в 2020 г.

Место	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
1	НДС (33,90%)	НДС (38,16%)	Налоги на прибыль (доход) (29,10%)	НДС (36,90%)	НДС (33,21%)
2	Подоходный налог (29,58%)	Подоходный налог (20,37%)	Ндс (28,67%)	Налоги на международную торговлю и операции (16,19%)	Подоходный налог (19,68%)
3	Налоги на прибыль (доход) (10,69%)	Налоги на международную торговлю и операции (12,59%)	Налоги на международную торговлю и операции (12,44%)	Другие (15,35%)	Налоги на прибыль (доход) (18,53%)
4	Другие (10,09%)	Налоги на прибыль (доход) (9,61%)	Подоходный налог (10,52%)	Налоги на прибыль (доход) (11,42%)	Акцизы (8,93%)
5	Акцизы (8,88%)	Акцизы (9,60%)	Налоги на фонд зарплаты и рабочую силу (8,23%)	Подоходный налог (9,83%)	Налоги на международную торговлю и операции (8,80%)
6	Налоги на международную торговлю и операции (4,98%)	Другие (5,41%)	Акцизы (4,90%)	Акцизы (8,41%)	Другие (5,46%)
7	Налоги на собственность (1,88%)	Налоги на собственность (4,26%)	Налоги на собственность (3,50%)	Налоги на собственность (1,89%)	Налоги на собственность (5,39%)

Источник: составлено по данным [2, 3].

Выявлено, что наибольший удельный вес в налоговых доходах всех стран-членов ЕАЭС, за исключением Казахстана, занимает НДС (от 33,21% в России до 38,16% в Беларуси). На втором месте – подоходный

налог в Армении, Беларуси и России, НДС в Казахстане, налоги на международную торговлю и операции в Кыргызстане. Третье место занимают налоги на прибыль (доход) в Армении и России, налоги на международную торговлю и операции – в Беларуси и Казахстане, в Кыргызстане – другие налоги.

Увеличение доли налогов на прибыль (доход) свидетельствует об улучшении макроэкономической ситуации в государстве, повышении доходности бизнеса практически во всех странах ЕАЭС, за исключением Кыргызстана. Увеличение доли подоходного налога характеризует уровень доходов населения, которые являются базой для его начисления. В Армении, Казахстане и России этот показатель колебался каждый год, в Беларуси был выше в 2018–2019 гг., в Кыргызстане имел отрицательную динамику, за исключением 2019 г. Доходы от ВЭД являются важной составляющей налоговых доходов стран-членов ЕАЭС и обусловлены эффективностью взаимной и внешней торговли ЕАЭС.

Следовательно, каждая страна ЕАЭС имеет свои особенности формирования налоговых доходов консолидированного бюджета. Однако в целом межстрановой анализ и оценка налоговых доходов консолидированных бюджетов стран-членов ЕАЭС позволяют сделать вывод о возможностях дальнейшей гармонизации налоговых систем стран-членов ЕАЭС, которая будет способствовать укреплению единого рынка ЕАЭС и повышению конкурентоспособности стран-членов ЕАЭС.

Список источников

1. *Гречишкіна Е.А.* Налоговая составляющая экономической безопасности Беларуси // *Фінансова система країни: тенденції та перспективи розвитку* : матеріали IV Міжнародної науково-практичної інтернет-конференції, 24 лютого 2017 р. / редакційна колегія: П.М. Кралюк [та ін.]. Острог : Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2017. С. 26–29. URL: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/16392> (дата обращения: 18.07.2021).
2. *Финансовая* статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2020 год : статистический сборник. М., 2021. 125 с.
3. *Евразийский* экономический союз в цифрах : краткий статистический сборник. М., 2021. 188 с.
4. *Преодоление* последствий пандемии COVID-19 привело к превышению странами ЕАЭС предельных значений бюджетных и долговых показателей, установленных Договором о ЕАЭС. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/23-03-2021-01.aspx>. (дата обращения: 18.07.2021).
5. *Juqueria-Varelabern R.F., Haven B.* Getting to 15 percent: addressing the largest tax gaps // *World Bank Blogs*. 2018. December 18. URL: <https://blogs.worldbank.org/governance/getting-15-percent-addressing-largest-tax-gaps> (дата обращения: 09.06.2021).
6. *OECD.* Revenue Statistics 2021: The Initial Impact of COVID-19 on OECD Tax Revenues, OECD Publishing, Paris. doi:10.1787/6e87f932-en (дата обращения: 09.06.2021).
7. *Самоховец М.П., Гречишкіна Е.А.* Формирование налоговых доходов от ВЭД в Республике Беларусь в условиях функционирования ЕАЭС // *Подільський науковий вісник* : науково-практичний журнал. 2020. № 3 (15)-4 (16). С. 40–46. URL: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/21566> (дата обращения: 20.07.2021).

8. Samakhavets M.P., Hrechyshkina E.A. Financial aspects of the Belarusian foreign trade // *Economic and Engineering Studies*. 2020. Vol 1, iss. 7. P. 16–21. URL: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/19651> (дата обращения: 10.06.2021).

References

1. Grechishkina, E.A. (2017) [The tax component of the economic security of Belarus]. *Finansova sistema kraïni: tendentsii ta perspektivi rozvitku* [Financial System of the Region: Trends and prospects for development]. Proceedings of the 4th International Internet Conference. 24 February 2017. Ostrog: National University “Ostroh Academy”. pp. 26–29. [Online] Available from: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/16392>. (Accessed: 18.07.2021). (In Russian).

2. Eurasian Economic Commission. (2021) *Finansovaya statistika Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza. Operativnye dannye za 2020 god: statisticheskiy sbornik* [Financial Statistics of the Eurasian Economic Union. Operational data for 2020: Statistical collection]. Moscow: Evraziyskaya ekonomicheskaya komissiya.

3. Eurasian Economic Commission. (2021) *Evraziyskiy ekonomicheskii soyuz v tsifrah: kratkiy statisticheskiy sbornik* [The Eurasian Economic Union in Numbers: A brief statistical collection]. Moscow: Evraziyskaya ekonomicheskaya komissiya.

4. Eurasian Economic Commission. (2021) *Preodolenie posledstviy pandemii COVID-19 privelo k prevysheniyu stranami EAES predel'nykh znacheniy byudzhetykh i dolgovykh pokazateley, ustanovlennykh Dogovorom o EAES* [Overcoming the consequences of the COVID-19 pandemic led to the EAEU countries exceeding the limits of budget and debt indicators established by the EAEU Treaty]. [Online] Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/23-03-2021-01.aspx>. (Accessed: 18.07.2021).

5. Junquera-Varelabern, R.F. & Haven, B. (2018) Getting to 15 percent: addressing the largest tax gaps. *World Bank Blogs*. 18th December. [Online] Available from: <https://blogs.worldbank.org/governance/getting-15-percent-addressing-largest-tax-gaps>. (Accessed: 9.06.2021).

6. OECD. (2021) *Revenue Statistics 2021: The Initial Impact of COVID-19 on OECD Tax Revenues*. Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/6e87f932-en

7. Samokhovets, M.P. & Grechishkina, E.A. (2020) Tax revenues from foreign economic activity in the Republic of Belarus within the EAEU. *Podil's'kiy naukoviy visnik: naukovopraktichniy zhurnal – Podolsky Scientific Herald*. 3 (15) – 4 (16). pp. 40–46. (In Russian). [Online] Available from: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/21566>. (Accessed: 20.07.2021).

8. Samokhovets, M.P. & Grechyshkina, E.A. (2020) Financial aspects of the Belarusian foreign trade. *Economic and Engineering Studies*. 7 (1). pp. 16–21. [Online] Available from: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/19651>. (Accessed: 10.06.2021).

Сведения об авторах:

Гречишкіна Е.А. – кандидат экономических наук, заведующая кафедрой маркетинга и международного менеджмента, Полесский государственный университет (Пинск, Беларусь). E-mail: samkhvec@rambler.ru

Самоховец М.П. – кандидат экономических наук, доцент факультета экономики и финансов, Полесский государственный университет (Пинск, Беларусь). E-mail: samkhvec@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Grechishkina, Cand. Sci. (Economics), head of the Marketing and International Management Department, Polessky State University (Pinsk, Republic of Belarus). E-mail: samkhvec@rambler.ru

M.P. Samokhovets, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Polessky State University (Pinsk, Republic of Belarus). E-mail: samkhvec@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.04.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 26.04.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Научная статья
УДК 330.1
doi: 10.17223/19988648/59/22

Сравнительный анализ реализации форм собственности в национальных экономиках России и Казахстана

Альфия Жумабаевна Саринава¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск,
Россия, assiya_prog@mail.ru*

Аннотация. В работе проанализированы истоки и причины социального неравенства и трудовые доходы населения. Отмечается, что в условиях экономического развития необходим комплекс мер по преодолению социальных пропорций. В статье проводится сравнительный анализ статистических показателей РФ и Республики Казахстан в части основных фондов, среднегодовой численности, занятых в экономике по формам собственности, а также по распределению предприятий и организаций по формам собственности. Исследование сфокусировано на названных статистических показателях иностранной формы собственности в обеих странах. Проанализированы данные официальной статистики по распределению уставного капитала (фонда) организаций по видам экономической деятельности по акционерам (учредителям), также даны сравнительные характеристики в разрезе сфер деятельности.

Ключевые слова: занятые в экономике, формы собственности, государственная собственность, частная собственность, иностранная собственность, социальное неравенство

Для цитирования: Саринава А.Ж. Сравнительный анализ реализации различных форм собственности в национальных экономиках России и Казахстана // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 342–357. doi: 10.17223/19988648/59/22

Original article

Comparative analysis of the implementation of forms of property in Russia and Kazakhstan

Alfiya Zhumabayevna Sarinova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
assiya_prog@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the origins and causes of social inequality, and labor incomes of the population. In the conditions of economic development, a set of measures is required to overcome social proportions. The article compares statistical indicators of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in terms of fixed assets, the average annual number of people employed in the economy by form of

ownership, as well as the distribution of enterprises and organizations by form of ownership. The study focuses on the above-mentioned statistical indicators of foreign ownership in both countries. The data of official statistics on the distribution of the authorized capital (fund) of organizations by types of economic activity by shareholders (founders) are analyzed; comparative characteristics are given in the context of spheres of activity. The indicators of the fund's shares are compared, and the following areas of activity are affected: mining, extraction of crude oil and natural gas, extraction of metal ores, extraction of other minerals, provision of services in the field of mining, manufacturing, food production, beverage production, tobacco production, textile production, clothing production, manufacturing leather and leather products, wood processing and production of wood and cork products, production of straw products and materials for weaving, production of machinery and equipment not included in other groupings, production of other vehicles and equipment, provision of electric energy, gas and steam; air conditioning, production, transmission and distribution of electricity, production and distribution of gaseous fuels, production of paper and paper products, printing and copying of media, production of coke and petroleum products, production of chemicals and chemical products, production of rubber and plastic products, production of medicines and materials used for medical purposes, production of other non-metallic mineral products, metallurgical production, production of finished metal products, in addition to machinery and equipment, manufacture of computers, electronic and optical products, manufacture of electrical equipment, manufacture of motor vehicles, trailers and semi-trailers, manufacture of furniture, production, transmission and distribution of steam and hot water, air conditioning, water supply; wastewater disposal, waste collection and disposal, pollution elimination activities, water intake, purification and distribution, waste water collection and treatment, waste collection, treatment and disposal, processing of secondary raw materials, services in the field of pollution elimination, and other services.

Keywords: employed in economy, forms of ownership, state property, private property, foreign property, social inequality

For citation: Sarinova, A.Zh. (2022) Comparative analysis of the implementation of forms of property in Russia and Kazakhstan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 342–357. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/22

Введение

Проблемы социального неравенства актуальны в странах СНГ, и в настоящее время большинство публикаций исследует дифференциацию трудовых доходов населения. К примеру, в [1] обсуждаются вопросы и причины социального неравенства в России: противоречивые итоги приватизации, несовершенство рынка труда, высокий уровень коррупционных доходов, плоская шкала налогообложения, отраслевой перекос экономики, дифференциация уровней развития регионов, несовершенство доступа к общественным благам и неравенство населения перед законом. Анализ коэффициентов фондов и Джини, кривой Лоренца и сравнение с нормативным уровнем и значением в других странах наглядно показывают высокую степень социального неравенства в российском обществе.

Социально-экономическое неравенство проявляется прежде всего в неравенстве доходов среди населения и в неравных возможностях доступа к национальным ценностям. Основная причина неравенства – это не столько

реальность разных способностей людей, сколько механизмы распределения, доминирующие в обществе [2]. Сюда можно отнести влияние форм собственности на долю бедных и богатых, которые нацелены на современный рынок труда, к примеру частная собственность. Бедность и социальное неравенство представляют собой одну из актуальных проблем современности не только в России, но и во всем мире, можно отметить, что более равномерное распределение богатства в обществе не происходит автоматически по мере экономического роста, а является плодом сознательных и планомерных политических усилий [3, 4].

Особенно критически проявилось социальное неравенство трудовых доходов населения в январских трагических событиях текущего года в Республике Казахстан. С 1 января 2022 г. в Казахстане повысили цену на сжиженный газ с 50–60 до 120 тенге за литр, это вызвало недовольство людей. 2 января протесты начались в Жанаозене, затем жители других регионов в знак поддержки соотечественников вышли на многочисленные уличные демонстрации. В итоге это все привело к массовым беспорядкам в стране, введению режима чрезвычайного положения. В Мангистауской области недовольные ценовой политикой местных властей на сжиженный газ жители вышли на улицы. Они потребовали снизить стоимость газа до 60 тенге, учитывая размер минимальной заработной платы [5].

Больше половины населения Казахстана сейчас зарабатывает около \$ 1300 в год (50 000 тенге, около 99 380 руб.), заявил на встрече с представителями бизнеса президент страны К.-Ж. Токаев. «Международные эксперты, в частности KPMG, утверждают, что всего 162 человека владеют половиной состояния, в то время как у половины населения доходы не превышают и 50 000 тенге. Это чуть больше \$1300 в год. На такие деньги прожить невозможно, ситуацию нужно срочно менять» – заявил глава государства РК. По словам президента Казахстана, в 2020 г. на зарплаты населения приходилось меньше одной трети национального дохода Казахстана. Доля налога составляла 7,3%, тогда как наибольшая часть – 61,5% являлась прибылью бизнеса.

Президент сравнил эту ситуацию с Россией. По его словам, в этой стране доля зарплат составляла 46,7%. «Налицо явный дисбаланс и очевидная проблема справедливости распределения национального дохода», – резюмировал Токаев.

Ранее глава государства РК назвал «недопустимый разрыв» между доходами богатых и бедных граждан первопричиной беспорядков в стране, начавшихся после Нового года [6].

Материалы и методы

На постсоветском пространстве в 1990-х гг. началась массовая приватизация государственных предприятий. Это явление составило сущность рыночных реформ, внедряющих институт частной собственности в Казахстане и России. Массовая молниеносная приватизация была нацелена на развитие предпринимательства, привлечение иностранных инвестиций с

целью роста производительности труда и объёма экспорта отечественной продукции. Сегодня рабочие места предоставляются предприятиями различных форм собственности: государственной, частной, иностранной, а также смешанной собственности.

Данные о роли государственной и негосударственной (частная, иностранная, а также смешанная) собственности в экономике даёт официальная статистика по Казахстану [7] и России [8]. Начнем проведение сравнительного анализа статистических показателей Российской Федерации, Республики Казахстан с показателя основных фондов (табл. 1–3).

Таблица 1. Основные фонды по формам собственности (на конец года; по полной учетной стоимости) в Казахстане [7]

Год	Млн тенге				В процентах к итогу			
	Все основные фонды	В том числе по формам собственности			Все основные фонды	В том числе по формам собственности		
		Государственная	Частная	Собственность других государств, их юрид.лиц и граждан		Государственная	Частная	Собственность других государств, их юрид.лиц и граждан
1995	1 385721	633 274	734 577	17 870	100	45,7	53,0	1,3
1999	2 879 651	727 186	1 866 373	286 092	100	25,3	64,8	9,9
2000	3 401 831	642 307	2 485 478	274 046	100	18,9	73,1	8,0
2005	7 573 663	1 022 834	5 217 740	1 333 089	100	13,5	68,9	17,6
2010	26 396 858	3 143 970	19 067 353	4 185 535	100	11,9	72,3	15,8
2015	66 594 199	15 326 921	38 523 532	12 743 746	100	23,0	57,8	19,2
2018	124 705 827	16 849 654	69 151 563	38 704 610	100	13,5	55,4	31,1

В табл. 1 представлены данные по Республике Казахстан за период 1995–2018 гг., в котором прослеживается динамика увеличения (при двух исключениях) абсолютных показателей стоимости основных фондов по всем формам собственности: государственной, частной и иностранной. При этом происходит последовательное снижение доли государственной собственности в стоимости основных фондов за период 1995–2010 гг., в 2015 г. произошел резкий рост этой доли с последующим ее снижением в 2018 г. Доля частной собственности в стоимости основных фондов достигла своего пика (73,1%) в 2000 г. и постепенно снилась до 55,4% в 2018 г. За анализируемый период 1995–2018 гг. доля иностранной собственности достигла трети от стоимости основных фондов в экономике Казахстана, в то время как доля государственной собственности составила в 2018 г. всего 13,5%.

Перейдём к сравнению статистических показателей стоимости основных фондов обеих стран. Во-первых, с точки зрения представления статистических показателей основных фондов по формам собственности в Казахстане информация более детализированная, а в России используется более упрощенная их форма. В целях универсализации подхода будем называть «Собственность других государств, их юрид. лиц и граждан» в

статистике РК иностранной собственностью. Во-вторых, в 2018 г. доля государственной собственности по исследуемому показателю основных фондов по формам собственности в Российской Федерации существенно выше (23%) по сравнению с Республикой Казахстан (13,5%) (табл. 2).

Таблица 2. Основные фонды по формам собственности (на конец года; по полной учетной стоимости) в Российской Федерации [8]

Год	Млн руб. (до 1998 г. – млрд руб.)			В процентах к итогу		
	Все основные фонды	В том числе по формам собственности		Все основные фонды	В том числе по формам собственности	
		государственная	негосударственная		государственная	негосударственная
1995	5 182 040	2 176 457	3 005 583	100	42	58
2000	16 605 251	7 140 258	9 464 993	100	43	57
2010	9 3185 612	20 500 835	72 684 777	100	22	78
2016	183 403 693	42 182 849	141 220 844	100	23	77
2017	194 649 464	42 822 882	151 826 582	100	22	78
2018	2 109 450 524	48 554 819	162 385 705	100	23	77

Очевидно, что происходит поступательное увеличение абсолютных показателей стоимости основных фондов как по государственной, так и по негосударственной форм собственности. Другая ситуация наблюдается по относительным показателям: после 2000 г. доля негосударственной формы собственности резко увеличилась с 57 до 78% (табл. 3).

Таблица 3. Доля основных фондов в государственной собственности в Казахстане и России в динамике, %

Год	Казахстан	Россия
1995	45,7	42
2000	18,9	43
2005	13,5	22
2010	11,9	23
2016	23,0	22
2018	13,5	23

Источник: составлено автором.

Таким образом, в период 1995–2018 гг. в России доля основных фондов государственной формы собственности существенно выше, чем в Казахстане.

Далее проанализируем показатели среднегодовой численности занятых в экономике по формам собственности в обеих странах.

Данные табл. 4 по Республике Казахстан позволяют говорить о тенденции увеличения за период 1998–2018 гг. абсолютных показателей среднегодовой численности занятых в экономике по всем формам собственности, кроме частной, где численность занятых поступательно сокращается с

2010 г. При этом в 2000 г. произошло однократное снижение показателя в государственной форме собственности с последовательным увеличением до 2018 г. За весь анализируемый период доля государственной формы собственности увеличилась с 27 до 31,9%, в то время как доля частной собственности составила в 1998 г. более 71% с увеличением до 75,1% в 2000 г., и далее с постепенным снижением до 63% в 2018 г. Доля иностранной собственности увеличилась с 2 до 5,1%.

Таблица 4. Среднегодовая численность занятых в экономике по формам собственности в Казахстане [7]

Год	1998	2000	2010	2016	2017	2018
<i>Тысяч человек</i>						
Всего в экономике	6 127,6	6201,0	8 114,2	8 623,8	8 553,3	8 585,2
В том числе по формам собственности:						
государственная	1 656,5	1 315,5	1 890,6	2 513,0	2 682,5	2 736,9
частная	4 352,2	4 755,7	6 020,7	5 735,7	5 461,7	5 407,6
собственность других государств, их юридических лиц и граждан	118,9	129,8	202,9	375,1	409,2	440,7
<i>В процентах к итогу</i>						
Всего в экономике	100	100	100	100	100	100
В том числе по формам собственности:						
государственная	27,0	22,9	23,3	29,1	31,4	31,9
частная	71,0	75,1	74,2	66,5	63,9	63,0
собственность других государств, их юридических лиц и граждан	2,0	2,0	2,5	4,4	4,8	5,1

Таблица 5. Среднегодовая численность занятых в экономике по формам собственности в России [8]

Год	1998	2000	2010	2016	2017	2018
<i>Тысяч человек</i>						
Всего в экономике	66 330	51 237	46 719	44 446	44 299	44 150
В том числе по формам собственности:						
государственная, муниципальная	27 945	23 961	20 213	17 730	17 329	17 153
частная	22 750	17 523	21 246	21 502	21 857	21 883
собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	474	422	199	164	160	160
Смешанная российская	14736	7706	2366	2086	2016	1 972
Иностранная, совместная российская и иностранная	425	1626	2653	2769	2703	2 719

Год	1998	2000	2010	2016	2017	2018
<i>В процентах к итогу</i>						
Всего в экономике	100	100	100	100	100	100
В том числе по формам собственности:						
государственная, муниципальная	42,2	46,8	43,3	39,9	39,1	38,9
частная	34,3	34,2	45,5	48,4	49,3	49,6
собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	0,7	0,8	0,4	0,4	0,4	0,4
Смешанная российская	22,2	15,0	5,1	4,7	4,6	4,5
Иностранная, совместная российская и иностранная	0,6	3,2	5,7	6,2	6,1	6,2

Итак, численность занятых в российской экономике по государственной форме собственности динамично снижается с 1998 до 2018 г. Число занятых в экономике по частной форме собственности в период 1998–2018 гг. систематически росло. Количество и доля занятых в общественных и религиозных организациях (объединениях) снижаются вплоть до 2018 г. Численность занятых в экономике со смешанной формой собственности существенно снизилась, в то время как по иностранной, совместной российской и иностранной мы наблюдаем увеличение соответствующей доли за весь период.

Доля занятых в государственной форме собственности увеличивается к 2000 г. и затем немного снижается до 2018 г. и составляет 38,9% от всей доли в экономике. Доля занятых в частной форме собственности поступательно увеличивается и достигла к 2018 г. почти 50%. Занятость в собственности общественных и религиозных организаций (объединений) составляет менее 1%. Доля смешанной российской формы собственности значительно снизилась в 2010 г. и постепенно продолжала снижаться до 4,5%. При этом доля иностранной, совместной российской и иностранной формы собственности увеличилась за весь период с 0,6 до 6,2%.

Сравнение табл. 4, 5 по РФ и РК позволяет отметить за период 1998–2018 гг. общую тенденцию. Численность занятого населения в государственном секторе уменьшается и преобладает частный сектор. Также важно, что доля занятых по иностранной форме собственности выше в РФ, чем в Казахстане.

Важным и интересным аспектом сравнительного анализа является изучение официальной статистики по количеству действующих предприятий и производств по формам собственности.

По данным табл. 6 можно отметить, что в период 2000–2018 гг. доля государственной собственности действующих предприятий и производств снизилась с 7,6 до 6,1%, в том числе республиканская собственность уменьшилась в 5 раз, а коммунальная возросла. Доля предприятий с частной формой собственности занимает стабильную позицию порядка 87–88%, при этом собственность совместных предприятий с иностранным

участием повысилась с 3 до 4,8%. Считаем целесообразным сформировать обобщающий показатель по собственности совместных предприятий с иностранным участием, собственности иностранных юридических лиц и собственности иностранных физических лиц: в 2018 г. такая доля предприятий и производств в РК составила 11% против 4,6% в 2000 г.

Таблица 6. Количество действующих предприятий и производств по формам собственности в Казахстане [7]

Всего в экономике	2000 г.		2005 г.		2010 г.		2015 г.		2018 г.	
	количество	доля, %	количество	доля, %	количество	доля, %	количество	доля, %	количество	доля, %
По всем формам собственности	14326	100	13322	100	11 252	100	11 619	100	12 486	100
Государственная собственность, <i>в т.ч.:</i>	1094	7,6	1247	9,4	818	7,3	777	6,7	758	6,1
республиканская собственность	591	4,1	608	4,6	220	2,0	130	1,1	104	0,8
коммунальная собственность	503	3,5	639	4,8	598	5,3	647	5,6	654	5,2
частная собственность, <i>в т.ч.</i>	12999	90,7	11690	87,7	9 920	88,2	10 242	88,1	10 950	87,7
собственность граждан	1020	7,1	705	5,3	1	0	-	-	-	-
собственность негосударственных юридических лиц и их объединений, <i>в т.ч.</i>	11 979	83,6	10985	82,5	9 919	88,2	10 242	88,1	10 950	87,7
собственность предприятий без государственного и иностранного участия	11 049	77,1	10178	76,4	9 210	81,9	9 492	81,7	10 164	81,4
собственность предприятий с участием государства (без иностранного участия)	487	3,4	254	1,9	196	1,7	196	1,7	175	1,4
собственность совместных предприятий с иностраным участием	424	3,0	541	4,1	505	4,5	547	4,7	600	4,8

Всего в экономике	2000 г.		2005 г.		2010 г.		2015 г.		2018 г.	
	коли- чество	доля, %	коли- чество	доля, %	коли- чество	доля, %	количе- ство	доля, %	коли- чество	доля, %
собственность обществен- ных, в том числе религи- озных объеди- нений	19	0,1	12	0,1	8	0,1	7	0,1	11	0,1
Иностранная собственность, в т.ч.	233	1,6	385	2,9	514	4,6	600	5,2	778	6,2
собственность иностранных юридических лиц	230	1,6	385	2,9	383	3,4	418	3,6	466	3,7
собственность иностранных физических лиц	3	0,02	–	–	131	1,2	182	1,6	312	2,5

При этом за анализируемый период 2000–2018 гг. доля действующих предприятий и производств с собственностью предприятий без государственного и иностранного участия в РК составляет 81,4% всей экономики, в то время как доля собственности предприятий с участием государства (без иностранного участия) уменьшилась с 3,4 до 1,4%, а доля собственности общественных, в том числе религиозных, объединений составляет лишь 0,1%.

Таблица 7. Распределение предприятий и организаций по формам собственности в России [8]

Всего в экономике	Тысяч					В процентах к итогу				
	2000	2010	2016	2017	2018	2000	2005	2010	2015	2018
Число предприятий и организаций - всего по формам собственности:	3346	4823	4765	4562	4215	100	100	100	100	100
государственная	151	119	108	103	99	4,5	2,5	2,3	2,3	2,3
муниципальная	217	246	203	196	190	6,5	5,1	4,3	4,3	4,5
частная	2510	4104	4122	3936	3620	75,0	85,1	86,5	86,3	85,9
собственность обще- ственных и религио- зных организаций (объединений)	223	157	144	141	137	6,7	3,3	3,0	3,1	3,3
Смешанная россий- ская, иностранная, совместная россий- ская и иностранная	246	197	188	186	169	7,4	4,1	3,9	4,1	4,0

Согласно данным табл. 6, 7, на протяжении всего периода 2000–2018 гг. прослеживается общая для двух стран устойчивая тенденция минимизации

доли государственных (республиканских) предприятий – до 0,8% в РК и 2,3% в РФ, а также муниципальных в РФ с 6,5 до 4,5%. Доля коммунальной собственности в РК также минимальна (0,8%). В Казахстане доля иностранной формы собственности увеличилась с 1,6 до 6,2, а в Российской Федерации уменьшилась с 7,4 до 4,0%. Частный сектор экономики в обеих странах характеризуется ростом числа предприятий и организаций.

Наконец, проанализируем распределение уставного капитала (фонда) организаций по видам экономической деятельности по акционерам (учредителям) в России (табл. 8).

Таблица 8. Распределение уставного капитала (фонда) организаций по видам экономической деятельности по акционерам (учредителям) в РФ[8] (в процентах к итогу по виду экономической деятельности)

Год	Федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления	Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации	Коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	Финансово-кредитные организации	Физические лица	Год	Федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления	Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации	Коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	Финансово-кредитные организации	Физические лица
Добыча полезных ископаемых						Производство бумаги и бумажных изделий					
2017	0,5	4,9	80,9	12,3	1,2	2017	0,0	0,7	90,4	2,6	6,2
2018	0,5	4,4	82,5	10,8	1,5	2018	0,0	0,6	86,8	2,3	10,1
В т.ч. добыча угля						Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации					
2017	0,5	0,0	90,7	7,2	1,9	2017	65,9	13,5	19,2	0,3	0,8
2018	0,5	0,1	94,9	2,8	1,0	2018	69,5	13,8	14,0	0,1	2,3
Добыча сырой нефти и природного газа						Производство кокса и нефтепродуктов					
2017	0,4	7,9	89,5	1,3	0,5	2017	0,0	0,0	98,4	0,0	1,5
2018	0,4	7,3	90,4	1,2	0,4	2018	0,0	0,0	98,6	0,0	1,1
Добыча металлических руд						Производство химических веществ и химических продуктов					
2017	0,0	0,0	35,5	61,1	3,4	2017	2,9	0,0	91,5	3,3	2,0
2018	0,0	0,0	44,1	50,7	5,2	2018	2,4	0,7	83,5	2,7	1,3
Добыча прочих полезных ископаемых						Производство резиновых и пластмассовых изделий					
2017	1,9	1,0	85,3	10,5	1,3	2017	6,9	0,5	74,3	0,0	17,6
2018	1,9	1,0	85,5	10,2	1,3	2018	7,7	0,5	81,1	0,0	10,3

Год	Федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления					Физические лица	Год	Федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления					Физические лица
	Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации	Коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	Финансово-кредитные организации	Физические лица	Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации			Коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	Финансово-кредитные организации	Физические лица			
Предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых						Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях							
2017	0,3	3,1	94,7	–	1,7	2017	33,0	0,7	59,4	0,0	6,9		
2018	0,5	2,5	93,4	1,7	1,5	2018	26,9	0,8	65,6	0,0	6,7		
Обрабатывающие производства						Производство прочей неметаллической минеральной продукции							
2017	10,9	1,2	80,7	1,6	3,8	2017	0,1	1,0	82,3	6,4	7,1		
2018	14,3	1,0	76,8	1,3	3,2	2018	0,1	1,0	82,3	6,4	7,1		
В т.ч.: производство пищевых продуктов						Производство металлургическое							
2017	1,4	4,1	82,4	0,4	11,2	2017	0,6	1,4	96,5	1,1	1,1		
2018	1,3	3,5	81,1	0,6	12,5	2018	0,6	1,6	95,1	1,0	1,4		
Производство напитков						Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования							
2017	0,0	2,7	83,0	–	12,3	2017	41,6	0,3	52,3	0,8	4,0		
2018	6,0	2,4	78,1	–	11,8	2018	43,4	0,3	50,8	0,6	4,1		
Производство табачных изделий						Производство компьютеров, электронных и оптических изделий							
2017	–	–	97,8	–	2,2	2017	22,7	0,6	69,2	0,3	4,2		
2018	–	–	98,2	–	1,8	2018	14,6	0,4	49,2	0,2	3,1		
Производство текстильных изделий						Производство электрического оборудования							
2017	0,0	7,6	73,1	3,5	15,5	2017	3,5	0,3	90,4	0,1	5,2		
2018	0,0	0,0	77,8	0,0	14,2	2018	2,2	0,8	90,0	0,1	6,0		
Производство одежды						Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов							
2017	6,6	0,1	36,5	0,1	53,6	2017	0,0	0,0	87,5	3,7	1,9		
2018	6,1	0,1	52,8	0,0	38,6	2018	0,0	0,0	89,8	2,6	1,1		
Производство кожи и изделий из кожи						Производство мебели							
2017	–	–	91,3	–	8,5	2017	0,4	0,1	75,9	0,0	23,5		
2018	–	–	93,3	0,1	6,5	2018	0,3	0,1	78,1	0,0	21,4		
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения						Производство, передача и распределение пара и горячей воды; кондиционирование воздуха							

Год	Федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления	Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации	Коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	Финансово-кредитные организации	Физические лица	Год	Федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления	Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации	Коммерческие организации (кроме финансово-кредитных)	Финансово-кредитные организации	Физические лица
2017	0,0	7,9	85,0	0,8	6,0	2017	38,1	9,0	51,9	0,5	0,4
2018	0,0	2,1	91,9	0,7	5,1	2018	37,0	10,7	47,1	4,1	1,1
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки						Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений					
2017	0,6	0,4	92,6	0,5	4,9	2017	32,8	62,4	4,5	0,0	0,2
2018	0,9	0,4	93,1	0,5	4,6	2018	32,7	63,0	3,8	0,0	0,3
Производство прочих транспортных средств и оборудования						В т.ч.: забор, очистка и распределение воды					
2017	22,0	0,2	69,1	2,9	0,7	2017	13,1	84,0	2,8	–	0,1
2018	41,3	0,1	55,9	2,0	0,2	2018	13,8	83,8	2,3	0,0	0,1
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха						Сбор и обработка сточных вод					
2017	44,4	5,2	38,8	10,3	1,0	2017	79,6	10,0	9,2	0,4	0,7
2018	39,8	5,2	39,4	12,5	0,9	2018	78,8	12,0	8,0	0,4	0,7
В т.ч.: производство, передача и распределение электроэнергии						Сбор, обработка и утилизация отходов; обработка вторичного сырья					
2017	46,4	3,4	37,3	11,5	1,1	2017	88,0	2,3	9,3	0,0	0,3
2018	42,9	3,5	35,6	14,5	1,0	2018	87,1	4,6	8,0	0,0	0,3
Производство и распределение газообразного топлива						Услуги в области ликвидации последствий загрязнений и прочие услуги, связанные с удалением отходов					
2017	0,1	49,8	48,8	1,1	0,2	2017	62,2	31,7	5,2	–	0,9
2018	10,3	17,7	71,5	0,5	0,1	2018	68,6	12,8	6,3	–	12,3

Из табл. 8 видно, что за период 2017–2018 гг. максимальная доля среди учредителей организаций по видам экономической деятельности принадлежит коммерческим организациям (кроме финансово-кредитных), минимальную позицию занимают федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления. В сфере добычи сырой нефти и природного газа доля органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации составляет 7,3% среди всех акционеров.

Акционерами обрабатывающих производств являются коммерческие организации (кроме финансово-кредитных): они составляют 76,8%, в то время как федеральные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления – всего 14,3%. Среди всех видов экономической деятельности по «деятельности полиграфической и копированию носителей информации» доля федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления очень высока – 69,5%, при этом почти равные доли мы видим у органов исполнительной власти субъектов России и коммерческих организаций (кроме финансово-кредитных) – по 14%. В области производства кокса и нефтепродуктов доля коммерческих организаций (кроме финансово-кредитных) достигает 98,6%. В сфере производства готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования, акционеры из числа федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и коммерческих организаций (кроме финансово-кредитных) составляют 43,4 и 50,8% соответственно.

В сферах обеспечения электрической энергией, газом и паром; кондиционирования воздуха равные доли у федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и коммерческих организаций (кроме финансово-кредитных). При этом доля коммерческих организаций производства и распределения газообразного топлива больше в два раза, чем на производстве передачи и распределения электроэнергии.

Максимальная доля акционеров органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере водоснабжения; водоотведения, организации сбора и утилизация отходов, деятельности по ликвидации загрязнений – 63,0%, в то время как доля в сфере сбора, обработки и утилизации отходов; обработки вторичного сырья максимальная – 87,1%, нежели в остальных видах экономической деятельности. Данные официальной статистики Казахстана по распределению уставного капитала (фонда) организаций по видам экономической деятельности по акционерам (учредителям) не представлялись, возможно, по причине отсутствия такой информации.

Выводы

«Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» говорит о том, что обеспечение экономического роста (как цель государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности) должно быть основано на комплексной модернизации производственно-технологической базы отраслей реального сектора экономики с учетом требований промышленной и экологической безопасности [9]. Исходя из задач, можно сказать, что основным критерием является повышение уровня и улучшение качества жизни населения, а также повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз и обеспечение экономического роста.

В Стратегии экономической безопасности определены основные задачи, направленные на устойчивый рост сферы материального производства, такие как комплексная модернизация производственно-технологической базы отраслей реального сектора экономики, обеспечение достаточного (безопасного) уровня технологической независимости национальной экономики, создание и устойчивое развитие перспективных высокотехнологичных секторов экономики, поддержка высокотехнологичного малого и среднего бизнеса [10].

В Указе Президента Республики Казахстан «О дальнейших мерах по реализации Стратегии развития Казахстана до 2030 года» поставлены задачи сокращения различий в уровне социально-экономического развития регионов страны, снижение бедности и безработицы, рост уровня жизни населения во всех регионах на основе общественно-политической стабильности, устойчивого социально-экономического развития, укрепления экономической и экологической безопасности, снижения системных рисков, развития международного сотрудничества [11].

В статье проводился сравнительный анализ основных фондов, среднегодовой численности занятых в экономике по формам собственности и распределений предприятий и организаций по формам собственности.

На основе проведенного анализа, согласно официальной статистике Республики Казахстан и Российской Федерации, за период 1995–2018 гг. происходят похожие изменения господствующей формы собственности в разрезе общего количества предприятий, их уставных капиталов (учредителей), основных фондов и численности – с государственной на частную форму собственности.

Список источников

1. Дегтярева И.В., Шалина О.И. Социальное неравенство в российском обществе: причины, возможности нивелирования // Актуальные вопросы экономической теории: развитие и применение в практике российских преобразований. Уфа, 27–28 мая 2016 года. Уфа : РИК УГАТУ, 2016. С. 230–234.

2. Козлова О.В. Причины социально-экономического неравенства в РФ // Проблемы социальной справедливости и современный мир : материалы VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Череповец, 24–26 марта 2016 года / под ред. О.В. Козловой (отв. ред.), А.Е. Новикова, Н.В. Алексеевой. Череповец : Череповецкий государственный университет, 2016. С. 35–40.

3. Корф В.И. Причины бедности и социального неравенства в современной России // Социально-гуманитарные проблемы современности : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции : в 5 ч. Белгород, 30 сентября 2017 года / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород : Агентство перспективных научных исследований, 2017. С. 102–105.

4. Кудинова О.Д. Социальное неравенство в современной России // Актуальные вопросы современной науки : сб. ст. по материалам XV Международной научно-практической конференции : в 3 ч. Томск, 24 октября 2018 года. Томск : Дендра, 2018. С. 150–155.

5. *Протесты и беспорядки в Казахстане: хронология событий*. URL: <https://www.nur.kz/incident/emergency/1949799-protesty-i-besporjadki-v-kazahstane-hronologiya-sobytyy> (дата обращения: 30.05.2022).

6. Токаев оценил доход большей части казахстанцев в \$1300 в год. URL: <https://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 30.05.2022).

7. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения: 30.11.2021).

8. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://gosstat.gov.ru/> (дата обращения: 30.11.2021).

9. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2022).

10. Пикалова Д.В. Состояние основных фондов российских предприятий как фактор экономической безопасности // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 05 апреля 2019 года / сост. Н.В. Мячин. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 593–598.

11. Указ Президента Республики Казахстан «О дальнейших мерах по реализации Стратегии развития Казахстана до 2030 года» – ИПС "Әділет". URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 30.05.2022).

References

1. Degtyareva, I.V. & Shalina, O.I. (2016) [Social inequality in Russian society: causes, possibilities of neutralising]. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskoy teorii: razvitie i primeneniye v praktike rossiyskikh preobrazovaniy* [Topical Issues of Economic Theory: Development and application in practice of Russian transformations]. Proceedings of the 5th International Conference. Ufa. 27–28 May 2016. Ufa: Ufa State Aviation Technical University. pp. 230–234. (In Russian).

2. Kozlova, O.V. (2016) [Causes of socio-economic inequality in the Russian Federation]. *Problemy sotsial'noy spravedlivosti i sovremenny mir* [Problems of Social Justice and the Modern World]. Proceedings of the 6th All-Russian Conference. Cherepovets. 24–26 March 2016. Cherepovets: Cherepovets State University. pp. 35–40. (In Russian).

3. Korf, V.I. (2017) [The causes of poverty and social inequality in modern Russia]. *Sotsial'no-gumanitarnye problemy sovremennosti* [Socio-Humanitarian Problems of Modernity]. Proceedings of the International Conference. Belgorod. 30 September 2017. Belgorod: Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovaniy. pp. 102–105. (In Russian).

4. Kudinova, O.D. (2018) [Social Inequality in Modern Russia]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauk* [Topical Issues of Modern Science]. Proceedings of the 15th International Conference. Tomsk. 24 October 2018. Tomsk: Dendra. pp. 150–155. (In Russian).

5. NUR.KZ. (2022) *Protesty i besporyadki v Kazakhstane: khronologiya sobytiy* [Protests and riots in Kazakhstan: chronology of events]. [Online] Available from: <https://www.nur.kz/incident/emergency/1949799-protesty-i-besporyadki-v-kazahstane-khronologiya-sobytiy>. (Accessed: 30.05.2022).

6. Vedomosti. (2022) Tokayev otsenil dokhod bol'shey chasti kazakhstantsev v \$1300 v god [Tokayev estimated the income of most Kazakhstanis at \$1300 per year]. *Vedomosti*. 21 January. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/01/21/905832-tokayev-otsenil-dohod-bolshei-chasti-kazahstantsev>. (Accessed: 30.05.2022).

7. *Byuro natsional'noy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan* [Agency for Strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan Bureau of National statistics]. (n.d.) [Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: <https://stat.gov.kz/>. (Accessed: 30.11.2021).

8. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki Rossiyskoy Federatsii* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. (n.d.) [Online] Available from:

<https://rosstat.gov.ru/>. (Accessed: 30.11.2021).

9. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2017) *Ukaz Prezidenta RF ot 13.05.2017 № 208 "O Strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda* [On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030. Decree of the President of the Russian Federation No. 208 of May 13, 2017]. [Online] Available from: pravo.gov.ru. (Accessed: 30.05.2022).

10. Pikalova, D.V. (2019) [The state of fixed assets of Russian enterprises as a factor of economic security]. *Ekonomicheskaya bezopasnost' lichnosti, obshchestva, gosudarstva: problemy i puti obespecheniya* [Economic Security of the Individual, Society, and State: Problems and ways of ensuring]. Proceedings of the International All-Russian Conference. Sankt-Peterburg. 5 April 2019. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Russian Interior Ministry. pp. 593–598. (In Russian).

11. Әділет. (n.d.) *Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan "O dal'neyshikh merakh po realizatsii Strategii razvitiya Kazakhstana do 2030 goda"* [On further measures to implement the Development Strategy of Kazakhstan until 2030. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: <https://adilet.zan.kz>. (Accessed: 30.05.2022).

Сведения об авторе:

Саринова А.Ж. – аспирант кафедры экономики, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: assiya_prog@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.Zh. Sarinova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: assiya_prog@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.04.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 26.04.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

Дискуссионная площадка

Научная статья
УДК 330.1: 338.2
doi: 10.17223/19988648/59/23

Угрозы экономической безопасности личности: субъективный взгляд (с послесловием А.А. Земцова)

Мария Васильевна Облаухова¹

¹ *Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия, oblauhova@ngsu*

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние исследований по вопросам экономической безопасности личности, подчёркивается необходимость изучения субъективных представлений об уровне и компонентах личной экономической безопасности, существующих угрозах и способах защиты от них. Работа содержит результаты исследования субъективных представлений студенческой молодёжи о наиболее актуальных угрозах личной экономической безопасности, которые свидетельствуют, что студенческая аудитория обладает определёнными навыками по выявлению угроз экономической безопасности своей семьи, оценке их значимости, а также способностью к формированию рекомендаций по устранению выявленных угроз. В качестве актуальных угроз экономической безопасности личности студенты чаще всего называют такие угрозы, как потеря источников дохода, снижение уровня доходов либо изначально низкий их уровень, неэффективное личное финансовое планирование, макроэкономические проблемы, нетрудоспособность вследствие проблем со здоровьем. Несмотря на то, что большинство отмеченных угроз носит преимущественно внешний по отношению к семье/индивиду характер, в работах студентов преобладают рекомендации по снижению ущерба от этих угроз силами самого индивида, что может свидетельствовать о тенденции к снижению патерналистских настроений в молодежной среде. Анализ предложений студентов по снижению негативных последствий возникающих угроз свидетельствует о необходимости продолжать активную работу по повышению финансовой грамотности населения. Автор делает вывод о целесообразности дальнейших исследований субъективной компоненты экономической безопасности личности в целях развития теоретических представлений о сущности изучаемого явления и повышения эффективности социальной политики государства.

Ключевые слова: экономическая безопасность личности, угрозы экономической безопасности, уровень экономической безопасности, финансовая грамотность, социальная сфера

Для цитирования: Облаухова М.В. Угрозы экономической безопасности личности: субъективный взгляд (с послесловием А.А. Земцова) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 59. С. 358–381. doi: 10.17223/19988648/59/23

Discussions

Original article

Threats to the economic security of an individual: A subjective view (with afterword by Anatoly Zemtsov)

Maria V. Oblaukhova¹

¹ *Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russian Federation, oblauhova@ngs.ru*

Abstract. The article discusses the current state of research on the economic security of an individual and emphasizes the need to study subjective ideas about the level and components of personal economic security, existing threats and ways to protect against them. The article contains the results of a study of the subjective ideas of student youth about the most pressing threats to personal economic security, which indicate that students have certain skills in identifying threats to the economic security of their families, assessing their significance, and forming recommendations to eliminate the identified threats. The pressing threats to the economic security of an individual that students most often name are the loss of income sources, a decrease in income levels or their initially low level, ineffective personal financial planning, macroeconomic problems, and disability due to health problems. Despite the fact that most of the noted threats are predominantly external in relation to the family/individual, the students' works largely contain recommendations for reducing the damage from these threats by the efforts of an individual, which may indicate a trend towards a decrease in paternalistic sentiments among the youth. An analysis of the students' proposals to reduce the negative consequences of emerging threats indicates the need to continue active work to improve the financial literacy of the population. The author concludes that it is expedient to further research the subjective component of an individual's economic security in order to develop theoretical ideas about the essence of the phenomenon under study and increase the effectiveness of the state's social policy.

Keywords: economic security of individual, threats to economic security, level of economic security, financial literacy, social sphere

For citation: Oblaukhova, M.V. (2022) Threats to the economic security of an individual: A subjective view (with afterword by Anatoly Zemtsov). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 59. pp. 358–381. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/59/23

Введение

Проблемы обеспечения экономической безопасности, стабильного экономического развития государства и общества стоят перед многими странами мира. Современное социально-экономическое положение России обуславливает чрезвычайную актуальность целенаправленной деятельности государства в сфере обеспечения экономической безопасности страны в целом и каждого гражданина в отдельности. В Стратегии национальной безопасности РФ отмечается, что «национальные интересы Российской

Федерации – объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии» [1].

Современная экономическая наука выделяет четыре уровня обеспечения национальной экономической безопасности: уровень государства (страны), уровень региона, уровень предприятия (организации), уровень личности. Все эти уровни тесно связаны друг с другом и взаимозависимы, поэтому достижение высокого уровня экономической безопасности государства, национальной экономики в целом невозможно без обеспечения сбалансированного, устойчивого развития её отдельных регионов, а система управления экономической безопасностью предприятия не будет в достаточной степени эффективной, если предприятие функционирует в нестабильной макросреде и подвергается воздействию внешних для него угроз.

Основной целью и одновременно важнейшим критерием безопасного функционирования экономической системы и всех её подсистем является удовлетворение человеческих потребностей. Поэтому достижение производственных, технологических, финансовых критериев безопасного развития государства/региона/предприятия является необходимым, но недостаточным условием обеспечения высокого уровня национальной экономической безопасности. Без достижения социального критерия – достаточного уровня экономической безопасности личности – невозможно устойчивое развитие национальной экономики.

Выводы исследователей находят отражение в ключевых документах стратегического планирования. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации особо подчёркивает, что одним из ключевых национальных интересов страны на современном этапе является «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан» [1]. А Стратегия экономической безопасности Российской Федерации включает такие явления, как усиление дифференциации населения по уровню доходов, снижение качества и доступности образования, медицинской помощи и, как следствие, снижение качества человеческого потенциала, в состав наиболее значимых угроз экономической безопасности страны [2].

В настоящее время в исследованиях по экономической безопасности основное место занимает проблематика экономической безопасности государства, региона, предприятия, разрабатываются методы измерения уровня экономической безопасности хозяйствующих субъектов, выделяются актуальные угрозы, предлагаются различные способы их нейтрализации.

Проблемы экономической безопасности личности в последнее время всё чаще поднимаются в научной литературе, однако, несмотря на это, степень разработанности данной тематики остаётся по-прежнему невысокой. Достаточно сказать, что до настоящего времени не сформировано устоявшегося определения термина «экономическая безопасность личности», нет единства мнений относительно содержательного наполнения данной категории [3]. Анализ составляющих и угроз экономической безопасности личности, оценку её уровня многие авторы проводят с макро-

экономических позиций [4]. Данный подход проявляется и в способах оценки уровня экономической безопасности личности через систему макроэкономических показателей, отражающих уровень развития социальной сферы [5], либо через интегральный показатель индекса человеческого развития [6]. В то же время ряд авторов обращают внимание на роль субъективной компоненты экономической безопасности личности, отмечая, что нерациональные действия самого человека могут являться угрозой для его экономической безопасности [7], а субъективная мотивация человека и стратегия его поведения исключительно важны для обеспечения его качества жизни и уровня экономической безопасности [8].

Несмотря на рост научного интереса к проблемам экономической безопасности личности, следует отметить разрозненность имеющихся исследований, отсутствие единства терминологии, методологических подходов к её оценке, выявлению наиболее актуальных угроз и формированию предложений по их эффективному устранению. Всё вышесказанное обуславливает актуальность дальнейших исследований в данном направлении с целью формирования единой системы взглядов на проблемы экономической безопасности личности.

На данном этапе развития исследований более разработанным представляется макроэкономический ракурс, с которого проблемы экономической безопасности личности рассматриваются как элемент развития социальной сферы и социальной политики государства. Вопросы субъективной оценки населением уровня защищенности личных экономических интересов, существующих угроз и способов их нейтрализации остаются мало изученными. В то же время изучение субъективных представлений об уровне и компонентах личной экономической безопасности, существующих угрозах и способах защиты от них делает более понятными существующие в данной сфере проблемы и более адресной социальную политику, а также позволяет более эффективно работать в направлении развития общеэкономической, финансовой, правовой, трудовой грамотности населения. Целью настоящей работы является исследование представлений студенческой молодёжи о наиболее актуальных угрозах личной экономической безопасности и способах их нейтрализации.

В качестве методологического аппарата в процессе исследования использовались общенаучные методы познания, такие как анализ и синтез, индукция и дедукция, а также социологические и статистические методы.

Экономическая безопасность личности – сущность и подходы к оценке

Экономическая безопасность личности выступает важнейшей составной частью жизнедеятельности любого человека и одновременно элементом национальной экономической безопасности и критерием эффективного функционирования экономической системы. Вместе с тем существует некоторая неоднозначность в определении самого этого понятия и его составляющих.

На международном уровне вопросы экономической безопасности личности рассматриваются прежде всего в контексте защиты прав человека, причём концепция Human security первоначально делала акцент на проблемах физической защиты человека от разного рода агрессии: военной, политической, межнациональной, межрасовой, межрелигиозной. Однако за последние четверть века в трактовке данного понятия произошли серьёзные сдвиги.

В январе 2001 г. под эгидой ООН была создана комиссия по безопасности человека, которая провозгласила комплексный подход к безопасности человека и призвала международное сообщество переосмыслить представления о национальной безопасности посредством отхода от традиционных, ориентированных на государство концепций безопасности, в первую очередь на безопасность государств от военной агрессии, к той, которая концентрируется на безопасности людей, их защите и расширении прав и возможностей. Комиссия по безопасности человека выделила семь ключевых компонентов Human security: экономическую, продовольственную, медицинскую, экологическую, личную, общественную и политическую безопасность – и соответствующие им угрозы, представленные в табл. 1.

Таблица 1. Основные компоненты и угрозы Human security [9, p. 7]

Компоненты	Примеры основных угроз
Экономическая безопасность	Устойчивая бедность, безработица
Продовольственная безопасность	Голод
Безопасность здоровья	Смертельные инфекционные заболевания, небезопасное питание, недоедание, отсутствие доступа к базовому медицинскому обслуживанию
Экологическая безопасность	Деградация окружающей среды, истощение ресурсов, естественные бедствия, загрязнение
Личная безопасность	Физическое насилие, преступность, терроризм, насилие в семье, детский труд
Общественная безопасность	Межэтническая, религиозная и другая напряженность, основанная на принадлежности к какому-либо сообществу
Политическая безопасность	Политические репрессии, нарушения прав человека

Как можно заметить, в рамках данной концепции экономическая безопасность выступает одной из составных частей безопасности человека и сосредотачивается в основном на проблемах устойчивой бедности и безработицы. Иными словами, по мнению экспертов ООН, небезопасным является такое состояние, когда не удовлетворены базовые потребности человека.

Похожее толкование экономической безопасности даёт Международный Красный Крест, который определяет экономическую безопасность как способность отдельных лиц, домашних хозяйств или сообществ удовлетворять свои основные потребности устойчиво и с достоинством. Причём

понятие «устойчиво и с достоинством» может варьироваться в зависимости от физических потребностей человека, окружающей среды и преобладающих культурных стандартов [10]. В составе Красного Креста создано Подразделение экономической безопасности (EcoSec), основной задачей которого является диагностика уровня экономической безопасности. EcoSec стремится установить, могут ли люди, пострадавшие от различных кризисов и конфликтов, устойчиво удовлетворять свои основные потребности и при необходимости вмешивается, чтобы помочь защитить жизни и восстановить средства к существованию. Оценка потребностей, а также тщательный мониторинг и оценка степени их удовлетворения заложены в Стратегии экономической безопасности Красного Креста [11].

Значительный вклад в разработку концепции экономической безопасности личности внесла Международная организация труда (МОТ), обобщив теоретические подходы к изучению проблем экономической безопасности личности в ходе исследовательской программы по социально-экономической безопасности. Эксперты МОТ исходят из того, что экономическая безопасность тесно связана с трудовой деятельностью, выделяют семь составляющих экономической безопасности личности, так или иначе связанных с положением человека в сфере занятости: гарантии получения дохода, безопасность на рынке труда, защищенность занятости, охрана труда, гарантии получения квалификации, защищенность рабочего процесса, защищенность представительства. Также в докладе содержится анализ роли неформальной занятости в формировании основных угроз и, напротив, защитных механизмов экономической безопасности личности [12]. Дальнейшее развитие вопросы экономической безопасности личности нашли в концепции достойной работы (decent work), сформулированной МОТ в 2013 г. Согласно ей достойная работа предполагает создание среды, обеспечивающей экономическую безопасность, благодаря которой все большее количество людей смогут реализовывать себя в профессиональной сфере и повышать свою личную социально-экономическую безопасность [13].

Подход международных организаций к вопросам экономической безопасности личности как к проблеме обеспечения базовых потребностей человека находит отражение и в зарубежной научной литературе. Во многих зарубежных исследованиях экономическая безопасность личности трактуется схожим образом, а именно как отсутствие острой угрозы минимально приемлемому уровню удовлетворения основных потребностей, стабильность получаемых индивидом доходов, достаточных для поддержания определённых стандартов потребления [14].

В современной российской экономической литературе, как отмечают Д. Валько и Д. Климов, в настоящее время нет единого определения термина «экономическая безопасность личности». Более того, наблюдается значительное разнообразие смыслов, вкладываемых авторами в данное понятие, и «каждый автор по-разному понимает структуру и задачи экономической безопасности личности, выдвигая разные компоненты на первое

место в зависимости от исследовательских задач» [3, с. 100]. Рассмотрим некоторые из имеющихся в литературе определений.

По мнению О. Степичевой, В. Черновой и М. Котельниковой, «в наиболее общем виде экономическая безопасность личности представляет собой то состояние, при котором в полной мере обеспечены все необходимые условия защиты жизненных интересов человека при реализации системы социальной защищенности и социального развития личности» [4, с. 85].

«Экономическая безопасность личности – это состояние жизнедеятельности человека, характеризующееся наличием взаимосвязанных правовой, социальной и экономической защищенностей, движением в системе устойчивого социального и личностного развития и гарантирования условий защиты жизненных интересов. При этом экономическая защищенность определяется нами как гарантия необходимого и достаточного уровня благосостояния (например, в виде минимального гарантированного дохода)» [3, с. 102].

«На наш взгляд, понятие “личная безопасность” можно определить следующим образом: это состояние защищенности жизненно важных интересов личности от внутренних и внешних угроз, когда обеспечивается удовлетворение потребностей, надежно обеспечивающих существование и возможности прогрессивного развития личности» [6, с. 2633–2634].

Интересным, хотя и спорным представляется подход Н. Христолюбовой, которая предлагает использовать вместо термина «экономическая безопасность личности» термин «экономическая безопасность человека», как более точно отражающий сущность рассматриваемой категории. Автор пишет: «Экономическая безопасность является частью экономической науки, а экономика и экономическая теория считают своим объектом человека... Личность является социальной сущностью человека. Человеком рождаются, а личностью становятся в процессе реализации своих экономических интересов с помощью экономических благ, количество и качество потребления которых определяет темпы накопления индивидуальных гуманитарных качеств – так формируется социальный капитал государства и развивается социальная система общества. В традиционном смысле личность – это человек как субъект социальных отношений и социальной деятельности. По нашему мнению, понятия “человек” и “личность” в современных научных суждениях не противопоставляются, а взаимно дополняют друг друга. Но экономическая безопасность может быть только человека, а не личности, так как для поддержания жизнедеятельности человеку как биологическому виду на протяжении всего цикла его жизни необходимо постоянное удовлетворение жизненно важных потребностей, например, в воде и воздухе, а насытить эти потребности невозможно. В свою очередь насытить потребности личности с течением времени возможно» [15, с. 93].

Как можно заметить, несмотря на имеющиеся различия, во всех случаях центральным элементом экономической безопасности личности являются её жизненные интересы и их защита от внешних и внутренних угроз. Поэтому в качестве ключевых вопросов для понимания сущности экономиче-

ской безопасности личности можно назвать следующие: а) что следует относить к жизненно важным интересам личности? б) каким образом (кем или чем) определяется круг этих жизненно важных интересов? в) что является угрозами – внешними и внутренними – жизненно важным интересам личности? г) как можно измерить степень защищённости жизненно важных интересов личности от внешних и внутренних угроз?

Большинство авторов отвечают на поставленные вопросы исходя из внешних, объективных оценок составляющих, угроз и уровня экономической безопасности личности. Так, в работе О. Степичевой, В. Черновой и М. Котельниковой основные компоненты экономической безопасности личности определены в терминах «обеспеченности»: авторы выделяют жилищную, трудовую, продовольственную и другие виды обеспеченности и соответствующие им внешние угрозы (угроза недоступности жилья, угроза безработицы, угроза голода и т.д.), подразумевая тем самым определяющую роль внешних факторов и государства в достижении приемлемого уровня экономической безопасности личности [4]. О. Пряжникова рассматривает вопросы экономической безопасности личности через призму трудовой деятельности индивида, в частности, обосновывает влияние трудовой занятости на различные компоненты личной экономической безопасности, опираясь при этом на исследования Международной организации труда [16].

Объективно-внешний подход проявляется и в оценке уровня экономической безопасности личности через систему макроэкономических показателей, отражающих уровень развития социальной сферы, таких как показатели воспроизводства населения, состояния рынка труда, дифференциации доходов и ряд других [5], либо через интегральный показатель индекса человеческого развития [6]. Следует отметить, что использование индекса человеческого развития [17] и индикаторов на его основе для оценки уровня и качества жизни населения и проблем, существующих в сфере развития человеческого потенциала, широко распространено в практике международных сопоставлений и не противоречит концепции Human security.

На наш взгляд, оценка важнейших составляющих экономической безопасности личности и её уровня только исходя из неких общепринятых представлений и критериев не является исчерпывающей. Более того, в некоторых случаях она может быть ошибочной. Как справедливо отмечает В. Тропникова, «данное понятие в большей степени несет в себе элемент субъективности, чем объективности, так как каждый человек самостоятельно определяет для себя приемлемый и оптимальный уровень глобальной безопасности, т.е. существования и жизнедеятельности, и экономической безопасности как составной ее части. Даже при условии наличия культурно-исторической обусловленности национальных ценностей и традиций за личностью остается право выбора своего экономического статуса и представлений о должном, справедливом и правильном» [18, с. 46]. Иными словами, для более точного ответа на поставленные выше вопросы о жизненных интересах индивида и угрозах, которым они подвергаются,

необходимо уметь оценивать не только некий набор стандартных характеристик социальной сферы, но и восприятие уровня своей личной экономической безопасности самим индивидом.

В этой связи интересной представляется методика Н. Дворниковой, которая предлагает учитывать при оценке уровня экономической безопасности личности не только показатели, собираемые в рамках макроэкономической статистики, но и субъективные ожидания и оценки индивида. Согласно предложенной методике индекс экономической безопасности должен состоять из двух субиндексов, каждый из которых включает несколько показателей. Так называемый «индекс статистики» включает данные официальной статистики и состоит из шести частных индексов, таких как индекс реальных располагаемых денежных доходов, индекс сбережений, индекс безработицы, индекс просроченных кредитов, индекс расходов, индекс прожиточного минимума. Второй, субъективный, индекс, или «индекс ожиданий», строится на данных опросов и включает в себя индекс ожидаемых изменений в экономике в течение 12 месяцев, индекс ожидаемых изменений личного материального положения в ближайший год, индекс благоприятности условий для крупных покупок, индекс благоприятности условий для сбережений [19, с. 52–53].

Оценивая роль субъективной компоненты экономической безопасности личности, авторы обращают внимание на то, что субъективный фактор важен не только при оценке уровня экономической безопасности личности. Так, Н. Дворникова, опираясь на постулаты теории перспектив Д. Канемана и А. Тверски, отмечает, что нерациональные действия (или бездействия) личности сами по себе могут являться угрозой для ее экономической безопасности [7]. Идею о том, что экономическая безопасность личности зависит не только от государственной политики, но и от активной позиции и стратегии поведения самой личности, поддерживает и Н. Христолюбова, которая доказывает важность субъективной мотивации человека и его стратегии поведения для обеспечения его качества жизни и уровня экономической безопасности [8]. В. Тропникова отмечает: «Экономическая безопасность личности может быть реализована в виде активной и пассивной стратегий, а также при их сочетании. Активная стратегия – это целенаправленное создание самой личностью таких условий, которые бы обеспечили ей не только отсутствие опасностей, но и адекватные инструменты защиты от них. К таким инструментам можно отнести в первую очередь образование человека: финансовую грамотность, уровень образования, стремление к саморазвитию, а во вторую – профессиональные и деловые компетенции. Пассивная стратегия предполагает наличие патерналистских ожиданий и ориентацию на поддержку со стороны семьи, группы, общества или государства с устойчивыми установками осуществления такой поддержки» [18, с. 46]. А М. Новосельцева в своём исследовании показывает и обратную связь между такой составляющей экономической безопасности личности, как общий уровень финансово-экономической грамотности, и уровнем экономической безопасности национальной экономики в целом [20].

Для выявления субъективных представлений об основных элементах экономической безопасности личности В.Тропниковой было проведено исследование среди студентов высших учебных заведений, в результате которого было установлено, что основными элементами экономической безопасности личности по мнению молодежи являются: финансовая обеспеченность; наличие работы, включая саму возможность трудоустройства; наличие определенных благ (собственное жилье, личный автомобиль, стиральная машина, компьютер и т.д.); предсказуемая и стабильная экономическая ситуация; возможность получения профессионального образования; уверенность в своем будущем; гарантии со стороны государства (занятости, безопасности, стабильности); знания экономических вопросов функционирования современного общества (кредитование, инвестиции, риски и т.д.). «На вопрос о том, кто должен обеспечивать экономическую безопасность личности, на первое место опрошенные поставили государство, на второе – саму личность, далее идет предприятие, на котором работает человек, и последнее место занимает семья, в которой живет человек. Государству же отводится и лидирующая позиция в возможностях обеспечения экономической безопасности отдельного человека» [18, с. 50].

Угрозы экономической безопасности семьи и индивида глазами студентов

Результаты исследования, проведенного В. Тропниковой, несколько отличаются от тех выводов, которые содержатся в работах авторов, анализирующих вопросы экономической безопасности личности исходя из общетеоретических представлений. Можно предположить, что последующее проведение подобных исследований, расширение их тематики и в дальнейшем включение в опросы других групп населения является перспективным направлением работы.

В развитие предложенного В. Тропниковой подхода, а именно с целью выявления особенностей субъективного восприятия угроз экономической безопасности личности, нами было проведено исследование среди студентов Новосибирского государственного университета экономики и управления (возрастная группа 19–22 года).

При проведении исследования были поставлены следующие задачи:

1. Исследовать навыки студентов по выявлению угроз экономической безопасности своей семьи, оценке их значимости, а также их способность к формированию рекомендаций по устранению выявленных угроз.

2. Выявить наиболее значимые угрозы для исследуемой категории студентов.

3. Сопоставить результаты проведенного исследования с выводами, имеющимися в научной литературе.

Исследование было проведено в форме домашнего задания, предполагающего ответы на ряд вопросов. Объем и форма ответа на каждый вопрос не регламентировались, что, с одной стороны, несколько затруднило обра-

ботку и анализ результатов исследования, а с другой – позволило увидеть некоторые нюансы субъективного восприятия обсуждаемой темы, которые могли бы быть упущены в случае жесткой формализации задания. Студентам было разъяснено содержание всех элементов задания, даны пояснения по сути используемых терминов. Для размышления были предложены следующие вопросы:

1. Подумайте и выделите возможные угрозы экономическому благополучию вашей семьи или вас лично. Опишите их.

2. Оцените вероятность возникновения этих угроз в течение ближайшего года.

3. Оцените возможный ущерб в случае реализации этих угроз (в категориях «высокий», «очень высокий», «средний» и т.д.).

4. Составьте индивидуальную карту (матрицу) рисков, наглядно иллюстрирующую значимость выделенных угроз. Общий вид матрицы рисков, предложенной студентам в качестве образца для работы, представлен на рис. 1.

5. Предложите способы нейтрализации наиболее существенных угроз вашей личной экономической безопасности (на матрице рисков такие угрозы находятся в правой верхней области).

Было получено 69 студенческих работ, при обработке которых использовались критерии, указанные ниже.

Критерий 1. Насколько верно понято задание. Наиболее высокую оценку по этому критерию («2») получили работы, в которых были выделены и проанализированы угрозы личной экономической безопасности, актуальные для конкретного индивида и (или) его семьи. Самую низкую оценку («0») получили работы, в которых дано общее описание проблематики экономической безопасности личности из учебной литературы или интернет-источников. Промежуточный балл («1») был присвоен работам, в которых значительное место занимают общие рассуждения об угрозах экономической безопасности личности, однако присутствуют и элементы анализа угроз, актуальных для конкретного индивида. Также промежуточный балл присваивался работам, в которых были не выполнены (или выполнены неверно) отдельные элементы задания.

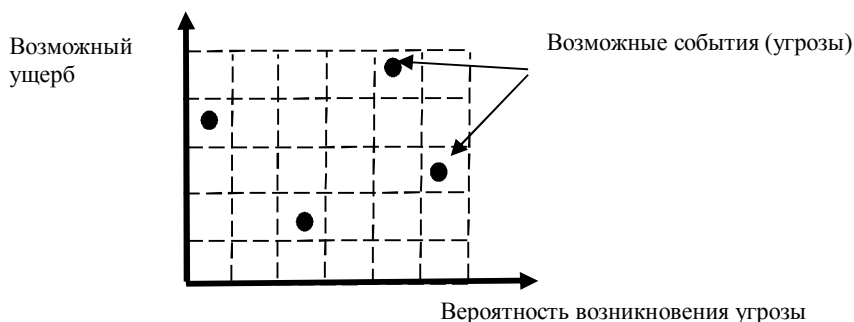

Рис. 1. Общий вид матрицы рисков

Критерий 2. Сколько выделено угроз экономической безопасности индивида или его семьи. По данному критерию 1 балл присваивался работам, в которых было выделено от 2 до 4 различных угроз, 2 балла получили работы, авторы которых выделили более 5 различных угроз.

Критерий 3. Насколько подробно описано содержание выделенных угроз, их источники, механизм действия. Оценка по данному критерию была дана по трехступенчатой шкале – от 0 до 2.

Критерий 4. Насколько подробно дана оценка вероятности возникновения выделенных угроз в течение ближайшего года. Оценка по данному критерию также была дана по трехступенчатой шкале – от 0 (нет ответа на вопрос) до 2 (дана обоснованная подробная оценка).

Критерий 5. Насколько подробно дана оценка ущерба от реализации выделенных угроз. Аналогично критерию 4 здесь также была использована трехступенчатая шкала – от 0 (нет ответа на вопрос) до 2 (дана обоснованная подробная оценка).

Критерий 6. Составление матрицы рисков. Для оценки этого элемента задания была использована трёхступенчатая шкала, в которой «0» означает, что матрица рисков не составлена, «1» – матрица рисков составлена формально, т.е. не является результатом взвешиваемого и последовательного выполнения предшествующих шагов задания (например, угрозы, выделенные на первом шаге задания, не полностью соответствуют угрозам, нанесённым на карту рисков, а также ряд других несоответствий матрицы рисков предшествующим элементам задания). Балл «2» присваивался работам, в которых матрица рисков была составлена достаточно подробно, с предшествующим обоснованием её компонентов.

Критерий 7. Рекомендации по устранению угроз или уменьшению их негативных последствий. Так же, как и в предыдущих критериях, для оценки работ по данному критерию была использована трехступенчатая шкала – от 0 (нет ответа на вопрос) до 2 (даны обоснованные рекомендации, соответствующие выделенным угрозам).

Следует отметить, что на первом этапе все работы были разделены по первому критерию на три группы, и далее по критериям 2–7 анализировались только те работы, которые получили оценку 2 или 1 по первому критерию. Иными словами, работы, в которых сама суть задания была понята и реализована полностью неверно, к сожалению, пришлось исключить из дальнейшего анализа, поскольку они отражают не субъективный взгляд студентов на проблемы экономической безопасности личности, а некую систему взглядов, принадлежащих другим авторам. Таких работ оказалось 23 из 69, т.е. одна треть! 32 студента выполнили работу в соответствии с заданием (группа 1), 14 работ соответствовали заданию частично (группа 2). Таким образом, 46 из 69 работ (66,7%) были подвергнуты более тщательному анализу, результаты которого представлены в табл. 2.

Тот факт, что треть студентов неверно выполнили задание, с одной стороны, следует расценивать негативно, поскольку исключение из дальнейшего анализа значительного числа работ несколько снизило информатив-

ность этого анализа. С другой стороны, одной из задач исследования было изучение навыков студентов по выявлению угроз личной экономической безопасности. И результаты анализа работ по первому критерию свидетельствуют, что около трети студентов не имеют достаточных навыков либо желая задумываться над проблемами личной экономической безопасности, предпочитая оперировать материалами из учебной литературы. При этом среди данной группы оказались достаточно интересные и подробные работы, в которых рассматривались общие вопросы экономической безопасности личности и социальной политики в Российской Федерации, но без привязки к конкретной семье или индивиду. Возможно, при проведении подобных исследований в дальнейшем следует приложить дополнительные усилия для разъяснения сути задания и побуждения студентов к самостоятельным размышлениям.

Таблица 2. Распределение работ по качеству выполнения отдельных элементов задания

Критерии оценки	Значение критерия, баллы	Группы работ по Критерию 1				Все работы	
		Группа 1 (32 работы)		Группа 2 (14 работ)		шт.	% от общего числа работ
		шт.	% от числа работ данной группы	шт.	% от числа работ данной группы		
Критерий 2	1	24	75	6	42,9	30	65,2
	2	8	25	8	57,1	16	34,8
Критерий 3	2	14	43,8	0	0	14	30,4
	1	18	56,2	14	100	30	69,6
Критерий 4	0	0	0	0	0	0	0
	2	18	56,2	0	0	18	39,1
	1	14	43,8	10	71,4	24	52,2
Критерий 5	0	0	0	4	28,6	4	8,7
	2	14	43,8	0	0	14	30,4
	1	14	43,8	12	85,7	26	56,5
Критерий 6	0	4	12,5	2	14,3	6	13,1
	2	16	50	0	0	16	34,8
	1	14	43,8	12	85,7	26	56,5
Критерий 7	0	2	6,2	2	14,3	4	8,7
	2	10	31,3	0	0	10	21,7
	1	20	62,5	10	71,4	30	65,2
	0	2	6,2	4	28,6	6	13,1

Большинство студентов (около двух третей) выделяют небольшое (от 2 до 4) число угроз. На первый взгляд парадоксально, что студенты из второй группы, которые не совсем верно выполнили задание, выделяют больше угроз, чем студенты из первой группы, выполнившие задание полностью верно. Объяснение этого парадокса состоит в том, что студенты из второй группы значительное внимание уделяли общеэкономическим процессам и чаще включали в число угроз общие угрозы экономической безопасности личности, такие как внешнеэкономические санкции, инфляция

или коррупция, не поясняя, каким образом эти угрозы влияют на экономическую безопасность конкретной семьи.

Студенты из первой группы были более сосредоточены на анализе конкретных угроз личной экономической безопасности, поэтому работы этой группы выполнены в основном в соответствии с известной поговоркой «лучше меньше, да лучше». Данный вывод подтверждается и тем фактом, что в первой группе почти 44% студентов постарались подробно описать угрозы и источники их возникновения (Критерий 3), в то время как во второй группе подробного описания не дал никто.

При оценке вероятности возникновения угроз и их последствий (Критерии 4 и 5) студентам в целом оказалось проще оценить вероятности, чем последствия. Однако здесь наблюдаются существенные различия между группами: во второй группе никто не смог полностью выполнить соответствующие задания, что опять же свидетельствует о недостаточном качестве выполнения работы в целом. Поскольку матрица рисков составлялась на основе оценки вероятности возникновения и последствий угроз, вполне закономерно, что качество выполнения этого задания (Критерий 6) в целом соответствует результатам оценки работ по критериям 4 и 5. Около трети студентов смогли составить матрицу рисков в полном соответствии с заданием, при этом все эти работы относятся к первой группе.

Самым сложным элементом задания оказался поиск способов нейтрализации наиболее существенных угроз личной экономической безопасности: только 21,7% студентов (все – из первой группы) смогли дать развёрнутые обоснованные рекомендации. Но важно отметить, что подавляющее большинство этих рекомендаций содержит в себе меры, осуществление которых зависит от самого индивида или его семьи, даже если речь идёт о минимизации ущерба от угроз, носящих исключительно внешний характер.

Для общей оценки качества представленных работ, отражающей способность студентов к выявлению и анализу угроз личной экономической безопасности, оценки по всем семи критериям были суммированы. В результате высокий уровень (от 11 до 14 баллов) продемонстрировали 14 работ (20% от общего числа работ). Двадцать работ (28,6%) показали уровень выше среднего (от 8 до 10 баллов), десять работ (14,3%) можно отнести к уровню ниже среднего, и только две работы (2,9%) оказались выполнены на низком уровне. Напомним, что 23 работы (33,3% от их общего числа) оказались за пределами этой оценки.

Попробуем проследить, какие угрозы личной экономической безопасности студенты называли чаще других. Поскольку задание было дано в свободной форме, то формулировки выделяемых угроз были самыми разнообразными. В результате их обобщения были получены данные, представленные в табл. 3.

При классификации угроз по ряду причин возникли определённые трудности. Во-первых, около 70% студентов не дали подробного объяснения содержания выделенных угроз, в связи с чем некоторые угрозы было затруднительно отнести к той или иной группе.

Таблица 3. Основные угрозы экономической безопасности семьи/индивида с точки зрения студентов

Группа угроз	Частота упоминаний	Примеры угроз данной группы в работах студентов
Потеря источников дохода	28	Потеря рабочего места; потеря бизнеса; потеря источников дохода (без уточнения)
Низкий уровень доходов либо снижение уровня доходов	26	Низкий уровень доходов; сокращение заработной платы; отсутствие постоянного источника доходов
Неэффективное финансовое планирование	26	Неэффективное финансовое планирование; превышение расходов над доходами; нерациональное управление сбережениями
Макроэкономические проблемы	24	Экономические санкции; инфляция; снижение курса рубля; экономические эффекты пандемии; неблагоприятные изменения законодательства (рост налогов)
Нетрудоспособность вследствие проблем со здоровьем	24	Потеря трудоспособности вследствие общего заболевания; заболевание коронавирусом; опасные условия труда на производстве; смерть кормильца
Форс-мажорные обстоятельства и внешнее вмешательство в дела семьи	12	Стихийные бедствия; криминальные действия третьих лиц; мошенничество
Снижение доступности образования	10	Трудности с получением образования вследствие роста цен на него; рост расходов на получение образования
Потеря жилья и имущества	8	
Непредвиденные расходы	8	Непредвиденный ремонт бытовой техники, автомобиля; расходы на лечение членов семьи и домашних питомцев
Экологические проблемы	4	
Проблемы входа на рынок труда	4	Трудно найти работу по специальности
Трудности с погашением кредитов	4	
Прочее	8	Трудности с открытием бизнеса; рост арендной платы за жильё; другое

Например, без дополнительных объяснений трудно понять, к какой группе относится такая угроза, как «потеря жилья и имущества», связана она с форс-мажорными обстоятельствами (стихийными бедствиями, пожарами), снижением доходов индивида, недостаточно грамотным управлением личными финансами или, возможно, криминальными событиями? Во-вторых, довольно большая часть студентов не смогла отделить угрозу от события, её порождающего. В частности, ряд студентов в качестве угро-

зы указали «рост цен на обучение», хотя, строго говоря, угрозой для экономического благополучия семьи в данном случае будет скорее снижение доступности образования и рост расходов на него в бюджете семьи, нежели само по себе повышение цен на услуги образовательных учреждений. В-третьих, многие угрозы экономическому благополучию семьи/индивида тесно связаны между собой причинно-следственными связями, что также затрудняет их группировку.

Как можно заметить из табл. 3, с большим отрывом по числу упоминаемых лидируют пять типов угроз. Первое место занимает такая угроза, как потеря источников дохода, при этом из 28 человек 23 отметили в качестве источника дохода работу по найму, один человек упомянул в качестве основного источника дохода личный бизнес. Следует уточнить, что в работах студентов речь шла в основном не о личном доходе, которого большинство из них пока не имеют, а о доходах семьи в целом. Это же уточнение справедливо и для остальных видов угроз, поскольку авторы всех анализируемых работ на данном этапе жизненного цикла не отделяют себя от родительской семьи.

Второе и третье места делят угрозы, связанные: а) с низким уровнем семейного дохода (в основном речь шла о заработной плате) либо с возможным его сокращением вследствие общей неблагоприятной экономической ситуации в стране; б) нерациональным поведением самого индивида или его семьи в сфере управления личными финансами. Под низким уровнем дохода студенты понимают его недостаточность для удовлетворения потребностей себя и семьи, т.е. речь не идёт о каких-то абсолютных величинах.

На четвёртом и пятом местах по частоте упоминаний стоят макроэкономические проблемы и проблемы со здоровьем, которые могут привести к временной либо постоянной нетрудоспособности (следовательно, к потере трудового дохода) или даже к смерти (одна студентка в качестве одной из наиболее актуальных угроз экономическому благополучию семьи назвала смерть кормильца).

Среди угроз, которые упоминались не так часто, следует отметить такие угрозы, как снижение доступности образования для себя лично и для младших братьев и сестёр вследствие роста стоимости образовательных услуг, а также проблемы с поиском работы по будущей специальности.

Безусловно, не все перечисленные выше угрозы рассматриваются студентами как значимые. Таблица 4 содержит перечень угроз, которые студенты отмечали в качестве наиболее значимых при составлении матрицы рисков, т.е. имеющих наибольшую вероятность возникновения и наиболее серьезные последствия.

Как можно заметить, в состав «лидеров» входят всё те же группы угроз, только в несколько ином порядке. Низкий (т.е. недостаточный для удовлетворения потребностей семьи) уровень доходов, снижение заработной платы, нерациональное управление личными финансами, потеря работы, высокая вероятность нетрудоспособности по состоянию здоровья и даже

смерти основных кормильцев в семье, высокий уровень инфляции, рост расходов на получение образования и, как следствие, снижение его доступности – вот основной перечень проблем, которые, по мнению наших молодых респондентов, непосредственно касаются их благополучия и угрожают их личной экономической безопасности.

Безусловно, задача устранения этих угроз в значительной степени находится в компетенции государства, ответственного за проведение грамотной социальной политики, борьбу с безработицей и инфляцией, повышение доступности качественных медицинских услуг и образования.

Несмотря на то, что большинство отмеченных угроз носит преимущественно внешний по отношению к семье/индивиду характер, в работах студентов встречаются рекомендации по снижению ущерба от этих угроз силами самого индивида.

Таблица 4. Наиболее значимые угрозы экономической безопасности семьи / индивида с точки зрения студентов

Группа угроз	Частота упоминаний	Примеры угроз данной группы в работах студентов
Низкий уровень доходов либо снижение уровня доходов	14	Низкий уровень доходов; сокращение заработной платы; отсутствие постоянного источника доходов
Неэффективное финансовое планирование	8	Неэффективное финансовое планирование; превышение расходов над доходами
Потеря источников дохода	6	Потеря рабочего места
Нетрудоспособность вследствие проблем со здоровьем	6	Потеря трудоспособности вследствие общего заболевания; заболевание коронавирусом; опасные условия труда на производстве; смерть кормильца
Макроэкономические проблемы	4	Инфляция
Снижение доступности образования	4	Рост расходов на получение образования
Непредвиденные расходы	4	Непредвиденный ремонт бытовой техники, автомобиля; расходы на лечение членов семьи и домашних питомцев
Проблемы входа на рынок труда	2	Трудно найти работу по специальности
Трудности с погашением кредитов	2	
Прочее	6	Трудности с открытием бизнеса, рост арендной платы за жильё и другое

Так, наибольшее количество рекомендаций студентов касается нейтрализации такой угрозы, как потеря источников дохода (потеря работы, бизнеса). Основные предлагаемые «рецепты» следующие (далее цитаты из работ):

- «с угрозой потери рабочего места можно бороться лишь с помощью поиска другой компании либо переквалификацией и уходом в другое направление, которое еще осталось востребованным на рынке»;

- «для того, чтобы последствия от наступления данных угроз были минимальными, моим родителям необходимо заранее найти варианты работы, где они смогут работать, достигнув пенсионного возраста или в случае сокращения работников; кроме этого, необходимо заранее подумать над альтернативными вариантами заработка денег, таким, например, как изготовление кондитерских изделий на дому, различных изделий из дерева, вязанных вещей и т.д.; также моим родителям необходимо откладывать часть денежных средств, то есть создавать финансовую подушку для минимизации последствий, наступивших при возникновении каких-либо угроз»;

- «если будет массовое увольнение сотрудников – то единственный способ подстраховаться – начать искать подходящие для себя вакансии еще на этапе появления слухов о массовом увольнении»;

- «периодически просматривать вакансии в городе, отслеживать, искать более выгодные условия; повышать свою квалификацию»;

- «заранее присматриваться к объявлениям о поиске работников по нужной нам специальности».

Для предотвращения или снижения негативных последствий угроз, связанных с низким уровнем доходов, студенты предлагают такие варианты действий:

- «необходимо найти какое-либо место работы, чтобы оно приносило дополнительный заработок»;

- «необходимо планировать свой бюджет, чтобы избежать незапланированных расходов»;

- «всерьез взяться за планирование собственных доходов и расходов, посмотреть за счет чего растут расходы, попытаться их минимизировать; найти работу с гибким графиком, чтобы увеличить свои доходы»;

- «способом нейтрализации в данном случае является сохранение места работы и закрепление на хорошей должности одного из членов семьи, чтобы в будущем не попадать под сокращение штата».

Безусловно, наибольшего эффекта в борьбе с угрозами экономической безопасности личности сам индивид может достичь в отношении внутренних угроз, источником которых является он сам. Основной группой внутренних угроз являются угрозы, связанные с нерациональным управлением личными финансами, и для их устранения, по мнению респондентов, следует предпринять такие шаги:

- «обучение финансовой грамотности, планирование бюджета»;

- «единственный и наилучший вариант решения данной проблемы – начать экономить денежные средства; не покупать в текущем месяце те товары, которые можно купить в следующем (то есть, когда покупка не является срочной); поставить лимит трат денежных средств в день с учетом оставшихся до зарплаты денежных средств (например, лимит – 600 рублей в день)»;

- «для предотвращения обмана со стороны доверенных лиц необходимо всё перепроверять раза три; необходимо распределять денежные средства так, чтобы все одновременно не находились в одном месте / у одного лица»;

- «повысить свою финансовую грамотность, научиться правильно распределять финансы, пересмотреть свои затраты, выделить аспекты (приоритеты) куда действительно надо направлять финансы, а где стоит сократить расходы».

Для снижения вероятности возникновения угрозы потери трудоспособности вследствие проблем со здоровьем респонденты рекомендуют следить за своим здоровьем, правильно питаться, принимать витамины, соблюдать защитные меры в условиях текущей пандемии.

К сожалению, среди рекомендаций не очень часто встречаются такие действенные меры, позволяющие снизить ущерб от возникающих угроз, как создание резервного фонда или «финансовой подушки», а также страхование. По всей видимости, в рамках программ и проектов по повышению финансовой грамотности населения следует уделять больше внимания этим вопросам.

Относительно возможностей индивида по нейтрализации угроз, носящих сугубо макроэкономический характер, респонденты единодушны: «Риски, связанные с политической и экономической ситуацией в стране (отсутствие рабочих мест, обесценение денег), имеют большое воздействие на человека, но повлиять на них невозможно». «Нейтрализовать такой риск сложно, так как даже финансовая подушка безопасности может быть неэффективной в случае изменений в платежной функции денег».

Выводы

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что студенческая аудитория обладает определёнными навыками по выявлению угроз экономической безопасности своей семьи, оценке их значимости, а также способностью к формированию рекомендаций по устранению выявленных угроз. При этом некоторая часть студентов не имеет желаний/мотивации задумываться над проблемами личной экономической безопасности, что, по видимому связано со статусом в родительской семье в качестве иждивенца.

В целом результаты нашего исследования коррелируют с выводами В. Тропниковой [18]. В качестве актуальных угроз экономической безопасности личности в нашем исследовании студенты чаще всего называли такие угрозы, как потеря источников дохода (т.е. работы), снижение уровня доходов либо изначально низкий их уровень, неэффективное личное финансовое планирование, макроэкономические проблемы, нетрудоспособность вследствие проблем со здоровьем. Эти же группы угроз были выделены ими как наиболее значимые. В исследовании Тропниковой студенты выделяли в качестве основных компонентов личной экономической безопасности финансовую обеспеченность; наличие работы; стабильную макроэкономическую ситуацию; возможность получения профессионального образования; знание экономических вопросов функционирования современного общества.

Несмотря на то, что большинство отмеченных угроз носит преимущественно внешний по отношению к семье/индивиду характер, в работах

студентов преобладают рекомендации по снижению ущерба от этих угроз силами самого индивида. Данное обстоятельство отличает результаты нашего исследования от выводов, полученных В. Тропниковой, и, по-видимому, может свидетельствовать о некотором снижении в молодежной среде патерналистских настроений и формировании активной стратегии поведения. Однако для подобного утверждения пока недостаточно оснований, необходимы дополнительные исследования.

Анализ предложений студентов по снижению негативных последствий возникающих угроз свидетельствует о необходимости продолжать активную работу по повышению финансовой грамотности населения, в частности, более подробно знакомить с различными способами страхования личных рисков.

Представляется целесообразным и перспективным продолжение исследований субъективной компоненты экономической безопасности личности в направлении расширения тематики, включения других групп населения по возрастному, профессиональному составу, территории, проведения межгрупповых сопоставлений. Это будет способствовать развитию теоретических представлений и методик оценки уровня экономической безопасности личности, а также повышению эффективности социальной политики государства.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>
2. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>
3. Валько Д.В., Климов Д.О. Экономическая безопасность личности: сущность и структура // Управление в современных системах. 2018. № 4 (20). С. 98–103. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36746211>
4. Степичева О.А., Чернова В.В., Котельникова М.А. Целевая функция и угрозы экономической безопасности личности // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10, № 2. С. 83–89. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23307003>
5. Меркулова Е.Ю., Котельникова М.А. Оценка экономических аспектов безопасности личности // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10, № 5. С. 68–74. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23943937>
6. Дробот Е.В., Вартанова М.Л. Экономическая безопасность: концептуальные основы обеспечения безопасности личности в странах Евразийского экономического союза // Экономические отношения. 2019. Т. 9, № 4. С. 2621–2648. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42446284>
7. Дворникова Н.С. Ограниченная рациональность как угроза экономической безопасности личности // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2015. № 2 (15). С. 42–44. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23067060>
8. Христоробова Н.Е. Экономические интересы и потребности человека как факторы изменения его безопасности и качества жизни // Академическая мысль. 2018. № 4 (5). С. 110–116. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36702246>
9. Human security in theory and practice. Application of the Human Security Concept and the United Nations Trust Fund for Human Security. United Nations. 2009. URL:

<https://www.unocha.org/sites/dms/HSU/Publications%20and%20Products/Human%20Security%20Tools/Human%20Security%20in%20Theory%20and%20Practice%20English.pdf>

10. *What is Economic Security?* / International Committee of the Red Cross. 2015. URL: <https://www.icrc.org/en/document/introduction-economic-security>

11. *Economic Security Strategy 2020 – 2023* / International Committee of the Red Cross. 2020. URL: <https://www.icrc.org/en/document/introduction-economic-security>

12. *Economic security for a better world* / International labour organization. Geneva, 2004.

13. *Decent work indicators: guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators: ILO manual: second version* // International Labour Office. Geneva: ILO. 2013. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---integration/documents/publication/wcms_229374.pdf

14. *Osberg L., Sharpe A.* Measuring Economic Insecurity in Rich and Poor Nations // *Review of Income and Wealth*, 2014. Vol. 60. P. 53–76. doi: 10.1111/roiw.12114. URL: <https://ssrn.com/abstract=2435369>

15. *Христолюбова Н.Е.* Исследование роли и значения экономической безопасности человека в системе национальной безопасности // *Академическая мысль*. 2018. № 3 (4). С. 88–96. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36301219>

16. *Пряжникова О.Н.* Экономическая безопасность в контексте личной безопасности // *Экономические и социальные проблемы России*. 2017. № 1. С. 84–97. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29899478>

17. *Human Development Index*. 2020. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi>

18. *Тропникова В.А.* Представления об экономической безопасности у современной молодежи с позиции экономико-психологического подхода // *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2019. № 4. С. 43–52. doi: 10.24147/2410-6364.2019.4.43-52. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41446531>

19. *Дворникова Н.С.* Индекс экономической безопасности личности // *Актуальные проблемы экономики, социологии и права*. 2015. № 4. С. 51–55. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25339759>

20. *Новосельцева М.М.* Уровень жизни населения в контексте финансово-экономической грамотности // *Фундаментальные исследования*. 2020. № 8. С. 66–71. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43918188>

References

1. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2021) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 02.07.2021 № 400 “O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii”* [On the National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 02, 2021]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>.

2. Garant.ru. (2017) *Ukaz Prezidenta RF ot 13 maya 2017 g. № 208 “O Strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda”* [On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030. Decree of the President of the Russian Federation No. 208 of May 13, 2017]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>.

3. Val'ko, D.V. & Klimov, D.O. (2018) Economic safety of a person: essence and structure. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh – Management in Modern System*. 4 (20). pp. 98–103. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36746211>. (In Russian).

4. Stepicheva, O.A., Chernova, V.V. & Kotel'nikova, M.A. (2015) Criterion function and threats of economic security of the personality. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social-Economic Phenomena and Processes*. 2 (10). pp. 83–89. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23307003>. (In Russian).

5. Merkulova, E.Yu. & Kotel'nikova, M.A. (2015) Assessment of economic aspects of safety of the personality. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social-Economic Phenomena and Processes*. 5 (10). pp. 68–74. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23943937>. (In Russian).
6. Drobot, E.V. & Vartanova, M.L. (2019) Economic security: conceptual foundations and assessment of personal security in the countries of the Eurasian economic union. *Ekonomicheskie otnosheniya – Journal of International Economic Affairs*. 4 (9). pp. 2621–2648. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42446284>. (In Russian). DOI: 10.18334/eo.9.4.41279
7. Dvornikova, N.S. (2015) Bounded rationality as a threat to personal economic security. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy i puti ikh resheniya*. 2 (15). pp. 42–44. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23067060>. (In Russian).
8. Khristolyubova, N.E. (2018) The interests and needs of a person as a change's factors of safety and quality of life. *Akademicheskaya mysl' – Academic Thought*. 4 (5). pp. 110–116. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36702246>. (In Russian).
9. United Nations. (2009) *Human security in theory and practice. Application of the Human Security Concept and the United Nations Trust Fund for Human Security*. [Online] Available from: <https://www.unocha.org/sites/dms/HSU/Publications%20and%20Products/Human%20Security%20Tools/Human%20Security%20in%20Theory%20and%20Practice%20English.pdf>.
10. International Committee of the Red Cross. (2015) *What is Economic Security?* [Online] Available from: <https://www.icrc.org/en/document/introduction-economic-security>.
11. International Committee of the Red Cross. (2020) *Economic Security Strategy 2020–2023*. [Online] Available from: <https://www.icrc.org/en/document/introduction-economic-security>.
12. International Labour Organization. (2004) *Economic Security for a Better World*. Geneva: ILO.
13. International Labour Organization. (2013) *Decent Work Indicators: Guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators*. Geneva: ILO. [Online] Available from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---integration/documents/publication/wcms_229374.pdf.
14. Osberg, L. & Sharpe, A. (2014) Measuring Economic Insecurity in Rich and Poor Nations. *Review of Income and Wealth*. 60. pp. 53–76. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2435369>. DOI: 10.1111/roiw.12114
15. Khristolyubova, N.E. (2018) Research of a role and value of a person's economical safety in a system of the national security. *Akademicheskaya mysl' – Academic Thought*. 3 (4). pp. 88–96. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36301219>. (In Russian).
16. Pryazhnikova, O.N. (2017) Ekonomicheskaya bezopasnost' v kontekste lichnoy bezopasnosti [Economic security in the context of personal security]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii – Economic and Social Problems of Russia*. 1. pp. 84–97. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29899478>. (In Russian).
17. United Nations Development Programme. (2020) *Human Development Index*. [Online] Available from: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi>.
18. Tropnikova, V.A. (2019) Ideas about economic security in modern youth from the position of economic and psychological approach. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya – Herald of Omsk University. Series: Psychology*. 4. pp. 43–52. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41446531>. (In Russian). DOI: 10.24147/2410-6364.2019.4.43-52
19. Dvornikova, N.S. (2015) Index of economic security of the personality. *Aktual'nye problemy ekonomiki, sotsiologii i prava*. 4. pp. 51–55. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25339759>. (In Russian).
20. Novosel'tseva, M.M. (2020) Standards of living of population in the context of financial and economic literacy. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 8.

pp. 66–71. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43918188>. (In Russian). DOI: 10.17513/fr.42829

**Послесловие к статье от профессора А.А. Земцова,
члена редколлегии журнала
«Вестник Томского государственного университета. Экономика»**

Исходя из содержания статьи, логичнее назвать её «Представления студентов об угрозах их экономической безопасности». В частности, чтобы перейти к позитивному рассмотрению указанной проблемы, приведем краткий анализ аннотации и ключевых слов статьи. Прежде всего, может ли быть в принципе не субъективный взгляд? Кроме того, как синонимы рассматриваются термины: «студенты», «студенческая молодежь», «студенческая аудитория», «молодежная среда», «экономическая безопасность личности равна личной экономической безопасности», что априори некорректно. Также не тождественны по смыслу «экономическая» и «финансовая» безопасность. Смешивается экономическая безопасность студента и экономическая безопасность семьи студента. Так, принято экономические и финансовые проблемы совместного проживания относить к понятию «домашнее хозяйство», а социально-психологические – к понятию «семья». Соответственно, специфика роли студента не позволяет распространять выводы, полученные при анализе их представлений, на других субъектов – работников, пенсионеров, руководителей, собственников и т.п. Студент – это временный «центр затрат», российской спецификой которого является тот факт, что, как показали наши исследования студентов ТГУ и СибГМУ, основным спонсором/донором являются их родители посредством алиментарных платежей.

Отметим, что и термин «личность» – это сфера психологических наук, в которых этот термин обладает потрясающей многосмысленностью, неоднозначностью, что снижает результативность его применения. Для экономической науки более логичным будет применение термина «домохозяин» – индивид, обладающий некоторым имуществом, включающим жилище, информационными ресурсами, занимающийся саморуководством для повышения своего благосостояния.

Следует разделять экономическую науку и экономическую действительность. Чтобы использовать информацию из второй сферы в первой, необходимо соблюдать ряд условий, детально разработанных в социологии. Домоцентрированная экономика – это поведенческая экономическая теория, использующая достаточный объем экономических понятий, соотносимых с распространенными явлениями экономической действительности. Такая экономика основана на принципе самонастраиваемости, так как в основе ее находится модель домохозяйства, которая наполняется индивидуальными данными конкретного домохозяйства (студента). Модель домохозяйства имеет ряд структур, зависящих от его типа (первичное, простое, полное, полное плюс неполное) и уровня (три).

Окружающая экономика описывается структурно: а) формально-неформально; б) секторно; в) по принадлежности ресурсов. Основой экономики служит несколько классов организаций, доходно-расходных объектов: коммерческие; некоммерческие, бюджетные, государственного управления (административные), теневые, криминальные; домохозяйства (домашняя экономика).

Домохозяйство может получать различные доходы в различных классах организаций, что имеет различные последствия, для прояснения которых вся экономика колористически подразделяется на «белый», «серый» и «черный» сегменты. Чтобы выжить и тем более преуспеть в такой сложной среде, домохозяин применяет саморуководство, сторонами которого являются самопознание (себявѣдение) и управление (себявѣдение). Специфика, особенность саморуководства – применение косвенных методов. В свою очередь, индивид состоит из нескольких непересекающихся компонентов, что требует от субъекта специфических методов планирования и исполнения для учета их потребностей. В рамках исследований домоцентрированной экономики, частью которой является саморуководство, я проводил опросы студентов 1-го и 3-го курсов СибГМУ, опираясь на концепт «экономическая персона», включающий ключевые позиции: 1. Студент. 2. Дневной (очный). 3. Бюджетный (платный). 4. Тип домашнего хозяйства. 5. Тип основного дохода. 6. Тип жилища. 7. На платформе женской или мужской. Ключевая позиция – это «тип основного дохода», которая определяет остальные. На конец 2021 г. около 20% студентов 1-го курса имели доход (месячный) ниже прожиточного уровня, и для этих студентов большую роль играют социальные финансы (пособия). И соответственно, студенты по преимуществу живут в неденежной (временной) экономике, за счет родителей инвестируя первичные ресурсы, что особенно относится к студентам младших курсов.

Сведения об авторе:

Облаухова М.В. – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов, Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия). E-mail: oblauhova@ngs.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Oblauhova, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oblauhova@ngs.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2022;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 12.09.2022.*

*The article was submitted 14.03.2022;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 12.09.2022.*

**Памяти Дмитрия Анатольевича Катунина
(21 июля 1973 – 8 августа 2022)**

8 августа 2022 г. пришло тяжелое известие о том, что в 49 лет оборвалась жизнь нашего дорогого коллеги и друга Дмитрия Анатольевича Катунина.

Дмитрий Анатольевич был одаренным, оригинальным ученым. Его исследования, научные статьи касались интерпретации категории времени в русском языке, языкового законодательства в СССР, странах СНГ и Балканского полуострова и проводились на стыке языкознания, истории и права. Его доклады на научных конференциях всегда привлекали большое внимание коллег логичностью, яркостью, доказательностью. Он умел сложное представлять просто, понятно, с нотками иронии.

Принципиальный и требовательный редактор, Дмитрий Анатольевич Катунин выполнил труднейшую роль первопроходца, выступив в середине 2000-х годов инициатором создания целого пула отраслевых научных СМИ (25 журналов, из них 20 в настоящее время индексируются в международных базах), учредителем которых стал Томский государственный университет. Сегодня эта научная периодика является неотъемлемым элементом университетской экосистемы.

Для каждого из 25 главных редакторов журналов ТГУ Дмитрий Анатольевич всегда находил время, консультировал, советовал, поддерживал как друг и как профессионал. Он беззаветно служил делу, которое им самим было определено как главное в его жизни. Все журналы ТГУ создавались и росли под чутким и заинтересованным взглядом Дмитрия Анатольевича – по новым, самым прогрессивным стандартам издательского дела, на базе передовой цифровой платформы, выстроенной по образцу АНРИ.

Крупные достижения в создании и продвижении научных СМИ (ТГУ и не только) в международных наукометрических базах данных снискали Дмитрию Анатольевичу известность и уважение далеко за пределами ТГУ и города Томска. Равно как и его харизматичность, высокий интеллект и умение выстраивать и поддерживать отношения с коллегами.

Вся молодая энергия Дмитрия Анатольевича воплотилась в престиже и авторитете научных изданий Томска и России. А нас, его коллег и друзей, переполняет сегодня не только горькое чувство утраты, которое мы разделяем с его родными и близкими, но и благодарность Богу, судьбе за сопричастность к общему делу развития отечественной периодической научной печати, чему посвятил свою жизнь Дмитрий Анатольевич.

Друзья, коллеги из Томского государственного университета

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ЭКОНОМИКА**

Tomsk State University Journal of Economics

2022. № 59

Редактор Е.В. Лукина
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 12.09.2022 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печ. л. 24; усл. печ. л. 31,2. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5167.

Дата выхода в свет 8.11.2022 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
сайт: <http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru